ЦАРИ
МАГИСТРАТЫ
ИМПЕРАТОРЫ

Сборник статей
по истории государственно-правового устройства
и политической культуры древних обществ,

посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой

Ярославль
Филигрань
2022

УДК 94(3)(082) + 340(082)
ББК 63.3(0)323я4 + 67.3(0)323я4
Ц18

Издание выполнено
в рамках Программы развития ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Рецензенты:
Павел Николаевич Лебедев, к.и.н, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет
Владимир Михайлович Тюленев, д.и.н., профессор,
Ивановский государственный университет

Цари. Магистраты. Императоры : сборник статей по истории
Ц18 государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой / под ред. Е. С. Данилова, Р. М. Фролова, О. Г. Цымбал. – Ярославль : Филигрань, 2022. – 304 с. – ISBN 978-5-6048383-7-2

Сборник посвящен юбилею Веры Викторовны Дементьевой – доктора исторических наук, профессора, одного из ведущих отечественных специалистов по истории республиканского Рима. Статьи в издании расположены в тематико-хронологическом порядке. Они освещают проблемы изучения античной государственности, политической культуры, историографии и рецепции античного наследия.

Публикация осуществлена при финансовой поддержке программы «Приоритет – 2030».

На обложке: капитолийская волчица. Деталь напольной мозаики с гербом Рима. Галерея Виктора Эммануила II, Милан. 1865–1877 гг. URL: https://www.pinterest.se/milanodavedere.

На титульном листе: бронзовая фигура ликтора. Ок. 20 г. до н. э. Высота – 18.4 см. Британский музей. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:37.03a_roman_lictor.png.

УДК 94(3)(082) + 340(082)
ББК 63.3(0)323я4 + 67.3(0)323я4

ISBN 978-5-6048383-7-2

© коллектив авторов, 2022

Содержание

Предисловие 5

Tabula gratulatoria 6

Vestigiarius (qui et Slednikov) A. In natalem sexagesimum quintum Profestricis Doctricis Verae Victoris f. Dementjeva 9

Schmitt T. Wege nach Dioskourias 14

Суриков И. Е. Афинские магистраты и ирония Фукидида 45

Коптев А. В. Царь Порсенна и Рим: происхождение традиции 60

Бобровникова Т. А. Гибель Сципиона Эмилиана 82

Фролов Р. М. Senatus consultum ultimum 52 г. до н. э.: легитимация вмешательства промагистратов в сферу domi 94

Никишин В. О. Династические браки в римской политической практике со времен Республики до начала Империи 114

Парфенов В. Н. Один год императора Траяна 139

Sommer M. Gute Kaiser, schlechte Kaiser. Zum historischen Gedächtnis des römischen Prinzipats 154

Махлаюк А. В. О новых биографиях римских императоров 170

Данилов Е. С. Проблема безопасности в императорском Риме: взгляд Ч. Риччи 194

Миролюбов И. А. Гай Анний Ануллин – префект Рима на фоне кризиса 212

Сморчков А. М. Наука и сенсация: феномен Капитолийской волчицы 222

Бугаева Н. В. Древнейшая история Тосканы в “Historia Pistoriensis” Джанноццо Манетти 240

Кармазина О. В. Епископ Порфирий (Успенский) и его вклад в изучение античной литературы и истории 264

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. Книга IX. 3–4. Перевод с латинского и вступительная статья А. А. Павлова 278

Вера Викторовна Дементьева

Предисловие

Все, кто знаком с Верой Викторовной Дементьевой, могут не раздумывая назвать её главные качества – принципиальность и честность как в научных, так и в деловых вопросах, колоссальная работоспособность и умение спокойно и методично справляться с любыми трудностями. На становление Веры Викторовны как ученого повлияли многие её коллеги, среди которых следует особенно выделить учителей Веры Викторовны – Алексея Михайловича Пономарёва, под руководством которого была защищена кандидатская диссертация В. В. Дементьевой, и Ию Леонидовну Маяк, которая поддержала решение Веры Викторовны заняться изучением античной истории и сыграла важнейшую роль в подготовке её докторской диссертации. Однако без целеустремленности и упорства самой Веры Викторовны мы бы не знали её как антиковеда, романиста, талантливого лектора, наставницу нескольких поколений исследователей, организатора научных конференций. Вера Викторовна посвятила изучению античного Рима по меньшей мере три десятка лет. За это время было написано более двухсот научных работ, посвященных истории Римской Республики, римскому публичному праву, политической культуре, историографии античной истории.

Подготовленное издание является данью уважения к таланту Веры Викторовны и ее личному вкладу в развитие российской школы изучения древних обществ. В создании сборника приняли участие ученики и коллеги Веры Викторовны – 16 антиковедов из 3 стран и 9 городов. Имена тех исследователей, которые по различным причинам не смогли представить свои статьи в данный сборник, но пожелали присоединиться к поздравлениям юбиляра, мы посчитали возможным привести в Tabula gratulatoria. Festschrift открывается статьей на латинском языке, которая описывает основные вехи жизни и научной деятельности Веры Викторовны. Тематика других исследований, представленных в сборнике, весьма широка, что обусловлено научными интересами юбиляра. Это история Древнего мира во всём его многообразии: загадочное Причерноморье, блистательные Афины и, конечно же, Вечный город.

Редакторы сборника выражают благодарность всем тем, кто помогал в подготовке данного издания.

Е. С. Данилов, Р. М. Фролов, О. Г. Цымбал
Ярославль, июль 2022

TABULA GRATULATORIA

Михаил Григорьевич **Абрамзон**, Магнитогорск
Арчил Савелич **Балахванцев**, Москва
Антон Ералыевич **Барышников**, Калуга
Алексей Николаевич **Белан**, Старый Оскол
Александр Павлович Беликов, Ставрополь
Татьяна Андреевна **Бобровникова**, Москва
Денис Васильевич **Бубнов**, Пермь
Наталья Владимировна **Бугаева**, Москва
Михаил Александрович **Ведешкин**, Москва
Юлия Сергеевна **Веселова**, Москва
Ольга Александровна **Власова**, Ярославль
Кристина Владимировна **Волкова**, Ярославль
Иван Юрьевич **Воробьев**, Ярославль
Татьяна Витальевна **Воробьева**, Ярославль
Олег Леонидович **Габелко**, Москва
Тимофей Викторович **Григорюк**, Ярославль
Инна Андреевна **Гвоздева**, Москва
Владимир Александрович **Гончаров**, Воронеж
Валерий Рафаилович **Гущин**, Пермь
Евгений Сергеевич **Данилов**, Ярославль
Ксения Сергеевна **Данилочкина**, Москва
Надежда Сергеевна **Дзюба**, Ярославль
Владимир Алексеевич **Дмитриев**, Псков
Ирада Мехтиевна **Дудина**, Ярославль
Елизавета Владимировна **Дягилева**, Москва
Анна Николаевна **Жаровская**, Ярославль
Андрей Викторович **Зайков**, Севастополь
Михаэль **Зоммер**, Ольденбург
Аскольд Игоревич **Иванчик**, Москва
Михаил Михайлович **Казаков**, Смоленск
Саркис Суренович **Казаров**, Ростов-на-Дону
Павел Сергеевич **Карамышев**, Ярославль
Вера Александровна **Каретникова**, Ростов Великий
Ольга Викторовна **Кармазина**, Воронеж
Сергей Георгиевич **Карпюк**, Москва

Владимир Иванович **Кащеев**, Саратов
Владимир Александрович **Квашнин**, Вологда
Мария Николаевна **Кириллова**, Москва
Наталья Дмитриевна **Клёнышева**, Липецк
Олег Юрьевич **Климов**, Санкт-Петербург
Алексей Владимирович **Козленко**, Минск
Александр Викторович **Коптев**, Хельсинки
Владислав Сергеевич **Кореняк**, Ярославль
Леонид Львович **Кофанов**, Москва
Александр Сергеевич **Краснов**, Ярославль
Татьяна Викторовна **Крылова**, Ярославль
Наталья Владимировна **Кузина**, Нижний Новгород
Юрий Николаевич **Кузьмин**, Самара
Юлия Викторовна **Куликова**, Москва
Павел Николаевич **Лебедев**, Москва
Иван Андреевич **Ладынин**, Москва
Марина Юрьевна **Лаптева**, Тобольск
Александр Владимирович **Логинов**, Москва
Леонид Сергеевич **Лупандин**, Ярославль
Ольга Владимировна **Любимова**, Москва
Елена Валериевна **Ляпустина**, Москва
Мария Арсеновна **Манасян**, Ярославль
Андрей Юрьевич **Маркелов**, Самара
Александр Валентинович **Махлаюк**, Нижний Ногород
Яков Юрьевич **Межерицкий**, Кёльн
Иван Андреевич **Миролюбов**, Москва
Николай Владимирович **Мишуров**, Ярославль
Герман Пантелеймонович **Мягков**, Казань
Тимофей Геннадьевич **Мякин**, Новосибирск
Андрей Евгеньевич **Негин**, Нижний Новгород
Александр Константинович **Нефёдкин**, Санкт-Петербург
Владимир Олегович **Никишин**, Москва
Иван Вячеславович **Павленко**, Ярославль
Андрей Альбертович **Павлов**, Сыктывкар
Елена Владимировна **Палатникова**, Ярославль
Алексей Дмитриевич **Пантелеев**, Санкт-Петербург
Виктор Николаевич **Парфенов**, Саратов

Ринчин Владимирович **Петухов**, Санкт-Петербург
Александр Васильевич **Подосинов**, Москва
Елена Владимировна **Приходько**, Москва
Евгений Дмитриевич **Ригин**, Ярославль
Евгения Владимировна **Рогович**, Ярославль
Эдуард Валерьевич **Рунг**, Казань
Ирина Сергеевна **Савина**, Москва
Александр Александрович **Синицын**, Санкт-Петербург
Алексей Георгиевич **Следников**, Ярославль
Святослав Викторович **Смирнов**, Москва
Андрей Михайлович **Сморчков**, Москва
Елена Ивановна **Соломатина**, Москва
Алексей Иванович **Солопов**, Москва
Игорь Евгеньевич **Суриков**, Москва
Сабина Эльмар-кызы **Таривердиева**, Москва
Евгений Григорьевич **Тейтельбаум**, Казань
Антон Евгеньевич **Телин**, Ярославль
Денис Николаевич **Ткаченко**, Ярославль
Владимир Михайлович **Тюленев**, Иваново
Дмитрий Андреевич **Усов**, Москва
Григорий Викторович **Усков**, Ярославль
Оксана Владимировна **Федченко**, Балашиха
Никита Александрович **Филимонов**, Владимир
Денис Леонидович **Фролов**, Владимир
Роман Михайлович **Фролов**, Ярославль
Вячеслав Константинович **Хрусталёв**, Санкт-Петербург
Людмила Михайловна **Шмелёва**, Казань
Тассило **Шмитт**, Бремен
Дмитрий Алексеевич **Щеглов**, Санкт-Петербург
Юлий Беркович **Циркин**, Великий Новгород
Михаил Михайлович **Чореф**, Нижний Новгород
Оксана Григорьевна **Цымбал**, Ярославль
Ольга Станиславовна **Энзельдт**, Ярославль
Валерий Петрович **Яйленко**, Москва

УДК 929

In natalem sexagesimum quintum Profestricis Doctricis Verae Victoris f. Dementjeva

A. Vestigiarius (qui et Slednikov)

Аннотация. Латиноязычная публикация представляет собой изложение основных вех жизни и научной деятельности Веры Викторовны Дементьевой, дополненное рядом воспоминаний о ней одного из учеников – автора статьи.

Ключевые слова: В. В. Дементьева, научный руководитель, антиковедение, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

To the 65th Anniversary of Prof. Dr. Vera Viktorovna Dementieva

Alexey G. Slednikov

Abstract. The Latin-language paper deals with the main stages of the life and scientific activity of Vera Viktorovna Dementieva, supplemented by some memoirs about her by the author of the article, her former alumnus.

Keywords: V. V. Dementieva, research supervisor, classical studies, P. G. Demidov Yaroslavl State University.

Horno quintum et sexagesimum aetatis annum explet Doctrix Vera[1] (sive Fides[2]) Dementjeva eademque apud cathedram historiae omnium gentium profestrix studiorum Universitatis Iaroslaviensis Demidovianae.

Nata autem Iaroslaviae die 29 mensis Septembris anno 1957[3]. Historiae studiis apud Universitatem Demidovianam anno 1979 absolutis cum ab anno 1984 in Athenaeo paedagogico Uscinskiano historiam antiquam docuisset, in Universitatem Demidovianam anno 1986 migravit. At priore 1985° in Athenaeo paedagogico Moscoviensi Leniniano dissertatione inaugurali de Russiae antereformatae fontibus doctricis gradum adepta

[1] Vide *CIL* IV, 1574.

[2] Secundum Hrotsvithae Gandeshemensis Passionem SS. virginum Fidei, Spei et Caritatis.

[3] Cum ipsius vitam describerem, hac praecipue collegarum commentatione usus sum [Данилов, Фролов 2017: 1033–1034].

© Следников А. Г., 2022

erat. Porro autem tota ad antiquitatem Romanam conversa anno 2001 apud Lomonosovianorum cathedram historiae antiquae perfecit feliciterque defendit opus habilitativum de veteris rei publicae Romanae imperio extraordinario eiusque institutis (saec. V–III a. Chr. n.). Dissertationem hanc paravit sub Prof.rice D.rice Iade Lanterna (vulgo Majak) Moscoviensi Lomonosoviana (1922–2018), quam historicam praeclaram nimis veneraretur cuique multa deberet.

Alter post alterum nati liberi duo: anno 1983 Demetrius filius, anno 1989 Lilium filia. Ne silentio praetermittatur Sergius maritus sociusque academicus apud mathematicos Demidovianos professor.

Multos per annos in principibus scholae historicorum Demidovianae magistris iure meritoque numeratur initiis historiae antiquae et lingua Palaeograeca et iure Romano traditis, seminariis de historia antiqua institutis, plus quam decem alumnis in doctores promotis. Anno 2006 Stationem antiquitatis Graecae et Romanae quam adhuc gubernat apud studiorum Universitatem Demidovianam condidit.

Praesertim autem matrona docta incumbere solet in rei publicae Romanae quaestiones politicas, ius publicum, item in veterum Graecorum Romanorumque historiographiam atque in historiae cognoscendae res theoreticas plus quam ducentis operibus opusculisque scriptis. Eadem decursu annorum quam Russorum tam omnium gentium conventibus assidue intererat, extra Russiam Gottingae et Halae Saxonum et Hammoniae et Bremae studiorum causa commorabatur, at intra apud Universitatem Moscoviensem Lomonosovianam necnon Omnium Gentium Historiae Institutum Academicum versabatur. In Germania autem firmiorem certioremque iunxisse amicitiam videtur cum Prof.re D.re Ioachimo Bleicken (1926–2005) Gottingensi studiorum patrono et cum Prof.re D.re Tassilone Schmitt Bremensi, qui Iaroslaviae historicorum conventus[4] non semel participaverit, acroases coram studiosis Demidovianis habuerit et apud se Bremae Prof.ricis D.ricis Dementjeva quam doctorandos tam magistrandos favente societate DAAD hospitalissime exceperit[5].

---

[4] Quibus habitis in Germanorum aedibus „Ruprecht“ vulgata sunt collectanea haec [Dement'eva, Schmitt 2010].

[5] Cuius hospitalitate ac consiliis nostrum, ni fallor, postremus usus est Doctor habilitandus Romanus Frolov societate Humboldtiana favente supra duos annos Bremae et Bilefeldiae commoratus.

Synodi autem virorum doctorum ab ea institutae semper celeberrimae erant praeclaris Russorum historicis, nec defuerunt ex Europa oriundi. Commemorandae sunt quattuor: de civitate antiqua exploranda ac docenda (2006), de populo eiusque potestate antiquis temporibus (2007), de urbe antiqua et mediaevali in connexu paneuropaeo (2009), de homine et communi antiquis temporibus (2018). Eadem in libellis conficiendis numeratur collegiis commentariorum periodicorum q.t. "Ius antiquum" et "Antiquitas aeterna" ac collectaneorum quae inscribuntur "E populorum antiquorum historia", Musei iuris Romani sedem accessoriam (vel, si placet, stationem) Iaroslaviensem obtinet, Lobaczeviano dissertationibus defendendis concilio interest.

Ceterum academica Prof.ricis D.ricis Dementjeva vita exposita iam liceat mea quaedam eaque privata, eo magis quod talia similiaque exspectantur ac desiderantur, adicere memoriaque repetere. Consuetudinem nostram anno 2007, cum apud historicos Demidovianos linguam Theodiscam docerem ac praedictus de populo eiusque potestate conventus pararetur, iunximus. Ad quod tempus laudabilia de ea audiveram ex Prof.re D.re Alexandro Suppopulino (sive Podossinov) Moscoviensi ipseque aliquamdiu animadvertebam veram eadem duce scholam historiae antiquae magis magisque progredi multiplicatis alumnis. Quibus satis invidebam, etsi enim epistulari commercio cum D.rice Sigride Albert Germana Saravipontana et cum Prof.re D.re Alexandro Suppopulino iam fruebar (quos pariter habeo meos linguae Latinae magistros) atque in studia Latina privatim incumbebam, tamen intellegebam frustra adhuc dari operam: *eram sicut ovis non habens pastorem* (cf. Mc. VI.34). At fortasse et illa errationem tam diuturnam animadverterat, itaque anno 2012 proposuit, ut in historiam antiquam migrans utramque magistrandus et doctorandus dissertationem pararem.

Sic inceperunt magistralia antiquitatis studia laborum plena, mehercle perdifficiles erant disciplinae historicae, nequaquam facilior lingua Palaeograeca. Ceterum illo quoque hiemali semestri primo cum Iaroslaviae insudarem historiae antiquae, Latinitas viva interdum memoriam sui inopinanter afferrebat. Cum enim Prof.ricis D.ricis Dementjeva symbolam quandam olim legerem [Дементьева 2011], mentioni Saravipontanorum mihi carorum miratus occurri, immo vero ipsius Sigridis eiusque dissertationis et libri de bello iusto! [Albert 1980][6].

[6] Ex Saravipontanis autem praeter Sigridem historicus Prof. Dr Nicolaus Martinus Girardet ad testimonium citatur.

Proximo autem semestri in Germaniam primum magistrandus perveni, quae commoratio Bremensis donata societatis DAAD auspiciis ac Vera Dementjeva Tassilone Schmitt cooperantibus, quibus, cum hanc a puero terram visu desideratam, hoc utriusque linguae propugnaculum mihi patefecerint, semper gratissimo animo ero. Ibidem Bremae maiorem dissertationis partem scripsi sat ampla fontium librorumque copia comparata. Quam commorationem academicam secuta duobus annis post altera eademque Saravipontana, cui de viva Latinitate dissertatio inauguralis fuit summae.

Utcumque se ea res habuit, tantis studiorum progressibus patet summa efficacitas, quam Prof.rix D.rix Dementjeva exerceat in ducendis ad gradum doctoris alumnis, immo equidem eam perfectissimam, ut apud Germanos, "matrem doctoralem" habeo, quin etiam omnium optimam. Olim severitatem sibi duci ascripsit, id quod numquam magistrandus doctorandusve expertus eram, at constanter prae oculis sempiterna humanis in rebus probitas, summa in academicis sapientia. Interim me ne meam cum collegis consuetudinem quibusdam scriptis aliquatenus rixosis provocatoriisque corrumperem monebat[7], interdum nonnullos suspectos libros in Russicum vertendos mihi dissuadebat[8]. Tribus autem annis ante ex Societate Humboldtiana stipendium petivi, idque non solum habilitationis causa, sed eo quoque proposito, ut reservata foris pecunia diaetam post reditum mihi emerem. Recusata eheu petitione demisso animo cum Prof. ricem D.ricem Dementjeva inviserem, consilia mihi dedit non modo consolatoria, verum etiam caelesti quodam, ut credo, mentis instinctu prolata. Nam mehercle omnia tunc eius dicta nunc bene atque feliciter eventa, ita *tristitia versa in gaudium* (cf. Io. XVI.20).

Ceterum non tantum privata alumnorum prosperitas, sed etiam antiquorum studiorum fortuna in Universitate Iaroslaviensi est ei curae, at dubia nunc ubicumque condicio academica, vixdum haec nostra aetas antiquis temporibus favet. Attamen cum Dr Romanus Frolov historicorum

---

[7] Cf. monitionem ab Ioanne Augusto Nauck Thaddeo Stephano Zieliński datam: „A collegis academicis non ex eo quod scribimur, sed ex eo quod scribimus existimamur" [Зелинский 2012: 116–117].

[8] Similiter ac Villelmus Levick praeclarus ille interpres Sovieticus docuisse traditur haec: „Opera ad interpretandum electa saporem indolemque interpretis reddunt" [Бородицкая 2007].

decanus electus sit, meliora omnes sperare audemus. Quid multa? Valeat ipsa annos innumeros, floreant cari sodales, progrediantur quam intus tam foris antiquitatis studia!

Quod felix, faustum fortunatumque eveniat.

Opera citata

1. Бородицкая М. Я. Картинки из «зеленой гостиной» // Иностранная литература. 2007. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/inostran/2007/1/kartinki-iz-zelenoj-gostinoj.html (дата обращения: 17.03.2022).

2. Данилов Е. С., Фролов Р. М. К юбилею Веры Викторовны Дементьевой // ВДИ. 2017. № 77/4. С. 1033–1034.

3. Дементьева В. В. Современная «справедливая война»: взгляд историков через призму римского понятия bellum iustum // Проблемы античного мира и современность: Межвузовский научный сборник. Вып. 2. Алматы: ИП Е. В. Волкова. 2011. С. 249–260.

4. Зелинский Ф. Ф. Автобиография / пер. с нем. А. И. Рубана // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. 4. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин. 2012. С. 116–117.

5. Albert S. Bellum iustum. Die Theorie des „gerechten Krieges“ und ihre praktische Bedeutung für die auswärtigen Auseinandersetzungen Roms in republikanischer Zeit (Frankfurter Althistorische Studien. Ht. 10). Kallmünz: Lassleben, 1980.

6. Volk und Demokratie im Altertum / hrsg. von V. V. Dement’eva, T. Schmitt; unter Mitarbeit von M. Böhme, C. Horst. Göttingen: Ruprecht, 2010.

Информация об авторе

Следников Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, ведущий архивист, филиал Государственного архива Ярославской области – Центр документации новейшей истории, Ярославль, Россия; slednicovusger@inbox.ru

Information about the author

Alexey G. Slednikov – Ph.D. in History, lead archivist, Branch of the State Archive of Yaroslavl Region – Center for Documentation of Contemporary History, Yaroslavl, Russia; slednicovusger@inbox.ru

УДК 94(395.3)

Wege nach Dioskourias*

Tassilo Schmitt

Zusammenfassung. In mehreren Arbeiten hat jüngst Altay Coşkun für viele Siedlungen an der Ostküste des Schwarzen Meeres neue Lokalisierungen vorgeschlagen. Die kritische Prüfung seiner Überlegungen zu Dioskourias/Sebastopolis/C'xumi führt nicht nur zum Ergebnis, dass man daran festhalten kann, dass diese Orte bei der heutigen Stadt Suchum gelegen haben. Die Kritik eröffnet zugleich neue Perspektiven für das Verständnis der Entwicklung dieses Raumes.

Schlüsselwörter: Dioskourias/Sebastopolis, C'xumi, Plinius Maior, Strabon, Eratosthenes, Arrian, Geographie, Schwarzmeerküste.

On the way to Dioskourias

Tassilo Schmitt

Abstract. In several recent studies, Altay Coşkun has proposed new localizations for a number of settlements on the east coast of the Black Sea. The critical examination of his reflections on Dioskourias/Sebastopolis/C'xumi suggests that one can retain the conclusion that these settlements were located in the vicinity of the modern city of Sukhum. At the same time, the analysis of Altay Coşkun's findings opens up new perspectives for understanding the importance of this city.

Keywords: Dioskourias/Sebastopolis, C'xumi, Plinius Maior, Strabo, Eratosthenes, Arrian, Geography, Black Sea coast.

---

* Mit Vera V. Dement'eva verbinden mich inzwischen fast zwei Jahrzehnte intensiver und erfolgreicher Zusammenarbeit. Ich bewundere ihre Professionalität, Energie und Umsicht, mit der sie ein Zentrum für Altertumswissenschaft an der Staatlichen Demidov-Universität Jaroslawl aufbaut. Ein Ziel war es immer, die russische Forschung in unserer sehr international geprägten Wissenschaft fest zu verankern. Es mag deswegen angemessen sein, wenn ich Vera V. Dement'eva in Dankbarkeit für die lange Kooperation Überlegungen widme, die einer stark vernetzten Region gelten und in denen ich mich vor allem mit Thesen auseinandersetze, die ein in Kanada arbeitender Kollege jüngst in einer russischen Zeitschrift vorgetragen hat. Damit verbinde ich die Hoffnung auf weiteren intensiven Austausch – im Dienst der Sache und in Freundschaft.

© Tassilo Schmitt, 2022

На пути в Диоскурию

Т. Шмитт

Аннотация. В серии недавних работ Алтай Джошкун предложил новую локализацию для ряда поселений на восточном побережье Черного моря. Критическое рассмотрение его размышлений о Диоскурии / Себастополе / Сухуме (Сухуми) приводит к заключению, что может быть поддержана общепринятая точка зрения о том, что указанные поселения располагались в окрестностях современного города Сухума. В то же время критика тезисов Алтая Джошкуна открывает новые возможности для понимания важности этого города.

Ключевые слова: Диоскурия/Себастополь, Сухум(и), Плиний Старший, Страбон, Эратосфен, Арриан, география, побережье Черного моря.

0. Das Problem

Auf der Flucht vor Pompeius war Mithridates VI. im Winter 66/65 v. Chr. zu einem längeren Aufenthalt in Dioskourias gezwungen (App. *Mithr.* 101). Wegen der Witterung und der schwierigen Wegverhältnisse sowohl zur See als auch über Land musste er in dieser Stadt an der Ostküste des Schwarzen Meeres bis zum Frühjahr warten, bevor er endlich wieder den Weg zu seinem Ziel am Kimmerischen Bosporos, der Meerenge von Kerč, aufnehmen konnte. Mit diesen Ereignissen ist der letzte sicher datierbare Anhaltspunkt für die Existenz von Dioskourias verbunden. Zwar schildert Strabon das Leben dort als das eines blühenden Handelszentrums (Strab. 11.2.16 p. 498). Allerdings bleibt unklar, ob er dabei wirklich aktuelle Verhältnisse vor Augen hatte. Eine gute Generation später bezeichnet Plinius Dioskourias als eine inzwischen verlassene Stadt (Plin. *Nat. hist.* 6.5.15; zum Text siehe unten).

Arrian stellt fest, dass Sebastopolis an die Stelle des früheren Dioskourias getreten sei (Arr. *Peripl.* p. *Eux.* 10.4). Auch Plinius hatte ein Sebastopolis in dieser Gegend erwähnt, allerdings nicht explizit vermerkt, dass diese römische Neugründung am Ort des früheren Dioskourias liege (Plin. *Nat. hist.* 6.5.14). Während die Forschung bisher selbstverständlich angenommen hat, dass die seit dem 2. Jh. bezeugte Identität in der Lokalisierung auch für Plinius gelte, hat jüngst Altay Coşkun diesem Konsens energisch widersprochen, betont, dass Plinius Dioskourias und Sebastopolis voneinander trenne, die in jüngeren Quellen verzeichnete Identifikation zum Irrtum erklärt und diesen Befund in weit ausgreifende

Analysen der Geographie im östlichen Pontosgebiet eingebettet. Dabei schlägt er zahlreiche neue Lokalisierungen vor [Coşkun 2020].

Die folgenden Überlegungen konzentrieren sich auf Erwägungen zu Dioskourias. Es soll gezeigt werden, dass sich die traditionelle Ansicht gut begründen lässt, wonach Dioskourias und Sebastopolis beide im Gebiet der heutigen Stadt Suchum[1] gelegen haben. Dabei stehen methodische Erwägungen und weiterführende Aspekte im Vordergrund.

1. Ortsnamen

Erstmals bei Ps.-Skylax[2], dann in Quellen der hellenistischen Zeit und in davon abhängigen Erwähnungen ist die Stadt Dioskourias bezeugt[3]. Der Ortsname ist formal von der Bezeichnung der Zwillinge Kastor und Pollux als Dioskuren abgeleitet und wurde, wie Münzbilder aus Dioskourias mit Abbildungen der Dioskurenmützen bezeugen[4], auch so verstanden.

Der seit Plinius belegte Ortsname Sebastopolis ist weder von diesem noch von späteren Autoren kommentiert worden. Methodisch ist es deswegen angemessen, ihn in Analogie zu anderen gleichen oder ähnlichen Beispielen in Anlehnung an die griechische Form des Kaisernamens *Imperator Caesar Augustus* = Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Σεβαστός zu interpretieren. Für die gelegentlich vertretene direkte Ableitung vom Adjektiv σεβαστός und für das darauf beruhende Verständnis von Sebastopolis als „erhabene Stadt" würde jede Parallele fehlen. Die Neu- oder Wiedergründung von Sebastopolis ist demnach in die frühe Kaiserzeit wohl unter Augustus zu datieren. Der Name allein ist kein hinreichender

---

[1] Moderne Stadt- und Flussnamen werden in der Literatur in ihren abchasischen, georgischen oder russischen Varianten angegeben. In einer Festschrift für eine Kollegin aus Russland verwende ich eine Transkription auf Basis der russischen Version, hier also Suchum (russ. Сухум) auch für abchasisch Аҟәа und georgisch Soxumi (სოხუმი).

[2] Ps.-Skyl. 81; Shipley 2011: 39 hat in seiner Ausgabe Διοσκουρίας. Das könnte eine Verschreibung des korrekten, dann auch in der Handschrift belegten Διοσκουριάς oder auch von Διοσκουρίς sein, wie man früher gelesen hat.

[3] Vgl. Voronov 1980 = Voronov 2014: 169–272; Ehrhardt 1988: 84–85; Gabelia 2003; Avram, Hind, Tsetskhladze 2004: 952–953; Tsetskhladze 2017: 479–485.

[4] Vgl. Catalogue of Georgian Numismatics 2013: 135–137 (georgisch), 254–256 (englisch).

Beweis dafür, dass entweder die Römer daran direkt beteiligt waren oder dass deswegen die Stadt zumindest damals ihrer direkten Herrschaft unterstand. Sicher ist es hingegen, dass man mit Sebastopolis an den römischen Kaiser erinnern und ihn damit ehren wollte; das können auch Einheimische getan haben[5]. Arrian bezeugt dann die Anwesenheit von römischem Militär (Arr. *Peripl. p. Eux.* 10.3).

Den Namen Sebastopolis hat die Stadt noch lange getragen. Das geht aus der Tradition hervor, wonach der Apostel Andreas zusammen mit Simon Zelotes im Ostpontos-Raum missioniert habe[6]. Diese Vorstellung ist im 9. Jahrhundert unter byzantinischem Einfluss aufgekommen[7]. Eines seiner angeblichen Missionszentren heißt damals noch (Groß-) Sebastopolis[8].

Später hat man die Nachricht über Andreas aktualisiert. So ist im „Leben der Könige der K'art'velen" (ცხოვრება ქართველთა მეფეთა/C'xovreba k'art'velt'a mep'et'a)[9] folgende Notiz über Andreas und Simon überliefert: შევიდეს ქუეყანასა აფხაზეთისასა და სევასტე ქალაქად მივიდეს, რომელსა აწ ეწოდება ცხუმი[10]. Als Autor des „Lebens der Könige der K'art'velen" wird Leonti Mroveli genannt, der unterschiedlich ins 8. oder 11. Jahrhundert datiert wird. Allerdings gehören die zitierten Details nicht zu der Version, die die älteste Handschrift, der *Codex Matenadaran 1902*

---

[5] Als Parallele wäre darauf zu verweisen, dass im Bosporanischen Reich Pantikapaion und Phanagoreia in *Καισαρεῖα/Caesarea* und *Ἀγριππεῖα/Agrippea* umbenannt worden waren; vgl. Heinen 2011. Es ist möglich, dass sich der Name Kerč von Καισαρεῖα ableitet; vgl. Podosinov 1997.

[6] Vgl. Licheli 1998.

[7] Zum Zeugnis im *Index apostolorum discipulorumque domini Epiphanio attributus* p. 108f Schermann vgl. Dvornik 1958: 210: „It is difficult to ascertain when this tradition began, but it became fully developed only in the ninth century, when it was reported by the monk Epiphanius".

[8] *Martyrium Sancti Apostoli Andreae* 4 p. 356 Bonnet.

[9] Die Titel der im Folgenden genannten Werke sind in modernem Georgisch angeführt. Sie sind alle als Teile von ქართლის ცხოვრება („Leben K'art'lis" = K'C') überliefert. Vgl. Rapp Jr. 2014: 172–174. K'art'li ist die Eigenbezeichnung des Landes, das in antiken Quellen als das (kaukasische) Iberien, in der Moderne als Georgien erscheint; dazu gehört das Ethnonym K'art'velen.

[10] K'C' 42: „Sie betraten das Land Abchasien und gingen in die Stadt Sevaste, die jetzt C'xumi heißt."

mit einer armenischen Übersetzung aus den Jahren 1274–1311[11], bietet, sondern zu den vom Herausgeber Simon Qauxč'išvili in der kritischen Edition als spätere Interpolationen (ჩანართი) identifizierten Teilen. Der älteste Beleg für diese Version findet sich im *Codex Matenadaran 3070*, der 1669–1674 entstanden ist [Thomson 1996: XIII]. Irgendwann zwischen dem 8. und dem 17. Jahrhundert ist also die Identifikation von Sevaste=Sebastopolis mit C'xumi=Suchum vorgenommen und dann in den Text des „Lebens der Könige der K'art'velen" eingefügt worden.

Gegen die Vermutung, diese Gleichsetzung sei erst spät und womöglich vor dem Hintergrund von neuerlichen Kontakten mit der westlichen Welt erfolgt, spricht die Formulierung in der Interpolation, dass Sevaste აწ („jetzt", „von jetzt an") C'xumi heiße. Sie muss aus einer Zeit stammen, als nach einer möglichen Phase, in der beide Stadtnamen benutzt waren, die griechische Form Sebastopolis weithin vergessen war. Denn erst eine solche Entwicklung hat die Erklärung, es handele sich um das „jetzige" C'xumi, nötig gemacht.

Der Name C'xumi wird erstmals für 736 im ცხოვრეა ვახტანგ გორგასლისა („Leben Vaxtang Gorgasalis") erwähnt[12], das Juanšer in der Zeit um die Wende vom 8. zum 9. Jahrhundert verfasst hat. Unter der damals neu begründeten Königsherrschaft der Bagratiden hat sich „C'xumi" wohl rasch gegen das fremde „Sebastopolis" durchgesetzt. Dann war auch die Erläuterung, dass es sich beim überlieferten Sevaste um das aktuelle C'xumi handle, bald zu erwarten. Spätestens seit 1280 hat Genua dort einen Stützpunkt angelegt [Vgl. Khvalkov 2018: 115–116]. In diesem Zusammenhang amtierte auch ein Bischof der Westkirche. Im Jahre 1330 schreibt er als *episcopus Sapastupolitanus inferioris Georgianae* an den englischen Klerus [Abgedruckt bei Kunstmann 1855: 121]. Der Name seines Dienstsitzes knüpft an die antike Bezeichnung *Sebastopolis* an. Seither dürften die einheimische und diese Fremdbezeichnung neuerlich nebeneinander bestanden haben, so dass das Nebeneinander zweier Namensformen nicht mehr erklärungsbedürftig gewesen ist. Damit ist die

[11] Zur Grundlage der Ausgabe von Qauxč'išvili 1955 vgl. Thomson 1996: XIII.

[12] ცხოვრეა ვახტანგ გორგასლისა / „Leben Vaxtang Gorgasalis" 235: <sc. Marwān II> შემუსრა ქალაქი აფშილეთისა ცხუმი („zerstörte die Stadt C'xumi in Ap'šilet'i"); vgl. Thomson 1996: 242: <sc. Marwān II> „destroyed the city C'xumi of Ap'šilet'i".

erweiterte Andreas-Tradition mit der hier in Rede stehenden erklärenden Notiz in die Zeit zwischen dem Aufkommen des für 736 erstmals belegten Namens C'xumi und der Wiederbelebung der Doppelnamigkeit im 13. Jahrhundert datiert. Wenn sie im *Codex Matenadaran 1902* aus dem 13. Jhdt. noch fehlt, kann die Erweiterung gleichwohl also in etwa derselben Zeit vorgenommen und dann zusammen mit der Erläuterung des Stadtnamens als tralatizischem Gut weiter tradiert worden sein. In der erhaltenen handschriftlichen Überlieferung schlägt sich das aber erst im 17. Jhdt. nieder. Diese auf den ersten Blick nicht sehr plausible Schlussfolgerung bleibt annehmbar, wenn man beachtet, dass der *Codex Matenadaran 1902* nicht nur der älteste, sondern auch der einzige erhaltene mittelalterliche Textzeuge ist. Andere heute verlorene, auf denen die jüngere Überlieferungstradition aufbaut, müssen zwingend vorausgesetzt werden.

Als Zwischenergebnis bleibt festzuhalten, dass spätestens ab dem 8. Jahrhundert neben der griechischen Form des Stadtnamens Sebastopolis die Form C'xumi aufkam, die dann nach der Jahrtausendwende die ältere zunächst mehr und mehr verdrängt hat.

Wichtiger als diese ungefähre Datierung der Umbenennung ist die deutliche Aussage des interpolierten Textes, dass Andreas' Missionsstation erst „neuerdings", ახ, C'xumi heißt. Damit widerspricht ein einheimisches Zeugnis explizit der Ansicht, dass es sich bei Suchum um einen schon immer verwendeten älteren Namen der Stadt handle, der womöglich sogar der ursprüngliche sei. Diese These hatte mit sprachwissenschaftlichen Überlegungen Iosif A. Orbeli begründet [Orbeli 1911: 202–208]. Er bringt diesen Stadtnamen mit einer Wortwurzel zusammen, die auch dem modernen georgischen Wort ტყუპი/tqupi zugrunde liege und „Zwilling" bedeute. Damit spiegele der Name dieselbe Vorstellung wider, die sich dann auch in Dioskourias finde, denn die Dioskuren Kastor und Pollux seien Zwillinge gewesen. Aber Orbelis Argumentation scheitert nicht nur an der klaren Aussage aus der Andreas-Tradition. Auch in der Sache kann sie selbst dann nicht überzeugen, wenn man sich über Einwände hinwegsetzt, ob der Ortsname überhaupt mit einer Wortwurzel für „Zwilling" richtig gedeutet ist[13]. Denn auch unter der Voraussetzung,

[13] Als Wortwurzel wurde u.a. auch das svanische Wort ცხვიმრა/ცხვიმ (c'xwimra/c'xwim) für „Hainbuche" vorgeschlagen.

dass Orbelis Etymologie richtig wäre, ist doch nicht zu übersehen, dass Kastor und Pollux zwar Zwillinge sind, als „Dioskuren“ aber gerade nicht „Zwillinge“, sondern „Zeus-Jungen“ heißen. Sogar wenn man zugesteht, dass die Dioskuren als Zwillinge bekannt waren und nicht so genannt werden mussten, bleibt die Assoziation schwach. Denn angeblich soll Dioskourias von Milet aus gegründet worden sein. Zu Milet gehört der Tempel von Didyma, der jedenfalls in der Vorstellung der Griechen seinen Namen nach den „Zwillingen“ (δίδυμοι) Apollon und Artemis trug. Man würde einen Kommentar erwarten, warum die Neugründung nicht nach dem naheliegenden einheimischen Vorbild ebenfalls Didyma hieß[14]. Insgesamt gibt es also keinen Grund, daran zu zweifeln, dass C’xumi ein *jüngerer* Name für die Stadt ist, die zuvor Sebastopolis hieß[15].

Nur bei Stephan von Byzanz ist überliefert, dass Nikanor der Ansicht gewesen sei, dass es sich bei Dioskourias um Aia handle[16]. Aia ist die kolchische Königsstadt, von der Jason das Goldene Vlies geholt hat. Coşkun verbindet diese Notiz mit weiteren mythischen Toponymen und Ethnonymen der Gegend und erklärt „such a spread of Argonautic landscape elements“ damit, dass „Dioskourias took pride of place in this creative mytho-geographical development, as soon as Milesian settlers claimed to have discovered Aia on the eastern coast of the Black Sea in the second half of the sixth century BC“ [Coşkun 2020: 370]. Wenn die Identifikation von Dioskourias mit Aia überhaupt mehr ist als einer der vielen gelehrten Versuche, die ursprünglich allein mythische Existenz von Aia[17] in der realen Welt zu verorten, wenn sie also tatsächlich ein Aspekt des Selbstverständnisses der Dioskoureer ist, hilft dies in

---

[14] Diese Erwartung ist sogar größer, wenn man es für eine nachträgliche Erfindung hält, dass Dioskourias als Tochterstadt Milets gegründet wurde.

[15] Das Aufkommen der abchasischen Namensform kann hier ausgeklammert bleiben. Wie schon der Blick auf die Entwicklung der griechischen und kartvelischen Varianten lehrt, eignen sich diese keinesfalls als Beweise für die Dominanz einer bestimmten ethnischen Gruppe in der Bevölkerung.

[16] Steph. Byz. s. v. Διοσκουριάς Δ 93 edd. Billerbeck, Zubler: Διοσκουριάς, ... ἔστι καὶ ἑτέρα περὶ τὸν Πόντον, ἥτις Σεβαστόπολις καλεῖται. καὶ πρότερον δὲ Αἶα ἐκικλήσκετο, ὡς Νικάνωρ („Dioskourias … es gibt ein weiteres am Schwarzen Meer, das auch Sebastopolis heißt. Wie Nikanor <sagt>, hatte man es früher auch Aia genannt.“)

[17] Grundlegend Lesky 1948 = Lesky 1968: 29–63. Hier ist nicht der Raum für eine Auseinandersetzung mit Überlegungen dazu, dass „Aia“ ursprünglich ein kartvelischer Ortsname sei; dazu vgl. Gordeziani 2007: 91–93.

Lokalisierungsfragen nicht weiter. Denn überall in Kolchis hat man argonautische Namen mit Realia zu verbinden versucht. Die Verortung von Aia bei oder in Dioskourias dürfte wenig Zuspruch gefunden haben, weil dort niemals der eng mit Aia verbundene Phasis angesetzt worden ist[18]. Vielleicht hat der fleißige Stephan ohnehin nur eine kaiserzeitliche Gelehrtenschrulle notiert[19].

Insgesamt stellt sich die Entwicklung demnach so dar, dass die Siedlung erstmals als Dioskourias greifbar ist und unter diesem Namen bis in die späthellenistische Zeit existiert. Im 1. Jhdt. n.Chr. wird die inzwischen verlassene Stadt als Sebastopolis neu gegründet. Spätestens ab dem 2. Jhdt. liegt dort römisches Militär. Im 8. Jhdt. heißt die Stadt auch C'xumi; Sebastopolis gerät mehr und mehr in Vergessenheit. Die Anlage eines genuesischen Stützpunktes im 13. Jhdt. belebt den römischen Namen Sebastopolis wieder, neben dem sich aber C'xumi behauptet und Ausgangspunkt für die georgische Form Soxumi (სოხუმი) und die russische Suchum (Сухум) wird. Wie sich der abchasische Name der Stadt Аҟәа zu dieser Entwicklung verhält, kann hier nicht behandelt werden.

2. Dioskourias / Sebastopolis in Plinius' Naturalis Historia

Plinius breitet seine Kenntnisse von Dioskourias und daran anschließende Überlegungen als Exkurs in einer Auflistung der

[18] Coşkun 2019: 81–82 leitet mit Lordkipanidze 2000: 12 den Flussnamen Phasis von einer einheimischen Wurzel ab, die etwa auch im Fluss- und Ortsnamen Apsaros stecke. Diese These ist in sich widersprüchlich. Denn wenn *psa im Griechischen für Phasis zu *pha wurde, sollte das auch für den beweisenden Namen gelten, der aber eben nie *Apharos heißt. Tatsächlich steht der Flussname Phasis, wie West 2007 gezeigt hat, als ursprüngliches *nomen agentis* in engem Zusammenhang mit dem sagenhaften Land Aia am äußersten Osten der Welt, wo die Sonne aufgeht. Gerade deswegen konnte man den Phasis und das am Ufer gelegene Aia in verschiedenen Gegenden „finden". Vgl. zur Problematik einstweilen auch Dan 2016.

[19] Stephan nutzt hier – wie häufiger sonst – wohl die Μετονομασίαι oder Μετωνυμίαι des Nikanor von Kyrene. Dessen Datierung ist strittig; vgl. Grigolin 2019. Arrian, der sich durchaus für die materielle Verankerung des Argonautenmythos interessierte (z.B. Arr. Peripl. p. Eux. 6.3; 9.2), schweigt dazu bei Dioskourias/Sebastopolis. Als *argumentum e silentio* ist das nur ein schwaches Indiz dafür, Nikanor nicht vor die hadrianische Zeit zu datieren. Seit Timaios war die historische Analyse der Fahrt ein beliebtes Thema auch in der Historiographie; vgl. Hartmann 2014: 282–283, 285 zu Timonax und Herodoros von Herakleia.

Verhältnisse an der östlichen Schwarzmeerküste aus. In der Lesart der Ausgabe von Mayhoff lautet der Kontext so:

Inde aliud flumen Charien, gens Saltiae, antiquis Phthirophagi dicti, et alia Sanni, flumen Chobum, e Caucaso per Suanos fluens, dein Rhoan, regio Egritice, amnes Sigama, Thersos, Astelephus, Chrysorrhoas, gens Absilae, castellum Sebastopolis, a Phaside C.

Gens Sanigarum, oppidum Cygnus, flumen et oppidum Penius. Deinde multis nominibus Heniochorum gentes. Subicitur Ponti regio Colica, in qua iuga Caucasi ad Ripaeos montes torquentur, ut dictum est, altero latere in Euxinum et Maeotium devexa, altero in Caspium et Hyrcanium mare. Reliqua litora ferae nationes tenent Melanchlaeni, Coraxi, urbe Colchorum Dioscuriade iuxta fluvium Anthemunta nunc deserta, quondam adeo clara, ut Timosthenes in eam CCC nationes dissimilibus linguis descendere prodiderit; et postea a nostris CXXX interpretibus negotia gesta ibi. Sunt qui conditam eam ab Amphito et Telchio, Castoris ac Pollucis aurigis, putent, a quibus ortam Heniochorum gentem fere constat. C a Dioscuriade oppidum Heracleum distat, a Sebastopoli LXX.

Achaei, Mardi, Cercetae, post eos Seraci, Cephalotomi. in intimo eo tractu Pityus oppidum opulentissimum ab Heniochis direptum est. A tergo eius Epagerritae, Sarmatarum populus in Caucasi iugis, post quem Sauromatae. Ad hos profugerat Mithridates Claudio principe narravitque Thalos iis esse confines, qui ab Oriente Caspii maris fauces attingerent; siccari eas aestu recedente. In ora autem iuxta Cercetas flumen Icarus, Achaei cum oppido Hiero et flumine, ab Heracleo CXXXVI[20].

---

[20] Plin. *Nat. hist.* 6.5.14–17 (Übersetzung mit Modifikationen nach Brodersen): „Danach ein anderer Fluss, (genannt) Charien, der Saltier-Stamm, in alten Zeiten Phtheirophagen genannt, auch ein anderer: die Sanner. (Dann) der Fluß Chobon, der vom Kaukasus herab durch das Gebiet der Suaner fließt, dann Rhoan und die Landschaft Egritike, die Flüsse Sigama, Thersos, Astelephos und Chrysorrhoas, der Stamm der Absiler, das oppidum Sebastopolis, 100 Meilen vom Phasis (entfernt).

(Dann) der Stamm (der) Saniger, die Stadt Kygnos, der Fluss und die Stadt Penios. Dann (folgen) unter vielen Namen Stämme der Heniocher. Darunter liegt die Pontos-Landschaft Kolike, wo sich die Höhen des Kaukasos zu den Ripäischen Bergen hinwenden, die sich - wie bereits gesagt - in der einen Richtung zum Euxeinos und zur Maiotis hinziehen, in der anderen zum Kaspischen und Hyrkanischen Meer. Die übrigen Küsten haben rohe Völkerschaften inne: die Melanchlainer und die Koraxer in der Kolcher-Stadt Dioskourias am Fluss Anthemous, die jetzt verlassen ist, einst aber so berühmt war, daß Timosthenes angibt, es kämen dort 300 Nationen mit sehr

Plinius hat hier sehr unterschiedliche Quellen herangezogen, die so verwoben sind, dass eine klare Scheidung der ursprünglichen Informationen nicht immer möglich ist. Benutzt sind hellenistische Autoren wie Timosthenes von Rhodos und jüngere Berichte, wie der eines Mithridates aus der Zeit des Claudius.

Trotz der Komplexität des Materials ist die Grundstruktur des Abschnittes deutlich erkennbar und in der obigen Wiedergabe auch in der Paragraphengliederung abgebildet: *inde* verweist auf den zuvor genannten Fluss Phasis zurück. Damit beginnt eine erste Auflistung von Flüssen, Stämmen, Regionen und Orten. Der Abschnitt endet mit der Angabe der Strecke, die bis zum *castellum Sebastopolis* abgeschritten worden sei. Plinius gibt sie mit römischen Maßzahlen: „100 Meilen vom Phasis". Die beiden nächste Abschnitte haben grundsätzlich dieselbe Struktur. Den Anfang bildet jeweils eine geographische Aufzählung, am Ende wird in römischen Meilen die gesamte Strecke seit dem letzten Abschnitt gemessen, einmal von Sebastopolis nach Herakleion 70 Meilen und dann von Herakleion bis nach Hieron 136 Meilen.

Im zweiten Absatz flicht Plinius nach der Aufzählung, die von der *gens Sanigarum* bis zu den *Heniochorum gentes* reicht, eine Zwischenbemerkung mit einem Rückverweis ein. Dann setzt er die geographische Liste mit Melanchlainen und Koraxern fort: „die übrige Küste haben inne …" Darauf folgt ein weiterer Zwischenstopp. Nun fällt der Blick auf Dioskourias. *Urbe ... Dioscuriade deserta ... clara* gehört syntaktisch zum Hauptsatz, der nur aus dem Verbum *sunt* besteht. Dessen Subjekt wird im untergeordneten Relativsatz näher bestimmt. Mit

---

unterschiedlichen Sprachen von den Gebirgen herab zusammen; auch später noch wurden dort von den unseren mit 130 Dolmetschern Geschäfte durchgeführt. Nach manchen ist sie von Amphitos und Telcheios, den Wagenlenkern von Kastor und Pollux, erbaut worden, von denen der Stamm der Heniocher fast mit Sicherheit abstammt. 100 (Meilen) von Dioskourias ist die Stadt Herakleion entfernt, von Sebastopolis 70.

(Dann) die Achaier, Marder und Kerketer, hinter ihnen die Seraker und Kephalotomer. Ganz im Inneren dieses Landstrichs (ist) Pityous, eine sehr reiche, von den Heniochern zerstörte Stadt, in ihrem Rücken die Epagerriten, ein Sarmaten-Volk auf den Höhen des Kaukasus, nach diesem die Sauromaten. Zu diesen war Mithridates zur Zeit des Princeps Claudius geflohen und hat (später) erzählt, dass ihre Nachbarn die Thaler seien, die am Osten den Eingang des Kaspischen Meeres berührten, und dass letzterer zur Zeit der Ebbe austrockne. An der Küste aber sind neben den Kerketern der Fluß Ikaros, Achaier mit der Stadt und dem Fluß Hieron, von Herakleion 136 Meilen entfernt".

relativem Satzanschluss ergänzt Plinius dann noch eine nahezu sichere Tatsache: *fere constat.* Für Plinius ist es hier wesentlich festzuhalten, dass es Ansichten gibt, wonach in dieser Gegend mit einer griechischen Gründung schon zur Zeit der Expedition der Argonauten zu rechnen sei, und dass es sicher sei, dass zumindest die Heniocher von diesen Heroen abstammten. Das Schicksal von Dioskourias, das als Kolcher-Stadt fast bis in die Gegenwart geblüht habe, jetzt aber verlassen sei, ist für Plinius dabei die grammatisch als Ablativus absolutus untergeordnete Hintergrund- oder Begleitinformation der differenzierten Kernaussage, dass man in einem wenigstens zeitweise griechisch geprägten Raum nun partout auf „wilde" (*ferae*) Völkerschaften treffe. Dabei unterscheidet er solche, die dieses Entwicklungsstadium nie verlassen haben und re-barbarisierte *gentes,* wie die ursprünglich griechischen Heniocher. Diese Ausführungen über Dioskourias dürfen also nicht als Fortsetzung der Küstenbeschreibung verstanden werden. Plinius eine solche Vorstellung zuzuschreiben ist schon deswegen unmöglich, weil es nach seiner eigenen Aussage die Stadt Dioskourias gar nicht mehr gibt. Wie vorher – oder wie nachher mit dem Hinweis auf Entwicklungen zur Claudius-Zeit – fügt Plinius einen kurzen Exkurs ein, der die Aufzählung unterbricht. Die Aufzählung selbst ist mit der Nennung von Herakleion wieder aufgenommen und mit der genannten Entfernungsangabe in diesem Abschnitt abgeschlossen.

Obwohl dieser Aufbau der Darstellung grundsätzlich deutlich erkennbar ist, ist nicht ohne Weiteres ersichtlich, wie weit sich der Exkurs erstreckt und wie er in die Umgebung eingebunden ist. Die Unklarheiten spiegeln sich auch in den Textausgaben. Diese zeigen nicht nur deren (oben korrigierte) Paragrapheneinteilung, sondern auch die Interpunktion ist wenig glücklichlich: Das Komma, das Mayhoff und ihm folgend die Tusculum-Ausgabe hinter *Coraxi* setzen, erweckt den Eindruck, als ob es mit der geographischen Abfolge weitergehe. Erst die genaue syntaktische Analyse zeigt, dass der Ablativus absolutus diese unterbricht und dass ein Exkurs beginnt. Noch gravierender ist es, dass die Verbindung am Ende dieser Zwischenbetrachtung wegen der unsicheren Textüberlieferung schwer zu rekonstruieren ist. Die übliche, von Mayhoff begründete Lesart *C a Dioscuriade oppidum Heracleum distat, a Sebastopoli LXX* beruht auf zwei Konjekturen. Davon ist *Heracleum* wegen der neuerlichen Nennung des Ortes im nächsten Abschnitt so gut wie sicher. *C a Dioscuriade* hat Mayhoff hergestellt, wo die Handschriften *ca / cla*

/ *a Dioscuriade* bieten[21]. Unter textkritischen Gesichtspunkten ist es keineswegs selbstverständlich, dass Mayhoff sich in einem ersten Schritt für *ca* entschied. Die Auflösung dieser Buchstabenfolge zu *C a* erscheint aus doppeltem Grunde als wenig plausibel. Erstens wäre sie im näheren Umfeld das einzige Beispiel dafür, dass Plinius zwei Distanzstrecken hintereinander erwähnt hätte (einmal von Dioskourias, einmal von Sebastopolis aus gemessen), und zweitens stünde sie auch formal allein, weil Plinius sonst immer erst den Bezugsort und dann die Entfernung angibt, also regulär umgekehrt *a Dioscuriade C* hätte schreiben müssen. Detlefsen hatte sich noch wohl wegen der grundsätzlichen Qualität des *codex Riccardianus* für die Variante *a* entschieden. Ihm war die Lesart *cla* des *codex Pollinganus Latinus 11301* noch nicht bekannt, der zusammen mit den anderen Manuskripten ein starkes Indiz dafür liefert, dass das c zur Tradition gehört und im *Riccardianus* mit dem Ziel, eine unverständliche Buchstabenfolge zu korrigieren, weggelassen worden ist. Die Textkonstitution muss also von *ca* oder von *cla* als den älteren Formen ausgehen. Davon dürfte die kürzere die spätere sein, weil man nicht recht sieht, wieso ein unverständliches *ca* zu einem ebenso unverständlichen *cla* erweitert worden sein soll. Umgekehrt ist es aber plausibel, dass eine irritierende Buchstabenfolge durch Ausfall eines Zeichens verkürzt wird. Entscheidend dürfte die sachliche Überlegung sein, welche der beiden Versionen leicht so verbessert werden kann, dass sich ein annehmbarer Sinn ergibt. Mayhoffs Konjektur war sprachlich möglich, bleibt aber aus den oben genannten Gründen inhaltlich kaum akzeptabel. Auf der Basis der Lesart *cla*, die vielleicht auch als *lectio difficilior* gelten kann, liesse sich das Adjektiv *cla<ra>* im Ablativ und mit Bezug auf *Dioscuriade* rekonstituieren[22].

Diese Rekonstruktion fügt sich gut in den Kontext ein. Einleitend hatte Plinius die Stadt Dioskourias als *urbs Colchorum* bezeichnet. Diese Charakteristik impliziert eine Entfernung von dem im Namen und Gründungsmythos bezeugten griechischen Ursprung. Die Entwicklung kann als Defizit gedeutet werden, das zugleich erklären kann, warum die

[21] Mayhoffs Konjektur liegt auch der russischen Wiedergabe der Stelle in der neuen kommentierten Übersetzung von Podosinov 2018: 171 zugrunde.

[22] Der Ausfall von Einzelsilben lässt sich in der unmittelbaren Umgebung mehrfach beobachten; vgl. den textkritischen Apparat bei Mayhoff.

Stadt trotz aller Berühmtheit nicht in der Lage war, der Barbarisierung außerhalb ihrer Grenzen Einheit zu gebieten. Ein ähnlicher Prozess hatte die Heniocher noch radikaler verwandelt. Sie, die ebenfalls wegen ihres griechischen Namens und als Nachfahren von Argonauten respektable Ursprünge vorweisen konnten, waren inzwischen Teil der „wilden Völker" und so zu einer Gefahr für zivilisierte Lebensformen und nicht zuletzt sogar für ihre „Verwandten" in Dioskourias geworden. Im Vergleich zu ihnen hatte Dioskourias immerhin etwas vom Ruhm bewahrt, der den Gründungsvätern zukam.

Plinius hat demnach die Geschichte der Stadt Dioskourias als Degenerationsprozess gedeutet und bis zu ihrem Untergang geführt. Als Hintergrund erscheint eine Debatte über die einstmals griechische Prägung des gesamten Landstrichs. Das Ringen um das Verständnis der früheren Verhältnisse und ihrer unterschiedlichen Veränderungen zeigt sich gerade im Streit um die mythischen Ursprünge. Unterschiedliche Auffassungen hatten ihren Grund darin, dass sich, wie die archäologischen Befunde heute noch zeigen, die Bevölkerung gerade nicht eindeutig der griechischen Kultur zurechnen lässt. Obwohl deren Einfluss grundsätzlich nicht zu leugnen ist, setzen sich immer wieder unterschiedliche lokale und regionale Ausdrucksformen durch. Die auffällige Vielsprachigkeit ist so ein Beispiel dafür, dass griechische Selbstverständlichkeiten prekär blieben und auch schwächer werden konnten. Für Plinius als Stoiker und Römer war das alles kein Vorzug. Er mochte hoffen, dass das Engagement der Römer mit der Neugründung einer Augustus-Stadt, Sebastopolis[23], die lange fragile Situation im Sinne der selbstverständlich als Vorzug betrachteten griechisch-römischen Leitkultur stabilisierte.

Aus diesen Überlegungen ergibt sich folgende Textkonstitution: *Urbe Colchorum Dioscuriade iuxta fluvium Anthemunta nunc deserta, quondam adeo clara, ut Timosthenes in eam CCC nationes dissimilibus linguis descendere prodiderit et postea a nostris CXXX interpretibus negotia gesta ibi, sunt, qui conditam eam ab Amphito et Telchio, Castoris ac Pollucis aurigis, putent. A quibus ortam Heniochorum gentem fere constat cla<ra> Dioscuriade.* „Angesichts dessen, dass Dioskourias, eine

[23] Unklar ist, ob die Nennung der Lage des abgegangenen Dioskourias am Anthemous als Hinweis darauf zu verstehen ist, dass das Zentrum von Sebastopolis anderswo auf deren Territorium angelegt wurde.

Kolcherstadt am Fluss Anthemous, auch wenn sie jetzt verlassen ist, einst so berühmt war, dass Timosthenes berichten konnte, zu ihr stiegen 300 Stämme mit den unterschiedlichsten Sprachen hinab, und dass sogar später noch von den Unsrigen die Geschäfte mit 130 Dolmetschern gemacht wurden, gibt es welche, die der Meinung sind, dass sie von Amphitos und Telchios, den Wagenlenkern des Kastor und des Pollux, gegründet worden sei. Dass das Volk der Heniocher von ihnen abstammt, ist beinahe sicher, wobei der <mit dem Namen verbundene> Ruhm <immerhin> bei Dioskourias glänzt."

Der nächste Satz – *oppidum Heracleum distat a Sebastopoli LXX.* blickt dann wie im Abschnitt zuvor und wie im folgenden auf die jeweils zurückgelegte Gesamtstrecke zurück. Auch hier ist nur eine einzige Entfernung angegeben.

Selbst wenn man der hier vorgeschlagenen Lösung nicht in jedem Detail folgen will, bleibt zu unterstreichen, dass Coşkuns Unterscheidung von Dioskourias und Sebastopolis keineswegs sicher auf Plinius zurückgeht, sondern auf einem philologischen Heilungsversuch des korrupt überlieferten Textes beruht. Die von Mayhoff vorgeschlagene Version kann sich dadurch rechtfertigen, dass sie ohne gravierende Eingriffe einer der überlieferten Varianten folgt. Allerdings fehlt eine Begründung dafür, warum gerade dieser der Vorzug zu geben sei, obwohl sie sachlich auf erhebliche Probleme stößt. Zu den genannten kommt, dass niemand sonst Dioskourias und Sebastopolis an verschiedenen Stellen sucht und dass im Gegenteil Arrian, Ptolemaios und Stephan von Byzanz ausdrücklich die geographische Identität bezeugen[24]. Arrian hatte die Gegend nicht nur selbst als Statthalter bereist, sondern sich auch ernsthaft mit der Geschichte des Raumes bis in die mythische Zeit beschäftigt. Zwar kann man nicht erwarten, dass sein Publikum, zu dem der Kaiser Hadrian und dessen gebildete Umgebung zählten, jedes Detail der historischen Entwicklung seit der Zeit der Mythen überblickte. Aber es darf als sehr wahrscheinlich gelten, dass Arrian Aussagen über die Rolle der römischen Neugründung als Nachfolgerin des altbekannten

[24] Arr. *Peripl. p. Eux*. 10.4: ἡ δὲ Σεβαστόπολις πάλαι Διοσκουριὰς ἐκαλεῖτο („Sebastopolis hieß früher Dioskourias"); Ptol. 5.10.2: Διοσκουριὰς ἡ καὶ Σεβαστόπολις („Dioskourias oder auch Sebastopolis"); Steph. Byz. s. v. Διοσκουριάς (s. oben Anm. 19).

Dioskourias kaum hätte treffen können, wenn er sich in dieser Hinsicht nicht sehr sicher gewesen wäre: Was er bemerkte, war zwar vielleicht nicht allgemein, aber doch gut bekannt – zumindest musste er damit rechnen, dass es leicht überprüfbar war.

Methodisch empfiehlt es sich nicht, die Rekonstruktion der historischen Geographie auf eine Konjektur zu stützen, selbst wenn diese als „widely accepted and so far without plausible alternative“[25] erscheint. Die weitgehende Akzeptanz in der Forschung beruht alleine darauf, dass sich seit Mayhoffs Lösungsversuch und der lobenden Zustimmung Max Kiesslings[26] niemand mehr mit der Frage auseinandergesetzt hat. Alternativlos ist er, wie zu zeigen versucht wurde, gewiss nicht.

3. Dioskourias „im innersten Winkel des Schwarzen Meeres“

In einer kritischen Auseinandersetzung wirft Strabon Eratosthenes den Widerspruch vor, dass er einerseits den Golf von Issos für die am weitesten östlich gelegene Meeresküste halte, andererseits aber zugestehe, dass die Gegend von Dioskourias „im innersten Winkel des Schwarzen Meeres“ (ἐν τῷ τοῦ Πόντου μυχῷ) mehr als 3000 Stadien weiter östlich liege (Strab. 1.3.2 p. 47). Später kommt Strabo noch einmal auf Dioskourias zu sprechen, lokalisiert den Ort erneut am weitesten östlich in einem „Winkel des Schwarzen Meeres“ (μυχός τε τοῦ Εὐξείνου) und versucht zu begründen, dass die sprichwörtlich „weiteste Fahrt“ (ἔσχατος δρόμος), die nach einem Tragikervers bei Phasis ende, tatsächlich nach Dioskourias führe (Strab. 11.2.16 p. 497). Vor allem Letzteres hat die moderne Forschung deswegen irritiert, weil der Phasis im Vergleich zu Dioskourias tatsächlich weiter östlich ins Meer fließt. Strabons Interpretation der „weitesten Fahrt“ in den Osten vergrößere einen

[25] Coşkun 2020: 360.

[26] Kiessling 1912: 501: „Die Entferung des Ortes <sc. Herakleion> vom Heiligen Hafen im Nordwesten (an der Bucht von Noworossisk) wird auf 136 römische Meilen angegeben, im Südosten *C a Dioscuriade distat, a Sebastopoli LXX* (wie neuerdings Mayhoff in einer sehr glücklichen und gewiß richtigen Textgestaltung für *ca* oder *cla Diosc*. der Hss. liest; diese neue Verbesserung ist topographisch bedeutsam zur Bestimmung der Neustadt Sebastopolis gegenüber Dioscurias!)“. Max Herrmann Kiessling hat bis zu seinem Tod 1946 für die Realencyclopädie zahlreiche Artikel vor allem zur historischen Geographie verfasst. Coşkun scheint ihn mit dem eine Generation jüngeren Papyrologen Emil Kießling zu verwechseln.

geringfügigen sachlichen Fehler, der darin besteht, dass schon die Phasis-Mündung nicht ganz so weit im Osten liegt wie die Küste weiter südlich.

Gerade dieser Irrtum in der antiken Geographie ist nun für Coşkun ein weiterer Grund für seinen Vorschlag, die Stadt Dioskourias nicht beim modernen Suchum, sondern bei Očamčira zu suchen. In seiner Begründung hebt er hervor, dass man im Altertum die relative Lage nicht einfach von einer Karte habe ablesen können; „we should rather apply a *periplus* perspective, to better appreciate Strabo's words: from Apsaros via Phasis to Dioskourias was (nearly) a straight line of 600 stades, extending to the north along the eastern Euxine coast. Only after that the littoral made a sharp turn to the west. This is what caused the impression of Dioskourias lying in a ‚recess'" [Coşkun 2020: 367].

Die ingeniöse Erklärung, Dioskourias irrige Verortung ganz im Osten des Schwarzen Meeres aus der unmittelbaren Anschauung einer Schiffahrt an der Küste entlang abzuleiten und dann in der Nähe von Očamčira zu lokalisieren, muss allerdings nach genauerer Betrachtung verworfen werden.

Strabon hat Eratosthenes wegen der Widersprüche in der Darstellung der östlichen Oikoumene kritisiert: Dieser setzte Dioskourias wider besseres Wissen östlich von Issos an. Ausdrücklich pflichtet Strabon Eratosthenes bei, dass dieser die geographische Länge dieser Stadt grundsätzlich richtig bestimmt habe – und er zeigt sogar, wie Eratosthenes dabei vorgegangen ist. Dieser addierte (προσθέντος – Strab. 2.1.39 p. 91) Entfernungsangaben bis zu dem Punkt, der ihm der am weitesten entfernte Punkt für diejenigen zu sein erschien, die vom Eingang des Schwarzen Meeres aus gesehen auf dessen rechter Seite entlang fuhren. Der Ansatz von Dioskourias im äußersten Osten beruht demnach gerade nicht auf einer konkreten Beobachtung, sondern auf einer Summierung. Strabon ist sich darüber im klaren, dass so letzte Exaktheit nicht zu erreichen sei. Aber er akzeptiert die grundsätzliche Richtigkeit sogar gegen die mathematischen Ansätze Hipparchs, die er für pseudo-genau hält. Seine Zustimmung zu Eratosthenes in dieser Hinsicht zeigt sich auch darin, dass er den Tragikervers, der vom ἔσχατος δρόμος zum Phasis spricht, *cum grano salis* zur Illustration der richtigen Verortung von Dioskourias heranzieht.

Die Großzügigkeit des sonst oft so pedantischen Strabon erklärt sich nicht zuletzt aus der erheblichen Schwierigkeit für die antike Geographie, geographische Längengrade zu bestimmen (Ptol. *Geogr.* 1.4; 1.5.11–13). Hierbei hatte Hipparch zwar theoretische Fortschritte erzielt, die aber

rasch an praktische Grenzen stießen [Stückelberger 1986; Szabó 1992: 244–255; Stückelberger 2009: 235–237]. Das illustriert eine moderne graphische Veranschaulichung der kolchischen Küste nach den Angaben bei Ptolemaios: Sie zeigt rechts/nördlich des Phasis einen wellenförmigen Verlauf [Stückelberger, Graßhoff 2006: 854–855]. Wenn also Exaktheit ohnehin nicht zu erreichen war, hielten Autoren wie Strabon in dieser Frage lieber an der älteren Methode fest. Wie Eratosthenes bestimmte er geographische Längen durch Addition von Entfernungen und zog das Ergebnis Festlegungen vor, die zwar mathematisch korrekt, wegen der schwer zu erreichenden Richtigkeit der verwendeten Beobachtungen aber trotzdem nur scheinbar besser waren.

Wenn der von Eratosthenes benannte μύχος/„Winkel"/„recess" bei Dioskourias mit an Sicherheit grenzender Wahrscheinlichkeit auf Berechnungen beruht, scheiden die Angaben als Zeugnis für direkte Beobachtungen an der Küste aus.

Gegen Coşkuns Deutung ist schließlich darauf zu verweisen, dass Arrian seine Beobachtung der Wendung der Küste nach Westen gerade nicht bei Sebastopolis lokalisiert, sondern schon vorher beim Fluss Sigames.[27] Selbst unter der oben verworfenen Voraussetzung, dass Dioskourias und Sebastopolis voneinander zu trennen seien, und unabhängig davon, für wie zuverlässig man die Entfernungsangaben bei Arrian im Einzelnen ansieht, summieren sich die Strecken vom Sigames nach Sebastopolis zu einer solchen Länge (Arr. *Peripl. p. Eux.* 10.2–4), dass Dioskourias auf keinen Fall nahe beim Sigames angesetzt werden kann. Für Arrian also, der tatsächlich die Himmelsrichtungen beobachtet und seine Feststellungen notiert hat, biegt die Küste ausdrücklich weit vor Dioskourias und Sebastopolis ab.

4. Der archäologische Befund

Nach Coşkun gehört es zu den „shortcomings of current scholarship", für die Bestimmung der Lage der Stadt Dioskourias auf unzureichende archäologische Funde und Befunde zu vertrauen [Coşkun 2020: 357].

---

[27] Arr. *Peripl. p. Eux.* 11.4. Zwar ist die handschriftliche Überlieferung hier gestört, aber der Text kann durch den byzantinischen Anonymus, der auf Arrians Darstellung aufbaut, gleichwohl gesichert werden; vgl. Silberman 2002: 10 Anm. 91 mit Bezug auf die von Diller 1952: 118–138 veranstaltete Ausgabe des Anonymus.

Tatsächlich ist es bisher nicht gelungen, in der Region Suchum Siedlungsstrukturen einer griechischen Stadt nachzuweisen. Das kann daran liegen, dass die antike Polis heute unterhalb des Wasserspiegels oder unter der modernen Stadt liegt[28]. Doch vielleicht hat auch die Nennung von Dioskourias und Phasis als griechische Poleis falsche Erwartungen geweckt. Es gibt Hinweise darauf, dass sich die Verhältnisse im östlichen Pontos-Raum erheblich von dem unterschieden haben können, was man sonst gemeinhin mit einer griechischen Stadt verbindet. Zu erinnern wäre etwa an die eigenwilligen Regeln, die in der von Aristoteles angeregten Sammlung von „Verfassungen" für Phasis bezeugt sind[29]. Blickt man auf Dioskourias, ist es auffällig, dass Plinius an der eben behandelten Stelle von einer *urbs Colchorum* spricht. Überhaupt könnten die kürzlich von Ulrich Sens beschriebenen, sich im Laufe der Zeit keineswegs nur in eine Richtung verändernden Mischungen von griechischen und anderen Überresten als starke Indizien dafür gewertet werden, dass es zu eigentümlichen Hybridisierungen von Bevölkerung und Kultur gekommen ist [vgl. Sens 2005: Taf. 52]. Zu beachten ist überdies, dass bei den Zeitgenossen verschiedene Wahrnehmungen der Zugehörigkeit nebeneinander existiert haben können. Gewiss ist schon eine binäre Differenzierung zwischen Griechen und Nicht-Griechen bei weitem unterkomplex in einer Region, in der verschiedene Fern- und Nahhandelswege zusammentreffen. Die heftigen in der Sowjetunion, aber auch danach geführten Debatten über den Charakter der sogenannten griechischen Kolonisation im Ostpontos-Raum[30] hängen mit dieser vielschichtigen Problematik zusammen[31], die sich wahrscheinlich leichter lösen lässt, wenn man sich statt um die Angemessenheit antiker Begrifflichkeiten wie „Polis" oder „Emporion" zu streiten, um angemessene und flexible idealtypische Klassifikationsschemata bemüht. Dann jedenfalls wird man plausibel beschreiben können, inwiefern die Siedlungsstruktur in der Gegend von

[28] Von Coşkun 2020: 358 umsichtig dokumentiert.

[29] Heracl. Lemb. 46 = Aristotelis opera III: Librorum deperditorum fragmenta ed. Gigon 143.1.18 p. 568. Dazu jetzt Hind 2012.

[30] Vgl. die besonnene Beschreibung bei Sens 2009: 54–55; eine knappe exemplarische Übersicht zum Gebiet bei Suchum bietet Gabelia 2015.

[31] Die ohnehin schwierigen Fragen werden unlösbar, wenn sie überdies, wie leider oft, unentwirrbar mit einem Bedürfnis nach modernen Identitätskonstruktionen verwoben sind.

Suchum wann schon oder noch als griechisch und zugleich als was sonst (noch oder wieder?) gelten kann.

Trotz der vielen Unklarheiten über die Funde und Befunde verwundert Coşkuns forschungskritische Zuspitzung gegen die Lokalisierung von Dioskourias bei Suchum. Denn die archäologischen Zeugnisse für seine Ansicht, dass Dioskourias bei Očamčira liege, sind noch erheblich dürftiger. Sens hat ernüchtert festgestellt, dass es „nach wie vor unklar <ist>, worum es sich bei den betreffenden Siedlungshügeln eigentlich handelt", und ergänzt, dass es beim „aktuellen Stand der Forschung … als unwahrscheinlich gelten <muss>, dass sich hinter den Siedlungshügeln von Otschamtschire das antike Gyenos verbirgt"[32]. Wenn schon diese Identifikation nicht gesichert werden kann, ist ein Bezug der Befunde auf die ungleich bedeutendere Stadt Dioskourias erst recht unwahrscheinlich. Vor allem aber wird diese von Coşkun vertretene Alternative deswegen höchst problematisch, weil Indizien für griechischen Einfluss bei Očamčira anscheinend ab dem Ende des zweiten vorchristlichen Jahrhunderts überhaupt nicht mehr nachweisbar sind. Zu einer Stadt Dioskourias, die unter Mithridates in griechischem Stil Münzen geprägt hat[33], will dieses Fehlen jeder ins letzte vorchristliche Jahrhundert sicher datierbaren Spur nicht recht passen[34].

Gegen Coşkun ist grundsätzlich zu betonen, dass sich Funde, die auf griechische Zusammenhänge deuten, im Raum von Suchum auffällig konzentrieren und (mit Sens[35]) die Existenz einer griechischen Stadt dort grundsätzlich sichern. Einige weiterführende Überlegungen zu manchen der Überreste können das noch untermauern:

(a) Bei Gvandra sind Amphoren gefunden worden, die mit den Buchstaben ΔΙΟΣ ΚΟΥ gestempelt sind. Weitere sind an verschiedenen Stellen im Schwarzmeeraum ans Licht gekommen. Insgesamt ist hervorzuheben, dass etwa zwei Drittel aller bekannten Exemplare aus dem Gebiet von Suchum stammen[36]. Eine Verbindung der Stempelaufschrift mit dem Stadtnamen hat man mit dem Hinweis darauf bestritten, dass

[32] Sens 2009: 100–122; die Zitate 117 und 120. Zu Gyenos jüngst Braund 2020; ders. 2021.

[33] de Callataÿ 1997: 254–255; vgl. auch Anm. 70.

[34] Die Ausführungen, die Coşkun 2020: 365–366 vorträgt, können diese Schwierigkeit nicht beheben.

[35] Sens 2009: 99.

[36] Vgl. die Zusammenstellung bei Kac 2008: 106.

in der Regel Händler oder Produzenten, nicht aber Gemeinwesen mit ihrem Namen für die Qualität der in den Amphoren transportierten Inhalte bürgten. Da es verschiedene Personennamen mit anlautendendem „Dioskou-“ gibt, darf man diese Möglichkeit nicht gänzlich ausschließen. Es bliebe aber ein seltsamer Zufall, wenn sich dort ein Handelshaus etabliert hätte, das einen ebenso auf die Dioskuren verweisenden Namen trug wie die in derselben Region befindliche Stadt. Aber auch wenn man das annehmen will, würde man gerade diesen Namen eher in Dioskourias als in einer benachbarten Stadt verorten. Wahrscheinlicher bleibt, dass die Stempel auf die Stadt Dioskourias selbst Bezug nehmen. Deswegen muss man noch nicht von einem sonst anscheinend nirgends bezeugten kommunalen Handelsbetrieb ausgehen[37]. Auch mit der Bezeichnung „made in Germany“ wurde keine durch das Gemeinwesen garantierte Qualität bezeichnet, sondern der wie auch immer begründete gute Ruf entsprechender Waren durch die Nennung der Herkunft hervorgehoben. Im Falle des „Fasans“ hat sich eine aus dieser Gegend stammende Herkunftsbezeichnung sogar zum Namen für diesen Hühnervogel in vielen Sprachen entwickelt[38]. Vielleicht hat man in Dioskourias, wo sich gewiss Exotika für die weitere Verschiffung zur See sammelten, gleichermaßen stolz und absatzfördernd als Besonderheit solche Angaben einer *appellation d'origine contrôlée* verwendet. Die Nutzung eines solchen Siegels wäre dann zugleich ein eindrucksvoller Hinweis auf frühe Versuche, etwas wie Marken zu etablieren. Sie könnten mit der Absicht zusammenhängen, den Absatz bestimmter Waren zu bestimmen oder gar zu monopolisieren.

(b) Im August 1953 wurde vor der Einmündung des Besletki-Flusses in das Schwarze Meer beim damaligen Sanatorium Nr. 22, also an der Küste im Zentrum des heutigen Suchum, eine 157 cm hohe und 92 cm breite Grabstele aus Marmor geborgen, die stilistisch eng mit attischen aus der 2. Hälfte des 5. vorchristlichen Jahrhunderts verwandt ist[39]. Dieses Einzelstück kann zwar „keinesfalls als Indiz für die Existenz einer griechischen Nekropole oder gar einer Kolonie gelten“; aber es bleibt naheliegend, den Fund, der „nicht von einem Schiff ins Meer gefallen, sondern durch Abrasion des

[37] Nach Tsetskhladze 1991: 370 bezeugen die Stempel „den staatlichen Charakter der Amphorenproduktion“. Daran hat er auch in jüngeren Publikationen festgehalten.

[38] Umfassend Hünemörder 1970; vgl. Schmitt 2016.

[39] Trapš 1954; vgl. Sens 2009: 81 mit Dokumentation der Forschung in Anm. 407; vgl. die Abbildung ebd. Tafel 17.2.

Küstenstreifens vom Festland aus ins Wasser gesackt zu sein“ scheint [Sens 2009: 97], als Hinweis darauf zu verstehen, dass es in der klassischen Zeit dort in der Umgebung Interesse an spezifisch griechischer Kultur gegeben hat und dass dieses Interessse befriedigt werden konnte. Das würde gut zu einer griechisch geprägten Siedlung in der Umgebung des Fundortes passen.

(c) Bei der Untersuchung eines Grabes bei Ešera, etwa 10 km westlich des Zentrums von Suchum, stieß man auf eine (mit Deckel) 70 cm hohe schwarzfigurige attische Bauchamphora vom Typ A aus der Zeit ca. 520/10 v. Chr., auf der Dionysos mit 2 Mänaden und 2 Satyrn abgebildet ist und die eine Inschrift N[í]κον trägt[40]. Die Vase ist mit der Andokides-Werkstatt und dem Lysippides-Maler oder seiner Schule[41] oder vielleicht eher mit dem Priamos-Maler zu verbinden[42]. Das Grabinventar umfasste außerdem neben lokaler Keramik Teile von Pferdegeschirr, Waffen und Schmuck, für die skythische Parallelen genannt worden sind. Wenn es sich auch sicher nicht um die typische Bestattung eines Griechen handelt, lässt die Bauchamphore auf eine Vertrautheit mit griechischen Kulturgütern schließen, die mit persönlichen Beziehungen zu Personen erklärt werden könnten, für die der Umgang damit eine Selbstverständlichkeit war. Indirekt verweist das Grab damit auf die Möglichkeit der Ansiedlung von Griechen in der Nähe.

(d) Ebenfalls in Ešera wurden 1975 Fragmente einer griechischen Bronze-Inschrift ausgegraben. Die Gestaltung scheint von Athen angeregt zu sein. Naturwissenschaftliche Analysen der Bronze lassen auf lokale Produktion schließen. Der in einem Feuer zerborstene Text ist in spätklassischer oder frühhellenistischer Zeit entstanden. Wegen der starken Zerstörung ist der Inhalt im Einzelnen nicht sicher zu bestimmen[43]. Die Form und die Begrifflichkeit machen aber klar, dass hier ein offizielles Dokument vorliegt[44]. Damit ist eine Körperschaft in der

---

[40] Šamba, Šamba 1980: 213-214; Šamba 1983: 35–37; Braund 1994: 108–111; Bill 2003: 206; Sens 2009: 73–74.

[41] Šamba, Ėrlich, Džopua, Ksenofontova 2008; Džopua, Njuškov 2019: 125

[42] So im Anschluss an Sens 2009: 73–74 brieflich Bettina Kreuzer (Freiburg) am 16.07.2021.

[43] Vinogradov 1997: 596–601; vgl. Sens 2005: 116; Licheli 2007; Qauxč’išvili 2009 Nr. 11.

[44] Vinogradov verweist besonders auf ἐπανόρθωσις, was nach Robert 1960: 517–519 eine „restauration au sens matériel“ von religiösen und öffentlichen Einrichtungen oder Ausstattungen bezeichne.

näheren Umgebung bezeugt, die ihre Angelegenheiten nach griechischen Üblichkeiten regelte[45].

(e) 1890 wurden am linken Ufer des Kelasuri unmittelbar an dessen Mündung ins Schwarze Meer, d.h. ca. 5 km südöstlich vom Zentrum des heutigen Suchum, mehrere Kilogramm von Münzen gefunden. 1978 trat eine einzelne Münze beim Aufschütten eines Deiches am Meeresufer in Suchum selbst zutage[46]. Das einzige Exemplar der Silber-Prägung des zur Herrschaft über die Kolchis eingesetzten Aristarch wurde ebenfalls bei Suchum entdeckt[47]. Coşkun ist zuzustimmen, dass das insgesamt eine „scarce … numismatic evidence" ist [Coşkun 2020: 361]; aber auch hier ist die Frage des Maßstabs entscheidend: Für die Verhältnisse im Ostpontos-Raum handelt es sich um eine bemerkenswerte Evidenz, die zu einem Ort passt, an dem Griechen auf Partner aus dem Kaukasus und von jenseits des Kaukasus trafen, für die Münzen offensichtlich weniger bedeutsam waren[48].

(f) Am Anfang des 20. Jahrhunderts hat Michail Rostovcev in zwei Beiträgen das 1896 vor der Festung von Suchum gefundene Fragment einer frühkaiserzeitlichen lateinischen Inschrift vorgelegt, das inzwischen verschollen ist[49]. Auch wenn man die dort vorgeschlagene Lesung und Deutung nicht teilt, dass man hier ein direktes Zeugnis von der

---

[45] Tsetskhladze 2017: 483 hat ein indigenes Ešera-Land vom benachbarten Territorium der Stadt Dioskourias unterscheiden wollen. Die Inschrift deutet eher darauf hin, dass auch die Gegend von Ešera noch zu Dioskourias gehörte.

[46] Šamba 1987: 38; nach dem Catalogue of Georgian Numismatics 2013: 136 (georgisch) u. 255 (englisch) werden Exemplare des Hortfundes im Simon Janašia-Museum in Tiflis, in der Ermitage in St. Petersburg und im Historischen Museum Moskau aufbewahrt. Die Zweifel daran, dass diese Münzen wirklich bei Suchum gefunden wurden, die de Callataÿ 1997: 254 Anm. 75 formuliert und die Coşkun 2020: 362 Anm. 21 aufgreift, sind unbegründet und angesichts der detaillierten Angaben, die Šamba vorträgt, auch nicht überzeugend.

[47] Golenko 1974: 106; vgl. Catalogue of Georgian Numismatics 2013: 143–145 (georgisch) u. 262–264 (englisch); Bergmann 1998: 85–88 diskutiert, ob hier Pompeius abgebildet ist.

[48] Der von Coşkun zu Ungunsten von Suchum bemühte Vergleich mit Vani ist deswegen problematisch, weil der Charakter der Siedlung Vani grundsätzlich unklar, zugleich aber in einem außergewöhnlichen Maße von hellenistischer Kultur geprägt ist.

[49] Rostovcev 1907: 4–6 u. 365; ders. 1909: 12–13; vgl. AE 1905, 175.

Anwesenheit Arrians in Sebastopolis vor sich habe[50], verweist das von Coşkun als „obscure epigraphical fragment“ marginalisierte Dokument [Coşkun 2020: 358 Anm. 9] auf ein Umfeld, in dem die lateinische Sprache in der öffentlichen Kommunikation verwendet wurde. Es liegt nahe, dort eine römische Einrichtung zu erwarten. Dafür kommt in diesem Raum ein militärischer Stützpunkt infrage, der nur für Sebastopolis bezeugt ist (Arr. *Peripl. p. Eux*. 10.3).

Amphorenstempel, Werke griechischer Kunst von ansprechender Qualität, Münzen sowie griechische und lateinische Inschriften konzentrieren sich von der klassischen bis zur frühen Kaiserzeit in einer Dichte bei Suchum wie sonst nirgends am nördlichen Ufer der Kolchis, während die Funde bei Očamčira weit bescheidener sind und im ersten vorchristlichen völlig versiegen. Das nicht unbedeutende Dioskourias kann nicht bei Očamčira, sondern muss bei Suchum gesucht werden.

5. Arrians Bild der Küste vom Phasis bis nach Sebastopolis/ Dioskourias

Die neue Lokalisierung von Dioskourias und Sebastopolis hat Coşkun auch veranlasst, die von Arrian bei seiner Küstenfahrt angegebenen Orts- und Flussnamen anders zu verorten[51]. Dabei spricht er die Gefahr eines Zirkelschlusses selbst an. Aber neben dem Bemühen, einen Beitrag zur historischen Geographie der Gegend zu leisten, sollen die ausführlichen Erörterungen doch auch die Plausibilität der eigenen Rekonstruktion insofern erweisen, als sie ein in sich schlüssiges Bild zeichnen.

Sicher mit Recht setzt Coşkun voraus, dass Arrian viel Mühe darauf verwandt hat, korrekte Angaben zu machen. Dabei stand er, wie man ergänzen könnte, in einer doppelten Tradition. Einerseits führt er die Linie der Periplous-Literatur fort [Güngerich 1950]. Andererseits konnte er an Formen der geographischen Repräsentation der Größe des Römischen Reiches in seinen einzelnen Teilen anknüpfen, die in Agrippas Weltkarte einen maßgeblichen Vertreter gefunden hatte. Dessen Werk profitierte von den Möglichkeiten der Vermessung der Welt durch Experten beim Militär.

---

[50] [H]ad[rian(us) Aug(ustus)] … per FL(avium) A(rrianum) leg[(atum) Aug(usti) pr(o) pr(aetore)].

[51] Eine gute Übersicht erlaubt die Karte, die bei Coşkun 2020: 356 und unter https://www.altaycoskun.com/black-sea- <2022.02.23> abgebildet ist.

Marinos von Tyros und auf ihn aufbauend Ptolemaios konnten aus diesen reichen Datensammlungen schöpfen[52]. Damit waren Standards definiert, hinter die ein Statthalter wie Arrian nicht zurückfallen durfte, wenn er den Kaiser und seine Umgebung adressierte.

Methodisch ist es also gerechtfertigt, Arrians Darstellungen zu vertrauen. Das gilt für die Entfernungsangaben insbesondere dort, wo der Autor explizit Autopsie referiert. Natürlich können sich auch auf diesen Strecken Fehler in den Text eingeschlichen haben, falsche Messungen oder Unachtsamkeiten der Kopisten. Einzuräumen ist auch, dass Arrians Stadienangaben immer Vielfache von 30, demnach also gerundet sind[53]. Aber mit der Zahl 30 ist zugleich ein Maßstab gegeben, wie weit die Ungenauigkeiten reichen können, der zugleich ausschließt, dass man „etwa 210 Stadien" ohne weiteres auf 180 kürzt, um dem eigenen Schema zu genügen[54].

Einige weitere besonders wenig plausible Aspekte von Coşkuns Diskussion seien notiert:

(a) Nach Arrian erreicht man 90 Stadien nach dem Phasis den Charies, einen weiteren schiffbaren Fluss (Arr. *Peripl. p. Eux.* 10.1). Coşkun identifiziert den Charies mit einem nördlichen Arm des Rioni. Arrian hätte dann also nicht bemerkt, dass es sich um denselben Strom handle, in den er weiter südlich als in den Phasis hineingefahren sei. Das wird man dem sorgfältigen Autor ohne starke Gründe nicht unterstellen dürfen.

(b) Bei seiner Fahrt kann Arrian die Mündung des mächtigen Enguri nicht übersehen haben. Es würde die Qualität seines Berichtes stark einschränken, wenn er ihn überhaupt nicht erwähnt hätte, wie Coşkun ausdrücklich feststellt [Coşkun 2020: 663].

(c) Den bei Arrian genannten Fluss Ἵππος/Hippos (Arr. *Peripl. p. Eux.* 10.2, 11.4–5) bringt Coşkun mit einem Flüsschen zusammen, das auf Georgisch ცხენისწყალი/C'xeniscqali heißt, denn der griechische Name bedeutet „Pferd", der georgische „Pferdewasser" [Coşkun 2020: 664–665]. Dazu stellt er komplizierte und gelegentlich wenig plausible Überlegungen dazu an, zu welchen Verwechslungen und Missverständnissen es bei der

[52] Stückelberger, Graßhoff 2006: 11-20; zur Präzision der Daten vgl. oben.

[53] Coşkun 2020: 658 nach Arnaud 2005: 75.

[54] So Coşkun 2020: 653.

Beschreibung der Gegend gekommen sein könnte.[55] Allerdings ist völlig offen, ob „Hippos“ überhaupt griechisch zu erklären ist und ob es eine Kontinuität in der Bezeichnung als „Pferd(efluss)“ gibt. In der Zeit des anonymen Autors, der auf der Basis von Arrians Darstellung unter dessen Namen eine adaptierte Version verfasst hat, hieß der Fluss jedenfalls Lagoumpsas (Anon. *Peripl. p. Eux.* 9v21 Diller: τὸν νῦν λεγόμενον Λαγουμψᾶν). Es ist also zumindest fraglich, ob der (seit wann so genannte?) C'xeniscqali die Erinnerung an eine Bezeichnung bewahrt, die Griechen mit „Hippos“ übersetzt haben.

(d) Nach Coşkuns Rekonstruktion passiert Arrian die Gegend von Suchum ohne jede Bemerkung. Auf seiner Karte wäre sie ein weißer Fleck. Dort aber trifft der wichtigste westliche Kaukasus-Übergang auf das Schwarze Meer: Vom Norden kommend überschreitet die heute so genannte „Suchumer Heerstraße“ (Военно-Сухумская дорога/ Voenno-Suchumskaja doroga) das Gebirge am Kluchor-Pass, führt lange am Kodori entlang, geht dann ins Tal der Mačara über und endet an deren Mündung südöstlich von Suchum. Die starken Befestigungen bei Cebel'da [Voronov 2007; Voronov, Kazanski, Mastykova 2007] belegen die verkehrsgeographische Bedeutung, die sich im Laufe der Zeiten gewiss gewandelt hat[56], nie aber völlig geschwunden sein kann, so lange es Fernbeziehungen gegeben hat[57]. Gerade dieser Umstand dürfte wesentlich dazu beigetragen haben, dass sich am Ende des Weges am Meer archäologische Funde und Befunde konzentrieren, die höchst unterschiedliche Provenienzen bis deutlich über den Kaukasus hinaus aufweisen[58]. Sie sind Zeugen dafür, dass man in Dioskourias, Sebastopolis und Suchum meist ein gutes Auskommen fand. Es ist kaum vorstellbar, dass Arrian darüber kein Wort verloren hätte.

---

[55] Es gibt etwa keinen sachlichen Grund, die mit Arrians Darstellung in der Struktur völlig übereinstimmende Version des jüngeren anonymen Periplous als Alternative zu interpretieren [Coşkun 2020: 665 „relocates“]. Der Unterschied besteht darin, dass der jüngere Autor Arrians Abfolge mit Namen ergänzt, die in seiner Zeit gebräuchlich sind. Wenn er dabei den Tarsouras mit dem Moches identifiziert (9v21 Diller), gerät er nicht mit Arrian, sondern nur mit Coşkuns Deutung in Widerspruch.

[56] Zu erinnern wäre auch an die so genannte „Große abchasische Mauer“.

[57] Zur Bedeutung im 2. Weltkrieg vgl. Stativ 2018: 95–99.

[58] Vgl. allgemein Bagaturia 2006; für die Wegeverhältnisse in der Spätantike im Zusammenhang mit der berühmten Gesandtschaftsreise des Zemarchos vgl. demnächst Schleicher (im Druck).

Angesichts dieser Bedenken wird man Coşkuns neue Karte des antiken Kolchis-Ufers kaum annehmen können. Die scharfsinnige, oft nicht leicht entwirrbare Kumulation von Hypothesen hat ihn zu einer Rekonstruktion geführt, die weit davon entfernt ist, was man noch auf den Boden der Überlieferung gründen kann. Bezeichnend ist es, dass Coşkun es nicht ernst nehmen kann, dass Arrian tatsächlich in der Nähe von Očamčira die Wendung der Küste nach Westen beschreibt, dort allerdings noch nicht in Sebastopolis angekommen ist, sondern noch eine Etappe mit einem herrlichen Blick auf den faszinierenden Hochgebirgskamm des Kaukasus vor sich hat[59].

Literatur

1. Arnaud P. Les routes de la navigation antique. Itinéraires en Méditerranée. Paris: Errance, 2005.

2. Avram A., Hind J.G.F., Tsetskhladze G. The Black Sea area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / M. H. Hansen, Th.H. Nielsen (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 925–975.

3. Bagaturia E. On the Importance of the "Misimian's" – Kodori Route in the 1st-6th Centuries // Ēran ud Anērān. Studies Presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of his 70th Birthday / M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia (eds.). URL: www.transoxiana.org/Eran/Articles/bagaturia.html (accessed 26.03.2022).

4. Bergmann M. Die Strahlen der Herrscher. Theomorphes Herrscherbild und politische Symbolik im Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit. Mainz: von Zabern, 1998.

5. Bill A. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien, unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn: In Kommission bei Habelt, 2003.

6. Braund D. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. Oxford: Clarendon Press, 1994.

7. Braund D. Gyenos on Stage. Civic Foundation and the Comedy of Aristophanes' Birds // Wonders Lost and Found. A Celebration of the Archaeological Work of Professor Michael Vickers / Ed. N. Sekunda. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. P. 70–81.

[59] Arr. *Peripl. p. Eux.* 11.4–5; Coşkun 2020: 663–664 hält Arrians Darstellung für „an accurate description of the current littoral from the Second Gudava to Ochamchire". Damit unterstellt er dem, der dort entlanggefahren ist und sich um Anschaulichkeit bemüht hat, einerseits die sanfte Wendung der Küste nach Westen im Süden von Očamčira zu notieren und andererseits die scharfe Abbiegung wenig weiter nördlich zu verschweigen.

8. Braund D. Gyenos. Reflections on Etymology in Colchis and Tales of Argonauts and Giants // Environment and Habitation around the Ancient Black Sea / D. Braund, V.F. Stolba, U. Peter (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter, 2021. P. 321–334.

9. K'art'uli numizmatikuri k'atalogi, I nacili = Catalogue of Georgian Numismatics, Part I. Tbilisi: Meridian Publishers, 2013.

10. Coşkun A. Phasian Confusion. Notes on Kolchian, Armenian and Pontic River Names in Myth, History and Geography // Phasis. Greek and Roman Studies. № 21–22. 2019. P. 73–118.

11. Coşkun A. (Re-)Locating Greek and Roman Cities along the Northern Coast of Kolchis // Vestnik drevnej istorii / Journal of Ancient History / ВДИ. 2020. № 2. С. 354–376; № 3. С. 654–674.

12. Dan A. The Rivers Called Phasis // Ancient West and East. 2016. Vol. 15. P. 245–277.

13. de Callataÿ F. L'histoire des guerres mithridatiques vues par les monnaies. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art, séminaire de numismatique Marcel Hoc, 1997.

14. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster: Lancaster Press, 1952.

15. Dvornik F. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.

16. Džopua A.I., Njuškov V.A. Antičnaja ėpigrafika na territorii Abchazii // Vestnik Tanaisa 5.1. Rostov-na-Donu: Altair, 2019. P. 124–139. Джопуа А. И., Нюшков В. А. Античная эпиграфика на территории Абхазии // Вестник Танаиса. № 5. Т. 1. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 124–139.

17. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien: vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. 2. Aufl. Frankfurt am Main, New York: P. Lang, 1988.

18. Gabelia A. Dioscurias // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Vol. 2 / D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds.). Thessaloniki: Greek Ministry of Culture, 2003. P. 1215–1265.

19. Golenko K.V. Aristarch Kolchidskij i ego monety // Vestnik drevnej istorii / Journal of Ancient History / ВДИ. 1974. № 4. С. 105–110.

20. Gordeziani R. The Land of Aietes and the Argo in the Homeric Tradition // Phasis. Greek and Roman Studies. № 10.1. 2007. P. 86–94.

21. Jacoby Online. Die Fragmente der Griechischen Historiker Continued. Part IV / Ed. by St. Schorn. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1873-5363_jciv_a1784 (accessed 25.03.2022).

22. Güngerich R. Die Küstenbeschreibung in der griechischen Literatur. Münster: Aschendorff, 1950.

23. Hartmann A. Tekmeria. Die Wanderungen der Heroen als Problem der antiken Historiographie // Mobilität in den Kulturen der antiken Mittelmeerwelt / E. Olshausen, V. Sauer (Hrsg.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. S. 425–453.

24. Heinen H. Kaisereia und Agrippeia. Das Tor zur Maiotis als augusteisches Monument // Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10 Jh. n. Chr.) / N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg.). Göttingen: Cuvillier Verlag, 2011. S. 225–240.

25. Hind J.G.F. Milesian and Sinopean Traders in Colchis (Greeks at Phasis and the Ransoming of Shepwrecked Sailors) // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity: Aspects of Archaeology and Ancient History / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Oxford: Archaeopress, 2012. P. 105–108.

26. Hünemörder Ch. „Phasianus“. Studien zur Kulturgeschichte des Fasans. Diss. phil. Bonn: Universität Bonn, 1970.

27. Kac V. I. Colchian and „Pseudo-Colchian“ Amphorae and Stamps // Filias Xarin. Mélanges à la mémoire de Niculae Conovici / A. Avram, V. Lungu, M. Neagu (eds.). Bucureşti: Daim, 2008. P. 103–112.

28. Khvalkov E.A. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region. Evolution and Transformation. London: Routledge, 2018.

29. Kiessling M. Herakleion 9–10 // RE. 1912. Bd. 8.1. Hbd. 15. Sp. 500–501.

30. Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe. München: Abhandlungen der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1855.

31. Lesky A. Aia // Wiener Studien. 1948. T. 63. S. 22–68.

32. Lesky A. Aia (1948) // Gesammelte Schriften. Aufsätze und Reden zu antiker und deutscher Dichtung und Kultur / W. Kraus (Hrsg.). Bern: Francke Verlag, 1968. S. 29–63.

33. Licheli V. St Andrew in Samtskhe: Archaeological Proof? // Ancient Christianity in the Caucasus / Ed. T. Mgaloblishvili. Richmond: Curzon, 1998. P. 25–37.

34. Licheli V. New Discoveries in Colchis and Interpretative Version // Phasis. Greek and Roman Studies. № 10.1. 2007. P. 109–116.

35. Lordkipanidze O. Phasis. The River and City in Colchis. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000.

36. Orbeli I.A. Gorod bliznecov Διοσκουριάς i plemja voznic Ἡνίοχοι // Žurnal Ministerstva Narodnago Prosveščenija. 1911. № 33. S. 195–215. Орбели И. А. Город близнецов Διοσκουριάς и племя возниц Ἡνίοχοι // ЖМПН. 1911. № 33. С. 195–215.

37. Podosinov A.V. Ešče raz o proischoždenii imeni goroda Kerč’ // Antičnyj mir. Vizantija. K 70-letiju professora V.I. Kadeeva / Red. V. F. Meščerjakov. Char’kov: Biznes-Inform, 1997. S. 155–171. Подосинов А. В. Ещё раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В. И. Кадеева / отв. ред. В. Ф. Мещеряков. Харьков: Бизнес-Информ, 1997.

38. Podosinov A.V. Plinij Staršij. Estestvennaja istoria. Kniga VI. Perevod s latinskogo i kommentarii // Vestnik drevnej istorii / Journal of Ancient History / ВДИ. 2018. № 1. С. 160–189; № 2. С. 438–461; № 3. С. 767–795.

39. Qauxč'išvili S. K'art'velt'a mep'et'a c'xovreba. Tbilisi: State Publishing Company, 1955. Картлис Цховреба (История Грузии) / Сост. С.Г. Каухчишвили. Т. 1. Тбилиси: Сахелгами (Госиздат Грузинской ССР), 1955 (на груз. яз.).

40. Qauxč'išvili T. Sak'art'velos berżnuli carcerebis korpusi = Kauchtschischwili T. Korpus der griechischen Inschriften in Georgien / bearb. von L. Gordeziani. 3. Aufl. Tbilisi: Logos Pupl., 2009.

41. Rapp Jr. St.H. The Sasanian World through Georgian Eyes. Caucasia and the Iranian Commonwealth in Late Antique Georgian Literature. Oxford: Routledge, 2014.

42. Robert L. Inscriptions hellénistiques de Dalmatie // Hellenica: recueil d'épigraphie de numismatique et d'antiquités grecques. Vol. XI–XII. Paris: A. Maisonneuve, 1960. P. 505–541.

43. Rostovcev M. I. Nadpis' iz Sukhuma // Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obščestva Istorii i Drevnostej. T. 27. 1907. S. 4–6. Ростовцев М. И. Надпись из Сухума // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXVII. 1907. С. 4–6.

44. Rostovcev M. I. Novyja latinskija nadpisi s juga Rossii (s. 1 tabl. i 3 snimkami) // Izvestija Imperatorskoj Archeologičeskoj Komissii. Vypusk 33. 1909. S. 1–22. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России (с 1 табл. и 3 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 33. 1909. С. 1–22.

45. Šamba G. K., Šamba S. M. Raskopi v sele Nižnaja Ėšera // Polevye archeologičeskie issledovanija v 1977 godu (kratkie soobščenija) / Red. coll. O. Lordkipanidze, T. Mikeladze, I. Dzhalaganija. Tbilisi: Mecniereba, 1980. P. 209–215. Шамба Г. К., Шамба С. М. раскопки в с. Нижняя Эшера // Полевые археологические исследования в 1977 году (краткие сообщения) / ред. колл. О. Лордкипанидзе, Т. Микеладзе, И. Джалагания. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 209–215.

46. Šamba G. K. Pogrebenije VI v. do n.ė. bliz Suchumi // Kratkije soobščenija Instituta archeologii. 1983. Vypusk 174. S. 33–37. Шамба Г. К. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми // Краткие сообщения Института археологии. 1983. Вып. 174. С. 33–37.

47. Šamba S. M. Monetnoe obraščenie na territorii Abchazii (V v. do n.je. – XIII v. n.je.). Tbilisi: Mecniereba, 1987. Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1987.

48. Šamba G. K., Ėrlich V. R., Džopua A. I., Ksenofontova I. V. Ėlitnye archaičeskie kompleksy iz Central'noj Abchazii // Materialy po izučeniju istoriko-kul'turnogo nasledija Severnogo Kavkaza. Vypusk VIII. Krupnovskie

čtenija, 1971–2006 / Otv. red. A.B. Belinskij. Moskau: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2008. S. 967–968. Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В. Элитные архаические комплексы из Центральной Абхазии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006 / отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 967–968.

49. Schleicher F. Zemarchos und die Reise durch den Kaukasus // Menander Protektor / B. Bleckmann, M. Stein (Hrsg.) (im Druck).

50. Schmitt T. Φασιανός, „vom Phasis“. Komisches und Exotisches von Fasanen und anderen Tieren // Mobility in Research on the Black Sea Region / V. Cojocaru, A. Rubel (eds.). Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2016. P. 205–222.

51. Sens U. Zu einigen Grabkomplexen mit griechischer Keramik aus dem Umfeld von Dioskurias // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet, Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2. –15.2.2003 / F. Fless, M. Treister (Hrsg.). Rahden/Westf.: M. Leidorf, 2005. S. 111–118.

52. Sens U. Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste. Griechische Funde in Kolchis und Iberien. Kontexte und Interpretationen. Langenweißbach: Beran, 2009.

53. Shipley G. Pseudo-Skylax’s Periplous. The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary. Exeter: Bristol Phoenix Press, 2011.

54. Arrien: Périple du Pont-Euxin / texte établi et traduit par Alain Silberman. 2 éd. Paris: Les Belles Lettres, 2002.

55. Statiev A. At War’s Summit. The Red Army and the Struggle for the Caucasus Mountains in World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

56. Stückelberger A. Die geographische Ortsbestimmung und das Problem der synchronen Zeitmessung: Aspekte der antiken Kartographie // Études de Lettres: revue de la Faculté des lettres de l’Université de Lausanne. Janvier/Mars 1986. P. 87–102.

57. Klaudios Ptolemaios: Handbuch der Geographie. Griechisch-deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung / A. Stückelberger, G. Graßhoff (Hrsg.). Basel: Schwabe Verlag, 2006.

58. Stückelberger A. Masse und Messungen // Klaudios Ptolemaios, Handbuch der Geographie. Ergänzungsband mit einer Edition des „Kanons bedeutender Städte“ / A. Stückelberger, F. Mittenhuber (Hrsg.). Basel: Schwabe Verlag, 2009. 218–252.

59. Szabó Á. Das geozentrische Weltbild der Astronomie, Geographie und Mathematik der Griechen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1992.

60. Rewriting Caucasian History. The Medieval Armenian Adaptation of the Georgian Chronicles. The Original Georgian Texts and the Armenian Adaptation / Transl. by R.W. Thomson. Oxford: Clarendon Press, 1996.

61. Trapš M. M. Mramornyj barel'ef iz Suchumi // Vestnik drevnej istorii / Journal of Ancient History / ВДИ. 1954. № 1. С. 163–165.

62. Tsetskhladze G. R. Die kolchischen Stempel // Klio. 1991. Bd. 73. S. 361–381.

63. Tsetskhladze G. R. The Colchian Black Sea Coast. Recent Discoveries and Studies // Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral / M. Manoledakis, G. R. Tsetskhladze, I. Xydopoulos (eds.). Leuven, Paris, Bristol: Peeters Publishers, 2017. P. 425–545.

64. Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz am Rhein: von Zabern, 1997.

65. Voronov Ju. N. Dioskuriada – Sebastopolis – Cchum. Moskau: Nauka, 1980. Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М.: Наука, 1980.

66. Voronov Ju. N., Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium: La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C.–VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L´étude du site, 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2007.

67. Voronov Ju. N. Tsibilium. Vol. I. La nécropole apsile de Tsibilium. Les fouilles de 1977–1986 / le texte est préparé pour l'édition par M. Kazanski. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2007.

68. Voronov Ju. N. Dioskuriada–Sebastopolis–Cchum (1980) // Naučnye trudy v semi tomach. T. 4. Suchum: Abhazskij institut gumanitarnyh issledovanij ANA, 2014. S. 169–272. Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум // Воронов Ю. Н. Научные труды в семи томах. Т. 4. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2014. С. 169–272.

69. West M. L. Phasis and Aia // Museum Helveticum. Vol. 64. №. 4. 2007. P. 193–198.

Informationen über den Autor

Tassilo Schmitt, Prof. Dr., Professor für Alte Geschichte an der Universität Bremen, Bremen, Deutschland; tschmitt@uni-bremen.de

Information about the author

Tassilo Schmitt, Prof. Dr., Professor of Ancient History at the University of Bremen, Bremen, Germany; tschmitt@uni-bremen.de

Информация об авторе

Тассило Шмитт, профессор, доктор, профессор древней истории в университете Бремена, Бремен, Германия; tschmitt@uni-bremen.de

УДК 94(38).05

Афинские магистраты и ирония Фукидида

И. Е. Суриков

Аннотация. Иронию Фукидида склонны не замечать, порой просто отказывают ему в ней. «Ирония не является характерной чертой фукидидовского нарратива» (Х. Уэстлейк, один из ведущих исследователей творчества этого историка). Причина в том, что Фукидида часто воспринимают как образец скрупулезного и беспристрастного ученого, настоящего позитивиста, «античного Ранке» (впрочем, чем дальше, тем больше становится ясным, что этот образ не вполне корректен и Фукидид был скорее политическим мыслителем), и в качестве такового должен быть непроницаемо серьезным, чуждым любых эмоций. В статье демонстрируется, что горькая ирония занимала немаловажное место в труде Фукидида, в том числе и в тех его пассажах, в которых речь шла о видных магистратах (особенно о Перикле). Если не учитывать этого обстоятельства, наше понимание одного из величайших памятников античной исторической литературы оказывается сильно обедненным, а в определенных отношениях даже превратным.

Ключевые слова: Фукидид, Пелопоннесская война, Афины, Спарта, ирония, магистраты, Перикл, олигархи.

Athenian Officials and Thucydides' Irony

Igor E. Surikov

Abstract. Scholars are not inclined to notice Thucydides' irony and sometimes deny it to him. "Irony is not a characteristic of the Thucydidean narrative" (H. Westlake, one of the leading experts of the historian's work). The cause is that Thucydides if often perceived as a model of a scrupulous and impartial scientist, a real positivist, an "ancient Ranke" (however, it is gradually becoming clearer that this image is not quite correct and that Thucydides was rather a political thinker), and, as such, he must be impenetrably serious and alien to any emotions. The article demonstrates that a sort of bitter irony is of no little importance for Thucydides' treatise, including the passages dealing with significant officials (particularly Pericles). If we don't take it into account, our understanding of one of the greatest pieces of Ancient Greek historical literature appears to be much impoverished, in some respects even wrong.

Keywords: Thucydides, the Peloponnesian War, Athens, Sparta, irony, officials, Pericles, oligarchs.

© Суриков И. Е., 2022

Фукидидом постоянно упоминаются афинские магистраты V в. до н. э., из которых самым известным, безусловно, являлся Перикл. Он весьма часто занимал ключевую в полисе должность стратега, а последние пятнадцать лет своей жизни (с середины 440-х гг. до н. э.) избирался на этот пост ежегодно (соответствующие случаи с датировками перечислены в известных изданиях [Fornara 1971; Develin 2003], см. по указателям). Впрочем, впервые он вошел в состав коллегии стратегов значительно раньше. Ч. Форнара полагал, что это произошло в 454 г. до н. э. [Fornara 1971: 47], однако позже Э. Бадиан установил [Badian 1993: 13–14, 101], что Перикл был стратегом уже около 465 г. до н. э. (то есть, получается, буквально сразу после достижения тридцатилетнего возраста[1], начиная с которого можно было выставлять свою кандидатуру на эту должность), с чем согласен и Р. Девелин [Develin 2003: 491][2].

Итак, его карьера как магистрата была успешной и длительной – более 30 лет. К сожалению, только ее конец детально отражен в труде автора, который внес наибольший вклад в формирование историографического образа Перикла. Речь идет, разумеется, именно о Фукидиде. «История» последнего, как известно, посвящена Пелопоннесской войны, а события предшествующего периода Пентеконтаэтии изложены в ней лишь кратко и суммарно, почти без упоминаний имен[3], поэтому не удивительно, что Фукидид в подробностях останавливается лишь на последних годах жизни и деятельности знаменитого лидера афинской демократии.

---

[1] Перикл родился с наибольшей степенью вероятности в 494 г. до н. э. (см. наши выкладки со ссылками в [Суриков 2008: 282]).

[2] Правда, у него в качестве даты начала этой стратегии Перикла стоит 465 г. до н. э., в то время как мы предпочли бы 464 г. до н. э. (в связи с тем, что нами было сказано в предыдущем примечании).

[3] Э. Бадиан [Badian 1993: passim] убедительно демонстрирует, как много событий этих лет было просто пропущено Фукидидом в рассказе о Пентеконтаэтии. Ср. один из последних case-studies [Luginbill 2016]: Фукидид рассказывает только об одном походе Кимона на Пелопоннес (в 460-х гг. до н. э.) для оказания военной помощи спартанцам против восставших илотов, в то время как в действительности таких походов было два. У Фукидида речь идет о втором, а о первом мы узнаём только из Плутарха.

Как относился великий историк к Периклу? Решительно преобладающей точкой зрения на сей счет является та, согласно которой это отношение было однозначно восторженным, панегиричным. Данный тезис является ключевым, в частности, в наиболее фундаментальном исследовании по данной теме – монографии В. Вилля «Фукидид и Перикл» [Will 2003]. Сам Вилль, следует сказать, фигуру Перикла оценивает весьма критично [Will 1995], считая, что ее мировое значение непомерно преувеличено и что начало этому процессу положил как раз Фукидид. По мнению немецкого исследователя, главный, идеальный герой его труда – именно Перикл, а поскольку последний скончался в начале Пелопоннесской войны, то всё повествование о событиях после 429 г. до н. э. в «Истории» оказывается не более чем «подстрочным примечанием к изображению Перикла» [Will 2003: 186] – явное преувеличение, с которым крайне трудно согласиться.

Как полагает В. Вилль, все остальные ведущие деятели эпохи, о которой пишет Фукидид, рассматриваются как бы «в ракурсе Перикла». Так, Клеон для него – «анти-Перикл»; Никий и Алкивиад представлены так, что, если бы сложить их достоинства и отнять их недостатки, то получился бы как раз Перикл (то есть каждый из этих двоих предстает этаким «неполным Периклом»), при котором афиняне могли бы даже выиграть Пелопоннесскую войну.

Действительно ли Фукидид был столь ярым поклонником «афинского олимпийца»? Есть обстоятельства, которые побуждают высказать некоторые сомнения в этом. Фукидид происходил из рода Филаидов (Pherec. *FGrHist.* 3. F2), а именно этот род дал двух главных политических противников Перикла – Кимона и после него Фукидида, сына Мелесия (этот политик, скорее всего, был дедом историка – своего тезки). Соответственно, обычно считают, что Фукидид-историк даже презрел свою родовую традицию, поскольку Перикл стал его кумиром.

Также не следует забывать о том, что сам интересующий нас историк не был в числе горячих сторонников радикально-демократической формы правления, которая укрепилась в Афинах как раз благодаря Периклу. Совершенно напрасно С. Фаррар в книге «Происхождение демократической мысли» [Farrar 1994] называет Фукидида одним из трех идеологов демократии, известных в V в. до н. э. Двое остальных в этом списке – Протагор и Демокрит. Применительно к ним данное

суждение, вполне возможно, является верным, а вот для Фукидида идеалом являлась скорее умеренная олигархия; не случайно режим Пяти тысяч, установленный в 411 г. до н. э., оценивается историком (Thuc. VIII. 97. 2) исключительно высоко: «Этот государственный строй (по крайней мере в ранний период) представляется самым лучшим у афинян (во всяком случае на моей памяти). Действительно, это было благоразумное смешение олигархии и демократии. Таким образом, это государственное устройство впервые вывело афинское государство из того тяжелого состояния, в котором оно находилось».

Напомним основные принципы правления Пяти тысяч – режима, повторим, умеренно-олигархического, установившегося после свержения более жесткой олигархии Четырехсот, но тоже продержавшегося недолго и уступившего место восстановленной полной демократии. В гражданский коллектив включались и всеми правами граждан наделялись лишь 5000 человек (отсюда и название режима), остальные же гражданами не являлись. А между тем до того, даже после всех людских потерь в результате Пелопоннесской войны, эпидемии и пр., гражданским статусом в Афинах обладали около 25 тысяч человек (см. наши выкладки по афинской демографии для второй половины V в. до н. э. в [Суриков 2006: 473–486]). Сохранила же этот статус, выходит, лишь одна пятая часть, то есть заведомое (и незначительное) меньшинство, лица не ниже гоплитского слоя. Таким образом, перед нами, конечно же, олигархия, а вовсе не «смешение олигархии и демократии», как пишет Фукидид.

Показательно, что аналогичное позитивное отношение к режиму Пяти тысяч выказал и Аристотель (в «Афинской политии»): «В эту пору, по-видимому, у афинян было действительно хорошее управление: шла непрерывно война, и руководство государством принадлежало тем, кто обладал тяжелым вооружением» (Arist. *Ath. pol.* 33. 2). А уж Аристотеля никто не причислит к адептам радикальной демократии перикловского типа. О деятельности Перикла в «Афинской политии» говорится мало (Arist. *Ath. pol.* 27) и, в общем, в недовольном тоне.

Возвращаясь к Фукидиду, отметим, что в его труде более чем достаточно критических выпадов против радикальной демократии; историк наглядно показывает, как именно ее просчеты поставили государство на путь поражений. Но как же согласовать с этим пресловутые похвалы Периклу? Как согласовать введение в текст «Истории»

знаменитой Надгробной речи[4], которую традиционно характеризуют как едва ли не главный памятник афинской демократической идеологии? Насколько искренними являются соответствующие пассажи Фукидида? Не пронизаны ли они иронией?

Часто такая возможность даже не рассматривается. Иронию Фукидида склонны не замечать, порой просто отказывают ему в ней. Приведем цитату из статьи одного из виднейших исследователей творчества этого автора: «Ирония не является характерной чертой фукидидовского нарратива» [Westlake 1960: 393]. Это суждение весьма типично. Другое аналогичное высказывание (из более недавнего времени): ирония – «прием, редко употребляемый Фукидидом» [Stahl 2003: 101]. Или приведем такой вот пример, свидетельствующий, в сущности, о том же самом: в обширном комментарии С. Хорнблауэра к фукидидовской истории подробно разбирается Надгробная речь Перикла [Hornblower 2003: 294–316), но в связи с ней мы не находим у этого исследователя ни единого слова об иронии, как будто ее там и нет – а между тем, как будет продемонстрировано ниже, ее там вполне достаточно.

Дело, думается нам, в том, что Фукидида часто воспринимают как этакий образец скрупулезного и беспристрастного историка, настоящего позитивиста, «античного Ранке»[5]. Впрочем, чем дальше, тем больше становится ясным, что этот образ, мягко говоря, не вполне корректен. Так, Э. Бадиан был убежден, что методы работы Фукидида ближе к журналистским, чем к собственно научным, и демонстрировал это в одной из своих книг [Badian 1993] на многих примерах.

Процитируем также следующую формулировку такого видного специалиста, как Дж. Обер [Ober 2006: 131]: «Часто считается, что Фукидид был – в первую очередь и прежде всего – историком, что его притязания на славу основаны на его работе в качестве историографического новатора. Согласно этому взгляду, Фукидид пере-

[4] О ней очень много написано. См. хотя бы [Bosworth 2000; Balot 2001; Winton 2004; Lech 2019].

[5] Нам встречалась работа [Tucker 2016], в которой совершенно серьезно разбираются различия между Фукидидом и Ранке – как будто бы такие вещи вообще можно сопоставлять!

нял нарождающийся прозаический жанр истории из рук более ранних авторов, в том числе Гелланика и Геродота, и преобразовал его в строгую и "научную" дисциплину». Далее Обер отмечает, что, хотя эта точка зрения, безусловно, имеет право на существование, но следует учитывать и то, что Фукидид не только основывался на труде своих предшественников, но и порвал со всей их традицией. То, чем он занимался, – это, в общем-то, не столько историография, сколько политическая философия.

Именно такой взгляд на Фукидида – не как на скромного труженика-ученого, усердно собирающего факты, а как на гордого, амбициозного мыслителя, который сознательно строит на этих фактах целостное мировоззрение, – представляется куда более перспективным и позволяет очень многое объяснить в его творчестве. И сужение им тематического поля историописания: если его предшественникам – от Акусилая и Гекатея до Геродота и Гелланика – интересно очень многое в мире[6], то Фукидид концентрируется на делах, связанных с политикой (и войной как одной из форм политики). И смена «диалогичной» установки на «монологичную»: Геродот не претендует быть мыслителем, он λέγει τὰ λεγόμενα, передает всю пестроту существующих мнений, а Фукидид хочет, чтобы слышали только его собственный, властный и авторитетный голос, голос человека, «который всегда прав». И «риторический вектор» сочинения Фукидида, обилие в нем речей действующих лиц: ведь именно в этих речах по большей части автор излагает свои теоретические воззрения.

В данной связи надлежит рассматривать и иронию Фукидида, в том числе и по отношению к Периклу. На нее, повторим, зачастую даже не обращают внимания. Еще бы, ведь он как «идеальный историк-позитивист» должен быть непроницаемо серьезным, чуждым любых эмоций (или, по крайней мере, не демонстрирующим их, ср. [Cawkwell 1997: 68]). А между тем его труд просто-таки пронизан иронией – суровой, мрачной иронией, приближающейся к сарказму. Впрочем, в связи с отмеченным выше намечающимся изменением подходов к Фукидиду эта его ирония тоже понемногу начинает привлекать к себе некоторый интерес специалистов.

[6] Так, подавляющему большинству этих авторов свойствен большой интерес к географии; Фукидиду же он в целом чужд [Funke, Haake 2006].

Таковой, например, в значительной степени проявляется в работах У. Р. Коннора [Connor 1985][7], М. Тейлор [Taylor 2010][8].

Пишут даже уже о разных типах иронии Фукидида. Выделяют, в частности, иронию вербальную и структурную [Greenwood 2015: 105]. Первую видят в повторении одной и той же вербальной темы в радикально различающихся обстоятельствах, вторую же – в контрастных сопоставлениях ситуаций, вызывающих у читателя едва ли не противоположную реакцию. Например, за Надгробной речью, в которой дается идеальный образ благородных Афин, следует описание чумы, разгул которой сопровождался полной моральной деградацией жителей полиса; описание в высшей степени пышной отправки флота на Сицилию, когда среди граждан царил оптимизм относительно результатов экспедиции, не может не напомнить о катастрофическом провале всего предприятия (об этих и других аналогичных сопоставлениях см. также [Zagorin 2005: 69, 112; Dewald 2005: 64; Rogkotis 2006: 714; Rengakos 2006: 297; Furley 2006: 431; Rawlings 2017: 203–204; Joho 2017: 594]).

«Горькую иронию» Фукидида иногда уподобляют знаменитой иронии Сократа [Shanske 2006: 27]. Тут, конечно же, необходимо оговорить, что Сократ – этот, наверное, самый прославленный иронист всего античного мира, с именем которого нередко связывают рождение понятия иронии как такового (о Сократе как иронисте см. прежде всего [Vlastos 1991]), – являлся учителем Ксенофонта, который позже выступил в качестве прямого продолжателя Фукидида (о продолжателях Фукидида см. [Nicolai 2006]). Более того, есть мнение (представляющееся весьма интересным), согласно которому именно Ксенофонт издал, отредактировав, «Историю» Фукидида (см. к проблеме [Canfora 2006: 14–17]): она, как известно, не была завершена автором. Правда, самому Ксенофонту ирония как раз не свойственна, он по большей части прямолинеен в высказываниях – как в «Греческой истории», так и, кстати, в «Воспоминаниях о Сократе», из-за чего образ учителя оказался у него куда более «плоским» и одномерным, нежели, скажем,

[7] Эту монографию мы вообще считаем этапной, одной из лучших (если не лучшей) среди всех имеющихся о Фукидиде.

[8] Как совершенно справедливо замечает эта исследовательница, то, что Фукидид не проявляет иронию открыто, ровно ничего не значит: такова особенность именно суровой (rigorous) иронии [Taylor 2010: 223].

у Платона. Ксенофонт, таким образом, не воспринял сократовскую иронию, а вот Фукидид в данном плане оказался более непосредственным последователем «босоногого мудреца», с которым вряд ли мог быть незнаком (он был моложе Сократа, но последний, как известно, и в принципе предпочитал общество людей более молодых).

В силу ограниченного объема статьи мы остановимся лишь на некоторых пассажах из труда Фукидида, носящих иронический характер. Прежде всего нас интересуют те из них, которые относятся к Периклу; большинство их взято из его Надгробной речи.

Перикл, в частности, говорит в ней: «Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу» (Thuc. II. 45. 2). Но ведь тогдашняя спутница жизни «афинского олимпийца» – Аспасия – всем своим имиджем являла полное несоответствие этому тезису (ср. [Connor 1985: 67]). Далее, Перикл восхваляет афинскую демократию как строй, при котором «городом управляет не горсть людей, а большинство народа» (Thuc. II. 37. 1); а несколько ниже (Thuc. II. 65. 9) сам же Фукидид замечает, что при Перикле в Афинах «по названию… было правление народа, а на деле власть первого гражданина»[9]. Эти противоречия бросаются в глаза современному читателю и, следует полагать, точно так же были заметны читателям античным.

«Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности (φιλοκαλοῦμεν μετ’ εὐτελείας)… Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы» (Thuc. II. 40. 1). Уж не Периклу бы такое говорить. Одним из самых уязвимых мест всей его политической деятельности были как раз совершенно безумные траты, чтобы центр Афин выглядел роскошно и чтобы все эллины этому удивлялись (не похвальба ли?). Сильным доводом со стороны его оппонентов всегда звучал следующий: «мы золотим и наряжаем город, точно женщину-щеголиху, обвешивая его

[9] Дословно – «первого человека» (πρώτου ἀνδρός). Совершенно превратный перевод соответствующего места предлагает в книге о Перикле Г. А. Леманн [Lehmann 2008: 20]. Оговорим, что в действительности Перикл, вопреки Фукидиду, отнюдь не был этаким «монархом при демократии»: когда афинскому демосу заблагорассудилось сместить и наказать его, это не составило никакого труда. Но тут перед нами отдельный вопрос, в который не стоит углубляться в рамках данной статьи.

дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов» (Plut. *Pericl.* 12). Собственно, грандиозный проект реконструкции Акрополя только потому и был реализован, что в него были сделаны колоссальные финансовые вливания.

В другой речи (так называемой Первой речи Перикла), тоже приводимой Фукидидом, читаем следующее: «Пелопоннесцы – земледельцы и живут от трудов рук своих… На долгие войны, да еще и в заморских странах, они не решаются… Такие люди не могут снаряжать корабли… Их укреплений и флота нам не стоит опасаться… Стать опытными мореходами им будет нелегко… Как же эти земледельцы, чуждые морю, обреченные к тому же на бездействие под постоянной угрозой блокады их гаваней нашим многочисленным флотом, могут совершить что-либо достойное упоминания? Вступить в борьбу с несколькими блокирующими кораблями они, пожалуй, еще осмелятся, успокаивая себя тем, будто их неопытность можно возместить численным превосходством. Однако против большой эскадры блокирующих кораблей они не рискнут выйти в море. Оттого-то при отсутствии упражнения они всегда останутся менее искусными мореходами и именно поэтому – более нерешительными» (Thuc. I. 141–142).

Лейтмотивом здесь звучит та мысль, что Пелопоннесский союз во главе со Спартой на море всегда будет слабее Афинской архэ и что в этом залог будущей победы афинян. А между тем, как уже было справедливо замечено [Tritle 2006: 472], Фукидид совершенно точно дожил до конца Пелопоннесской войны, был свидетелем последнего этапа этого вооруженного конфликта. А на этом этапе произошло именно то, самую возможность чего здесь начисто отрицает Перикл: Спарта построила мощный флот, который стал сражаться с афинским на равных, и ведь в конечном счете исход войны в пользу Спарты был решен именно на море (битва при Эгоспотамах 405 г. до н. э.).

Кстати, в той же речи (Thuc. I. 141. 6) Перикл, этот, казалось бы, верный приверженец *демократии*, вдруг обрушивается на *демократическую* черту Пелопоннесского союза – равноправие его членов. В этом тоже видят проявление иронии [Foster 2010: 144]. Первая речь в целом преисполнена оптимизма, в ней звучат прямые предсказания, что «мы одержим верх» (Thuc. I. 144. 1). А в другом месте Фукидид хвалит Перикла именно за прозорливость: «…После его кончины афиняне убедились, в том, насколько правильны были его расчеты

и предвидения относительно хода войны» (Thuc. II. 65. 6). Сопоставление этих пассажей порождает впечатление той самой структурной иронии, о которой говорилось выше: ведь война-то в итоге была Афинами проиграна, так что оптимизм «первого гражданина» оказался совершенно неуместен [Taylor 2010: 84].

Перикл у Фукидида уподобляет Афины острову (Thuc. I. 143. 5) и именно на этом строит свою стратегию обороны (в связи с теорией «острова Афин» см. подробно [Constantakopoulou 2007: 137–175]). Но Афины не остров, подчеркивает У. Р. Коннор, и в этом тоже есть своя ирония [Connor 1985: 51]: ведь, стало быть, избранная стратегия оказалась ошибочной (именно это, кстати, продемонстрировал Д. Кэген, крупнейший специалист по истории Пелопоннесской войны, в статье о Перикле как полководце, достаточно критичной по отношению к нему [Kagan 2005]), она, называя вещи своими именами, не оправдала себя. Поэтому, может быть, и не является большим преувеличением суждение, согласно которому отношение Фукидида к стратегии Перикла было ироническим [Scardino 2012: 74].

Кстати, несколько слов о подобного рода оборонительной стратегии в целом. В первой книге труда Фукидида, действие которой развертывается еще до начала Пелопоннесской войны, постоянно подчеркивается, насколько осторожны, тяжелы на подъем спартанцы и насколько, с другой стороны, дерзки и агрессивны афиняне. А когда военные действия открываются, оказывается, что первые настойчиво ведут наступление, а вторые робко прячутся от них за стенами своего города. В этом тоже видят иронию [Jaffe 2017: 190].

Вернемся к Надгробной речи. Отмечалась непоследовательность Перикла, заключающаяся в следующем: он говорит (Thuc. II. 36. 1), что традиционную речь над прахом павших воинов[10] уместнее всего начать с предков и их деяний, а сам при этом начинает отнюдь не с них, успевая довольно много сказать уже и до того [Orwin 1994: 16]. А вот и еще одно интересное наблюдение [Price 2001: 143], касающееся известных слов, произносимых афинским лидером: «Друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому – более

[10] О жанре надгробной речи (ἐπιτάφιος λόγος) в Афинах см. прежде всего фундаментальное исследование [Loraux 1986].

надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими услугами. Напротив, человек облагодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности. Мы – единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим» (Thuc. II. 40. 4–5).

С трудом можно поверить, что это говорится об афинянах, которые к тому времени уже низвели своих бывших друзей – союзников по Делосской симмахии – до положения бесправных подданных. Достаточно вспомнить и форос, и Монетный декрет[11], и запрет выхода из объединения, когда любая попытка такового воспринималась как мятеж и жестоко подавлялась вооруженной силой. Фукидид, конечно, знал, что в дальнейшем именно недовольство союзников бесчеловечным отношением со стороны Афин привело к распаду Архэ, ставшему одной из главных причин победы Спарты в Пелопоннесской войне.

Перикл знать этого не мог. Но характерно, что он у того же Фукидида произносит знаменательные слова: «Ведь ваше владычество (владычество афинян над союзниками – *И. С.*) подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее – весьма опасно» (Thuc. II. 63. 2). А в другом месте у историка Клеон говорит: «Не забывайте, что ваше владычество над союзниками – это тирания, осуществляемая против воли ваших подданных, которые злоумышляют против вас… На их дружбу вы не можете рассчитывать: они подчиняются лишь уступая силе» (Thuc. III. 37. 3). Сказано практически то же самое, а между тем эта тирада вложена в уста политика, который обычно признаётся «анти-Периклом» у Фукидида (см. выше). Сопоставление же слов Перикла и Клеона о дружбе вновь порождает пресловутую структурную иронию.

Коснемся, наконец, еще одного примера[12], связанного уже не с Периклом, а с иными афинскими магистратами, и взятого

[11] Хотя ныне получила широкое распространение датировка Монетного декрета временем Пелопоннесской войны (уже после смерти Перикла), мы продолжаем настаивать на том, что это важнейшее постановление было принято в 440-х гг. до н. э. См. [Суриков 2017], где в пользу данной точки зрения привлекается материал совсем недавно опубликованного, ранее неизвестного нового фрагмента декрета [Hatzopoulos 2013–2014]; в той же нашей статье – и указания на литературу по теме.

[12] На него уже было обращено внимание в литературе [Taylor 2002].

из совсем другого места «Истории» Фукидида, из ее последней книги, в которой, в частности, рассказывается об олигархическом перевороте Четырехсот в 411 г. до н. э., когда группа влиятельных политиков (среди которых были высокие должностные лица, из которых наиболее известен стратег Фриних), скрытых противников демократии, решила ее уничтожить. Об этом перевороте историк пишет, что он «удался, хотя и не без труда. Ведь нелегко было лишить свободы афинский народ, который уже около ста лет после низвержения тирании не только сам был свободен, но и привык свыше половины этого времени сам властвовать над другими» (Thuc. VIII. 68. 4). Однако сам рассказ Фукидида о событиях переворота, в общем-то, опровергает этот априорный тезис. Сторонники олигархии созвали заседание народного собрания и внесли предложения, совокупность которых вела к ликвидации демократического правления. «Народное собрание *без возражений* (курсив наш – *И. С.*) утвердило эти предложения» (Thuc. VIII. 69. 1).

Олигархи опасались сопротивления со стороны Совета Четырехсот. Но, когда они явились в булевтерий, члены Совета безропотно разошлись, не отказавшись, между прочим, получить не заработанное ими жалованье за срок до конца года. «Остальные граждане также не оказывали сопротивления и хранили полное спокойствие» (Thuc. VIII. 70. 1). Таким образом, ликвидировать демократию на деле оказалось очень даже легко. Да и низложен олигархический режим был не в результате восстания демоса против него, а как следствие распрей в самом правительстве между приверженцами умеренной и крайней олигархии.

Итак, всё подводит нас к выводу о том, что ирония занимала немаловажное место в труде Фукидида, в том числе и в тех его пассажах, в которых речь шла о видных магистратах. Если не учитывать этого обстоятельства, наше понимание одного из величайших памятников античной исторической литературы оказывается сильно обедненным, а в определенных отношениях даже превратным.

Список литературы

1. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006.

2. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука, 2008.

3. Суриков И. Е. Новый фрагмент Афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика) и его значение // Аристей. 2017. Т. 15. С. 35–54.

4. Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1993.

5. Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage // American Journal of Philology. 2001. Vol. 122. P. 505–525.

6. Bosworth A. B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // Journal of Hellenic Studies. 2000. Vol. 120. P. 1–16.

7. Canfora L. Biographical Obscurities and Problems of Composition // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 3–31.

8. Cawkwell G. Thucydides and the Peloponnesian War. London; New York: Routledge, 1997.

9. Connor W. R. Thucydides. Princeton: Princeton University Press, 1985.

10. Constantakopoulou C. The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World. Oxford: Oxford University Press, 2007.

11. Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

12. Dewald C. J. Thucydides' War Narrative: A Structural Study. Berkeley: University of California Press, 2005.

13. Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

14. Fornara C. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1971.

15. Foster E. Thucydides, Pericles, and Periclean Imperialism. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

16. Funke P., Haake M. Theatres of War: Thucydidean Topography // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 369–384.

17. Furley W. D. Thucydides and Religion // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 415–438.

18. Greenwood E. On Translating Thucydides // A Handbook to the Reception of Thucydides / Ed. by C. Lee and N. Morley. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 91–121.

19. Hatzopoulos M. B. The Athenian Standards Decree: The Aphytis Fragments // Τεκμήρια. 2013–2014. Vol. 12. P. 235–269.

20. Hornblower S. A. Commentary on Thucydides. Vol. 1: Books I–III. Oxford: Clarendon Press, 2003.

21. Jaffe S. N. Thucydides on the Outbreak of War: Character and Contest. Oxford: Oxford University Press, 2017.

22. Joho T. Thucydides, Epic, and Tragedy // The Oxford Handbook of Thucydides / Ed. by R. K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 587–604.

23. Kagan D. Perikles as General // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives / Ed. by J. M. Barringer, J. M. Hurwit. Austin: University of Texas Press, 2005. P. 1–9.

24. Lech M. L. Praise, Past and Ponytails: The Funeral Oration and Democratic Ideology in the Parabasis of Aristophanes' Knights // Poet and Orator: A Symbiotic Relationship in Democratic Athens / Ed. by A. Markantonatos, E. Volonaki. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. P. 101–121.

25. Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München: Beck, 2008.

26. Loraux N. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1986.

27. Luginbill R. D. Cimon and Athenian Aid to Sparta: One Expedition or Two? // Rheinisches Museum für Philologie. 2016. Bd. 159. S. 135–155.

28. Nicolai R. Thucydides Continued // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 693–719.

29. Ober J. Thucydides and the Invention of Political Science // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 131–159.

30. Orwin C. The Humanity of Thucydides. Princeton: Princeton University Press, 1994.

31. Price J. J. Thucydides and Internal War. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

32. Rawlings H. R. Writing History Implicitly through Refined Structuring // The Oxford Handbook of Thucydides / Ed. by R. K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 195–209.

33. Rengakos A. Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 279–300.

34. Rogkotis Z. Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 57–86.

35. Scardino C. Indirect Discourse in Herodotus and Thucydides // Thucydides and Herodotus / Ed. by E. Foster, D. Lateiner. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 67–96.

36. Shanske D. Thucydides and the Philosophical Origins of History. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

37. Stahl H.-P. Thucydides: Man's Place in History. Swansea: The Classical Press of Wales, 2003.

38. Taylor M. C. Implicating the Demos: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // Journal of Hellenic Studies. 2002. Vol. 122. P. 91–108.

39. Taylor M. C. Thucydides, Pericles, and the Idea of Athens in the Peloponnesian War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

40. Tritle L. Thucydides and Power Politics // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. P. 469–491.

41. Tucker A. Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke // Knowing Future Time in and through Greek Historiography / Ed. by A. Lianeri. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016 P. 361–384.

42. Vlastos G. Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca: Cornell University Press, 1991.

43. Westlake H. D. Athenian Aims in Sicily, 427–434 B.C.: A Study in Thucydidean Motivation // Historia. 1960. Bd. 9. S. 385–402.

44. Will W. Perikles. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1995.

45. Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn: Habelt, 2003.

46. Winton R. Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. 2004. Bd. 147. Ht. 1. S. 26–34.

47. Zagorin P. Thucydides: An Introduction for the Common Reader. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Информация об авторе

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций, Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия; профессор кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. Hab. in History, chief researcher of the Department of Comparative Studies in Ancient Civilization, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; professor of the Department of Cultural History and Theory, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; isurikov@mail.ru

УДК 94(37)

Царь Порсенна и Рим: происхождение традиции

А. В. Коптев

Аннотация. Отношения городов Средней Этрурии с Римом стали актуальными после образования на землях, ранее принадлежавших Вейям, римских триб в 387 г. до н. э. Поэтому поход царя Клузия в Лаций слабо мотивирован для VI в. до н. э. Порсенна выглядит предводителем «частной» армии, по поручению Вей захватившей римский Яникул. В римскую историографию его история попала из сочинения Тимея из Тавромения, использовавшего хронику из Кум, и записей понтификов III в. до н. э., объяснивших понятия «vicus Tuscus» и «bona Porsennae regis». В ранней версии Порсенна скорее был участником борьбы Рима с латинами, а не истории изгнания Тарквиниев.

Ключевые слова: Порсенна, Рим, Клузий, Вейи, Арриция, Коклес, Сцевола, Клелия, purthne.

King Porsenna and Rome: the Origins of the Tradition

Aleksandr V. Koptev

Abstract. The cities of Middle Etruria came into close contact with Rome only after the conquest of Veii and establishment of the four Roman tribes in 387 BC. Therefore, King Porsenna's campaign from Clusium to Latium is poorly motivated for the sixth century BC. It seems to be Timaeus of Tauromenium who derived Porsenna from Clusium and connected him with the Greek narrative known as the "Cumaean Chronicle". The annalistic historiography unified Timaeus' version with the third-century pontifical records, which interpreted the idioms of "vicus Tuscus" and "bona Porsennae regis". The Tarquins' expulsion story replaced an early version, in which Porsenna could be the leader of a 'private' army, who captured the Janiculum on behalf of Veii or helped the Romans in their conflict with the Latins.

Keywords: Porsenna, Rome, Clusium, Veii, Aricia, Cocles, Scaevola, Cloelia, purthne.

Осада Рима царем Ларсом Порсенной из Клузия в конце VI в. (здесь и далее до н. э.) обстоятельно описана античными авторами [см. Ridley 2015: 77–95]. Порсенна осаждал Рим по просьбе изгнанного царя Тарквиния с тем, чтобы вернуть ему трон[1]. Ливий и Дионисий

[1] Liv. II.9.1–4; Dion. Hal. *AR*. V.21.1; Verg. *Aen.* VIII.646–647; Sil. It. *Pun.* VIII.479; Flor. I.4.10; Ampel. XXXIX.3.

© Коптев А. В., 2022

Галикарнасский рассказывают, что римские герои сумели отразить нападение этрусского царя[2]. Но Тацит обмолвился, что «город сдался Порсенне»[3], а Дионисий упоминает «дух города, поникший после поражения от тирренов»[4]. Это позволяет исследователям трактовать как свидетельство подчинения и слова Плиния: «в договоре, который после изгнания царей Порсенна заключил с римским народом, мы находим и особое условие, по которому римляне могли пользоваться железом только в земледелии» (Plin. *NH.* XXXIV.39). Однако странно, что римляне почему-то скрывали подчинение своего города Порсенне, тогда как захват его галлами их нисколько не унижал [Martínez-Pinna 2011: 56]. Подводя итог этой истории, Орозий сообщал: «Порсенна, царь этрусков, самый влиятельный сторонник царского правления, пришедший на помощь Тарквинию, три долгих года держал в страхе, окружал и осаждал объятый страхом город» (Oros. II.5.3: tribus continuis annis trepidam urbem terruit conclusit obsedit). Осада началась с неожиданного захвата Порсенной Яникула, укрепленного еще Анком Марцием. У Ливия (II.10.3), захватив Яникул, этруски сразу же атаковали мост через Тибр, а у Дионисия (*AR.* V.22.4–23.2) перед этим состоялась битва, победа в которой позволила Порсенне продиктовать мирный договор Риму. Римляне возвращали ранее захваченные у Вей septem pagi и давали заложников. Использовав укрепления Яникула для своего лагеря, Порсенна начал осаду левобережного Рима. Предпринятая одновременно осада Арриции его сыном Аррунтом оказалась неудачной. Аррунт погиб в бою против приглашенных латинами греческих гоплитов, которых возглавлял Аристодем из Кум. Обращенное в бегство этрусское войско укрылось в Риме. После этой неудачи Порсенна покинул римлян[5]. По словам Дионисия, заключенный с ними (второй) договор был дружественным и чрезвычайно благоприятным для Рима (Dion. Hal. *AR.* V.34.4; ср. Liv. II.14.3-4; 15.6). Порсенна вер-

---

[2] Liv. II.9.1–15.7; Dion. Hal. *AR.* V.21.1–36.4; VII.5.1–6.3; Plut. *Popl.* 16–19.

[3] Tac. *Hist.* III.72.1: Porsenna dedita urbe. Ю. Б. Циркин (2018: 21 и 22) ошибочно утверждает, что Порсенна разрушил сдавшийся город.

[4] Dion. Hal. *AR*. VI.12.1: … τὸ φρόνημα τῆς πόλεως τεταπεινωμένον ἐκ τοῦ Τυρρηνικοῦ.

[5] Ж-Р. Жанно считает, что неудача Аррунта под Арицией не мешала Порсенне сохранять контроль над Римом, а историография выдала это за мирный договор. См. Jannot 1988: 604.

нул римских заложников, укрепленный Яникул со всем имуществом и окружавшую его область septem pagi[6].

Современная историография вопроса обширна [см. Ridley 2017: 33-58]. Памятником правления Порсенны в Клузии считается описанная Плинием гробница, имитирующая лабиринт[7]. О самом Порсенне нет никаких сведений за пределами мифологии в сочинениях поздних авторов, когда история осады им Рима стала частью народной традиции[8]. Для этрусков Порсенна стал символом борьбы на равных с Римом и свидетельством былого величия. Поэтому неудивительно, что римские антиквары отождествили с этим царем героя этрусского фольклора. Плиний (*NH.* II.140) упоминал миф (vetus fama Etruriae) о борьбе Порсенны с неким чудовищем: «Древние этрусские предания гласят, что таким образом царь Порсенна вымолил молнию, чтобы она поразила чудовище по имени Ольта, которое опустошило окрестности Вольсиний и подступило уже к самому городу». С Порсенной и Olta/Veltha идентифицированы изображения героя, приносящего в жертву волкообразное существо, на серии урн, датируемых II в.[9], хотя не все принимают такую трактовку.

Античные авторы называют Порсенну то царем Клузия[10], то царем этрусков (Τυρρηνών βασιλεύς)[11] или Этрурии (Serv. *ad Aen.* VIII.646: rex Tusciae). Плутарх называет Порсенну «самым могущественным царём во всей Италии» (*Popl.* 16.1: μεγίστην τῶν Ἰταλικῶν βασιλέων). Многие исследователи считают Клузий ведущим городом Этрурии, возвысившимся в силу превращения в экономический центр региона к концу VI в.[12] Другие, напротив, считают Клузий небольшим сельским город-

---

[6] Дионисий подчеркивает, что оставленный Порсенной римлянам лагерь скорее был укрепленным городом (Dion. Hal. *AR*. V.34.4).

[7] Plin. *NH*. XXXVI.19.91–93; cp. Sordi 1995: 35–39, 41–47; Gaugler et al. 2002: 1–27; Jannot 2005: 633–649.

[8] Самые ранние сведения о Порсенне принадлежат Полибию (VI.55) и Аристиду Милетскому (ap. Plut. *Mor.* 305E). Оба автора писали во II в., и многие современные исследователи считают рассказы о Порсенне продуктом этого времени [см. Ridley 2017: 54].

[9] Brunn, Körte 1916: III, 16–23; Hafner 1977: 38–41; Cherici 1994: 355-361.

[10] Liv. II.9.1; Dion. Hal. *AR*. V.21.1; 34.5; Strabo V.2.2.

[11] Flor. I.4.10; Plut. *Mor.* 305E; Dion. Hal. *AR*. V.26.1; Polien. *Strat.* VIII.8; Ampel. XXXIX.3; Eutrop. I.11.1; *De vir. ill.* 11, 12.

[12] Torelli 1997: 188–189, 196; Pallottino 1993: 305, 308–313.

ком во внутренней Этрурии, которая хотя и переживала в то время известный бум ремесленной и торговой деятельности, но отнюдь не сравнима с крупными центрами южной Этрурии[13]. Поэтому выражаются сомнения, что у него было достаточно ресурсов для военного предприятия такого масштаба, как завоевание Рима. Часть исследователей считают Порсенну главой лиги этрусских городов, распоряжавшегося их общими ресурсами[14]. Дж. Колонна предположил, что царь Клузия был и правителем Вольсиний, центрального города этрусской федерации[15]. Ж-Р. Жанно отождествляет Порсенну со стратегом этого союза (στρατηγὸς ἡγούμενος)[16]. В качестве такового он был бы скорее не царем, а военным вождем Этрурии (praetor Etruriae)[17]. В эпиграфике такой федеральный магистрат известен только для имперского периода, а в ранние времена этрусскую федерацию возглавлял скорее религиозный лидер [Massa-Pairault 2016: 140]. Поэтому Порсенна мог быть тираном, захватившим власть в ряде этрусских городов, опираясь на наемников [Di Fazio 2000: 406–407]. Исследователи стремятся связать с ним изображения борьбы этрусских воинов с греческими гоплитами, которые, возможно, отражали общую атмосферу эпохи (хотя их датировки условны)[18]. Однако нет свидетельств их отношения к Риму.

В VI в. у Клузия не было интересов в Лации, удаленном приблизительно на 170 км[19]. Наличие связи с Тирренским морем по рекам Альбиния и Фьора делало ненужным установление контроля за речным путем по Тибру[20]. Римская политика того времени не выходила за пределы зоны в 30–50 км. Поиски причин поддержки Клу-

---

[13] Di Fazio 2000: 404–495; Martínez-Pinna 2011: 57–58.

[14] Heurgon 1974: 707–708; Sordi 1989: 39–43; 1995: 8–9; Migliorati 2003: 61–65. Ср. Maggiani 2001: 37–48.

[15] Colonna 2000: 277–289; Pallottino1993: 309; Jannot 1988: 605; Camporeale 2000: 68, 78, 103.

[16] Jannot 1988: 603–607, ср. Aigner-Foresti 2003: 142–143: диктатор.

[17] Претор как носитель титула zilath (zilaχ или zilaθ) см. Cortsen 1925: 107–115; Maggiani 2001: 37–48. О praetor Etruriae см. Zuddas 2017: 217–235.

[18] Jannot 1988: 608–611; ср. Di Fazio 2000: 400–401.

[19] Этрусское происхождение Тарквиния Приска не помешало пяти городам Средней Этрурии (Клузий, Арреций, Волатерры, Рузеллы и Ветулония) выступить против Рима на стороне латинов (Dion. Hal. *AR*. III.51.4).

[20] В источниках не прослеживается приписываемое [Циркин 2018: 20] Порсенне желание создать «тибрскую» державу и подчинить весь Лаций.

зием римского царя породили предположение, что изгнание Тарквиниев нарушило экономические связи между Этрурией и Кампанией, и поход Порсенны имел целью их восстановление[21]. Однако его договор с Римом был полезен Вейям, а не изгнанному царю. Хотя античные авторы считали, что Порсенна имел целью вернуть Тарквиниев в Рим, он не стал делать этого[22]. Возможно, предприятие Порсенны не имело такой цели, и только включение его в легенду об изгнании Тарквиниев привело к ее созданию. А. Альфёльди считал, что Порсенна никогда не поддерживал Тарквиниев, так как они принадлежали к противоборствующим группам; он был союзником римлян и фактически искал их помощи, а его доверенными лицами были этруски Ларций и Герминий [Alföldi 1965: 74–78, 81–82].

Более ста лет после этого Рим и Клузий не имели контактов. Ни Клузий, ни Вольсинии не пришли на помощь Вейям (Liv. V.1.6; 35.4), когда Рим осаждал этот этрусский город в 406–396 гг. Только учреждение четырех римских триб за Тибром и выведение на их землю колонистов из Рима повлекло за собой войну с Вольсиниями в 392 г. (Liv. V.30.8; 31.5–6; 32.2–5) Затем началась серия конфликтов с Тарквиниями, продолжавшихся до III века [см. Sordi 1995: 55–68]. Рассказ об обращении Клузия к римлянам за помощью против галлов в 390 (387) г. (Liv. V.33.2–10) скорее указывает на связь этого города с долиной реки По [см. Jannot 1988: 612–613; Sordi 1995: 17–19]. Как подчеркивает Ливий, между Клузием и Римом не было никаких отношений[23]. Три Фабия, посланных в Клузий, вмешались в конфликт на стороне этрусков, и это послужило поводом для нападения галлов на Рим. После этого Клузий появляется в источниках только в начале III века (Liv. X.25.11; 26.7–11). Так что, поход царя Клузия на Рим выглядит анахронизмом, цель его неясна, результатов он не имел, несмотря на предполагаемый временный захват города этрусками.

Ныне часть исследователей рассматривают поход Порсенны как предприятие частной армии, которые считаются распространенны-

---

[21] Gjerstad 1969: 160; Aigner-Foresti 2003: 143–144.

[22] Liv. II.9.1–4; Dion. Hal. *AR*. V.31. 1–2; Verg. *Aen.* VIII.646–647; Sil. It. *Pun.* VIII.479; Plut. *Popl.* 16.1; Flor. I.4.10; Ampel. XXXIX.3.

[23] Liv. V.33.2–4; 35.4–36.11; ср. Diod. XIV.113.3–7; Dion. Hal. *AR*. XIII.11–12; Iustin. XLIII.3.4.

ми в эпоху архаики[24]. Наличие рядом с Порсенной распределявшего плату воинам «секретаря» (его по ошибке убил юноша Муций), позволяет считать их наемниками [Colonna 1976: 187–195]. Подобных Порсенне «кондотьеров» видят в братьях Вибенна и их соратнике Мастарне на фресках в Гробнице Франсуа в Вульчи[25]. Авл Вибенна упомянут также в надписи на кубке из Портонаккьо (*TLE* 35), датированном серединой VI в.[26] Э. Пайс идентифицировал с Порсенной изображенного на фреске (*TLE* 298) Pesna Aremsnas Sveamach [Pais 1913: I, 511]. Вожди армий, состоявших из зависимых сородичей и наёмников, выглядят частью реальности в Средней Италии VI–V вв. Во время римско-вейентской войны 483–474 гг., на помощь Вейям «из всей Тиррении сошлись самые могущественные мужи, приведя с собой и своих подданных»[27]. В битве при Арсийском лесе в 508 г. римлянам противостояли этруски Тарквиний и Вей, а «из других городов им на помощь пришло некоторое число добровольцев, одни из которых снаряжены в поход на средства друзей, другие – наняты за плату» (Dion. Hal. *AR*. V.14.1).

Осада Рима Порсенной представлена в традиции как череда подвигов римских героев Горация Коклеса, Муция Сцеволы и девицы Клелии. П. Гораций Коклес остановил этрусскую армию на мосту через Тибр и, дождавшись, когда римляне за его спиной разрушат мост, бросился в реку, предварительно посвятив себя божеству[28]. В поздней версии Гораций спасся невредимым или раненым, но у Полибия он утонул (Polyb. VI.55.1-4). Битва на мосту с монстрами из иного мира – распространенный фольклорный сюжет, восходящий к мифологии ранних индоевропейцев. Трехголовое (или 6, 9, 12-ти) чудовище обычно встречают три героя (протагонист с помощниками). Также и Гораций Коклес сражается на Сублициевом мосту

---

[24] См. Colonna 1990: 17; Adam, Rouveret 1990: 346–348; Di Fazio 2000: 397–400; Adam 2001: 883; Martínez-Pinna 2011: 59; Armstrong 2016: 137–138.

[25] Cornell 1995: 143–150; Rawlings 1999: 97–127; Di Fazio 2013: 195–212; Armstrong 2016: 47–73, 129–182.

[26] См. Cornell 1995: 135, 426; Migliorati 2003: 52–53.

[27] Dion. Hal. *AR*. IX.5.4–5: συνεληλύθεσαν γὰρ ἐξ ἁπάσης Τυρρηνίας οἱ δυνατώτατοι τοὺς ἑαυτῶν πενέστας ἐπαγόμενοι.

[28] Liv. II.10.11–12; Dion. Hal. *AR*. V.24.3; 25.3; Val. Max. III.2.1; Flor. I.10; *De vir. ill.* 11; Plut. *Popl.* 16; Sen. *Ep.* 120.7.

вместе с двумя помощниками – Сп. Ларцием и Т. Герминием[29]. Суб-лициев мост через Тибр, построенный без единого гвоздя, считался священным объектом под контролем понтификов, так как отделял территорию латинов от иного (этрусского) мира[30]. Вплоть до начала республики продажа неоплатных должников «за Тибр» (trans Tiberim) считалась аналогом их гражданской смерти (Gell. XX.1.47). За свой подвиг Гораций Коклес был награжден статуей на Волканале у Комиция, упомянутой в annales maximi[31]. Прозвище Горация (Cocles) указывает на его одноглазие – характерную черту Caeculus и Cacus, мифологических детей Вулкана. Она сближает его со скандинавским Одином, кельтским Балором, греческим Киклопом[32].

Гай Муций прославился неудачной попыткой убить царя Порсенну. Пробравшись в лагерь этрусков, он по ошибке заколол писца, приняв его за царя из-за его роскошной одежды. Схваченный, чтобы показать презрение к ожидавшим его пыткам, Муций положил правую руку в горевший на алтаре огонь и спокойно смотрел пока она не обуглилась. Отвага римлянина так поразила Порсенну, что он приказал дать ему свободу. В обмен на проявленное царем милосердие Муций сообщил ему, что он лишь один из 300 римских юношей, поклявшихся ценою своей жизни убить этрусского царя. Убоявшись римских героев, Порсенна заключил с Римом мир. За потерю правой руки Муция прозвали «Сцевола» («Левша»). Легенда объясняла происхождение этого когномена в знатной плебейской семье Муциев, возвысившейся после Первой Пунической войны[33]. Одним из её представителей был П. Муций Сцевола, верховный понтифик 130–115 гг. Он имел отношение к созданию annales maximi, что объясняет явное сходство Сцеволы со скандинавским Тюром (Týr), который добровольно потерял руку, положив ее в пасть Волка Фенрира, дабы усыпить бдительность того и помочь богам его связать [Briquel 2007: 31–57]. Мотив

[29] Liv. II.10.6 и 15.1; Briquel 2007: 90–117

[30] См. Dion. Hal. *AR*. I.38.2–3; III.45.2; Varro. *LL*. V.83; Serv. *ad Aen*. II.166.

[31] Plin. *NH*. XXXIV.22; Liv. II.10; Gell. IV.5.1–6; *De vir. ill.* 11.2; Plut. *Popl.* 16.

[32] История Горация Коклеса как индоевропейский миф см. Delcourt 1957: 169–180; Dumézil 1995, 451–456, 1339–1361; 1985, 160–170; Briquel 2007: 58–89.

[33] Текст Дионисия (*AR*. V. 28), не упоминающий сожжения руки, возможно, отражал первоначальную версию истории Муция, производную от arvae muciae (заболоченные поля) за Тибром [Werner 1963: 380; Gjerstad 1969: 152–153].

самопожертвования и верности клятве объединяет их образы с Нуаду, божественным правителем Туата Де Дананн. Потеряв руку в первой битве при Маг Туиред, он слагает с себя царскую власть, поскольку бог с физическим изъяном не мог править. Также и Тюр, потеряв руку, был вынужден уступить место главы богов Одину. Как показал Ж. Дюмезиль, мифологические фигуры «Одноглазого» и «Однорукого» принадлежали к исходным архетипам индоевропейской мифологии [Dumezil 1995: 1343–1348; Lincoln 1991: 244–258].

«Подвиг» Клелии состоял в успешном побеге из лагеря Порсенны через реку под стрелами неприятеля[34]. Клелия увела с собой заложников, данных римлянами в обеспечение договора с Порсенной, так что по требованию царя римлянам пришлось вернуть девушку. Восхищенный ее доблестью, царь отпустил несовершеннолетних заложников, выбранных по ее усмотрению. Поступок Клелии сложно назвать подвигом: бегство заложников нарушало поручение сограждан и представляло их обманщиками царя. Поэтому некоторые авторы стремятся представить ее не заложницей, а пленницей Порсенны (Verg. *Aen.* VIII.651). Но бегство из плена, даже групповое, также не выглядит подвигом. Вероятно, история Клелии первоначально имела какое-то иное значение, а во II в. была переделана в новом контексте[35]. Римляне отождествили с Клелией конную статую на Sacra via, что, вероятно, стало причиной появления коня в ее истории. Но статуя скорее изображала богиню Venus Cloacina или Equestris [Werner 1963: 381; Ogilvie 1965: 267–268][36]. Поэтому вызывает сомнение интерпретация компаративистов на основе ритуала ашвамедхи, в которой конь Клелии символизировал власть над страной, а сама она выступала в роли защитницы римского государства, обеспечившей римлянам победу над Порсенной [Dumezil 1995: 1358–1361; Briquel 2007: 137–167]. Фигура Клелии во главе группы юных девушек напоминает образ дру-

---

[34] Liv. II.13.6–11; Dion. Hal. *AR.* V.33.1–35.2; Plut. *Poplic.* 19; *Mul. virt.* 14; Val. Max. III.2.2; Verg. *Aen.* VIII.651; Juv. *Sat.* VIII.265; Plin. *NH*. XXXIV.28–29; Flor. I.10.7; Serv. *ad Aen.* VIII.646.

[35] В 180 г. на должность rex sacrorum был избран П. Клелий (Liv. XL.42.11), что могло послужить причиной пересмотра легенды, героиню которой ранее звали Валерией [ср. Gjerstad 1969: 154–155].

[36] Древнейшая конная статуя была поставлена Кв. Марцию Тремулу, консулу 306 г. (Plin. *NH*. XXXIV.23). Ср. Forsythe 1994: 252–257.

гой римской героини – Герсилии, судьба которой сделала ее лидером «сабинских» жен Ромула и его соратников. Передача Порсенне «в залог» мира с ним некоторого количества невинных девушек могло быть символом заключения брачных союзов между этрусками Яникула и римлянами. По аналогии с Герсилией можно понять, что сама Клелия предназначалась в жены царю. На это указывает и ее происхождение, так как Клелием (Cluilius) звали последнего царя Альбы Лонги (Liv. I.22.3). Но девушки демонстрируют поведение, противоположное поведению в сходной ситуации «сабинянок», захваченных Ромулом. Их бегство от Порсенны означало разрыв отношений двух общин.

Таким образом выходит, что не созданная Сервием Туллием центуриатная армия, а римские герои спасли Рим [Werner 1963: 379]. События войны римлян с Порсенной сотканы из мифологических сюжетов и описаний ритуалов, указывающих на их отношение к записям понтификов (annales maximi). Нет никаких сведений, которые можно было бы считать аутентичными. Только поход Аррунта против Арриции как будто похож на реальность.

А. Альфёльди обратил внимание на несколько глав в 7-й книге «Римских Древностей» Дионисия Галикарнасского, которые он вслед за А. Швеглером посчитал заимствованными из греческой хроники города Кумы [Schwegler 1853: II, 192–193; Alföldi 1965: 56–72]. Хотя существование «Куманской хроники» является проблемой, сведения о битве при Арриции могли иметь независимый от римской традиции источник [Gallia 2007: 50–67]. Текст Дионисия, предположительно заимствованный из хроники, имеет в центре внимания личность Аристодема Малакка и его восхождение к власти в Кумах. Деяния этого тирана могли быть записаны после его смерти около 485 г., но не позднее завоевания Кум самнитами в 421 г. Греческая хроника была сосредоточена на событиях в Кумах и упоминала Лаций только в связи с успешным походом Аристодема, которому он помог установить тиранию. По версии Дионисия и Ливия, Аристодем был послан на помощь латинам Арриции, осажденной Аррунтом, сыном Порсенны. Разбив этрусков, он тут же возвращается в Кумы, нагруженный дарами арицийцев (Dion. Hal. *AR*. V.36. 1–3; VII.5.1–6.3; Liv. II.14.5–7). А по версии Плутарха (*Mul. virt.* 26), Аристодем был «послан на помощь римлянам, теснимым этрусками, которые пытались восстановить царскую власть изгнанного Тарквиния Гордого» и его поход был длительным.

Битва при Арриции состоялась в 508 или 504 г. (Liv. II.14.5–9; Dion. Hal. *AR*. V.36.1–4). Если Рим был под контролем Порсенны, то при Арриции римляне должны были сражаться против латинов. Римская версия о добровольном уходе Порсенны, напуганного доблестью римских героев, по-видимому, переиначивала греческую версию, согласно которой Рим был освобожден в результате победы латинов и греков над этрусками. В описание римской истории эту версию мог включить Тимей из Тавромения, заимствовавший сведения из «Куманской хроники» [Cozzoli 1965: 5–29; Gallia 2007, 58–62]. Во времена Тимея была жива память об объединении латинских общин вокруг святилища Дианы на заключительной стадии покорения римлянами Лация в 380–338 гг. Позднее экстраполированный в древность авторитет Арриции был потеснен в пользу Тускула, из которого вместе с Мамилиями и другими плебейскими семьями, возвысившимися в III в., происходил верховный понтифик Тиб. Корунканий, приложивший руку к созданию анналов.

При жизни Тимея объектом этрусской политики римлян были Вольсинии, Тарквинии и Клузий[37]. Именно Тимей кажется тем автором, который вывел римских Тарквиниев из одноименного этрусского города, отношения которого с Римом начались в 388 г.[38] Латинское имя Тарквиниев было версией этрусского Tarχna [см. Cristofani 1965: 67–71]. Семья с этим именем оставила немало надписей в некрополе города Цере[39]. Существует предположение, что они были потомками римских Тарквиниев, ушедших в изгнание в Цере [Aigner-Foresti 2003: 142]. Некий Лукумон явился в Рим из города Солоний в устье Тибра[40], а последний из Тарквиниев – Коллатин был изгнан в Лавиний (Liv. IX.4; Dion. Hal. *AR*. V.9–12). Эта область была завоевана при Анке Марции. Возможно, отсюда и происходили римские Тарквинии, пришедшие к власти в Риме после этого царя[41]. Вывести их из союзного

---

[37] Liv. IX.41.5–7; X.25.11; 26.7–11; 27.4–5; 30.1–2; 31.1–4; 37.1–5.

[38] См. Liv. VI.4.8–10; VII.12.5–6; 15.9–10; 16.2–3; 17.1–3, 6; 18.1–2; 19.1–3, 6–8; 20.8–9; 22.3–5; VIII.29.1; IX.41.5–7.

[39] *CIE* 5907–5974; *ET Cr.* 1.5-57; *CIL* XI.3626–3634; Morandi 2004: 510–523.

[40] Serv. *ad Aen.* V.560; Cic. *Rep.* II.14; Dion. Hal. *AR*. II.32.2; 37.2; 42.2; 43.2; Prop. IV.1.29–32; 2.51.

[41] О церитском, а не тарквинийском происхождении римских Тарквиниев см. Werner 1963: 384–385; Martínez-Pinna 1996: 81–87; Poucet 2000: 154–157; Migliorati 2003: 43–44; Ampolo 2018: 98–99.

с Римом в начале III в. города Тарквинии, мог греческий историк, ориентировавшийся на тождество имен и незнакомый с ономастикой региона. Именно он мог сделать Лукумона, ставшего Тарквинием, сыном грека Демарата из Коринфа, а не этруском (Strabo. VIII.6.20).

Большую часть своей жизни сицилиец Тимей провел изгнанником в Афинах, и происхождение его сведений о Лации и Риме неизвестно. В качестве римских пенатов он описал хранившиеся в Лавинии священные сосуды, якобы привезенные Энеем из Трои. Дионисий (*AR.* I.67.1-2) с осуждением комментирует сообщение Тимея, не имевшее ничего общего с действительными пенатами, находившимися в Риме. Также памятником Троянской войне Тимей считал римский ритуал equus October (Polyb. XII.4b). Собирая сведения о Риме, Тимей мог обратить внимание на название vicus Tuscus. Г. Форсайт предполагает, что этот римский квартал мог получить название просто от того, что спускался к Тибру, за которым начиналась земля этрусков [Forsythe 2005: 80]. Однако допустимо и традиционное представление, что его когда-то основали переселенцы из-за Тибра. У входа в квартал стояла статуя этрусского бога Вертумна (Varro. *LL*. V.46; Prop. IV.2.49–52). У римлян существовала целая серия версий, объяснявших название vicus Tuscus методом «народной этимологии» – якобы здесь поселились некие знаменитые этруски – то ли товарищи Лукумона, пришедшего на помощь Ромулу, то ли соратники одного из братьев Вибенна, либо воины их товарища Мастарны (Сервия Туллия)[42]. Одна из версий помещала здесь остатки армии Аррунта Порсенны, погибшего под Арицией (Fest. p. 486 L). Эта версия могла восходить к Тимею, если это он объединил битву конца VI в., в которой участвовал Аристодем, и Арицию в роли главы латинов, которую этот город играл в середине IV в.

Рассказ «Куманской хроники» о походе Аристодема в Лаций вряд ли упоминал имя этрусского вождя, имевшего опорной базой Яникул. Согласно Ливию, у римлян существовал старинный священный обычай, называвшийся «распродажей имущества царя Порсенны» (bona Porsennae regis vendendi). Обычай состоял в продаже по приказу полководца захваченной у врага добычи: «Из существующих объяснений

[42] Varro. *LL*. V.46; Liv. II.14.9; Dion. Hal. *AR.* V.36; Fest. p. 486 L; Paul. Fest. p. 487 L; Tac. *Ann.* IV.65.1–2; Prop. IV.2.49–52; Serv. *ad Aen.* V.560.

правдоподобнее то, по которому Порсенна, отступая с Яникула, оставил в дар Риму, истощенному после долгой осады, богатый лагерь, полный припасов, свезенных с недалеких плодородных полей Этрурии; а чтобы народ, заполучив это добро, не разграбил его как вражеское, и было объявлено о распродаже имущества Порсенны. Таким образом, название это означает скорее благодарность за услугу, чем продажу с торгов царского имущества, которое даже не было во власти римского народа» (Liv. II.14.1–4; Перевод Н. А. Поздняковой). «По этой причине и теперь еще, – пишет Плутарх (*Poplic.* 19.10), – пуская с торгов общественное имущество, сначала объявляют о продаже вещей Порсенны, вечно храня память об этом человеке за его милость и благодеяние». Р. Огилви считал этот обычай полурелигиозным празднованием победы, а его объяснение античными историками, превратившее Порсенну в благодетеля римлян, поздним вымыслом [Ogilvie 1965: 268].

Дело скорее в том, что у римлян только полководец имел право и обязанность распоряжаться добычей, вытекающие из его абсолютной власти (imperium) на войне. Когда-то в древности воины просто грабили побежденных врагов, и дележ добычи мог перерасти в конфликты между воинами. Чтобы предотвратить это, сложился обычай, вместо бесконтрольного ограбления захваченного города, продавать награбленное и делить вырученные деньги. Ливий рассказывает, как по взятии этрусского города Вейи диктатор Камилл засомневался в необходимости следовать этому обычаю: «с одной стороны, он боялся вызвать озлобление воинов, если их часть добычи окажется скудной; с другой стороны, опасался навлечь ненависть патрициев, если раздача будет слишком щедрой». Заручившись поддержкой сената, Камилл разрешил солдатам грабить город. После триумфа он был привлечен к суду за то, «что передал сенату дело, которое имел право решить самолично», приговорен к крупному штрафу и отправился в изгнание (Liv. V.20.1–10; 21.14–17; 22.1; 23.8–11; 25.6–10; 32.7–9).

Этот обычай первоначально могли называть «mos porsenae bona vendendi». Слово «porsena» здесь было не именем, а скорее титулом praetor. До реформы римской письменности Ап. Клавдием Цеком в 312 г., возможно, в слове «претор» присутствовало –s–, как Valerius от Volesius, Papirius от Papisius, Furius от Fusius (Fest. p. 22 L). Реформа была, вероятно, связана с заменой этрусского культурного влияния в Риме греческим, и, вероятно, поэтому римляне отно-

сили рассматриваемый обычай к эпохе этрусского доминирования. По-этрусски термин «претор» предположительно звучал как *purθśna, который С. Кортсен считал обозначением царя[43]. В источниках заметна тенденция использовать имена, производные от титулов: Macstarna от magister, Marce Camitlnas от camθi, Mesentius и Mettius (Fufetius и Curtius) от meddix, Proca Silvius и Proculus Iulius от procer, Lucius Tarquinius от lucumo [Di Fazio 2000: 395; Camporeale 2000: 180]. Сходным образом и имя Porsenna могло быть образовано от титула praetor / purthne: народная этимология связала происхождение формулы «porsenae bona» с именем некого этрусского царя Порсенны (bona Porsennae regis)[44]. Поэтому нет ничего удивительного, что античные авторы называли Порсенну rex, βασιλεύς. Историк (вероятно, Тимей), принявший это объяснение за чистую монету, мог быть тем, кто ввел «царя Порсенну» в историографию. Римская анналистика приняла созданную Тимеем версию истории Порсенны, а этрусские города Вульчи, Вольсинии и Клузий использовали его образ для создания легенд о собственном прошлом, прославлявших былое (и выдуманное) величие, когда они на равных оспаривали власть Рима.

Цицерон, зная имя Порсенны, указывал, что, кроме латинов, возвращать Тарквиния в Рим помогали этруски Вей (Cic. *Sest*. 48; *ad Att.* IX.10.3; *Tusc*. III. 27). Э. Пайс видел в Порсенне вейентского полководца, пытавшегося захватить Рим [Pais 1913: II, 96–98]. Это кажется особенно вероятным, так как первым объектом его нападения был Яникул, откуда этруски атаковали Рим, а объектом их договора с римлянами были septem pagi, за которые римляне воевали с Вейями. Город Вейи считается ближайшим соперником Рима за ресурсы региона – землю и соляные разработки в низовьях Тибра[45]. Прежде вейенты владели Яникулом и правым берегом Тибра, но были вытеснены оттуда римлянами. В этом контексте логичной выглядит интерпретация нападения Порсенны на Рим как очередная попытка отобрать спорные земли.

---

[43] См. Cortsen 1925: 125–126; ныне Aigner-Foresti 2003: 142–143; Migliorati 2003: 61; ср. Ridley 2017: 39–40, 47, 51.

[44] Предполагаемая противниками этой гипотезы этрусская версия имени Pursena [Pallotino 1993: 309] нигде не засвидетельствована, в отличие от имен Вибенна и Мастарна.

[45] О соперничестве Рима и Вей за контроль над соляной торговлей см. Hantos 1997: 127–148.

Порсенна, если его отношение к Клузию было реальным, а не продуктом творчества Тимея, мог быть командиром наемников на службе у Вей. Причиной конфликта Вей с Арицией могли быть соляные разработки, на которые претендовали не только римляне и вейенты, но и латины. Непонятно, почему армию против Арриции повел Аррунт, а не сам Порсенна, который к этому времени уже закончил войну с Римом[46]. Дионисий (*AR*. V.36.2 и VII.5.1) называет целью похода Аррунта установление в Арриции собственной власти (ἰδίαν ἀρχήν)[47]. Но это оценочное суждение историка эпохи Августа, а не констатация факта. Р. Вернер предположил, что античные историки объединили две разные традиции о войне с Порсенной и битве при Арриции [Werner 1963: 386–387]. Он обратил внимание, что одного из сыновей Тарквиния Суперба звали Аррунтом, и допустил, что в исходной версии речь могла идти об осаде Арриции римлянами.

Изгнанный Тарквиний не сразу обратился в Клузий, сначала он искал помощи в Цере, Вейях и Тарквиниях (Liv. I.60.2; II.6.2–5; Dion. Hal. *AR*. V.3.1; 14.1). Вейенты и тарквинийцы (скорее, цериты) атаковали римлян в битве у Арсийского леса. В его названии (silva Arsia, Ἄρσιον ἄλσος) можно усмотреть вариант nemus Aricinum, священной рощи Дианы у озера Неми, где обитал rex Nemorensis. Дионисий называет это место «Невийским лугом»[48], название которого похоже на греческое прочтение латинского «Немейский», то есть находящийся у озера Неми. Плутарх помещает противоборствующие стороны «в священных местах, из которых одно зовется Арсийская роща, а другое Анзуйский луг»[49]. Битва при Арриции по ряду параметров похожа на битву при Арсийском лесе. По Ливию, обе битвы состоялись в 508 г. В битве при Арриции погиб сын царя (Порсенны) Аррунт, и в битве у Арсийского леса погиб сын царя (Тарквиния)

---

[46] Э. Гьерстад допускает, что поражение под Арицией потерпел сам Порсенна, но римские анналисты приписали его Аррунту, дабы не умалить заслуги римлян в отражении этрусского царя в сравнении с латинами. См. Gjerstad 1969: 160–161.

[47] Ю. Б. Циркин (2018: 18, 23) понял это выражение, как создание «собственного государства», однако источник Дионисия скорее подчеркивал независимость Аррунта от Порсенны.

[48] Dion. Hal. *AR*. V.14.1: ἐν λειμῶνι καλουμένῳ Ναιβίῳ.

[49] Plut. *Poplic*. 9: ἐν χωρίοις ἱεροῖς, ὧν τὸ μὲν Ἄρσιον ἄλσος, τὸ δὲ Αἰσούειον [Ναιούιον] λειμῶνα προσαγορεύουσιν.

Аррунт[50]. «Арсийский лес» и «Арицийская роща» выглядят вариантами одного и того же названия. Все это наводит на мысль об удвоении одной битвы, к которому привело наличие двух героев создания республики – Л. Юния Брута и П. Валерия Попликолы. Брут погиб в битве при Арсийском лесе, а Валерий правил Римом во время битвы при Арриции. Исходной версией, видимо, была битва, в которой латины с помощью куманских гоплитов победили этрусскую армию.

Традиционная версия изгнания Тарквиниев была создана римскими анналистами по образцу изгнания Писистратидов и не может считаться исторической[51]. Римская историография приписала подчинение латинов Тарквинию Супербу (Liv. I.49.8–52.6; Dion. Hal. *AR*. IV.45.1–49.3). Однако события последующих лет показывают продолжение конфликта вплоть до битвы при Регильском озере, которая привела к заключению Сп. Кассием мирного договора в 493 г.[52] Затянувшаяся осада римлянами Ардеи, которая принадлежала к союзу латинских городов вокруг священной рощи Дианы у Арриции (Cato. *Orig.* II.28 C = *FRH* fr. 36), могла стать причиной выступления латинов против Рима около 510 г. Можно подумать, что этим поспешили воспользоваться Вейи, и действовавший в их интересах Порсенна захватил Яникул. Но его появление на Яникуле могло также быть ответом на просьбу Тарквиния Суперба о помощи, за которой он обращался в Вейи. Кроме того, помощь ожидалась из Цере, где это время правил Thefarie Velianas (*CIE* II.1.4). Обычно считается, что изгнанный царь добивался возвращения в Рим. Но, возможно, римский царь искал союзников против латинов, пришедших на помощь осажденной Ардее. В таком случае занятие Яникула выдвинувшейся из Вей армией Порсенны было стратегически обосновано.

---

[50] Аррунт погиб, убив Брута в битве у Арсийского леса (Liv. II.6.6–9; Dion. Hal. *AR*. V.15.1–2; Val. Max. V.6.1; Plut. *Popl.* 9.1–2).

[51] Римские анналисты описали помощь Порсенны, а затем Латинского союза изгнанному Тарквинию по образцу усилий Спарты, а затем Персии вернуть в Афины тирана Гиппия (Herod. V.91-94, 96; VI.102-104; Thuc. VI.59.4). См. Gjerstad 1969: 157–158.

[52] А. Швеглер обратил внимание на нелогичность ситуации: изгнание Тарквиния освободило латинов от подчинения Риму, но при Регильском озере они сражаются за возвращение римского царя и, следовательно, за утрату своей свободы. См. Schwegler 1853: II, 195–196.

Имеющиеся сведения локализуют его деятельность только на правом берегу Тибра, как будто сами римляне, чтобы избежать перехода Порсенны через Тибр, поспешили заключить с ним договор, уступив спорные «семь пагов» и дав заложников из знатных семей. Традиционное изображение осады Рима, которая привела к проблемам с продовольствием, выглядит странно, ведь войска Порсенны располагались за Тибром, а консул Валерий Попликола стремился заманить их к Риму. При этом римские отряды обороняли основные дороги в Лаций, явно не ожидая нападения из-за реки (Liv. II.11.1–10; Dion. Hal. *AR*. V.26.1–5; Plut. *Poplic*. 17.1). Создается впечатление, что Рим осаждали не этруски, а латины, тогда как вылазки Порсенны из-за Тибра имели целью их отражение вместе с римлянами[53].

Римская армия в это время находилась под Ардеей, с которой воевал Тарквиний Суперб (Liv. I.57.1–3). Поэтому в исходной версии событий скорее не сын Порсенны осаждал Арицию, как утвердилось в римской традиции (возможно, с подачи Тимея), а сын римского царя Аррунт осаждал Ардею[54]. Посланная Порсенной половина его армии укрепила силы осаждавших. Осажденные обратились за помощью к вольскам в Анций и к латинам в Тускул (Dion. Hal. *AR*. V.36.2). Возможно, чтобы отвлечь силы латинов от Ардеи, этруски напали на Арицию. Кроме того, ожидался подход войск из Цере, что, видимо, и вызвало посольство ардеатов к грекам, давним врагам церитов. В Кумы скорее могли обратиться жители приморского города, а не латины материковой Арриции. С этой точки зрения, разбив римлян у Ардеи / Арриции, греки остановили этрусскую экспансию в Лации. Бегство разгромленных Аристодемом этрусских войск в Рим показывает, что это была римская армия либо союзники римлян.

Исследователи отмечают благожелательное отношение античной литературы к Порсенне, несовместимое с образом опасного врага римлян[55]. В эпоху империи одну из бронзовых статуй старинной работы рядом со зданием сената даже называли статуей Порсенны (Plut.

---

[53] Плутарх (*Popl.* 17) сообщает о второй этрусской армии, неизвестно откуда пришедшей на помощь Порсенне, которую разгромил Валерий.

[54] Serv. *ad Aen.* VIII.646: Tarquinius Superbus habuit perditos filios, inter quos Arruntem. qui dum in castris esset, patre suo Ardeam obsidente.

[55] Ogilvie 1965: 268; Jannot 1988: 605; Sordi 1995: 198–199.

Poplic. 19). Такое отношение было бы маловероятным, если бы Порсенна действовал в Риме как вульгарный завоеватель. Дионисий (*AR*. V.35.1) сообщает, что «после ухода тирренов римский сенат постановил послать Порсенне трон из слоновой кости, скипетр, золотой венок и триумфаторские одежды, которыми украшаются цари». Наделение инсигниями магистрата не выглядит простым подарком сената, ведь их изобрели этруски, не римляне (Diod. V.40.1; Strabo. V.2.2.; Liv. I.8.3; Dion. Hal. *AR*. III.61.1–62.2). Могла ли здесь идти речь о предоставлении Порсенне триумфа, который был доступен только римским магистратам?

Дальнейшая судьба Порсенны неизвестна. В традиционной версии его уход с Яникула, которым он прочно владел по договору, не имеет смысла. Но если он помогал римлянам против латинов, то он покинул Яникул, исчерпав свою миссию: «прекратив враждебные действия, удалился другом римлян с почестью и великими дарами» (Strabo. V.2.2). «Семь пагов» оставались у римлян, как если бы Порсенна их и не отбирал. В то же время неудача под Ардеей связана в римской традиции с мятежом римлян против Тарквиния (Liv. I.57–60; Dion. Hal. *AR*. V.64–85). В традиционной версии изгнание Тарквиния стало началом республиканского режима, ведь Порсенне также не удалось утвердиться в Риме. Но что в таком случае означали приведенные выше слова Тацита «город сдался Порсенне», ведь в период осады Рима его ставка была на Яникуле.

Исследователи иногда допускают, что число римских царей превышало каноническое семь. Власть в Риме могли периодически захватывать авантюристы, как Мастарна и Целий Вибенна, и Порсенна выглядит последним в череде таких фигур[56]. А. Альфёльди допускал, что Порсенна изгнал Тарквиниев, чтобы самому править Римом, возможно, в согласии с одной из групп римских патрициев. Нестабильность поздней монархии в какой-то момент могла привести к замене царя диктатором, который назначался на должность несколько раз подряд. Такой правитель часто считается переходной фигурой к республиканскому консулату.

С. Мадзарино предположил, что в Риме поздних царей власть была разделена между ритуально-сакральным правителем (rex,

[56] См. Valditara 1988: 276-284; Pallottino 1993: 202–205; Cornell 1995: 143–150, 215–218, 237, 293; Poucet 2000: 225–229; Forsythe 2005: 93–108.

lucumo) и военным вождем (magister populi) [Mazzarino 1945: 177–179; Cornell 1995: 234–236]. Римские Тарквинии могли быть не царями, а военными вождями. Если последний из них был низложен вследствие неудач в борьбе с латинами, то на его место мог быть приглашен «претор» Порсенна. Это приглашение могло быть связано с учреждением трибы (Ромилии–?), закрепившей за Римом земли на правом берегу Тибра (Varro. *LL.* V.56; Paul. *ex Fest.* p. 331 L). Расширение ager Romanus потребовало заключить договор с Вейями и Цере о разграничении владений[57]. Возможно, этот договор, включавший обмен римской соли на железо из Этрурии (с Эльбы), упоминает Плиний, интерпретировав его как следствие поражения римлян от Порсенны. Легион с одним претором просуществовал до тех пор, пока распространение римской власти за Тибр не привело к образованию еще несколько триб[58]. Реформа 449 г. привела к образованию двух легионов, которые выставляли этрусская и латинская половины римской общины. Возглавлявшие их преторы получили название консулов (Zonar. VII.19.1; Liv. III.55.12). Такое представление о переходе к республике могло существовать у римлян этрусского происхождения до возникновения римской историографии, когда Фабий Пиктор и его последователи, увлеченные аналогиями с афинской историей, пересмотрели эту концепцию в пользу «изгнания царей».

Возможно, однако, в другой версии, созданной в противовес Тимею понтификами латинского происхождения, носителем титула «претор» был сам последний Тарквиний, который во время осады Ардеи его сыном Аррунтом занимался обороной «семи пагов» за Тибром от вейентов. Тарквиний Коллатин и Юний Брут, которые в традиционной версии выступают первыми консулами республики, носили титулы rex sacrorum и tribunus celerum. Укрепив Яникул, Тарквиний создал плацдарм для наступления на Вейи и Цере, дого-

---

[57] Этот договор мог играть роль оборонительного союза против латинов, противостояние с которыми завершилось заключением foedus Cassianum в 493 г., установившим паритет между Римом и Латинским союзом. Договор Карфагена с Цере, направленный против греков Кампании, в этой ситуации становился также делом Рима и Вей.

[58] С. Мадзарино допускал, что носитель титула purthne мог быть годовым магистратом в переходный от монархии к республике период [Mazzarino 1945: 86–87, 109–114].

вор с которыми мог ограничивать поставки железа из Этрурии, о чем сообщал Плиний. В решающей битве у Регильского озера Тарквиний в союзе с латинами отразил натиск этрусков, пытавшихся вытеснить римлян за Тибр[59]. Слова Плутарха (*Mul. virt.* 26), что Аристодем был послан на помощь римлянам, теснимым этрусками, возможно, восходили к этой версии. Тарквинию удалось отстоять для Рима территории за Тибром. Это позволило римлянам с благодарностью вспоминать об этом военачальнике (этр. *purθśna). Утверждение в историографии концепции «изгнания царей» привело к отслоению образа Порсенны от образа Тарквиния (прозвище которого Superbus стали трактовать как «Гордый / Заносчивый» вместо «Великолепный»).

Список литературы

1. Циркин Ю. Б. Царь Порсенна // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Вып. 18.1. С. 12–27.

2. Adam A.-M. Des “condottieri” en Étrurie et dans le Latium a l’époque archaique? // Latomus: revue d’études latines. 2001. T. 60. P. 877–889.

3. Adam A.-M., Rouveret A. Les cités étrusques et la guerre au Ve siècle avant notre ére // Crise et transformation des sociétés archaïques de l’Italie antique au Ve siècle av. J.C. Actes de la table ronde de Rome (19–21 novembre 1987). Rome: École Française de Rome, 1990. P. 357–372.

4. Aigner-Foresti L. Die Etrusker und das frühe Rom. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003.

5. Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1965.

6. Ampolo C. Demarato di Corinto ‘bacchiade’ tra Grecia, Etruria e Roma: rappresentazione e realtà fonti, funzione dei racconti, integrazione di genti e culture, mobilità sociale arcaica // Aristonothos: Rivista di Studi sul Mediterraneo Antico. 2018. Vol. 13.2. P. 25–134.

7. Armstrong J. War and Society in Early Rome: From Warlords to Generals. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

8. Briquel D. Mythe et Révolution. La fabrication d’un récit: la naissance de la république à Rome. Bruxelles: Èditions Latomus, 2007.

[59] Озеро Неми близ Арикии, где в роще Дианы царствовал rex Nemorensis, могло именоваться lacus Regillus («озеро царька») в противовес Альбанскому озеру, по соседству с которым находились святилища Юпитера, «небесного царя». Поэтому битва при Регильском озере 496 (499) г. могла быть битвой при Арикии.

9. Brunn H., Körte G. I rilievi delle urne etrusche. Vol. I–III, Roma, Berlin: Tipi del Salviucci <Dr.>, 1870–1916.

10. Camporeale G. Gli Etruschi. Storia e civiltà. Quarta edizione. Torino: UTET, 2000.

11. Cherici A. Porsenna e Olta, riflessioni su un mito etrusco // Mélanges d'archeologie et d'histoire l'École française de Rome, Antiquité. 1994. T. 106. P. 353–402.

12. Colonna G. 'Scriba cum rege sedens' // L'Italie préromaine et la Rome républicaine. I. Mélanges offerts à Jacques Heurgon. Rome: École Française de Rome, 1976. P. 187–195.

13. Colonna G. Città e territorio nell'Etruria meridionale // Crise et transformation des sociétés archaïques de l'Italie antique au Ve siècle av. J. C. Actes de la table ronde de Rome (19–21 novembre 1987). Rome: École Française de Rome, 1990. P. 7–21.

14. Colonna G. Due città e un tiranno // Annali della Fondazione per il Museo Claudio Faina. Vol. VII: Chiusi dal Villanoviano all'Età arcaica. Atti del VII convegno internazionale di studi sulla storia e l'archaeologia dell'Etruria (Orvieto-Chianciano, dicembre 1999). Roma: Edizioni Quasar, 2000. P. 277–289.

15. Cornell T. J. The Beginnings of Rome, Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 B.C.). London: Routledge, 1995.

16. Cortsen S. P. Die etruskischen Standes- und Beamtentitel, durch die Inschriften beleuchtet. Køpenhavn: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1925.

17. Cozzoli U. Aristodemo Malaco // Miscellanea greca e romana / a cura di A. Colombini, U. Cozzoli, L. Gasperini. Roma: Instituto Italiano Per La Storia Antica, 1965. P. 5–29.

18. Cristofani M. La tomba delle iscrizioni di Cerveteri. Firenze: Sansoni Editore, 1965.

19. Delcourt M. Horatius Coclès et Mucius Scaevola // Hommages à Waldemar Deonna. Collection Latomus, vol. 28. Bruxelles: Èditions Latomus, 1957. P. 169–180.

20. Di Fazio M. Porsenna e la società di Chiusi // Athenaeum: studi di letteratura e storia dell'antichità. 2000. Vol. 88. P. 393–412.

21. Di Fazio M. Mercenari, tiranni, lupi. Mobilita di gruppi nell'Italia antica tra societa urbane e non urbanizzate // Annali della Fondazione per il Museo Claudio Faina. Vol. XX: Mobilità geografica e mercenariato nell'italia preromana. Atti del XX Convegno Internazionale di Studi sulla Storia e l'archeologia dell'Etruria. Roma: Edizioni Quasar, 2013. P. 195–212.

22. Dumézil G. Mythe et épopée. I. II. III. Nouvelle édition en un volume. Paris: Quarto Gallimard, 1995.

23. Dumézil G. Heur et malheur du guerrier. Aspects mythiques de la fonction guerrière chez les Indo-européens. 2e éd. Paris: Flammarion, 1985.

24. Forsythe G. The Historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman Annalistic Tradition. Lanham, MD: University Press of America, 1994.

25. Forsythe G. A. Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2005.

26. Gallia A. B. Reassessing the "Cumaean Chronicle": Greek Chronology and Roman history in Dionysius of Halicarnassus // JRS. 2007. Vol. 97. P. 50–67.

27. Gaugler W. M., Venuti W. J., Englert P. A. J. The Tomb of Lars Porsenna at Clusium and its Religious and Political Implications. Bangor: Laureate Press, 2002.

28. Gjerstad E. Porsenna and Rome // Opuscula Romana. 1969. Vol. 7. P. 149–161.

29. Hafner G. Porsenna // Rivista di Archeologia. 1977. An. I, fasc. 1–2. P. 36–43.

30. Heurgon J. Un Legatus à Volsinii: à Propos des Inscriptions de la Tombe Golini I // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'école Française de Rome, Antiquité. 1974. T. 86. N°2. P. 707–721.

31. Jannot J.-R. L'Étrurie intérieure de Lars Porsenna à Arruns le jeune // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'école Française de Rome, Antiquité. 1988. T. 100. n°2. P. 601–614.

32. Jannot J.-R. Encore la tombe de Porsenna // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'école Française de Rome, Antiquité. 2005. T. 117, n°2. P. 633–649.

33. Lincoln B. Death, War, and Sacrifice: Studies in Ideology & Practice. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

34. Maggiani A. Magistrature cittadine, magistrature federali // La lega etrusca dalla Dodecapoli ai Quindecim Populi, Atti della giornata di studi (Chius i, 9 ottobre 1999). Pisa, Roma: Istituti editoriali e poligrafici internazionali, 2001. P. 37–48.

35. Martínez-Pinna Nieto J. Tarquinio Prisco: ensayo histórico sobre Roma arcaica. Madrid: Ediciones Clásicas, 1996.

36. Martínez-Pinna Nieto J. Apuntes sobre la intervención de Porsenna en Roma // Corollari. Scritti di antichità etrusche e italiche in omaggio all'opera di Giovanni Colonna / a cura di G. Colonna, G. Bartoloni e D. F. Maras. Pisa: Fabrizio Serra Editore, 2011. P. 56–60.

37. Massa-Pairault F. Autour du Fanum Voltumnae. Réflexions, hypothèses et propositions pour un débat // Revue archéologique. 2016. T. 61. P. 107–154.

38. Mazzarino S. Dalla monarchia allo stato repubblicano: Ricerche di storia romana arcaica. Catania: G. Agnini editore, 1945.

39. Migliorati G. Forme politiche e tipi di governo nella Roma etrusca del VI secolo a.C. // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2003. Bd. 52. S. 39–66.

40. Morandi Tarabella M. Prosopographia Etrusca I: Corpus 1. Etruria Meridionale. Roma: l'Erma Di Bretschneider, 2004.

41. Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxford: The Clarendon Press, 1965.

42. Pais E. Storia critica di Roma durante i primi conque secoli. Vol. I–IV. Roma: Ermanno Loescher & Co, 1913–1920.

43. Pallottino M. Origini e storia primitiva di Roma. Milano: Rusconi, 1993.

44. Poucet J. Les rois de Rome. Tradition et histoire. Bruxelles: Académie royale de Belgique, 2000.

45. Rawlings L. Condottieri and clansmen: early Italian raiding, warfare and the state // Organized Crime in Antiquity / Ed. by K. Hopwood. London: Duckworth and the Classical Press of Wales, 1999. P. 97–127.

46. Ridley R. T. The Puzzles of Porsenna // Studi Etruschi. 2015. Vol. 88. P. 77–95.

47. Ridley R. T. Lars Porsenna and the early Roman Republic // Politics and Power in Early Rome 509–264 BC / Ed. by J. Armstrong, J. H. Richardson. Antichthon special issue 51. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 33–58.

48. Schwegler A. Römische Geschichte. Bd. 1–3. Tübingen: Laupp, 1853–1858.

49. Sordi M. Il mito troiano e l'eredità etrusca di Roma. Milano: Edizioni Universitarie Jaca, 1989.

50. Sordi M. Prospettive di storia etrusca. Biblioteca di Athenaeum, 26. Como: Edizioni New Press, 1995.

51. Torelli M. Storia degli Etruschi. Roma, Bari: Economica Laterza, 1997.

52. Valditara G. A proposito di un presunto ottavo re di Roma // Studia et Documenta Historiae et Iuris. 1988. Vol. 58. P. 276–284.

53. Zuddas E. La praetura Etruriae tardoantica // Epigrafia e società dell'Etruria romana. Atti del Convegno di Firenze, 23–24 ottobre 2015 / a cura di G. A. Cecconi, A. Raggi, E. S. Gaggero. Roma: Edizioni Quasar, 2017. P. 217–235.

Информация об авторе

Коптев Александр Викторович – доктор исторических наук, независимый исследователь, Хельсинки, Финляндия, aleksandr.koptev.55@gmail.com

Information about the author

Aleksandr V. Koptev, PhD in ancient history, independent researcher, Helsinki, Finland, aleksandr.koptev.55@gmail.com

УДК 94(37).05

Гибель Сципиона Эмилиана

Т. А. Бобровникова

Аннотация. Статья посвящена одному из темных эпизодов римской истории периода Республики, а именно гибели Публия Корнелия Сципиона Эмилиана. Внезапная смерть этого человека произвела огромное впечатление на современников и обсуждалась потомками, отчасти из-за таинственности сопровождавших ее обстоятельств, отчасти из-за огромного значения Сципиона в жизни Рима. Это событие до сих остается загадкой для историков. Автор делает источниковедческий анализ всех античных известий о Сципионе. Он приходит к выводу, что перед нами убийство, которое было намеренно скрыто друзьями Сципиона, и пытается выяснить причину этого сокрытия по данным дошедших античных источников.

Ключевые слова: Сципион Эмилиан, Гракхи, триумвиры, Цицерон, убийство, Карбон, Семпрония.

The Murder of Scipio Aemilianus

Tatiana A. Bobrovnikova

Abstract: The article examines one of uncertain episodes in Roman history of the Republic period, namely strange circumstances of Publius Cornelius Scipio Aemilianus' death. This event made much noise in the city of Rome, and was often discussed by Romans of the next generations. These vivid discussions were due, first, to mysterious conditions of this sudden death, and second, to Scipio's personal importance in the life of Roman Republic. To date, this event still remains a riddle to historians of the Antiquity. The author conducted a detailed comparative source analysis of all the ancient news about Scipio's death. She argues that it appears to have been a murder that was deliberately concealed by Scipio's closest friends. The article provides readers with possible explanation of the reasons of these withholding evidences.

Keywords: Scipio Aemilianus, Gracchi brothers, triumvirs, Cicero, murder, Carbo, Sempronia.

Эта статья посвящена одному из темных эпизодов римской истории периода Республики, а именно гибели Публия Корнелия Сципиона Эмилиана. Внезапная смерть этого человека произвела

© Бобровникова Т. А., 2022

огромное впечатление на современников и обсуждалась потомками, отчасти из-за таинственности сопровождавших ее обстоятельств, отчасти из-за огромного значения Сципиона в жизни Рима. Это событие до сих остается загадкой. «Сейчас невозможно установить истину», – пишет британский историк А. Е. Астин [Astin 1967: 241]. Несмотря на такое пессимистическое утверждение, попытаемся хотя бы отчасти приподнять покров этой тайны.

Напомню факты. После своего возвращения из-под Нуманции Сципион решительно осудил деятельность убитого реформатора Тиберия Гракха. В 131 г. до н. э. он начал открытую борьбу с триумвирами. Эмилиан и его ближайший друг Гай Лелий были единственные, кто решились выступить против законопроекта Г. Папирия Карбона о возможности баллотироваться в трибуны сколько угодно раз подряд. Полемика достигла необычайной остроты. Карбон, желая дискредитировать Сципиона в глазах народа, спросил, как тот относится к убийству Тиберия Гракха? Сципион не побоялся сказать перед бушующей толпой, «возбужденной бешеным трибуном» (Val. Max. VI.2.2), что Тиберий, по его мнению, убит законно. Хотя его слова вызвали крики возмущения, победа осталась за ним, и законопроект был провален (Cic. *De amic*. 96; Cic. *De or.* II.106; Cic. *Mil*. 8; Vell., II.4; Liv. *Ep*. 59; Plut. *Ti. Gracch*. 21; Plut. *Reg. et imp. apophegm. Sc. Min.* 23; *Vir. illustr.* 58; Val. Max. VI.2.2). Этот день знаменателен еще тем, что Гай Гракх, возможно, впервые выступил перед народным собранием (Liv. *Ep.* 59)[1]. Сохранился очень выразительный фрагмент из его выступления: «Pessimi Tiberium fratrem meum optimum interfecerunt» (*ORF*[2]. *C. Gracch*. Fr. 17).

Вторая битва Сципиона с триумвирами относится к 129 г. до н. э. (Согласно Цицерону, это было зимой – *De re publ*. I.18). Она была последней. По просьбе союзных общин Сципион вмешался в деятельность комиссии и фактически ее остановил (App. *B.C.* I.19)[2]. Борьба достигла невероятного накала. Враги не стеснялись в выражениях. По свидетельству античных авторов, триумвиры поносили Сципи-

[1] Из речи Гая сохранилось 3 более или менее осмысленных отрывка (четвертый – fr. 20, – состоит из двух слов).

[2] В этой статье мы не будем обсуждать ни мотивов Сципиона, ни сущности его предложений.

она с ораторского возвышения и старались натравить на него толпу (Plut. *C. Gracch.* 10; ср. *Reg. et imp*. 23). Они говорили, что «Сципион противодействует народу в угоду италийцам. Враги Сципиона… стали вопить: Сципион решил совершенно аннулировать закон Гракха и собирается устроить вооруженную бойню» (App. *B.C*. I.19)[3]. Особенно жестокое столкновение произошло накануне его гибели: «…приверженцы Гая закричали: “Смерть тирану!” Сципион же сказал: “Разумеется, враги родины хотят меня убрать. Ведь пока Сципион стоит, Рим не падет, и Сципион не станет жить, если падет Рим» (Plut. *Reg. et imp. apophegm. Sc. Min*. 23)[4].

По-видимому, это было последнее столкновение Сципиона с триумвирами [Astin 1967: 240][5]. В ту же ночь его не стало. Факты таковы. Сципион вернулся домой вечером, расстался с провожавшей его толпой и положил возле себя таблички, на которых «ночью он собирался набросать речь, предназначенную им для произнесения в народном собрании». Утром друзья нашли его мертвым (App. *B.C.* I.20; Cic. *De amic*. 12).

Что произошло в ту ночь? Возможны три версии его смерти.

Первая – Сципион умер естественной смертью.

Вторая – Сципион покончил с собой.

Третья – Сципион был убит политическими врагами.

Все три версии мы находим у античных авторов. Рассмотрим их подробнее.

Естественная *смерть возможна. Сципион* мог умереть мгновенно, скажем, от сердечного приступа, но произошло это в такой напряженный момент политической борьбы, что гибель его приписали козням врагов. Так было, говорят, с Александром Македонским. Он умер от горячки, а позже возникла версия об отравлении. Не так ли произошло и со Сципионом? Думаю, что не так. Плутарх, повествуя о смерти Александра, говорит, что все хоронившие царя были убеждены, что он умер естественной смертью. А через несколько лет распространился слух, что Александр был убит (*Alex*. 77). В случае же со Сципионом все обстоит как раз противоположным образом. Все

---

[3] Пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера.

[4] Пер. автора.

[5] Это следует из Плутарха (*C. Gracch.* 10) и Орозия (V.10.9).

современники, видевшие его на смертном ложе, были убеждены, что он убит. Метелл Македонский, едва узнав роковую новость, выбежал на улицу с криком: «…Стены нашего города повержены – преступная рука настигла Сципиона Африканского у его пенатов!» (Val. Max. IV.1.12)[6]. Значит слух о насильственной смерти пронесся мгновенно. Гай Котта, племянник Рутилия, молодого друга Сципиона, говорит у Цицерона как об общепризнанном факте, не вызывающем никакого сомнения: «…Публия Африканского не защитили стены его дома» (*De nat. deor*. III.80).

До нас не дошло ни мемуаров, ни писем ближайших друзей Сципиона. В этих обстоятельствах первостепенное значение приобретают свидетельства Цицерона. Он был фактически воспитан членами кружка Сципиона, вырос в доме Сцеволы Авгура, любимого зятя Лелия (*Amic*. 1). Часто бывал у Красса Оратора, был знаком с Рутилием. Многие сообщения Цицерона об Эмилиане носят характер очень живых воспоминаний (например: *De Or*. II.22) [Бобровникова 2001: 194–198]. Цицерон не сомневался, что Сципион погиб насильственной смертью. Он уверенно говорит: «Africano domi suae quiescenti, illa nocturna vis illata» (*Mil*. 16)[7]. Уверенность друзей Сципиона, несомненно, основывались на тех следах насилия, которые были на лице умершего. Они настолько обезобразили его лицо, что Эмилиана хоронили мимо всех обычаев Рима с закрытой головой (Vell. II.4; *Vir. illustr.* 58; Plut. *C. Gracch*. 10)[8]. Эти страшные следы насилия и глубокая уверенность друзей Сципиона, на мой взгляд, исключают возможность естественной смерти. Сердечный приступ не изменяет так лицо.

Версия ***о самоубийстве***, на мой взгляд, наименее правдоподобна. Она не соответствует ни характеру Сципиона, ни фактам. Трудно поверить, чтобы такой настойчивый и энергичный человек, как Сципион, капитулировал в самый разгар борьбы. Всего несколько часов назад он гордо заявил, что, пока он жив, Рим в безопасности. Так смотрели на дело и его сторонники. Они не сомневались, что только Сципион может спасти Рим. Его смерть они переживали как крушение всех своих надежд. В надгробной речи, написанной Лелием

[6] Пер. Т. А. Бобровниковой.

[7] Все его свидетельства будут подробно разобраны ниже.

[8] Об этих следах насилия мы подробнее поговорим позже.

для племянника Сципиона Фабия, читаем: «In eodem tempore periit, cum et vobis et omnibus, qui hanc rem publicam salvam volunt, maxime vivo opus est, Quirites!» (*ORF*[2]. *Laelius*. Fr. 22. P. 121). Если верить Цицерону, в тот день Сципион вернулся домой победителем (*Amic*. 11). И наутро собирался продолжить борьбу. Что могло вдруг так резко изменить все его планы? Замечательно, что ни один латинский автор не поддерживает версии о самоубийстве. Ее сообщают Аппиан и Плутарх (App. *B.C*. I.20; Plut. *Rom*. 27), причем сообщают как слухи. Аппиан прямо пишет, что им не верит, судя по другим местам из Плутарха, он тоже склонялся к другим версиям *(C. Gracch*. 10). Можно предположить, что слух о самоубийстве был специально пущен виновниками смерти Сципиона, когда стало невозможно скрыть ее насильственный характер. В этой связи весьма любопытна еще одна странная версия, сообщаемая Аппианом. Будто бы рабы на допросе показали, что Сципиона убили проникнувшие в дом чужеземцы (App. *B.C*. I.20). Это неверно уже потому, что никакого следствия не проводилось, а значит и допроса не было. Если бы он был, непонятно почему делу не дали ход. Источник версии, несомненно, тот же, что и предыдущей: свалить убийство Сципиона на каких-то неизвестных чужеземцев.

Итак, можно утверждать почти с полной уверенностью, что Сципион был убит политическими врагами. Но кем же конкретно? Все нити ведут к триумвирам. В 129 г. до н. э. после смерти Аппия Клавдия, гибели Тиберия Гракха и Красса Муциана в комиссию входили Гай Гракх, Карбон и Фульвий Флакк. Что мы знаем об этих людях? Говорить о Гае излишне. Что известно о двух других триумвирах, гораздо менее освещенных в источниках? О Фульвии и друзья, и враги отзывались как о человеке посредственном и даже недалеком. Цицерон, с таким восхищением говоривший о Гае Гракхе и Карбоне, называет Фульвия оратором бесталанным и неумным (Cic. *Brut*. 108). Плутарх, следовавший програкханской традиции и прославивший обоих братьев, говорит о Фульвии с явным неодобрением и даже полагает, что его самонадеянность и опрометчивость была одной из причин гибели Гракха (например: *C. Gracch*. 10.24–15). В то же время Фульвий был верен делу Гракха до конца и разделил его участь.

Совершенно другим человеком был Гай Папирий Карбон. Цицерон считает его высокоталантливым оратором, остроумным,

искусным, прилежным и находчивым (Cic. *De or.* III.28; *Brut*. 105). В то же время о нем ходила недобрая слава. Цицерон называет его бесчестным человеком (*De leg*. III.35). Поэт Люцилий пишет: «Если бы Люп или Карбон... думали, что боги существуют, были бы они такими клятвопреступниками и подлецами (tam periurus aut tam impurus)?» Он называл Карбона *сыном Нептуна* (H. 44). Смысл этого выражения объясняет Гелий: оно обозначает, говорит он, человека жестокого и чудовищного, подобного другим порождениям бога морей – Киклопу, Скирону, Лестригонам (Gell. XV.21). Можно было бы думать, что перед нами обычная клевета на политика, исходящая из враждебной ему партии. Ведь сведения эти идут из кругов сената. Однако, во-первых, мы не слышим ничего подобного ни о Фульвии, ни о Гае Гракхе, а они даже больше Карбона были ненавистны сенату. Во-вторых, жизнь триумвира доказала справедливость этих отзывов. Он не только отрекся от Гракха, когда его дело потерпело поражение, но даже оправдывал Опимия и утверждал, что его бывшие друзья убиты законно (Cic. *De or.* II.106; 135; *ORF*[2]. *Carbo*. Fr. 8–11. P. 154–155). Это показывает человека беспринципного.

Кого же конкретно из триумвиров подозревали? Плутарх говорит, что подозрения пали на всех членов комиссии (*C. Gracch*. 10). Но если мы присмотримся внимательно к показаниям античных авторов, то увидим, что это не так. Начнем с Гая. Вряд ли кто-нибудь был так ненавистен аристократической партии, как Гай Гракх. Естественно, любой слух, в какой-то степени порочащий его доброе имя, должен был быть раздут его врагами до невероятных размеров. Почему же мы не слышим непрерывно, что он убийца?! Цицерон говорит о нем иногда как о человеке благородном, высокой души, который пошел против общества из жажды мщения (*Brut*. 126; *Har. resp*. 41). Но мог ли он так говорить о Гае, если подозревал его в убийстве?

Плутарх пишет: «Главным виновником этой смерти молва называла Фульвия Флакка» (*C. Gracch*. 10)[9]. Однако создается впечатление, что Плутарх путает Фульвия Флакка с Карбоном. Во-первых, он вообще не упоминает о Карбоне, хотя тот был тогда чуть ли не главным лицом в комиссии. Во-вторых, он сообщает, что Гай и Фульвий задали в народном собрании Сципиону вопрос, как он

[9] Пер. С. П. Маркиша.

относится к убийству Тиберия Гракха (*Ti. Gracch*. 21). Между тем мы знаем, что вопрос этот задал Карбон, который и был автором законопроекта 131 г. до н. э. Так нет ли путаницы и в этом случае? Быть может, и здесь вместо Фульвия надо подразумевать Карбона? Эта догадка блестяще подтверждается. Ни один латинский автор не называет имени Флакка в связи с убийством Сципиона, зато многие указывают на Карбона. В одном своем письме Цицерон пишет о Карбоне: «Считают, что он убил Публия Африканского» (*Fam*. IX.21.3). Во время одного бурного народного собрания, когда слышались взаимные угрозы, Гней Помпей Великий вне себя воскликнул: «Я буду охранять свою жизнь лучше, чем Публий Африканский, которого убил Карбон!» (Cic. *Quint*. Fr. II.3.3).

Наконец, ровно через 10 лет после убийства Сципиона выступил двадцатилетний юноша Люций Красс Оратор, который открыто обвинил Карбона в убийстве. Он произнес такую фразу: «Ты был союзником в убийстве Публия Африканского!» (Cic. *De or*. II.170–171). По-видимому, у молодого обвинителя было много косвенных улик, но ни одной прямой. Во время процесса к нему тайно явился какой-то человек с ларцом в руках. Оказалось, что это был секретарь Карбона и в ларце находился тайный его архив, «содержавший много документов, с помощью которых его легко можно было погубить». Но Красс был очень молод и горяч. Ему показалось низостью рыться в украденных бумагах. Не притронувшись к ларцу, он послал его своему врагу нераспечатанным (Val. Max. VI.5.6). Но на последнее заседание суда Карбон не явился. Он принял яд (*Fam*. IX.21.3). Не оттого ли, что он заметил пропажу своего ларца? Напомню, что Красс был тесным образом связан с друзьями Сципиона. Он был зятем Сцеволы Авгура, который в свою очередь был зятем Лелия. Таким образом, жена Красса была внучкой лучшего друга Сципиона. Он вполне мог считать себя мстителем за Публия Африканского.

Итак, мы могли бы признать убийцей Папирия Карбона. Но некоторые обстоятельства мешают нам произнести окончательный приговор. Во-первых, мы знаем – и это обстоятельство неоднократно подчеркивается античными авторами, – что *никто из друзей не возбудил дело об убийстве Сципиона* (Liv. *Ep*. 58; Plin. *NH*. X.123; Val. Max. V.3.2; Cic. *Mil*. 16). Почему? Можно сказать, что они боялись ярости толпы и преступных триумвиров. Но это совершенно

невероятно. Друзья Сципиона славились как люди твердые, мужественные, способные рисковать жизнью за свои убеждения. Могли ли они предать память своего друга? Но пусть даже все в них ошибались, и они оказались людьми трусливыми и недостойными. Мы бы тогда постоянно слышали ропот осуждения. Все античные авторы горько упрекали бы их. Но ничего подобного. Никто их не упрекает. Более того, Цицерон выводит Лелия вскоре после смерти Сципиона; выводит как образец истинного друга. По его словам, это единственное лицо, достойное толковать о дружбе (*Amic*. 4). И сам Лелий в этом диалоге выражает надежду, что память о его дружбе со Сципионом переживет века (*Amic*. 15).

Но самое удивительное другое. Сам Цицерон дает понять, что друзья Сципиона были правы. Они почему-то *не должны* были приподнимать покров этой тайны. Это очень странно. Но страннее другое. Цицерон намекает, что знает истину. Но ведет себя столь же таинственно, как и друзья Сципиона. Ни в одном сочинении, предназначенном к печати, он *не называет имени убийцы*. Даже в «Государстве» он отделывается неясным намеком. Это явно запретная тема. Мы должны сделать странный вывод – друзья Сципиона и все близкие к ним люди сознательно выгораживали убийцу, и Цицерон считал, что они правы[10]. Но неужели они выгораживали триумвиров?

Только один единственный раз мы находим у Цицерона нечто вроде намека. Он дает нам в руки ключ от тайны. В «Государстве» Сципион Великий предсказывает Эмилиану будущее. Он говорит, что Сципион спасет Рим, «если только избежит «преступных рук своих близких». «Я, – говорит Эмилиан, – был в ужасе не от страха самой смерти, но от мысли о коварстве моих близких (meis)» (*De re publ*. VI.12; 14). Итак, его погубили *близкие* (propinqui). Но

[10] Есть даже мнение, его разделяют Каркопино [Carcopino 1928: 83–84] и Астин [Astin 1967: 241], что в надгробной речи Лелия прямо утверждается, что Сципион умер естественной смертью. В доказательство приводят слово morbus, ясно читающееся в тексте. Но фрагмент безнадежно испорчен. Вместо morbus некоторые восстанавливают cum isto modo mortem obiit (*ORF*[2]. P. 121). Кроме того, даже если слово morbus и было в тексте, совершенно неясно в какой связи оно было употреблено. У Цицерона Лелий говорит, что мгновенная смерть избавила Сципиона от старости, чувства конца и пр. «О роде же смерти говорить трудно» (*De amic*. 11–12). Вероятно, что-то в этом роде было и в речи Лелия.

Карбон не был ни в дружбе, ни в родстве со Сципионом. Значит, не о нем говорится в этом пророчестве. Кто же тогда? Гай Гракх? Да, его действительно можно назвать близким – ведь он состоял в родстве с Публием Африканским. И все же трудно поверить, что тут речь идет о Гае. Во-первых, можно повторить все то, что уже говорилось в пользу непричастности Гракха к убийству. Во-вторых, есть еще одно очень интересное место из писем Цицерона, которое проливает новый свет на это преступление. Оратор пишет: «Non fuisse et illa nox tam acerba Africano, sapientissimo viro, non tam dirus ille dies calllidissimo viro C. Mario, si nihil utrumque eorum fefelisset» (*Fam*. X.8.7)[11]. Итак, Сципион был *обманут*. Его предал кто-то ему очень близкий, кому он безусловно доверял. Валерий Максим говорит даже, что человек этот жил в его доме (V.3.2). Никакого доверия к Гаю Гракху, чьи приспешники кричали: «Смерть тирану», у Сципиона быть не могло. Так кто же этот человек?

От авторов, близких к Публию Африканкому, мы больше ничего не узнаем. Но более поздние писатели уже не видели причину что-нибудь скрывать. Ливий пишет, что, как полагали, «ему дала яд жена Семпрония, которая была сестрой Гракхов» (*Ep*. 58). Аппиан же сообщает, что она была соучастницей в этом преступлении – судя по его рассказу, она открыла дверь убийцам мужа. Эти слова разом все объясняют. Мы понимаем, и кто такие преступные близкие, и причину загадочного молчания друзей. Возбуди они дело, пришлось бы допрашивать слуг, обнародовать письма и вытаскивать на свет Божий подробности семейной жизни Публия Африканского. Быть может, пришлось бы говорить о неверности одного из супругов, а, может быть, и обоих[12].

Мы очень мало знаем о Семпронии, сестре Гракхов. Единственное упоминание о ней – небольшой эпизод, рассказанный Валерием Максимом. Он пишет о страшной смуте, поднятой Сатурнином 26 лет спустя после смерти Сципиона. Чтобы добиться особой любви народа, он выставил в качестве своего друга и помощника

[11] «Та ночь не была бы так горька для Публия Африканского, умнейшего человека, тот день не был бы так суров для Гая Мария, хитрейшего человека, если бы оба они не были обмануты» (Пер. Т. А. Бобровниковой).

[12] К близким выводам приходит Н. Н. Трухина [Трухина 1986: 148]. Слова Аппиана указывают отнюдь не на политические коллизии, а на взаимное охлаждение супругов.

какого-то проходимца, которого выдавал за сына Тиберия Гракха. Для подтверждения его происхождения Сатурнин вызвал Семпронию, которая поднялась на Ростры, откуда до той поры выступали первые люди государства. Валерий Максим описывает, что несмотря на рев разъяренной черни и угрозы трибуна, перед которым дрожали и храбрые мужчины, Семпрония во всеуслышание объявила, что это не сын ее брата (Val. Max. III.8.6).

Из приведенного рассказа ясно, что Семпрония была женщиной смелой, решительной и беззаветно преданной памяти своих братьев. Но отношения ее с мужем представляют загадку. Аппиан пишет: «Она была некрасива и бесплодна, и не пользовалась его любовью, да и сама не любила его» (App. *B.C.* I.20). Эти слова таинственны. Ведь мы знаем, что Сципион и Семпрония были в браке много лет. Что же привязывало его все эти годы к этой некрасивой, бесплодной женщине? И что привязывало ее к нелюбимому мужу? Ведь в Риме инициатором развода мог быть любой из супругов. Астин предлагает такое объяснение. После возвращения из-под Нуманции Сципион порвал со всей семьей Гракхов. Но он не мог официально развестись, потому что тогда должен был вернуть жене ее приданое. Между тем все свои деньги он вложил в Нумантинскую кампанию, от добычи и даров иноземных царей отказался и остался без средств. Семпрония же происходила из богатой семьи и, вероятно, имела роскошное приданое. Поэтому развод пришлось пока отложить [Astin 1967: 235–236].

Как бы то ни было, если верить Аппиану, супруги последние годы фактически были в разводе, хотя по какой-то причине не оформляли его пока официально. Хотя Сципион и порвал с женой, он, очевидно, продолжал смотреть на нее как на своего друга и абсолютно ей доверял. Тут он при всем своем необыкновенном уме ошибся, как говорит Цицерон.

Остается последний вопрос: как был убит Сципион. Ливий называет причиной смерти яд, а Аппиан говорит об убийце, по-видимому, впущенном его женой. Эти две версии мы встречаем и в дальнейшем у античных авторов. Плутарх так и пишет, что одни полагали, что он умер от яда, другие – что «его задушили прокравшиеся ночью враги» (*Rom*. 27). Я говорила, что лицо Сципиона было обезображено и его даже хоронили с закрытой головой (Vell. II.4; *Vir. illustr*. 58). Но каким образом было изуродовано лицо, неяс-

но. Плутарх говорит, что тело Публия три дня лежало в его атриуме, и весь Рим с ним прощался. Значит, все видели его лицо (*Rom*. 27). Но совсем не очевидно, что он лежал с открытой головой. И действительно, все дошедшие до нас сообщения имеют характер неясный. Веллей Патеркул: «На шее у него были видны какие-то следы удушения» (Vell. II.4). У автора биографии великих людей: «Его несли с закрытой головой, чтобы не видно было синее пятно на лице» (*Vir. illustr*. 58). У Плутарха: «На теле его выступили какие-то следы, как казалось, следы насилия» (*C. Gracch*. 10). Похоже, что никто из писавших не знал ничего определенного.

И все же я склоняюсь к версии, что он был задушен. Почему? Во-первых, мне кажется, что яд не мог до такой степени обезобразить лицо. Все указания источников, как бы неопределенны они не были, указывают на посиневшее лицо и изуродованную шею. Иными словами, нам описывают человека, погибшего от удушения. Но самое главное другое. Я начала с того, что убийцей называли Карбона. Красс, который, видимо, знал об этом преступлении очень много, раз у него хватило материала на целое дело, называет его «*союзником* в убийстве Публия Африканского». Но в чем же заключалось его соучастие? Неужели только в том, что он купил яду? Видимо, его самого или какого-то его посланца впустила в эту роковую ночь Семпрония.

Впрочем, обе версии не исключают друг друга. Царевича Деметрия Македонского отравили, а, когда он, почувствовав внезапную боль, лег, его задушили подушкой. Я, конечно, вовсе не думаю, что Сципиона сначала отравили, потом задушили. Если бы ему дали яд, убийца был бы уже не нужен. Но я вполне допускаю, что он был усыплен или чем-то одурманен. В самом деле. Он ушел к себе писать речь. То есть собирался эту ночь работать, а не спать. Между тем, его нашли мертвым в постели, и смерть скорее всего наступила во сне. Иначе Сципион, конечно, не сдался бы без сопротивления. Это был сильный, ловкий воин. Поднялся бы шум, на который сбежался бы весь дом. Нет. Я думаю, убийца, кто бы он не был, не решился один на один столкнуться со Сципионом[13].

[13] Существует еще один человек, которого обвиняют в убийстве Эмилиана. Но человек этот самый неожиданный. Аппиан пишет: «Это было делом рук Корнелии, матери Гракха, с целью воспрепятствовать отмене проведенного

Таким образом, наш вывод таков: убийцей Сципиона была его жена, сестра Гракхов, которой помогал триумвир Карбон.

Список литературы

1. Бобровникова Т. А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М.: Молодая гвардия, 2001.

2. Трухина Н. Н. Политика и политики «*золотого века» Римской республики*. М.: Изд-во МГУ, 1986.

3. Astin A. E. Scipio Aemilianus. Oxford: Clarendon Press, 1967.

4. Carcopino J. Auteur des Gracques. Etudes critiques. Paris: Les Belles Lettres, 1928.

Информация об авторе

Бобровникова Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Специализированного Учебно-научного центра МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; scipio202@mail.ru

Information about the author

Tatiana A. Bobrovnikova, PhD in History (Candidate of Sc.), Assistant Professor, Advanced Educational Scientific Center of M.V. Lomonosov Moscow State University, scipio202@mail.ru

им закона; она действовала при помощи своей дочери Корнелии Семпронии» (App. *B.C.* I.20). Это сообщение я не могу, однако, принять. Первое. Корнелию глубоко чтили и друзья, и враги ее сыновей. В то время как их тела лишены были законного погребения, ей поставили статую на Форуме. Она почиталась чистейшей, добродетельнейшей женщиной Рима. Могло ли это быть, если над ней тяготело обвинение в убийстве, уж не говорю – первого гражданина Рима, а просто близкого родственника? Плутарх, достаточно много места уделивший рассказу о Корнелии, даже не знает этого обвинения. Не знает его и ни один латинский автор. Кроме того, оно противоречит здравому смыслу. Если Сципион был задушен, естественно, его жена не могла одна с ним справиться и впустила убийцу. Очевидно, у Аппиана этим грозным убийцей была ее старая мать. Видимо, перед нами плод довольно часто встречающейся у Аппиана путаницы.

УДК 94(37).05

Senatus consultum ultimum 52 г. до н. э.: легитимация вмешательства промагистратов в сферу domi*

Р. М. Фролов

Аннотация. Римские республиканские промагистраты не могли выступать в качестве носителей публичной власти в городе Риме и даже за его пределами не имели возможности осуществлять руководство гражданским коллективом. Однако это не означало, что на практике промагистраты не оказывали никакого влияния на сферу domi. Наряду с попытками неформального воздействия на политический процесс в Риме на расстоянии, через посредников, промагистраты в ряде случаев сами оказывались в гуще событий. К числу такого рода эпизодов относится принятие т. н. senatus consultum ultimum в 52 г. до н. э. В статье обосновывается вывод о том, что сенат своими действиями легитимировал прямое вмешательство проконсула Помпея в городские дела с целью преодоления кризиса в сфере domi, хотя формально полномочия проконсула не были изменены (так, незыблемым оставалось правило о том, что пересечение городской черты Рима означало бы утрату промагистратом империя).

Ключевые слова: Римская республика, сенат, senatus consultum ultimum, промагистраты, проконсулы, Гн. Помпей Магн, померий, империй.

The *senatus consultum ultimum* of 52 BCE: The Legitimation of Promagistrates' Intervention in the Sphere *domi*

Roman M. Frolov

Abstract. In the Roman Republic, promagistrates could not act as public officials in the city of Rome. Even outside of Rome, they were not expected to take the lead in matters which concerned the Roman *civitas* as a political body. However, this did not exclude the possibility that promagistrates could affect the sphere *domi*. Apart from the attempts to influence the political process in Rome at a distance, through intermediaries, promagistrates found themselves in the thick of the action in several cases. Among such episodes is the adoption of the so-called *senatus consultum ultimum* in 52 BCE. This paper argues that, to overcome the crisis in the

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МК-287.2021.2).

© Фролов Р. М., 2022

sphere *domi*, the Senate legitimized the proconsul Pompeius' direct intervention in the city affairs, although, formally, the proconsul's powers were not changed (for example, the rule remained in force according to which crossing the city boundary of Rome would mean a promagistrate's loss of *imperium*).

Keywords: Roman Republic, Senate, *senatus consultum ultimum*, promagistrates, proconsuls, Cn. Pompeius Magnus, *pomerium*, *imperium*.

В Римской республике в дополнение к избранию (в отдельных случаях – назначению) магистратов был выработан особый механизм наделения публичной властью – предоставление промагистратских полномочий[1]. В. В. Дементьева дает такое определение промагистратуры: «официальное выполнение магистратских обязанностей человеком, не прошедшим процедуры избрания в магистратуру на данный административный год»[2]. Лицо, действовавшее «вместо магистрата» (pro magistratu), римлянами формально к числу magistratus не относилось, в независимости от того, каким именно путем оно получало власть (через процедуру пророгации или иначе)[3].

---

[1] Все даты – до н. э.

[2] Дементьева 2014: 10. В большинстве известных случаев сообщается о том, что промагистраты пользуются империем. Однако низшие промагистраты, в особенности проквесторы, империем, по-видимому, наделялись не всегда [ср. Badian 1983: 158, 164]. В этом случае речь шла о продлении квесторской potestas [Дементьева 2011: 18–19].

[3] Lange 1876: 743 (по поводу проконсулов: "Sie sind nicht *magistratus*, sondern *pro magistratu*, streng genommen *privati cum imperio consulari*"); Mommsen 1887: 11–12 ("negativ ein Nichtmagistrat"), 652, n. 4 ("der Promagistrat ist nicht *magistratus*"); Coli 1953: 401 ("privati ai quali veniva concesso di esercitare funzioni magistratuali … non erano magistrati"), 401, n. 22 ("Rientrano qui in generale i vari tipi di promagistrati (magistrati uscenti, con prorogatio o senza, e *privati cum imperio* o *cum potestate*)"); Meyer 1964: 109 ("nicht Magistrate ... sondern *privati* ... Privatus bedeutete also … nicht 'Privatmann', sondern nur Nichtinhaber eines Amtes"); Jashemski 1966: 20 ("not a magistrate"); Richardson 1986: 70 ("In any case a proconsul who had already been consul was no more a magistrate than Scipio [P. Cornelius Scipio Africanus – *P. Ф.*], both properly speaking being *privati*"); Drogula 2015: 211 ("without actually being a magistrate"), 219–220 ("technically a private citizen invested with the full might of *imperium*"). Но ср. Kloft 1977: 15 ("Die Prorogation betrifft einen amtierenden Imperiumsträger … Damit bleibt man vom Personenbestand und vom bestehenden Imperium im Rahmen der Ordnung. Anders stellt sich die Ver-

Как подчеркивает К. Бреннан, несмотря на вводящую в заблуждение практику современных издателей, в текстах эпохи Республики не используются термины «пропретор» или «проконсул». Данное обстоятельство показывает, что римляне так и не пришли к признанию того, что у промагистрата есть настоящая должность[4]. По выражению Ливия, промагистраты праздновали триумф «после завершения должностных полномочий», т. е. после истечения срока магистратуры (Liv. 8.26.7: acto honore)[5], а не во время ее исполнения (Liv. 36.39.10: qui in magistratu non triumphaverunt). Проконсулу П. Корнелию Сципиону было отказано в триумфе, так как он совершил достойные этой почести деяния, не обладая магистратурой (Liv. 28.38.4: sine magistratu res gessisset; Val. Max. 2.8.5). В отличие от магистратских полномочий, предельные сроки которых были всегда определенными[6], промагистратская власть могла продолжаться до достижения поставленной цели (Liv. 30.1.10: non in temporis sed rei gerundae finem)[7]. В целом же, промагистратура и исполнение должностных полномочий в качестве магистрата в источниках последовательно противопоставляются[8].

Можно продолжить сопоставление двух типов должностной власти, но важнейшим различием было отсутствие у промагистратов полномочий в сфере domi. Иными словами, они не могли выступать

---

gabe des Imperiums an einen *privatus* dar, der per definitionem Nichtmagistrat ist"); Giovannini 1983: 60–65. Анализируя содержание понятия «проквестор» (pro quaestore), В. В. Дементьева пишет, что «официальное возложение на человека выполнения обязанностей квестора в любом случае делало его проквестором, поэтому мы не видим оснований для разграничения проквестуры как должности и осуществления функций проквестора вне промагистратуры, как иногда предлагается это делать» [Дементьева 2014: 10].

[4] Brennan 2000: 73 ("the Romans never came to terms with a promagistrate as holding an actual office"). Первый случай употребления выражения imperium proconsulare обнаруживается у Валерия Максима, а proconsulatus как обозначение самостоятельной должности появляется только у Плиния Старшего [Girardet 1990: 328; также см. Ferrary 2001: 116; Briscoe 2008: 574–576; Blösel 2009: 18–19; Briscoe 2012: 771].

[5] Dalla Rosa 2003: 193. Ср. Kloft 1977: 69, Anm. 111.

[6] Подробнее см. Фролов 2019.

[7] Ср. Coli 1953: 402.

[8] Drogula 2007: 434–435.

в качестве носителей публичной власти в городе Риме (в отличие от магистратов, промагистраты теряли власть при пересечении городской черты) и даже за его пределами не имели возможности осуществлять руководство гражданским коллективом (прежде всего, это означало, что промагистраты не могли созывать сенат и комиции[9]). Тот, кто по праву не мог исполнять должность в городе Риме, не являлся в полном смысле magistratus populi Romani[10].

Однако все это не означало, что на практике промагистраты не оказывали никакого влияния на сферу domi. Более того, наряду с попытками неформального воздействия на политический процесс в Риме на расстоянии, через посредников[11], промагистраты в ряде случаев сами оказывались в гуще событий. Это чрезвычайно важно, поскольку для римской политической культуры взаимодействие лицом к лицу (face-to-face), а не через посредников и на расстоянии, оставалось основной формой политической коммуникации[12].

Ряд эпизодов такого рода деятельности промагистратов был мною рассмотрен ранее, включая деятельность проконсула М. Эмилия Лепида[13] и промагистрата Помпея[14] в 77 г., cura annonae проконсула Помпея с 57 г.[15], организацию проконсулом Помпеем неофициального собрания сенаторов[16], появление промагистратов-союзников Помпея в черте города[17] и участие проконсула Цезаря в заседании сената

---

[9] Giovannini 1983: 42–44; Blösel 2009: 19.

[10] Kunkel, Wittmann 1995: 11: “Wer von Rechts wegen in Rom nicht amtieren konnte, war nicht im eigentlichen und hergebrachten Sinne ein *magistratus populi Romani*”.

[11] Показательный пример – проконсул Цезарь (Ramsey 2009). Также см. Hillman 1990: 446–452 о взаимодействии проконсула Помпея с сенатом в период войны против Сертория в Испании и Rosillo-López 2021 о попытках магистратов и промагистратов на расстоянии оказать влияние на принятие решения о (дальнейшей) пророгации.

[12] См., напр., Hölkeskamp 2022a (47: “culture of physical presence and ‘visibility’”) и Hölkeskamp 2022b (12: “culture of personal physical presence”).

[13] Фролов (в печати).

[14] Frolov 2021.

[15] Frolov 2022b.

[16] Frolov 2020.

[17] Frolov 2019.

и гражданских contiones[18] в 49 г., а также выступление проконсула Октавиана в сенате в 32 г.[19]. Анализ этих случаев показывает, что для обхода ограничений, препятствовавших прямому личному вмешательству в сферу domi, промагистратами использовались как официальные решения гражданского коллектива (например, наделение проконсула Помпея в 57 г. в качестве куратора анноны правом сохранять империй при вступлении в Рим и полномочиями в одной из важнейших сфер управления городом), так и инструменты неформального влияния (особенно прямое обращение проконсула к сенаторам, предварительно созванным на официальное или неофициальное собрание фактически по инициативе промагистрата, но номинально по решению одного из магистратов). При этом обращает на себя внимание то, что ни в одном из рассмотренных эпизодов не прослеживается игнорирование промагистратом правила о том, что лица его положения теряли власть при пересечении границы города Рима.

Картина изменения политической практики и политической культуры Римской республики в рассматриваемом отношении была бы неполной без учета событий 52 г. Столкновение кандидатов в консулы и преторы на 52 г. сопровождалось применением силы и не давало возможности провести выборы. В результате дело дошло до интеррегнума, причем назначение интеррекса стало возможным лишь 19 января 52 г. Но даже после этого выборы по-прежнему не удавалось провести[20]. В сложившейся обстановке сенат принимает т.н. senatus consultum ultimum (далее – SCU), постановление, которое предписывало интеррексу, плебейским трибунам и проконсулу Помпею обеспечить защиту Рима и не допустить, чтобы Республика потерпела какой-либо ущерб (Asc. 34C). Проконсулы и ранее становились адресатами SCU, и их содействие рассматривалось как необходимое для достижения целей постановления. Но как будет показано ниже, SCU 52 г. вышло за рамки сложившейся практики.

В речи в защиту Милона Цицерон сообщает о том, что сенат передал Республику и ее военные силы заботе Помпея (totam rem

[18] Фролов 2020.

[19] Frolov 2022a.

[20] Jahn 1970: 176–181. О хронологии событий также см. Lintott 1974: 71–73. По поводу интеррегнума 52 г. ср. Dementyeva 2022.

publicam, omnem Italiae pubem, cuncta populi Romani arma commiserat), что для защиты судов прибегли к вооруженной охране (praesidium), и что Милон должен был поручить себя potestas Помпея (*Mil*. 61). Даже если понимать potestas в данном случае как самое общее обозначение публичной власти (не обязательно магистратской)[21], согласно Цицерону, Милон оказался во власти проконсула Помпея именно тогда, когда вернулся в Рим (Romam revertisse). Следовательно речь шла о применении Помпеем potestas в самом городе или рядом с ним, как если бы Помпей был магистратом, а не промагистратом. В другом месте Цицерон не только вновь упоминает поручение Помпею позаботиться о государстве, произвести воинский набор и использовать вооруженные силы, но и отмечает, что если бы Милон действительно был виновен, то Помпей не стал бы ждать приговора суда, чтобы его покарать (*Mil*. 70). Сложно сказать, в какой степени все это являлось инсинуациями самого Цицерона, обусловленными задачами его речи, но примечателен сам факт того, что оратор в принципе допускает прямое вмешательство проконсула с целью наказания граждан, если они угрожают Республике. Подчеркну (это будет важно для нас далее), что, даже делая подобные допущения, Цицерон акцентирует внимание на том, что Помпей физически не находится в черте города и поэтому не может угрожать свободному принятию решений судами[22].

Насколько нарисованная Цицероном картина правдоподобна? Асконий сообщает, что Помпею действительно было поручено произвести набор и организовать praesidium *для защиты судов*. При этом обращает на себя внимание использование Асконием слова primo при описании SCU[23]. Как верно заметил Д. Льюис, в дан-

---

[21] См., напр., Kunkel, Wittmann 1995: 22.

[22] *Mil*. 71: quod vero in illo loco atque illis publicorum praesidiorum copiis circumfusus sedet, satis declarat se non terrorem inferre vobis – quid enim minus illo dignum quam cogere ut vos eum condemnetis, in quem animadvertere ipse et more maiorum et suo iure posset?

[23] Asc. 34C: itaque primo factum erat S. C. ut interrex et tribuni plebis et Cn. Pompeius, qui pro cos. ad urbem erat, viderent ne quid detrimenti res publica caperet, dilectus autem Pompeius tota Italia haberet. qui cum summa celeritate praesidium comparasset... *Ср*. 51–52C. О воинском наборе по постановлению сената пишет также Цезарь: cognoscit de Clodii caede [de] senatusque consulto certior factus, ut omnes iuniores Italiae coniurarent (*B.Gall*. 7.1.1).

ном контексте термин нужно понимать не в значении «в первую очередь» или «сначала», а скорее в значении «впервые»[24]. Однако вряд ли следует солидаризироваться с Льюсом, когда он пишет, что причина, по которой Асконий сообщает о беспрецедентности принятого сенатом решения, заключалась в том, что «в традиционной формуле этого чрезвычайного senatus consultum именно консулам предписывалось "позаботиться о том, чтобы государство не претерпело никакого ущерба"»[25]. В данном случае консулов заменяет в качестве высшего магистрата интеррекс, и поэтому он, как и положено, упомянут первым.

Как отмечалось выше, обращение к проконсулу в SCU тоже наблюдается не впервые, но ситуация 52 г. все же выделяется из общего ряда. Нельзя согласиться с К. М. Жирарде, что в 52 г. SCU поручало Помпею принять военные меры только за пределами померия[26]. В отличие от других случаев, в которых проконсул становился адресатом SCU, в 52 г. угроза, которую промагистрату предстояло купировать, была локализована исключительно в самом городе Риме[27]. Если так, то primo может подчеркивать (наряду с дру-

---

[24] Lewis 2006: 239.

[25] Lewis 2006: 239 ("… in the traditional formula of this emergency *senatus consultum* it was the consuls who were enjoined 'to see that the state take no harm'"). Также см. Marshall 1986: 171.

[26] Girardet 2001: 197. Это заключение Жирарде плохо согласуется с его же выводами о том, что интеррекс был назначен на фоне опасений того, что в столице произойдут столкновения [Girardet 2001: 197 ("unter dem Eindruck des drohenden Bürgerkriegs in der Hauptstadt, gelang es, das Interregnum einzusetzen")], и что проконсул Помпей оставался за пределами города «*несмотря на*» (trotz) SCU [Girardet 2001: 198].

[27] Straumann 2016: 93 ("In fact, most of these decrees had been issued against the background of armed threats from outside the city, rather than against internal sedition or violence within the city"). Так, в связи с SCU 77 г. у Саллюстия сказано о необходимости защиты города Рима (не res publica), но все же именно от внешней угрозы (*Hist*. 1.67.22 McGushin, Ramsey: … uti Ap. Claudius interrex cum Q. Catulo pro consule et ceteris, quibus imperium est, urbi praesidio sint; Broughton 1946: 37, включая n. 17a; Kunkel, Wittmann 1995: 233, n. 462). После принятия SCU в 63 г. проконсулы должны были купировать угрозу за пределами Рима (Sall. *Cat*. 30.3–4; 34.1; Broughton 1946: 36: "Both were sent by the senate to face external dangers"). Менее однозначна ситуация декабря 100 г., когда было принято SCU против Сатурнина. В это время проконсул М. Антоний находился у Рима с войсками (Cic. *Rab. Perd*. 26: M. Antonium, qui tum extra urbem cum praesidio

гими) то обстоятельство, что проконсул был впервые уполномочен разрешить кризис в самом городе Риме (в частности, путем обеспечения вооруженной охраны для судов и сената), а не бороться с вооруженным противником за его пределами.

Асконий сообщает также, что после того, как проконсул Помпей, завершив воинский набор, вернулся в окрестности Рима, он оставался в своем имении, т.е. находился за чертой города. При этом Помпей отказался допустить к себе Милона, якобы из опасений за свою жизнь. Сенат тоже собирался за городом, в портике театра Помпея, чтобы проконсул мог присутствовать на заседании. Туда Милона все же допустили, но перед этим Помпей приказал его обыскать – единственного из всех сенаторов (Asc. 50–52C). По этому поводу Б. Маршалл замечает, что, оставаясь проконсулом, Помпей не мог

---

fuit). Однако вряд ли можно быть уверенным в том, что силы Антония могли и, тем более, действительно были использованы в самом городе, и что именно к этому сводилось действие SCU в отношении проконсула. Ср. Plaumann 1913: 363, Anm. 1 (“Ich habe nicht ermitteln können, ob die Äußerung Ciceros … den Schluß erlaubt, daß vor Rom stehende Truppen des Antonius in die Stadt gezogen worden sind”); Broughton 1946: 36–37 (“Antonius … was available with a protecting force”); Pepermans 1975: 25 (“Of de mededeling van Cicero inhoudt dat voor Rome staande troepen van Antonius naar de stad zijn gebracht, is niet duidelijk”); Badian 1983: 171 (“M. Antonius was *ad urbem* and was in fact asked to take part in the defence of the *res publica*”). Ж.-Л. Феррари справедливо замечает, что cum praesidio означает только наличие военной силы у проконсула, но не обязательно указывает на применение ее для защиты «правительства» [Ferrary 1977: 626, n. 35]. Задачей проконсула Антония могло быть воспрепятствование прибытию в Рим потенциальных сторонников Сатурнина из-за пределов города (Ferrary 1977: 626; Ж.-Л. Феррари следует Hinrichs 1970: 494, Anm. 4 (“Vielleicht sollte er [sc. M. Antonius – *Р.Ф.*] Rom vor Hilfszügen der dem Saturninus ergebenen Bewohner Italiens abschirmen”)). Таким образом, случай 52 г., по-видимому, принципиально отличался от других эпизодов, когда проконсулы оказывались среди должностных лиц, к которым было обращено SCU: в 52 г. проконсул должен был устранить угрозу, которая была локализована в самом Риме. Примечательно, что когда Цезарь ищет способ максимально «ужесточить» условия для легитимного, по его мнению, применения SCU, он пишет о том, что такое постановление допустимо только если коллапс правопорядка происходит внутри самого города (Caes. *B.Civ*. 1.5.3: nisi paene in ipso urbis incendio; 1.7.5–6: factum in perniciosis legibus, in vi tribunicia, in secessione populi, templis locisque editioribus occupatis; Ungern-Sternberg 1970: 109 (“Es handelte sich also jeweils um eine bewaffnete Auseinandersetzung in der Stadt selbst …”)).

пересечь померий. Более того, «даже будучи уже вооруженным авторитетом SCU, Помпей не вошел в город»[28]. С одной стороны, решение Помпея воздержаться от пересечения границы города демонстрирует сохраняющуюся актуальность этой черты как ограничителя проконсульской власти. С другой стороны, это обстоятельство не помешало Помпею фактически осуществлять вооруженный контроль над сенатом вплоть до решения об обыске отдельных сенаторов (для нас не так важно, был ли это только показательный жест). Таким образом, городская граница не исчезла из политической повестки дня, но ее реальное значение оказалось сведено на нет. Можно даже сказать, что показное следование связанным с ней правилам Помпей выгодно обменял на легитимацию реального контроля над Римом. Попутно замечу, что осуществление проконсулом Помпеем магистратских функций оказалось возможным в условиях отсутствия высших ординарных магистратов, способных принимать такие решения (например, о проведении набора и обеспечении порядка в городе Риме), полноценная реализация которых требовала больше тех немногих дней, которые имелись в распоряжении у интеррекса[29].

Как пишет Ф. Верват, «сенат и Помпей попытались восстановить контроль над ситуацией»[30]. Однако вряд ли полное восстановление контроля было в интересах Помпея. Охрану сенату он обеспечил. Этого было достаточно, чтобы, во-первых, претендовать на благодарность, а во-вторых, сделать сенат зависимым от себя и, таким образом, играть доминирующую роль в городской политике и подготовить условия для получения магистратских полномочий. Как справедливо отмечает Э. Линтотт, в том, что касается главной проблемы – проведение консульских выборов – Помпей, «как кажется, не сделал ничего для выхода из тупика. В результате сенат был вынужден сам искать решение, а также устранить аномальность положения самого Помпея», то есть сделать проконсула консулом[31].

---

[28] Marshall 1986: 203, также см. 180.

[29] Meyer 1922: 215; Jahn 1970: 179.

[30] Vervaet 2010: 154.

[31] Lintott 1974: 72 (“Pompey seems to have done nothing to break the deadlock. As a result the senate was forced to find a solution itself and also to remove the anomaly of Pompey’s own position”). Также см. Meyer 1922: 216; Gelzer 2005: 158.

Если SCU подразумевало решение задач в пределах самого города, то можно ли считать, что вмешательство проконсула было легализовано путем принятия такого постановления сената? Г. Голден полагает, что специальное решение («enabling resolution») или же само SCU были достаточны для того, чтобы предоставить проконсулу право командовать вооруженными силами в пределах города Рима[32]. Однако ни о каком «специальном решении» источники не сообщают, а одно SCU, как подчеркивает и сам Голден, не могло предоставить дополнительных полномочий[33]. Более убедительным кажется его тезис о том, что Помпею поручили использовать все имеющиеся средства для защиты Республики, а последовавшее вскоре предоставление ему консулата «привело ситуацию в соответствие с предшествовавшей практикой применения постановления» (т.е. SCU)[34]. Каким именно образом проконсул воспользуется предоставленными возможностями зависело во многом от его собственной интерпретации мандата сената.

Однако еще Г. Плауман аргументировал тезис о том, что SCU могло рассматривать проконсулов лишь в качестве ассистентов консулов. Мало того что SCU формально не расширяло компетенцию промагистратов, в нашем случае это постановление – по мысли Плаумана – не могло служить даже в качестве «моральной санкции», поскольку в контексте событий 52 г. такая санкция имела смысл только если бы касалась сферы domi[35]. Но поскольку вмешательство Помпея в сферу domi как раз имело место, и к тому же никем из участников событий не оспаривалось (см. об этом ниже),

---

[32] Golden 2013: 138.

[33] Golden 2013: 148–149. Ср., напр., Plaumann 1913: 329 (“Eine Erweiterung ihrer [sc. проконсулов – *Р.Ф.*] Kompetenz, etwa die Möglichkeit, das Pomerium zu überschreiten, scheint, damit nicht verbunden gewesen zu sein”), 344–346, 350; Lintott 1968: 152–153, 156; Ungern-Sternberg 1970: 90–91; Cordier 1994: 557; Varvaro 2020: 101.

[34] Golden 2013: 139.

[35] Plaumann 1913: 350 (“so können unmöglich die Prokonsuln unter den Beamten gewesen sein, die ihre Kompetenz zu erweitern durch dies S. c. aufgefordert, ja moralisch gezwungen wurden. Denn diese Erweiterung hatte ja im Wesentlichen im Amtskreis *domi* Sinn und Bedeutung”). Также ср. 339 (“Die Prokonsuln werden, wo sie überhaupt genannt werden, nur als den Konsuln (oder ihren Stellvertretern) untergeordnete Exekutivorgane genannt, und zwar nur dann, wenn militärische Hilfe notwendig ist und gerade ein Prokonsul mit Heer vor Rom steht”).

можно предположить, что исключение промагистратов из нее и было тем фундаментальным правилом, фактической отмене которого способствовало SCU.

Известные слова Саллюстия об SCU можно интерпретировать в том смысле, что постановление санкционировало использование империя как в сфере militiae, так и в сфере domi (Sall. *Cat*. 29.3: domi militiaeque imperium atque iudicium summum habere)[36]. На практике это могло означать применение вооруженной силы в пределах городских стен (см., напр., Cass. Dio 42.29.2). По мнению Ф. Дрогулы, принятие SCU высвобождало неограниченный потенциал империя на территории города. Хотя SCU не было формальным разрешением, постановление «призывало» («the suggestion by the Senate») к тому, чтобы консулы применили империй в городе, несмотря на незаконность такого действия[37]. Что означал бы такой механизм для промагистратов? Чтобы иметь возможность в полной мере использовать империй в Риме, они должны были быть сначала выведены из-под действия правила, согласно которому теряли власть при вступлении в город. Однако нет сведений о том, что SCU имело подобный эффект. Можно также предположить, что постановление могло призывать к применению вооруженной силы в Риме промагистратом при условии, что последний оставался за пределами города. Но, например, в 49 г. такая ситуация ясно не просматривается. Дрогула пишет, что, согласно Цезарю, его противники добились принятия SCU, чтобы позволить проконсулу Помпею и консулам использовать силу в городе Риме[38]. Однако Цезарь прямо не говорит о том, что именно проконсул Помпей получил санкцию на использование солдат в пределах городской черты для устрашения плебейских трибунов, поддерживавших Цезаря (Caes. *B.Civ*. 1.5).

Как подчеркивалось выше, ситуация 52 г. выделяется как раз в этом отношении: в данном случае ясно, что сенат обратился именно к проконсулу для разрешения кризиса *в пределах* города Рима, при отсутствии какого-либо источника опасности вне его. Б. Штрауман справедливо заключает, что SCU 52 г. было ответом

[36] Ср. Lintott 1968: 156.
[37] Drogula 2015: 122.
[38] Drogula 2015: 122.

на «насилие и беспорядки в пределах города». Но парадоксальность ситуации состояла в том, что, применяя вооруженные силы в Риме, сам Помпей в него, как мы видели не вошел. Это противоречие, по-видимому, подтолкнуло Штраумана к необоснованному утверждению о том, что проконсул все-таки присутствовал с войсками в самом городе[39]. В то же время, нельзя не согласиться с общим выводом исследователя о том, что решение сената означало для проконсула Помпея «открытый призыв править, во всяком случае потенциально, в стиле Суллы и сводило на нет ключевую конституционную роль померия»[40].

Таким образом, мы возвращаемся к проблеме померия или границы города Рима, в пределах которой промагистраты не могли осуществлять свою власть. В недавней диссертации Д. Эммелиус поставил под сомнение подход, в рамках которого померий рассматривается как «объективная» или существовавшая «сама по себе» политическая и религиозная граница, которая оказывалась внешним фактором (“äußere Bedingung”), влиявшим на решение политических субъектов и ограничивавшим набор доступных им действий. Вместо анализа померия как политической и религиозной данности (“Gegebenheit der politischen Ordnung und Religion”) Эммелиус предлагает сместить акцент на изучение непрерывного процесса трансформации самого понятия pomerium и вклада участников политического процесса в определение (“der fortlaufende Prozess der Konstitution”) и постоянное переосмысление (“Umdeutung”) того, что такое померий[41]. Однако с точки зрения самого Эммелиуса промагистраты все же оказывались теми субъектами,

[39] Straumann 2016: 93, n. 171 (“Pompey’s presence in early 52 *in urbe* as proconsul (as well as in 51 and 50) with troops”). Также ср. Lintott 1968: 200–201. Nippel 1984: 29 подчеркивает, что решение о применении регулярной армии в сфере domi знаменует коллапс республиканской системы. Замечу, что революционность такого рода мер заключается не в самом по себе применении легионов Риме (ср., напр., Emmelius 2019: 133–168), а с тем, что они используются для решения «внутриполитических» задач (именно в этом смысле можно сказать, что они используются «в сфере domi»), но руководство ими осуществляет промагистрат, причем по собственной инициативе.

[40] Straumann 2016: 115 (“an open invitation to reign, at least potentially, in the style of Sulla and eradicated the crucial constitutional status of the *pomerium*”).

[41] Emmelius 2019, особенно 15–16.

для которых некая «граница» города Рима служила в качестве внешнего фактора, а не объекта для манипуляций, пусть даже исследователь доказывает, что границу города только Дион Кассий эксплицитно определяет как померий, в то время как другие античные авторы сообщают о вступлении в город (urbs) или пересечении городских ворот (portae), а не о переходе через «померий»[42]. Можно оспорить тезис о том, что только у Диона Кассия прослеживается интерпретация померия в качестве той самой границы, которая ограничивала применение промагистратского империя в городе Риме, а также влияла на другие процессы и процедуры[43]. Сам Эммелиус признает, что померий, городские стены или ворота, а также пределы плотной городской застройки воспринимались античной традицией (не только Дионом) как тесно связанные в единое целое: последовательного различения между ними не наблюдается[44].

Таким образом, наблюдения Эммелиуса приводят, с одной стороны, к мысли о том, что использование понятия «померий» в качестве исследовательского термина для обозначения конкретной политически значимой границы требует дополнительного обсуждения и обоснования. С другой стороны, это не отменяет того факта, что какая-то физическая граница (как бы она ни называлась и к каким объектам на местности она ни привязывалась бы) служила реальным внешним фактором, на нивелирование которого и должно было быть направлено SCU 52 г. Для промагистратов данный фактор оказывался наиболее значимым, и события 52 г. показывают, что, даже получив поддержку сената, Помпей не мог просто

---

[42] Emmelius 2019: 182–186, 195–196, 201 (по поводу «особого случая» Диона Кассия см. 296–299). При описании событий 52 г., когда речь идет о созыве сената за пределами города, в театре Помпея, Дион также упоминает померий (Cass. Dio 40.50.2: ἔξω τε τοῦ πωμηρίου).

[43] Cic. *Nat. D*. 2.11: cum pomerium postea intrasset habendi senatus causa, in redeundo cum idem pomerium transiret auspicari esset oblitus; Gell. *NA*. 15.27.5: centuriata autem comitia intra pomerium fieri nefas esse, quia exercitum extra urbem imperari oporteat, intra urbem imperari ius non sit; Mommsen 1876: 44–45; Simonelli 2001: 148, n.249.

[44] Emmelius 2019: 313 (“Bei all dem bleibt es freilich denkbar, dass Mauer und Pomerium – unabhängig von den etymologischen Spekulationen – in der Praxis vielfach als Einheit aufgefasst wurden und dass gar keine systematische Unterscheidung zwischen beiden stattfand”). Ср. Mignone 2016: 429; Sisani 2016: 70.

«переосмыслить», что такое померий. Такое «переосмысление» в данном случае «напрашивалось» само собой и заключалось бы в совершенно конкретном действии: вступлении самого проконсула в Рим. Но как раз этого не произошло, и, следовательно, «переосмысление» не состоялось даже несмотря на благоприятные для него условия. Конечно, можно парировать данный аргумент, подчеркнув, что Помпей не был заинтересован пойти на данный шаг, так как иначе он «раньше времени» разрешил бы тот кризис, который планировал использовать для достижения диктатуры или иной магистратуры. Но, с другой стороны, сам факт того, что Помпей рассматривал промагистратуру только как «трамплин» для консулата или диктатуры, подчеркивает, что с его точки зрения проконсулат – фундаментальным образом «неполноценная» позиция. Более того, ее ограниченность иллюстрируется в источниках не иначе как при помощи указания на невозможность (или по крайней мере проблематичность или нежелательность) физического нахождения в некоторой политически значимой части городского пространства (для нашего эпизода в этом отношении особенно важно свидетельство Цицерона: *Mil*. 71).

Означает ли это, что проконсул Помпей своими действиями (отказом переходить границу Рима) «усиливал», «подтверждал» или «актуализировал» роль городской черты как фундаментальной границы промагистратской власти? На мой взгляд, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. При всей трудности полноценного участия в политической жизни города в статусе промагистрата, проконсул вполне мог присутствовать и в рассматриваемом случае действительно присутствовал на заседаниях сената, если имелся магистрат или плебейский трибун, который был готов созвать сенаторов для проконсула за городской чертой. События 52 г. показывают, что Помпей серьезным образом действительно «переосмыслил» значение померия как внешнего ограничивающего фактора для промагистратуры, но не за счет того, что предложил иное «прочтение» или тем более «отмену» самого этого понятия (как можно было бы ожидать, если исходить из выводов Эммелиуса), а за счет устранения основных последствий влияния померия на реальную политическую ситуацию при полном формальном признании незыблемости самой городской границы как по-прежнему непреодолимой для промагистратов черты.

Как уже указывалось выше, Помпей смог стать гарантом общественной безопасности внутри города, даже оставаясь за его пределами. Как пишет Линтотт, «впервые проконсульская армия вошла в Рим в качестве актора общественного порядка[45]. Кроме этого, Помпей использовал еще как минимум один инструмент вмешательства в сферу domi, по-видимому, впервые в истории Республики. Линтотт обращает внимание на то, что по поводу actio ad exhibendum (в контексте расследования обстоятельств смерти П. Клодия и последовавших за этим событий) обратились не к интеррексу, а проконсулу[46], хотя именно интеррекс как высший магистрат мог и должен был организовывать судебный процесс[47]. Линтотт делает вывод о том, что власть Помпея как проконсула теперь распространялась на другие гражданские дела в Риме. «Это показывает, как далеко зашел процесс превращения Рима в часть provincia Помпея, очевидно с согласия сената»[48].

Линтотт также справедливо подчеркивает важность того обстоятельства, что обе стороны в судебном разбирательстве признавали компетенцию проконсула[49]. Предположу, что именно благодаря этому консенсусу – признанию всеми сторонами юрисдикции проконсула в сфере domi подобно юрисдикции магистрата – стало возможным принятие самого SCU и обеспечение реальной действенности данного постановления, формально никому не предоставлявшего никаких новых полномочий. О необходимости дополнительной поддержки и даже прямых просьб о содействии для того, чтобы дать возможность проконсулу вмешаться в сферу domi, реализовывая потенциал SCU,

---

[45] Lintott 1974: 71: "… for the first time a proconsular army entered Rome as an agent of law-enforcement".

[46] Lintott 1974: 71.

[47] Fam. 7.11.1; Mommsen 1887: 660–661; Дементьева 1998: 91.

[48] Lintott 1974: 71: "This shows how far Rome had become part of Pompey's *provincia* apparently with the consent of the senate".

[49] Lintott 1974: 71. Ему следует Marshall 1986: 172. Официальный характер предварительного судебного разбирательства перед проконсулом отмечает Д. Рюбэл: "Interrogation before Pompey was presumably due to the fact that there were as yet no praetors (or consuls), and the flavor of the hearing is that of an attempt to file a formal charge against Milo (i.e., a *postulatio*)" (Ruebel 1979: 239, n. 20). Также см. Alexander 1990: 149–151, n. 306–308.

говорят слова Л. Корнелия Бальба в письме Цицерону. Бальб вспоминает о том, что Цицерон сам просил Помпея обеспечить охрану во время суда над Милоном: … te ad eum scribere et ab eo praesidium petere, ut petisti a Pompeio me quidem adprobante temporibus Milonianis (*Att*. 9.7b.2; также см. Asc. 40C).

Но если Помпей существенным образом «расширил» границы возможного для проконсула, почему все стороны конфликта не критиковали его вмешательство и даже соглашались с таковым? Здесь нужно учитывать то обстоятельство, что сенат посчитал наделение проконсула дополнительными возможностями более приемлемым, чем имеющиеся альтернативы, которые выглядели еще хуже: анархия или назначение диктатора. И тем не менее, вмешательство проконсула в сферу domi должно было признаваться современниками как, по меньшей мере, проблематичное, даже если в этот раз они не выступили против. Такой вывод можно сделать, если обратить внимание на то, что даже сам факт нахождения Помпея ad urbem в качестве проконсула требовал комментария и оправдания (Caes. *B.G.* 6.1.2: ad urbem cum imperio rei publicae causa remaneret), а его расположение за пределами города в начале 52 г. подавалось как значительное достижение, заслуживающее отдельного упоминания (Cic. *Mil*. 71).

Список литературы

1. Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М.: Инфо-Медиа, 1998.

2. Дементьева В. В. Квесторские provinciae за пределами Италии // Вестник РГГУ. Studia classica et mediaevalia. 2011. № 14. С. 11–27.

3. Дементьева В. В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 5–10.

4. Фролов Р. М. Магистратуры ad tempus incertum и ограничение продолжительности должностных полномочий в Римской республике (по поводу концепции у. Коли) // Lumen intellectus. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П. Г. Демидова / отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 31–52.

5. Фролов Р. М. Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н .э.? // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 18–25.

6. Фролов Р. М. Alterum consulatum petis, quasi primum reddideris: проконсул М. Эмилий Лепид в 77 г. до н. э. // Trivmviratvs optimorvm / под ред. О. Л. Габелко, А. В. Мосолкина. М. (в печати).

7. Alexander M. C. Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1990.

8. Badian E. The Silence of Norbanus // AJPh. 1983. Vol. 104. P. 156–171.

9. Blösel W. *Imperia extraordinaria liberae rei publicae* – Studien zur Demilitarisierung der römischen Nobilität. Habilitationsschrift. Köln: Universität zu Köln, 2009.

10. Brennan T. C. The Praetorship in the Roman Republic. Vol. 1–2. Oxford: Oxford University Press, 2000.

11. Briscoe J. A. Commentary on Livy. Books 38–40. Oxford: Oxford University Press, 2008.

12. Briscoe J. A. Commentary on Livy. Books 41–45. Oxford: Oxford University Press, 2012.

13. Broughton T. R. S. Notes on Roman Magistrates. I. The Command of M. Antonius in Cilicia. II. Lucullus' Commission and Pompey's Acta // TAPhA. 1946. Vol. 77. P. 35–43.

14. Coli U. Sui limiti di durata delle magistrature romane // Studi in onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV anno del suo insegnamento. Vol. IV / Ed. by A. Berger. Napoli: Jovene, 1953. P. 395–418.

15. Cordier P. M. Caelius Rufus, le préteur récalcitrant // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1994. T. 106. P. 533–577.

16. Dalla Rosa A. '*Ductu auspicioque*: Per una riflessione sui fondamenti religiosi del potere magistratuale fino all'epoca augustea // Studi Classici e Orientali. 2003. Vol. 49. P. 185–255.

17. Dementyeva V. V. Political Initiative during *interregna* in the Late Roman Republic // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Ed. by R. M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 245–267.

18. Drogula F. K. *Imperium*, *Potestas*, and the *Pomerium* in the Roman Republic // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2007. Bd. 56. P. 419–452.

19. Drogula F. K. Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2015.

20. Emmelius D. Grenzen schreiben. Das Pomerium und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Dissertation. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2019.

21. Ferrary J.-L. Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1977. T. 89. P. 619–660.

22. Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2001. №. 12. P. 101–154.

23. Frolov R. M. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: Promagistrates in Rome in 49 B.C. // Phoenix. 2019. Vol. 73. P. 114–133.

24. Frolov R. M. *Omnes qvi svnt eivs ordinis a Pompeio evocantvr*: The Proconsul Pompeius' Senatorial Meeting in 49 B.C. // CQ. 2020. Vol. 70(2). P. 707-716.

25. Frolov R. M. The *privatus* Pompeius and Decision-Making in the City of Rome in Early 77 BCE // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2021. Vol. 57. P. 217–244.

26. Frolov R. M. Seizing Initiative in the Sphere *domi*: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of BCE // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Ed. by R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 323–347. (Frolov 2022a).

27. Frolov R. M. A Proconsul's Administration of Rome? The *curator annonae* Pompeius, *recensus*, and Public Meetings // Hermes. 2022. Bd. 150. Heft 2. S. 190–210. (Frolov 2022b).

28. Gelzer M. Pompeius. Lebensbild eines Römers. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005.

29. Giovannini A. Consulare imperium. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag, 1983.

30. Girardet K. M. *Imperia* und *provinciae* des Pompeius 82 bis 48 v. Chr. // Chiron. 2001. Bd. 31. S. 153–209.

31. Golden G. K. Crisis Management during the Roman Republic: The Role of Political. Institutions in Emergencies. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

32. Hillman T. P. Pompeius and the Senate: 77–71 // Hermes. 1990. Bd. 118. S. 444–454.

33. Hinrichs F. T. Die Lateinische Tafel von Bantia und die "*lex de piratis*" // Hermes. 1970. Bd. 98. S. 471–502.

34. Hölkeskamp K.-J. Governing a City-State: Magistrates, Assemblies, and Public Space in Republican Rome // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Ed. by R. M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 39–63.

35. Hölkeskamp K.-J. Political Culture: Career of a Concept // A Companion to the Political Culture of the Roman Republic / Ed. by V. Arena, J. Prag, A. Stiles. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2022. P. 4–19.

36. Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz: Verlag Michael Lassleben Kallmünz Opf., 1970.

37. Jashemski W. F. The Origins and History of the Proconsular and Propraetorian Imperium to 27 B.C. Rome: “L’Erma” di Bretschneider, 1966.

38. Kloft H. Prorogation und außerordentliche Imperien, 326–81 v. Chr. Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain, 1977.

39. Kunkel W., Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. München: C.H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung, 1995.

40. Lange L. Römische Alterthümer Bd. I, 3. Aufl. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876.

41. Lewis R. G. (ed.) Asconius. Commentaries on Speeches by Cicero. Oxford: Oxford University Press, 2006.

42. Lintott W. Violence in Republican Rome. Oxford: Clarendon Press, 1968.

43. Lintott A.W. Cicero and Milo // JRS. 1974. Vol. 64. P. 62–78.

44. Marshall B. A. A Historical Commentary on Asconius. Columbia, Mo: University of Missouri Press, 1986.

45. Meyer E. Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus: innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr. 3. Aufl. Stuttgart; Berlin: J.G. Cotta’sche Buchhandlung Nachfolger, 1922.

46. Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. 3. Aufl. Zürich; Stuttgart: Artemis-Verlag, 1964.

47. Mignone L. M. Rome’s Pomerium and the Aventine Hill. From Auguraculum to imperium sine fine // Historia. 2016. Bd. 65. P. 427–449.

48. Mommsen T. Der Begriff des Pomerium // Hermes. 1876. Bd. 10. S. 40–50.

49. Mommsen T. Römisches Staatsrecht. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1887.

50. Nippel W. Policing Rome // JRS. 1984. Vol. 74. P. 20–29.

51. Pepermans G. M. A. Het Proces tegen C. Rabirius. Interpretatie van een pleidooi. Sittard, 1975.

52. Plaumann G. Das sogenannte Senatus consultum ultimum, die Quasidiktatur der späteren römischen Republik // Klio. 1913. Bd. 13. S. 321–386.

53. Pompeius’ Senatorial Meeting in 49 B.C. // CQ. 2020. Vol. 70. P. 707–716.

54. Ramsey J. T. The Proconsular Years: Politics at a Distance // A Companion to Julius Caesar / Ed. by M. Griffin. Malden, MA; Oxford: Wiley–Blackwell, 2009. P. 37–56.

55. Richardson J. S. Hispaniae: Spain and the Development of Roman Imperialism, 218–82 BC. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

56. Rosillo-López C. Strategies of Prorogation in the Late Roman Republic // Provinces and Provincial Command in Republican Rome: Genesis, Development and Governance / Ed. A. Díaz Fernández. Sevilla; Zaragoza: Universidad de Sevilla; Universidad de Zaragoza, 2021. P. 89–106.

57. Ruebel J. S. The Trial of Milo in 52 B.C.: A Chronological Study // TAPhA. 1979. Vol. 109. P. 231–249.

58. Simonelli A. Considerazioni sull'origine, la natura e l'evoluzione del *pomerium* // Aevum. 2001. T. 75. P. 119–162.

59. Sisani S. Il concetto di *pomerium*. Valenza giuridico-sacrale e realtà topografica dei *fines Urbis* // Vestigia. Miscellanea di studi storico-religiosi in onore di Filippo Coarelli nel suo 80° anniversario / Ed. V. Gasparini. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. P. 65–80.

60. Straumann B. Crisis and Constitutionalism. Roman Political Thought from the Fall of the Republic to the Age of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2016.

61. Ungern-Sternberg J., von. Untersuchungen zum spätrepublikanischen Notstandsrecht: Senatusconsultum ultimum und hostis-Erklärung. München: Beck, 1970.

62. Vervaet F. J. Arrogating Despotic Power through Deceit: The Pompeian Model for Augustan *Dissimulatio* // Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World / Ed. by A. Turner, J. H. Kim On Chong-Gossard, F. J. Vervaet. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 133–166.

Информация об авторе

Фролов Роман Михайлович – кандидат исторических наук, декан исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия; frolovrm@yandex.ru.

Information about the author

Roman M. Frolov, Ph.D. in History, Head of the Department of History, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; frolovrm@yandex.ru.

УДК 94(37)

Династические браки в римской политической практике со времен Республики до начала Империи

В. О. Никишин

Аннотация. В статье рассматриваются династические браки как инструмент римской внешней политики со времен Республики до начала Империи. Автор констатирует, что в эпоху Республики этот инструмент практически не использовался не только сенатом, но и такими авторитарными политиками, как Сулла или Цезарь. Ситуация изменилась с приходом к власти Октавиана Августа и установлением принципата. Практика заключения династических браков была частью того политического курса, который последовательно проводился Августом по отношению к вассальным царям. Это была не столько государственная, сколько личная политика Августа, который вел себя как патрон по отношению к клиентам. Порой речь шла о создании личных уний, как правило, весьма недолговечных. Когда ситуация выходила из-под контроля, император вмешивался в конфликт и, как мог, «тушил» его. От вассальных царей Август требовал лояльности и эффективности в делах управления вверенными им территориями, включая обеспечение политической стабильности и правопорядка.

Ключевые слова: династические браки, сенат, Август, «проект Августа», вассальные цари, принципат, патрон, династы.

Dynastic marriages in Roman political practice from the time of the Republic to the beginning of the Empire

Vladimir O. Nikishin

Abstract. The article deals with dynastic marriages as an instrument of Roman foreign policy from the time of the Republic to the beginning of the Empire. The author states that in the era of the Republic this instrument has hardly been used not only by the Senate, but also by such authoritarian politicians as Sulla or Caesar. The situation changed with the coming to power of Octavian Augustus and the establishment of the principate. The practice of dynastic marriages was part of that political course, which was successively held by Augustus in relation to the vassal kings. It was not so much the state policy as the personal policy of Augustus, who behaved like a patron towards clients. Sometimes it was about creating personal unions, usually very short-lived. When things got out of hands, the emperor

© Никишин В. О., 2022

intervened in the conflict and, as best he could, “extinguished” it. From the vassal kings Augustus demanded loyalty and efficiency in the management of the territories entrusted to them, including ensuring political stability and law and order.

Keywords: dynastic marriages, the Senate, Augustus, “Augustus’ project”, the vassal kings, the principate, patron, dynasts.

Героями настоящей статьи являются преимущественно правители зависимых от Рима (вассальных, клиентских или клиентных, как принято их называть) царств, таких как Фракия, Боспор, Понт, Каппадокия, Малая Армения, Великая Армения, Иберия, Мидия Атропатена, Коммагена, Киликия, Эмеса, Эдесса, Иудея, Набатея, Нумидия, Мавретания. Во главе этих государств в разное время стояли цари, династы, этнархи, тетрархи и филархи; их объединяло то, что de jure все они являлись «друзьями и союзниками римского народа», a de facto – клиентами и сателлитами Рима. Какое место в истории Римской республики занимали вассальные царства? «Стоящие на страже державы» – столь пафосно они именуются в надписи из Кизика, датированной 37 г. до н. э. (*IGR*. Vol. IV. 145, v. 3). Важно отметить: вассальные царства являлись вовсе не какими-то «буферными государствами» (buffer states), «лимитрофами» или «доминионами»; по-видимому, с точки зрения правящей элиты Рима, они входили в состав самой Римской державы[1]. Как строились отношения между имперским центром и его вассалами, т. е. между всесильным патроном и его клиентами? Отвечая на этот вопрос, не будем забывать, что в Риме патрон и клиент традиционно были связаны взаимными обязательствами [см.: Braund 1984b: 93. Ср.: Lintott 1993: 33, n. 47]. Соответственно, если вассальные цари защищали империю, то и империя, в свою очередь, защищала их и в случае надобности оказывала помощь. Иными словами, если вассальное царство было «буфером» для Рима[2], то и Рим, со своей стороны, являлся «буфером» для вассального царства [см.: Braund 1984b: 93]. В свете всего вышесказанного не кажется странной такая сентенция одного

[1] См., напр.: Strab. XVII.3.24. В I в. общая площадь клиентных царств составляла до 10 % всей территории Римской империи [Millar 2004: 230]. См. также: Braund 1984b: 91, n. 1–2.

[2] Вплоть до начала II в. клиентные царства играли немалую роль в обеспечении безопасности имперских границ [Millar 2004: 203].

современного антиковеда: «По сути дела, клиентные цари являлись аномалией: они были суверенными подданными Рима или, скорее, они были подданными Рима, но в интересах и Рима, и царя было то, что царь казался сувереном» [Shillam 2016: 39]. Фергюс Миллар назвал вассальное царство «двухуровневой монархией», а способ политического симбиоза с императорской властью в Риме – «двойным суверенитетом»: с одной стороны, жители Понта, Коммагены, Мавретании и других зависимых царств были подданными клиентных царей, а с другой – римского императора, патрона этих самых царей [Millar 2004: 229].

Теперь о династических браках. Как известно, династическим браком называют брачный альянс между членами правящих династий. Практика заключения династических браков прослеживается в истории с глубокой древности. Изначально династический брак был инструментом политики, с помощью которого монархи стремились достичь конкретных целей: поднять престиж – личный и династии, упрочить наступательный или оборонительный союз, добиться тех или иных экономических выгод, заручиться на будущее дружественной позицией другого государства в случае каких-либо политических осложнений, наконец, получить право претендовать на чужой трон или часть территорий в случае, если усопший монарх не оставил после себя прямых наследников. Таким образом, династический брак – это брак по политическим, экономическим или дипломатическим мотивам с прицелом на получение определенных выгод, сиюминутных либо рассчитанных на более или менее отдаленную перспективу.

Если обратиться к политической истории эпохи эллинизма, то для периода 300–168 гг. до н. э. (т. е. до битвы при Пидне) источники позволяют исследователям насчитать не менее 36 династических браков, заключенных монархами эллинистического мира [см.: Shillam 2016: 48]. Речь идет о брачных союзах между представителями целого ряда династий, среди которых выделяются три: Антигониды, Селевкиды и Птолемеи. Период от битвы при Пидне, когда Антигониды сошли с исторической сцены, до конца Республики (167–31 гг. до н. э.) дает нам значительно меньшее количество аналогичных браков: всего лишь 20 [см.: Shillam 2016: 86–87].

Возникает закономерный вопрос: имела ли римская политическая элита в лице сената как правящей корпорации, а также

отдельных влиятельных политиков вроде Сципиона Старшего, Суллы или Цезаря какое-либо отношение – прямое или косвенное – к практике заключения династических браков в эллинистическом мире в то время, когда Рим уже являлся наиболее могущественным фигурантом на политической сцене Средиземноморья? Подобных эпизодов для интересующего нас периода (300–31 гг. до н. э.) известно очень мало, так что рассмотреть здесь их все не составит особого труда.

Вот характерный эпизод, связанный с царем Каппадокии Ариаратом V Эвсебом Филопатором (163–130 гг. до н. э., с перерывом), который по матери приходился внуком Антиоху III Великому. Еще его отец, Ариарат IV Эвсеб (220–163 гг. до н. э.), заключил с Римом союзный договор (Liv. XXXVIII.39.6). Ариарат V этот союз возобновил и оставался верен ему до конца своих дней. В 161/160 г. до н. э. селевкидский царь Деметрий I Сотер (162–150 гг. до н. э.) предложил Ариарату руку своей сестры, однако тот отказался, видимо, из соображений лояльности по отношению к Римской республике, для которой Деметрий на тот момент был врагом [см.: Никишин 2019: 134]. О своем решении Ариарат поспешил уведомить сенат, очевидно, рассчитывая на то, что в дальнейшем это проявление лояльности каким-то образом ему зачтется. Сенат в ответ сдержанно поблагодарил царя «за верность» и отправил ему почетные дары. В скором времени оскорбленный отказом Деметрий сверг и изгнал Ариарата из Каппадокии, сделав вместо него царем его брата Ороферна (160–156 г. до н. э.). Затем послы враждующих сторон прибыли в Рим на третейский суд, начались прения. В этой ситуации сенат принял соломоново решение: пусть царствуют оба брата. Впрочем, данным вердиктом римляне и ограничились, палец о палец не ударив для защиты интересов своего союзника, кстати сказать, попавшего под удар вследствие его же лояльности по отношению к Риму. В конечном счете несчастного изгнанника вернул к власти пергамский царь Аттал II Филадельф (Diod. XXXI.28.1; 32; Just. XXXV.1.2; App. *Syr*. 47; Polyb. XXXII.22.8; 24.1–8; Liv. *Per*. 47; Zonar. *Ep*. IX.24) [см.: Габелко 2009: 107–110]. В благодарность за оказанную помощь Ариарат V во время войны Вифинии с Пергамом (156–154 гг. до н. э.) принял сторону последнего (Polyb. XXXIII.12.1).

На первый взгляд, довольно странной выглядит, мягко говоря, нерешительная позиция сената по отношению к такому исклю-

чительно лояльному союзнику Рима, каким всегда оставался Ариарат V (даром что он в свое время не воспитывался в Риме, как один из его старших братьев. См.: Никишин 2019: 132–133). И в самом деле: едва вступив на отцовский трон, Ариарат немедленно отправил в Рим послов «для возобновления дружественного союза с римлянами и вообще для заявления сенату добрых чувств и ревности, какими отличаются его отношения к римлянам и как царя, и как частного человека. Сенат выслушал речи послов, возобновил дружественный союз, благодарил царя за его поведение вообще и оказал послам радушный прием» (Polyb. XXXI.14.1–3. Пер. Ф. Г. Мищенко. См. также: Liv. *Per*. 46; Diod. XXXI.19.8). В дальнейшем Ариарат послал в Рим золотой венок в знак своей преданности и в ответ получил от сената в дар царские инсигнии: скипетр и курульное кресло (Polyb. XXXII.3.2; 5.1–3). Наконец, Ариарат V доблестно сложил свою голову на поле брани, помогая римлянам подавлять восстание Аристоника (Just. XXXVII.1.2; XXXVIII.2.5).

Казалось бы, сенат просто обязан был твердо встать на сторону взывающего к его защите Ариарата и примерно наказать узурпатора; однако этого не последовало (прения в сенате, завершившиеся позорным компромиссом, красочно живописует Полибий: XXXII.24.1–8). В чем же причина? На наш взгляд, подобная политика «умиротворения агрессора» диктовалась стремлением недальновидной сенатской олигархии всеми доступными ей средствами – и с минимальными издержками – сохранять хрупкое политическое равновесие на окраинах Римской державы. Разумеется, ни о каких принципах или о сколь-либо продуманном политическом курсе, рассчитанном на перспективу, в таких условиях говорить не приходится. Решая текущие дела, сенат играл роль пожарной команды, причем действовал, как правило, довольно грубо и неумело: сказывался хронический дефицит профессионализма (см. яркий тому пример: Just. XXXVIII.2.6–8). Как бы то ни было, на наш взгляд, бесспорно одно: сенат продемонстрировал полное равнодушие к возможной матримониальной комбинации, затеянной Деметрием I, безусловно, в видах дальнейшего политического сближения династии Селевка с царским домом Ариаратидов. В свете всего вышесказанного показателен и такой эпизод: примерно десятью годами ранее, в 172/171 г. до н. э., царь Понта Фарнак I (ок. 190–159 гг. до н. э.)

женился на селевкидской царевне Нисе (*OGIS* 771), по-видимому, двоюродной сестре Деметрия I Сотера, и сенат никак не выразил свое отношение к этому альянсу, свидетельствовавшему о сближении династий Митридатидов и Селевкидов.

В продолжение сказанного важно подчеркнуть следующий принципиальный момент: на материале источников не просматривается никакой долгосрочной и целенаправленной политики Рима в Малой Азии; создается впечатление, что сенат лишь более или менее оперативно реагировал на возникавшие время от времени кризисные ситуации [см.: Shillam 2016: 81; Brunt 1978: 172–173; Sherwin-White 1984: 29–30]. В целом же римская правящая элита, как убедительно показал Эрих Грюэн, была по большому счету равнодушна к тому, что происходило в эллинистических царствах [Gruen 1976: 73 ff.]. Здесь имели место разные нюансы: с одной стороны, римские консерваторы в сенате a priori негативно относились ко всему, что так или иначе было связано с монархией, поскольку сама по себе монархическая парадигма в корне противоречила идеологеме res publica (Plut. *Cato Min*. 45; 47; *Caes*. 60–62). С другой – греко-римское общественное мнение осуждало недостойное поведение и излишний сервилизм некоторых восточных монархов по отношению к Риму (пример вифинского царя Прусия II Охотника, «друга и союзника римского народа»; этот римский вассал в своем низкопоклонстве перед сюзереном дошел до того, что публично назвал себя либертом, т. е. вольноотпущенником римлян: Diod. XXXI.15.2; Polyb. XXX.19.1–7; Liv. XLV.44.19; Dio Cass. XX.69; App. *Mithr*. 2; Plut. *Mor*. 336 E. См.: Braund 1984b: 30, n. 2). Налицо любопытный парадокс: с одной стороны, сенат стремился низвести эллинистических правителей до уровня сателлитов, с другой – римляне считали необходимым соблюдать известные приличия и отнюдь не приветствовали проявления чрезмерного самоуничижения и раболепия со стороны тех же самых царей [см.: Shillam 2016: 82; Rosillo-López 2015: 16–17]. Например, гордый римский нобиль мог резко осудить малодушие и трусость монарха, который предпочел унижение и позор плена героической гибели в бою (Plut. *Aem. Paul*. 26).

Вместе с тем римские должностные лица зачастую весьма бесцеремонно вели себя с теми эллинистическими царями, которые вовсе не являлись клиентами Рима и не были побеждены на поле

брани. В качестве примера можно вспомнить известный эпизод с Антиохом IV Эпифаном и Попиллием Ленатом, относящийся к 168 г. до н. э. (Polyb. XXIX.27; Liv. XLV.12.1–6). Антиох тогда малодушно спасовал перед грубым давлением со стороны Лената, заявив: «Что почли за благо в сенате, то я и сделаю» (Liv. XLV.12.6. Пер. О. Л. Левинской). Иное дело – давние и надежные союзники Рима вроде Масиниссы: с ними римская правящая элита обходилась на редкость деликатно и предупредительно (Liv. XLV.13.12–14.8). Таким образом, в сфере реальной политики сенат руководствовался вовсе не идеологическими штампами вроде «любой царь – это деспот и тиран» (а потому изначально «плохой парень» и непримиримый враг), но сугубым прагматизмом (всякий царь является «хорошим», если он союзник Рима), о чем красноречиво свидетельствует письмо братьев Сципионов в изложении Полибия (Polyb. XXI.11.4–11). Если же вернуться непосредственно к теме настоящей статьи, то можно сделать предварительный вывод: матримониальные планы эллинистических царей ни в малейшей степени не интересовали республиканский сенат, в арсенале которого просто не существовало такого политического инструмента, как династический брак. В источниках, которыми мы располагаем, нет ни одного примера для эпохи с 300 до 31 гг. до н. э., когда бы сенат всерьез озаботился какой-нибудь матримониальной комбинацией, задуманной кем-либо из восточных царей.

Есть несколько эпизодов, когда авторитетные римские полководцы, действуя в сугубо политических целях, оказывали то или иное влияние на царские матримониальные планы. Так, например, в 203 г. до н. э. Сципион Старший самым решительным образом разрушил брак Масиниссы и Софонисбы (Liv. XXX.14.1–15.14); спустя примерно полтораста лет Авл Габиний не менее решительно воспрепятствовал заключению брака между египетской царицей Береникой IV (57–55 гг. до н. э.) и последним Селевкидом Филиппом II Филоромеем (Porphyr. *FGrH* 260 F 2.14 = Euseb. *Chron*. I.261). В самом конце Второй Митридатовой войны (83–81 гг. до н. э.), как пишет Аппиан, «сочтя недопустимым, что ведется война против Митридата, заключившего договор с римлянами, диктатор Сулла отправил Авла Габиния, чтобы передать Мурене прежний строгий приказ не воевать с Митридатом, а Митридата и Ариобарзана примирить друг с другом. При этой встрече Митридат просватал свою четырехлетнюю дочь за Ариобарзана…»

(*Mithr*. 66. Пер. С. П. Кондратьева. Речь идет о царе Каппадокии Ариобарзане II). Если тема династического брака возникла по римской инициативе (была ли это идея Мурены или же самого Суллы, не столь важно), то здесь можно было бы говорить о первом известном нам случае использования римлянами династического брака как политического инструмента [см.: Shillam 2016: 95]. Не исключено, что идея со сватовством принадлежала Митридату Евпатору. Во всяком случае, римляне должны были санкционировать этот брак.

Как показывают источники, Помпей, Цезарь и Марк Антоний не проявляли особого интереса к теме династических браков восточных монархов [см.: Shillam 2016: 103 ff.]. В 47 г. до н. э. Цезарь, оказавшись в Египте, устроил династический брак соправителей – Клеопатры VII и Птолемея XIV, с формальной точки зрения исполняя завещание их отца, Птолемея XII Авлета (Caes. *Bell. Alex*. 33; Strab. XVII.1.11; Plut. *Caes*. 49.3–4; Dio Cass. XLII.35.4–6). В том же году понтийский царь Фарнак II (63–47 гг. до н. э.) предложил Цезарю заключить мир и взять в жены его дочь – по-видимому, Динамию, будущую царицу Боспора (App. *Bell. Civil.* II.91), но из этого, ясное дело, ничего не вышло. Зато Марк Антоний в 37 г. до н. э. женился на Клеопатре VII (Strab. XVII.1.11; Suet. *Aug*. 69.1; *Eutrop*. VII.6.1). Разумеется, с точки зрения римского права этот брак римлянина с египтянкой был незаконным; официальный развод Антония с его женой Октавией последовал лишь в 32 г. до н. э. [см.: Huzar 1985: 106–107]. В 34 г. до н. э. Антоний заключил договор с царем Мидии Атропатены Артаваздом I (ок. 65–20 гг. до н. э.) из рода Аршакидов и обручил своего сына, 6-летнего Александра Гелиоса, рожденного Клеопатрой, с дочерью Артавазда Иотапой (Plut. *Ant*. 53; Dio Cass. XLIX.40.2; 44.2). После падения Антония Октавиан расторг эту помолвку, Иотапа вернулась на родину и позже вступила в брак с царем Коммагены Митридатом III. Таким образом, как мы видим, вплоть до Августа тема династических браков по большому счету была неинтересна римским политикам [см.: Shillam 2016: 108].

Август, создатель режима res publica restituta, вошедшего в историю как принципат, стал автором политического курса, направленного на создание системы зависимых от Рима клиентных монархий [Braund 1984b: 10]. Как пишет С. Ю. Сапрыкин, «усилиями Августа и Агриппы на северо-восточных рубежах Империи и вдоль ее восточных границ

вассальные государства Понт, Боспор, Каппадокия, Иудея, Галатия, Набатея стали превращаться в защитников римских границ» [Сапрыкин 1988: 521]. Положение вассальных правителей по отношению к Риму представляло собой своего рода клиентелу (clientela) [см.: Harris 1979: 135, n. 2], мало чем отличавшуюся от политического рабства (servitus) [см.: Braund 1984b: 23]. Недаром Тацит в «Агриколе» назвал клиентных царей «орудиями рабства» (instrumenta servitutis) (*Agr*. 14. Ср.: Tac. *Hist*. II.81). Как писал об Августе Светоний, «царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. *Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы* (курсив мой – *В. Н.*). Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими[3]» (*Aug*. 48. Пер. М. Л. Гаспарова). В последние десятилетия I в. до н. э. «проект Августа» начал активно воплощаться в жизнь, причем в самых разных регионах: в Северной Африке и Парфии, за Рейном и на Дунае, в Южном Причерноморье и Иудее. Одним из инструментов этого политического курса являлся династический брак.

В 30 г. до н. э. Октавиан (в недалеком будущем император Август), одержав победу над Антонием и Клеопатрой, вступил в Александрию. Как пишет Дион Кассий, «поскольку при дворе в большом числе были обнаружены дети различных правителей и царей, содержавшиеся здесь либо в качестве заложников, либо просто из надменности, то некоторых из них Цезарь (т. е. Октавиан. – *В. Н.*) отправил домой, других заставил вступить в брак друг с другом, а третьих оставил при себе» (LI.16.1. Здесь и далее цит. в пер. под ред. А. В. Махлаюка). В дальнейшем Август не только сажал клиентных правителей на троны вассальных царств, но и устраивал династические браки. Всего антиковедам известно десять таких брачных союзов, заключенных в правление Августа [см.: Никишин 2021]. Речь идет о следующих августейших парах: 1. Царь Мавретании Юба II и Клеопатра Селена (дочь триумвира Марка

[3] Некоторых из вассальных царей Август не забыл и в своем завещании (Dio Cass. LVI.32.2).

Антония и царицы Египта Клеопатры VII); 2. Царь Коммагены Митридат III и Иотапа, дочь правителя Мидии Атропатены; 3. Иудейский царевич, сын Ирода I Великого Александр и каппадокийская царевна Глафира; 4. Царь Понта Полемон I и Динамия, царица Боспора; 5. Иудейский тетрарх Ирод Антипа и Фазелис (?), дочь царя Набатеи; 6. Царь Каппадокии Архелай I (отец Глафиры) и Пифодорида, царица Понта; 7. Уже упомянутые Юба II и Глафира; 8. Наследственный правитель Эмесы Сампсикерам II и коммагенская царевна Иотапа; 9. Иудейский этнарх Ирод Архелай (Иудея) и все та же Глафира (для нее это был третий брак); 10. Фракийский царь Котис III из сапейской династии и понтийская царевна Антония Трифена.

Вассальный царь Мавретании (совр. Алжир и Марокко), нумидиец по происхождению Юба II[4] ребенком был привезен в Рим в качестве живого трофея, чтобы украсить собой африканский триумф Цезаря (App. *Bell. Civil*. II.101). В дальнейшем оказалось, что, по словам Плутарха, «он попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых ученых греческих писателей» (*Caes*. 55. Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова. Ср.: Plut. *Ant*. 87). Получившего в Риме прекрасное образование[5] Юбу Август в 25 г. до н. э. сделал правителем вассальной Мавретании (Dio Cass. LI.15.6; LIII.26.2; Plut. *Ant*. 87; Strab. VI.4.2; XVII.3.7; Tac. *Ann*. IV.5), трон которой был вакантен с 33 г. до н. э. (после смерти Бокха II, когда пресеклась местная династия). Где-то между 26 и 20 гг. до н. э. император женил своего протеже на титулярной царице Киренаики (с 34 г. до н. э.) Клеопатре Селене, дочери триумвира Марка Антония и Клеопатры VII[6], единственной

---

[4] Сын и внук нумидийских царей Юбы I (внучатого племянника знаменитого Югурты) и Гиемпсала II. О Юбе II см.: Никишин 2017.

[5] См.: Roller 2003: 59–75. Высокую оценку ученым трудам мавретанского правителя дал Плиний Старший (V.16), а Луций Ампелий назвал Юбу «ученейшим царем» (rex literatissimus) (38.2). После смерти престарелого царя-эрудита в Мавретании его обожествили (Lact. Fals. *Rel*. I.11; Min. *Fel*. 23), а в Афинах установили мемориальную статую (Paus. I.17.2).

[6] 11-летняя Клеопатра Селена II (или Клеопатра VIII) вместе с двумя своими братьями, Александром Гелиосом и Птолемеем Филадельфом, была проведена по улицам Рима во время александрийского триумфа Октавиана 15 августа 29 г. до н. э. (Dio Cass. LI.21.8; *RGDA*. IV.3). Свадьба Юбы II и Клеопатры Селены

законной наследнице царских домов Птолемеев и Селевкидов (Strab. XVII.3.7; App. *Bell. Civil*. II.101; Plut. *Ant*. 87; Suet. *Cal*. 26.1; Dio Cass. LI.15.6; Suda, *Ióbas*). Плутарх сообщает, что этот брак состоялся по инициативе сестры Августа, Октавии Младшей (Plut. *Ant*. 87). Клеопатра была соправительницей Юбы II: как и ее супруг, она выпускала свои собственные монеты с легендой "Kleopatra basilissa"[7]. В Кесарии Мавретанской (Strab. XVII.3.12; Eutrop. VII.10.3) заботами Юбы и Клеопатры Селены были построены театр, амфитеатр, форум, гавань, царский дворец с библиотекой, общественные бани, храмы, городские стены и система акведуков в пригородах. Царственная чета покровительствовала развитию наук и искусств [см.: Roller 2003: 119–162]. Уникальное мультикультурное явление представлял собой мавретанский царский двор, где затейливым образом соединились африканское, греческое и римское культурные направления [см.: Desanges 1989]. У Юбы II и Клеопатры Селены родились дочь Клеопатра и сын Птолемей Филадельф («Любящий сестру»), последний вассальный царь Мавретании[8], казненный в 40 г. в Риме по приказу императора Гая Калигулы (Suet. *Cal*. 35.1)[9]. Клеопатра Селена умерла предположительно в 5 г. до н. э. [см.: Roller 2018: 46].

состоялась где-то в промежутке между 25 г. до н. э., когда Юба стал царем Мавретании, и 20/19 г. до н. э., когда были отчеканены монеты с изображением царственной четы; одни историки склоняются в пользу более ранней даты, другие – в пользу более поздней. См.: Braund 1984a: 175, n. 2; Roller 2003: 86; Roller 2018: 35.

[7] Любопытно, что на монетах Юбы II легенды латинские, а на монетах его супруги – греческие [Roller 2018: 39–40].

[8] В 23–40 гг. спустя 46 лет после кончины Юбы II авантюрист Лукцей Альбин, эксплуатируя добрую память в народе об «ученейшем царе», провозгласил себя царем Мавретании под именем Юбы III (Tac. *Hist*. II.58).

[9] Если оставить в стороне смехотворный повод (Suet. *Cal*. 35.1), причиной расправы с Птолемеем Филадельфом вполне могло быть то, что внук Клеопатры VII пытался играть более самостоятельную политическую роль, чем его отец. Теоретически последний из Птолемеев мог рассчитывать на создание крупного вассального царства в Северной Африке, когда под его скипетром объединились бы владения его родителей – Нумидия и Мавретания, Египет и Киренаика. См.: Wardle 1994: 270–272. Не исключено участие Птолемея Филадельфа в т. н. заговоре Гетулика в 39 г. (если этот заговор имел место на самом деле). См.: Fishwick 1971: 467–487; Faur 1973: 249–271; Fishwick, Shaw 1976: 491–494. По мнению Дэвида Браунда, причиной расправы с Птолемеем Филадельфом могло быть также желание Калигулы наложить руку на богатства мавретанских царей [Braund 1984b: 97].

Митридата III Эпифана, племянника коммагенского царя Митридата II Эпифана (ок. 36–20 гг. до н. э.)[10], в 20 г. до н. э. Август утвердил в качестве вассального царя Коммагены (Dio Cass. LIV.9.3). Скорее всего, тогда же [см.: Shillam 2016: 141] Митридат женился на Иотапе – дочери Артавазда I, царя Мидии Атропатены (Dio Cass. XLIX.44.2). Как уже говорилось, с 34 г. до н. э. Иотапа была нареченной невестой сына Марка Антония, Александра Гелиоса. В 30 г. до н. э., после гибели родителей Александра, Октавиан назначил Артавазда I царем Малой Армении и вернул ему дочь, которая несколько лет жила в Александрии при дворе Клеопатры на положении заложницы (Dio Cass. LI.16.2). Предположительно, там же тогда жил и ее будущий муж Митридат, и тоже в качестве заложника. Видимо, в том же 30 г. до н. э. Октавиан договорился с Артаваздом о том, что его дочь станет супругой юного Митридата. Достигнув брачного возраста, Иотапа вышла замуж за Митридата III, доводившегося ей двоюродным братом по материнской линии[11]. В этом браке родилось четверо детей: Антиох III Эпифан, будущий царь Коммагены (с 12 г. до н. э.), и три дочери (одна из них, Иотапа, вышла замуж за брата, Антиоха III, вторая, тоже Иотапа – за Сампсикерама II, правителя Эмесы, третья, Ака – за Фрасилла Александрийского, личного астролога и друга императора Тиберия).

Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (*Ant. Jud*. XVI.1.2) сообщает о женитьбе Александра, сына Ирода I Великого, на Глафире, дочери царя Каппадокии и Киликии Трахеи Архелая I Филопатора (36 г. до н. э. – 17 г. н. э.). Глафира родилась в 30-е гг. I в. до н. э.[12] Брак Александра и Глафиры был заключен ок. 17 г. до н. э., несомненно, с санкции Августа, благоволившего царю Ироду. Последний, видимо, был заинтересован в союзе с Архелаем I, и этот союз он намеревался скрепить династическим браком. Со своей стороны, Архелай, наверное, надеялся когда-нибудь увидеть свою дочь царицей Иудеи: Александр был вероятным наследником престола. Бракосочетание

[10] Митридат II именовался также Филоромеем и Филэллином, позиционируя себя как «друга римлян» и «друга эллинов» (ловкий идеологический ход).

[11] Мать Иотапы, Афинаида, была дочерью коммагенского царя Антиоха I Теоса (ок. 70–38 гг. до н. э.), родного деда Митридата III.

[12] Roller 2018: 53. Прадед Глафиры Архелай в 56–55 гг. до н. э. был царем Египта (как муж царицы Береники IV, сестры Клеопатры VII).

состоялось после возвращения Ирода и Александра из Рима, где царевич на протяжении нескольких лет получал греко-римское воспитание и образование[13]. У Александра и Глафиры было трое детей: дочь и два сына – Александр и Тигран[14]. Глафире не довелось стать царицей Иудейской: ок. 7 г. до н. э. Ирод казнил Александра, а его вдову отправил к ее отцу, вернув приданое (Jos. *Ant. Jud.* XVII.1.1; *Bell. Jud*. I.28.1). Впоследствии в Риме объявился самозванец – Лжеалександр, который без особого труда был разоблачен (Jos. *Bell. Jud*. II.7.1; *Ant. Jud*. XVII.12.2).

Царь Ирод I Великий, безусловно, должен быть признан непревзойденным мастером матримониальных комбинаций, которые он осуществлял с молчаливого согласия Августа. Так, сын Ирода Аристобул женился на своей двоюродной сестре Беренике (Jos. *Ant. Jud*. XVI.1.2; *Bell. Jud*. I.23.1), которая после казни мужа была выдана замуж за дядю своего деверя Антипатра (Jos. *Bell. Jud.* I.28.1); дочь Аристобула и Береники, Иродиада, сперва была женой одного своего дяди, Ирода Филиппа I (он же Ирод Боэт), потом другого – Ирода Антипы (*Ant. Jud*. XVIII.5.4; 7.1–2; Mk. 6:17; Mt. 14:3; Luc. 3:19). Брат Береники Антипатр женился на сестре Аристобула (т. е. на своей кузине) Кипре (Jos. *Ant. Jud.* XVIII.5.4). У Ирода вошло в обычай женить членов своей династии на близких родственницах (Jos. *Ant. Jud*. XVII.1.2). Поступая подобным образом, он имел перед глазами пример своего высокочтимого патрона, императора Августа, который, как известно, тоже не особенно церемонился со своими ближайшими родственниками, когда речь шла о династических интересах Юлиев-Клавдиев, как он их себе представлял [см.: Shillam 2016: 169]. Август должен был учитывать еще и принятую у евреев полигамию (Jos. *Ant. Jud*. XVII.1.2). Ему приходилось мириться с тем, что обладавший римским гражданством Ирод год от года обзаводился новы-

---

[13] В разное время, начиная примерно с 23 г. до н. э., Ирод отправил в Рим ко двору императора восемь своих сыновей [Braund 1984b: 10–11; 17, n. 9].

[14] Получивший воспитание в Риме, Тигран по воле Августа в 6 г. н. э. взошел на престол Великой Армении (*RGDA*. XXVII. 2), став Тиграном V, однако спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии, был вынужден разделить власть с царицей Эрато (6–12 гг.). В 36 г. уже бывший царь Тигран V был казнен по приказу императора Тиберия (Tac. *Ann*. VI.40).

ми женами [см.: Shillam 2016: 172]. После смерти любвеобильного монарха Август женил его племянников, сыновей Ферора, на дочерях покойного (Jos. *Bell. Jud*. II.6.3; *Ant. Jud.* XVII.11.4).

Весьма любопытный (хотя и несколько загадочный) персонаж эпохи Августа – это царица Динамия, дочь Фарнака II и внучка Митридата VI Евпатора, супруга трех боспорских правителей и единственная законная наследница династии понтийских и боспорских царей[15]. Динамия (от греч. «сила», «мощь»), родившаяся ок. 63 г. до н. э., предположительно в 46 г. до н. э. стала женой грека-узурпатора, коварно обманувшего доверие своего патрона, царя Фарнака II (отца Динамии), и захватившего власть на Боспоре – архонта, а затем царя Асандра I (47–17 гг. до н. э.) [Roller 2018: 83]. К тому времени Асандру уже исполнилось 63 года. Женитьбой на совсем еще юной внучке Митридата VI он, безусловно, надеялся легитимизировать свою власть. В Риме скрепя сердце на какое-то время согласились с таким вариантом: официально Асандр позиционировал себя как «филоромея», т. е. «друга римлян» [Nawotka 1989: 328–329]. Видимо, Август и Агриппа решили противопоставить Асандру его жену: в последние годы правления «царя царей» Асандра Динамия была суверенной правительницей Боспора, о чем свидетельствуют надписи[16] и монетная чеканка, в частности, уникальные золотые статеры Динамии, которые обычно датируют 21/20 и 17/16 гг. до н. э. [Roller 2018: 84–85; Сапрыкин 1990: 204 слл.; Сапрыкин 1995: 187–188][17].

В 17 г. до н. э. мир на Боспоре закончился: креатура Августа и Агриппы, некто Скрибоний (вполне возможно, вольноотпущенник второй жены Августа, Скрибонии), выдававший себя за внука Митридата Евпатора и открыто заявлявший, что он действует с санкции Августа [см.: Сапрыкин 1995: 188–189], поднял мятеж, победил пре-

---

[15] Причуды генеалогии: Динамия являлась шестиюродной сестрой Клеопатры VII (обе царицы были потомками царя Понта Митридата II и селевкидской принцессы Лаодики). См.: Караваев 2013: 92.

[16] На сегодня известно 8 боспорских надписей, в которых упоминается имя Динамии [Панов 2007: 287].

[17] Золотые статеры, датированные 21/20 и 17/16 гг. до н. э., были выпущены от имени одной Динамии безо всяких соправителей. У Асандра и Динамии, предположительно, родились два сына – Асандр II и Аспург. Старший, Асандр II был соправителем Динамии в 17–14 гг. до н. э. и погиб, видимо, в борьбе с Полемоном I.

старелого Асандра I (последний вскоре умер в возрасте 93 лет: Ps.-Lucian. *Macr*. 17[18]) и провозгласил себя царем, женившись на царице Динамии – опять-таки с целью легитимизировать свое положение как правителя Боспора. Об этих событиях Дион Кассий сообщает следующее: «На Боспоре Киммерийском произошел переворот. Некий Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата и утверждавший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в жены супругу последнего по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и таким образом удерживал власть над Боспором» (Dio Cass. LIV.24.4). Боспорцы отказались признать власть Скрибония и уже в 15 г. до н. э. расправились с ним (ibid. 5).

Тогда Август и Агриппа прислали на Боспор нового римского ставленника – вассального царя Понта Полемона I Эвсеба, «друга и союзника римского народа», который, в свою очередь, женился на Динамии (Dio Cass. LIII.25.1). Полемон, сын ритора Зенона из Лаодикеи на Лике (Малая Азия), еще в 37 г. до н. э. по милости триумвира Марка Антония получил власть над Понтом (Strab. XII.3.38)[19]. После падения Антония Полемону удалось снискать расположение Августа, по воле которого он не только остался понтийским царем, но и, женившись на Динамии, стал царем Боспора (14–8 гг. до н. э.). Так в результате династического брака возникла личная уния между Понтом и Боспором, существовавшая, правда, совсем недолго: ок. 12 г. до н. э. царица Динамия умерла. Тогда Полемон I женился на Пифодориде Филометоре («Любящей мать»), внучке триумвира Марка Антония (обычно ее называют Пифодоридой Старшей)[20]. От этого

---

[18] Псевдо-Лукиан сообщает, что Асандр покончил с собой, отказавшись от пищи.

[19] После отстранения царя Дария (39–37 гг. до н. э.), внука Митридата VI Евпатора, получившего эту должность по милости все того же Антония (App. *Bell. Civil*. V.75). Полемон тогда (39 г. до н. э.) стал царствовать в Киликии (loc. cit.).

[20] Мать Пифодориды, Антония (на Востоке ее называли Эвергетидой, т. е. «благодетельницей»), была дочерью триумвира от второго брака с Антонией Гибридой; она вышла замуж за богатого и влиятельного грека Пифодора из Тралл (Strab. XII.3.29). Пифодорида, которую Страбон назвал «женщиной мудрой, способной руководить государственными делами» (loc. cit.), являлась двоюродной сестрой Германика, последнего мавретанского царя Птолемея Фи-

брака ведет свое начало понтийская династия Полемонидов. После гибели Полемона I (в 8 г. до н. э. он был убит восставшими аспургианами – одним из меотских племен. См.: Strab. XI.2.11; XII.3.29) на Боспоре недолго правила его вдова Пифодорида, после чего власть захватил (10/11 г.) сын Асандра I и Динамии Аспург, сперва правивший как архонт [см.: Блаватский 1976: 56–59], а затем и как царь, приняв фракийское тронное имя Рескупорида I (ок. 14–37 гг.)[21].

Как отмечает С. Ю. Сапрыкин, «лишившись власти над Боспором, Пифодорида решила компенсировать потерю приобретениями новых владений в Малой Азии, делая это исключительно по воле Рима» [Сапрыкин 1995: 197]. В 3/2 г. до н. э. Пифодорида – безусловно, с санкции Августа – стала женой Архелая I Филопатора, царя Каппадокии и Киликии Трахеи (36 г. до н. э. – 17 г. н. э.) (Strab. XII.3.29)[22]. В этом браке детей не было. Архелай доводился правнуком тому самому Архелаю, который был военачальником Митридата VI Евпатора и пытался (правда, безуспешно) бороться с Суллой. От первого брака (вероятно, с армянской царевной) у Архелая I был сын – будущий царь Киликии Трахеи Архелай II[23]. Бракосочетание Архелая I и Пифодориды Старшей означало создание личной унии Каппадокии и Понта. Эту унию в 17 г. ликвидировал император Тиберий, превратив Каппадокию в провинцию [см.: Sullivan 1980: 1159]. Предварительно Тиберий расправился с Архелаем, с которым у него были давние счеты: император обвинил престарелого царя Каппадокии в заговоре против Рима и передал его дело в сенат (Dio

---

ладельфа и императора Клавдия, а также двоюродной теткой императора Нерона. У Полемона I и Пифодориды было трое детей: Зенон, царь Великой Армении под именем Арташеса III (18–35 гг.); Марк Антоний Полемон Пифодор, титулярный царь Понта (соправитель матери в 3 г. до н. э. – 7 г. н. э.); Антония Трифена, жена правителя Восточной Фракии Котиса III. См.: Орешников 1902.

[21] Аспург был женат на фракийской царевне Гипепирии. См.: Sullivan 1979: 206.

[22] Царем Каппадокии Архелая (тогда его звали Сисинна) сделал Антоний, по словам Аппиана, «прельстившись красотой матери его, Глафиры» (App. *Bell. Civil*. V.7. Пер. Т. Н. Книпович под ред. С. А. Жебелёва и О. О. Крюгера). Архелай I доводился праправнуком царю Каппадокии Ариобарзану I Филоромею (ок. 95–63 гг. до н. э., с перерывами).

[23] После его смерти в 38 г. Киликия Трахея была передана римлянами царю Коммагены Антиоху IV.

Cass. LVII.17.3–4). Сенат не стал приговаривать больного старика к смертной казни (ibid. 5). В этой связи возникает закономерный вопрос: действительно ли царь замышлял заговор против Рима? Однозначного ответа на этот вопрос нет, данные источников разнятся. Так, Филострат дает понять, что заговор был (Philostr. *Apoll*. I.12.2), Тацит же считает, что выдвинутые против Архелая обвинения были ложными (Tac. *Ann*. II.42). По данным Светония, царя хитростью заманили в Рим и, возможно, принудили к самоубийству (Suet. *Tib*. 37.4). Пифодорида Старшая умерла в 22/23 г. [см.: Сапрыкин 1995: 199]. Безусловно, брак Архелая I и Пифодориды не мог бы состояться без санкции Августа [см.: Shillam 2016: 168]. Мотивация императора в данном случае неясна. Возможно, он руководствовался соображениями исключительно административного характера: если Пифодорида вполне справлялась с управлением своим царством, то об Архелае такого сказать было нельзя; известно, что Август даже распорядился назначить для управления Каппадокией регента, тогда как Архелай, которого его противники упрекали в слабоумии, mente lapsis[24], занимал трон лишь номинально (Dio Cass. LVII.17.5). Возможно, Пифодорида и была тем самым регентом [см.: Shillam 2016: 156]. В любом случае личная уния Каппадокии и Понта была недолговечной, поскольку общих детей у царской четы не было.

Благодаря «Иудейским древностям» Иосифа Флавия мы знаем о женитьбе Ирода Антипы, сына царя Иудеи Ирода I Великого (37–4 гг. до н. э.), на одной из пяти дочерей царя Набатеи Ареты IV Великого (он же Филопатрис, Филодем или Харитат IV; правил в 9 г. до н. э. – 40 г. н. э.) (Jos. *Ant. Jud*. XVIII.5.1). Скорее всего, это была старшая дочь Ареты, Фазелис; время заключения брака неизвестно: возможно, это произошло еще при жизни Ирода Великого, ведь Антипа вполне мог унаследовать отцовский престол, и, таким образом, этот династический брак мог способствовать урегулированию давних пограничных споров между двумя вассальными царствами [см.: Shillam 2016: 150–153]. Кому принадлежала инициатива заключения данного брака? Либо царю Ироду, либо самому Августу; однозначно

[24] Это единственный известный нам эпизод такого рода, относящийся к периоду принципата Августа. Хотя, возможно, «слабоумие» Архелая I было лишь уловкой [Romer 1985: 79–84].

сказать нельзя, хотя, безусловно, без санкции императора сам брак был бы невозможен[25]. В юности Антипа жил и воспитывался в Риме (Jos. *Ant. Jud*. XVII.1.3), поэтому на Палатинском холме его вполне могли рассматривать как потенциального вассального царя. Как бы то ни было, после смерти отца Ирод Антипа стал не царем Иудеи, а всего лишь тетрархом Галилеи и Переи (4 г. до н. э. – 39 г. н. э.) (Jos. *Bell. Jud*. I.7–8; *Ant. Jud*. XVII.8.1). В 35 г. довольно продолжительному браку Антипы и Фазелис (будем называть ее так) пришел конец. Флавий подробно описывает эту драматическую историю: тетрарх изменил жене, влюбившись в Иродиаду, свою племянницу и жену сводного брата, Ирода Филиппа I[26]; Иродиада согласилась оставить

[25] Теоретически допустимо, но крайне маловероятно, что этот брак был заключен после смерти Ирода Великого: ведь царство Ирода, как известно, после его смерти было разделено между наследниками, среди которых Антипа занимал вовсе не первое место; в результате он не получил не только царского титула, но даже титула этнарха, которого удостоился от Августа его брат Архелай, и именовался всего лишь тетрархом; так что Арете IV не было никакой особой выгоды выдавать дочь за Антипу.

[26] В историографии существует проблема, связанная с личностью первого мужа Иродиады, т. е. одного из девяти сыновей Ирода Великого. Кем он был, доподлинно неизвестно, ибо Иосиф Флавий называет первого мужа Иродиады Иродом (Jos. *Ant. Jud.* XVII.1.2; XVIII.1.4), а евангелисты – Филиппом (Mt. 14:3; Mk. 6:17), правда, не упоминая при этом титула «тетрарх». Известно, что в первом браке у Иродиады родилась дочь Саломея, которая в дальнейшем вышла замуж за тетрарха Филиппа (Jos. *Ant. Jud*. XVIII.5.4). Не могла же она стать женой родного отца, все-таки речь идет об обычаях Иудеи, а не Египта! Кроме того, тетрарх Филипп, по сведениям Флавия, умер бездетным (Jos. *Ant. Jud.* XVIII.4.6). В разное время предпринимались попытки решить эту проблему. Так, Никос Коккинос предположил, что Иродиада последовательно выходила замуж за трех братьев: сперва за Ирода, затем за тетрарха Филиппа, а после смерти последнего – за Антипу [Kokkinos 1998: 264–271]. Таким образом, исследователь допустил, что Иосиф Флавий ошибся. Это представляется маловероятным: и Флавий, и евангелисты были практически современниками событий и, насколько можно судить, располагали всей полнотой информации о родственных связях между потомками Ирода, так что вряд ли они могли так грубо ошибиться. Тогда приходится допустить существование двух сыновей Ирода Великого по имени Ирод Филипп (имя Ирод – династическое, имя Филипп – личное): если Ирод Филипп I (его обычно отождествляют с Иродом II, сыном Ирода I и Мариамны, дочери первосвященника Симона бен-Боэта, и нередко называют Иродом Боэтом) был первым мужем Иродиады и отцом Саломеи (что, как нам кажется, вероятнее всего), то Ирод

мужа, Антипа решил развестись с женой; узнав об этом, Фазелис бежала к отцу; оскорбленный таким поворотом дела, Арета IV начал войну с Антипой, впрочем, вскоре завершившуюся без решительного результата вследствие смерти императора Тиберия (Jos. *Ant. Jud*. XVIII.5.1–3).

В 39 г. тщеславная Иродиада, позавидовав успехам родного брата, Ирода Агриппы I, двумя годами ранее получившего от благоволившего ему императора Гая Калигулы царский титул, втянула своего слабовольного мужа в интригу, ставшую для него роковой: по ее настоянию Антипа отправился в Рим добиваться для себя царской диадемы (Jos. *Ant. Jud*. XVIII.7.1–2). Со своей стороны, Агриппа направил в Рим вольноотпущенника с подарками императору и доносом на дядю, якобы тот участвовал в заговоре Сеяна при Тиберии и вступил в сговор с парфянским царем Артабаном III, направленный против самого Калигулы (ibid. 2). В доносе, помимо прочего, говорилось об огромном арсенале, созданном Иродом Антипой в своих владениях (в нем хранилось 70 тыс. комплектов вооружения); отрицать очевидное было бесполезно, поэтому Калигула поверил доносу и, как сообщает Иосиф Флавий, сослал Антипу в Лугдун[27], а тетрархию передал Агриппе (loc. cit.).

Между 2 и 5 гг. был заключен брак Юбы II и Глафиры, дочери Архелая I и вдовы Александра, сына Ирода Великого (*OGIS* 359; 363). К тому времени и Юба II был вдовцом; неудивительно, что он подпал под обаяние молодой и красивой дочери каппадокийского правителя. Династический брак Юбы и Глафиры, безусловно, был выгоден прежде всего Архелаю I, ведь новоявленный зять был личным другом императора. Надо полагать, тесть и зять быстро нашли общий язык: оба были писателями и активно занимались интеллектуальным трудом [Roller 2004: 170–176]. В результате этого бракосочетания Глафира

Филипп II был тетрархом и мужем Саломеи [см.: Неклюдов, Ткаченко 2011; Hoehner 1972: 132–136; Krieger 1994: 51–56; Gillman 2003: 40; Jensen 2006: 43–44].

[27] В «Иудейской войне» тот же Флавий в качестве места ссылки Ирода Антипы называет почему-то Испанию вместо галльского Лугдуна (Jos. *Bell. Jud*. II.9.6). Возможно, память изменила историку; впрочем, здесь вполне мог ошибиться переписчик, перепутавший Галлию с Испанией. Известно, что Иродиада добровольно отправилась в ссылку вслед за мужем, а ее личное имущество досталось Агриппе (Jos. *Ant. Jud*. XVIII.7.2).

стала титулярной царицей Мавретании (именно титулярной, поскольку в Северной Африке она так и не побывала). Брак Юбы и Глафиры продлился недолго: уже в 6 г. бывшая мавретанская царица вышла замуж за этнарха Иудеи Ирода Архелая (ей было тогда примерно 40 лет). Скорее всего, развестись с Глафирой Юбу II настоятельно «попросил» Август, опасавшийся чрезмерного усиления политического влияния Архелая I в регионе [см.: Roller 2018: 56–57].

Где-то между 5 г. до н. э. и 5 г. н. э. был заключен брак царевича Эмесы[28] Сампсикерама и коммагенской царевны Иотапы. Сампсикерам был сыном и наследником «великого царя» Ямвлиха II и правил под именем Сампсикерама II примерно в 14–45 гг. Жена Сампсикерама, Иотапа, была дочерью коммагенского царя Митридата III и царицы Иотапы, дочери Артавазда I (см. выше). Дочь Сампсикерама II и Иотапы, также получившая имя Иотапы, впоследствии стала женой Аристобула Младшего, внука Ирода Великого (Jos. *Ant. Jud.* XVIII.5.4). Ее сестра Юлия Мамея вышла замуж за вассального царя Понта Полемона II [см.: Sullivan 1977: 214]. Остается сказать, что брачный союз Сампсикерама II и Иотапы вряд ли мог состояться без непосредственного участия Августа [см.: Shillam 2016: 168].

Ок. 5 г. Глафира, разведясь с Юбой II[29], вышла замуж за этнарха Иудеи Ирода Архелая, брата своего первого мужа (Jos. *Ant. Jud*. XVII.13.1). Первым браком Архелай был женат на Мариамне (Jos. *Bell. Jud*. II.7.4. Флавий не уточняет ее происхождение; скорее всего, речь идет о племяннице Архелая, сестре Иродиады). Разведясь с женой, он женился на своей бывшей невестке (loc. cit.) и тем самым бросил вызов общественному мнению иудеев, для которых подобный брак являлся кровосмесительным (Jos. *Ant. Jud*. XVII.13.1). Кроме того, деспотичный и жестокий Архелай отнюдь не являлся эффективным правителем и с некоторых пор стал раздражать не только своих подданных, но и самого императора (Jos. *Bell. Jud*. II.7.3). Видимо, последней каплей стала женитьба Архелая на Глафире без санкции Августа. Сама Глафира в скором времени умерла, а ее незадачли-

[28] Клиентное царство в Сирии.

[29] Иосиф Флавий (Jos. *Bell. Jud*. II.7.4) пишет, будто Глафира вернулась к отцу после смерти Юбы, но это невозможно, поскольку последний скончался в 23 г., пережив Архелая I на 6 лет.

вый супруг был вызван в Рим, там перед лицом самого императора и в присутствии свидетелей из Иудеи обвинен в злоупотреблении властью, лишен должности, титула этнарха, всего имущества и сослан в Виенну (Jos. *Ant. Jud*. XVII.13.2; *Bell. Jud*. II.7.3; Dio Cass. LV.27.6; Strab. XVI.2.46).

Наконец, ок. 12 г. был заключен брак между фракийским династом Котисом III, сыном царя Реметалка I Сапея[30], и Антонией Трифеной, дочерью вассальных правителей Понта, Полемона I и Пифодориды Старшей, внучки триумвира Марка Антония и правнучки Митридата VI Евпатора. Страбон пишет о Пифодориде: «От Полемона у нее было двое сыновей и дочь. Последняя вышла замуж за Котиса сапейца; после того как Котис был предательски убит[31], она осталась вдовой с детьми от него. Старший из ее сыновей теперь управляет страной» (Strab. XII.3.29. Пер. Г. А. Стратановского). Антония Трифена, троюродная сестра римских императриц Мессалины и Агриппины Младшей, «связала родственными узами правящий род Полемонидов и Одрисскую династию Фракии, известную с VI в. до н. э.» [Караваев 2013: 90]. Детьми Котиса III и Антонии Трифены были Реметалк III (последний вассальный царь Фракии в 38–46 гг., погибший от руки заговорщиков, после чего Фракия стали римской провинцией), Полемон II Филопатор (последний вассальный царь Понта в 38–64 гг.)[32], Котис IV (царь Малой Армении в 38–47 гг.) и Пифодорида Младшая (являлась соправительницей Реметалка III).

В царском доме Сапеев, как и в доме Иродиадов, вошло в обычай жениться на близких родственницах. Так, Реметалк I Сапей (ок. 11 г. до н. э. – 12/13 г. н. э.), сын Котиса II, выдал дочь за родного брата, Рескупорида III: одна из надписей (*I.G.Bulg*. 399) свидетельствует

---

[30] Как показал С. Ю. Сапрыкин, сестрой (а не дочерью, как считалось ранее) Котиса III была царевна Гипепирия, выданная замуж за боспорского царя Рескупорида I Аспурга, правнука Митридата VI Евпатора [Сапрыкин 2002: 163–165]. Сыновьями Гипепирии были боспорские цари Митридат III Филопатор и Котис I (последнему было суждено продолжить род Аспургидов, или т. н. династию Тибериев Юлиев, правившую на Боспоре в I–IV вв.).

[31] В 19 г. См.: Tac. Ann. II.64–67; III.38.

[32] В 41 г. Клавдий даровал Полемону II часть Киликии (Dio Cass. LX.8.2). В 64 г. Нерон отобрал у него Понт (Suet. *Nero*. 18; Tac. *Hist*. III.47; Eutrop. VII.14; Aur. Vict. *De Caes*. 5.2). С тех пор Полемон правил в Ольбе Киликийской (64–69 гг.).

о том, что Реметалк II одновременно был внуком Реметалка I и Котиса II, отца Реметалка I. Это значит, что мать Реметалка II была дочерью Реметалка I, тогда как его отцом был Рескупорид III, брат Реметалка I и сын Котиса II. Дочь Котиса III (сына Реметалка I) и Антонии Трифены, Пифодорида Младшая, вышла замуж за Реметалка II, сына Рескупорида III, династа Северной Фракии (12/13–19 гг.). Реметалк II был династом Северной Фракии в 19–26 гг. и царем всей Фракии в 26–38 гг. Как мы видели, Август обычно не вмешивался в матримониальные комбинации внутри вассальных царских домов. Здесь можно назвать лишь два исключения: сразу после смерти Ирода I и опять-таки сразу после кончины Реметалка I [см.: Shillam 2016: 169–170].

Подведем итоги. Практика заключения династических браков была частью того политического курса, который последовательно проводился Августом по отношению к вассальным царям. Это была не столько государственная, сколько личная политика Августа [см.: Shillam 2016: 180. Ср.: Millar 2004: 232]. Император вел себя по отношению к вассальным царям как патрон, покровитель, глава большой семьи. Он создавал систему вассальных царств, что называется, «всерьез и надолго». Время от времени заключавшиеся династические браки, испокон веков являвшиеся эффективным инструментом реальной политики, должны были дополнительно скреплять отдельные «компоненты» этой системы. Порой речь шла о создании личных уний, как правило, весьма недолговечных. Безусловно, Август стремился контролировать поведение царей-коллаборантов, однако временами ситуация выходила из-под контроля, и тогда императору приходилось вмешиваться, чтобы разрешить возникший «конфликт интересов».

Чего же требовал Август от вассальных правителей? Лояльности и эффективности в делах управления вверенными им территориями, что подразумевало не только своевременную отправку в Рим установленных денежных сумм (налогов, податей и других платежей), но и защиту местного населения от внешних врагов, а также обеспечение политической стабильности и правопорядка. Если все это было налицо и не возникало никакой опасности – реальной или потенциальной – для мира и стабильности на всем пространстве рах Romana, Август смотрел сквозь пальцы на экстравагантные матримониальные комбинации (пример Глафиры), полигамию, конфликты с детьми и другие «эксцессы» в семейной жизни зависимых царей

(пример Ирода Великого). Но когда ставились под сомнение упомянутые лояльность и эффективность, Август не церемонился и беспощадно карал виновных (пример Ирода Архелая). Здесь сказывались, безусловно, и личные качества Августа: всегда – расчетливость и осторожность, а при необходимости – тонкость и деликатность. Эти качества по большей части отсутствовали у его ближайших преемников, что и обусловило отказ от «проекта Августа» и ликвидацию на протяжении менее чем ста лет (17–106 гг.) большинства вассальных царств, превращенных в провинции под прямым управлением императорских наместников.

Список литературы

1. Блаватский В. Д. О Рескупориде Первом // СА. 1976. №4. С. 56–62.

2. Габелко О. Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. Вып. 13. 2009. С. 92–119.

3. Караваев А. Г. Потомки Марка Антония – правители восточных государств // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». № 1 (11). 2013. С. 88–97.

4. Неклюдов К. В., Ткаченко А. А. Иродиада // ПЭ. Т. XXVI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 651–654.

5. Никишин В. О. Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. Вып. 2. 2017. С. 43–59.

6. Никишин В. О. Рим и вассальные цари: о некоторых аспектах взаимоотношений // АМА. Вып. 19. 2019. С. 129–168.

7. Никишин В. О. Династические браки клиентных царей в правление Августа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. Т. 13. № 3. 2021. С. 310–318.

8. Орешников А. В. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1902. № 34. С. 1–17.

9. Панов А. Р. К вопросу о политической ориентации Динамии // ПИФК. Вып. 18. 2007. С. 286–290.

10. Сапрыкин С. Ю. Фракия до образования римской провинции. Западное Причерноморье в эллинистическую эпоху // История Европы. Т. 1. Древняя Европа / отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1988. С. 516–527.

11. Сапрыкин С. Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. №3. С. 204–211.

12. Сапрыкин С. Ю. Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире / отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин. М.: Наука, 1995. С. 181–203.

13. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002.

14. Braund D. C. Anth. Pal. 9. 235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // CQ. Vol. 34. 1984. P. 175–178. (Braund 1984a)

15. Braund D. C. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London; Canberra: Croom Helm; New York: St. Martins Press, 1984. (Braund 1984b)

16. Brunt P. A. Laus Imperii // Ed. by Garnsey P. D. A., Whittaker C. R. Imperialism in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 159–191.

17. Desanges J. L'Hellénisme dans le royaume protégé de Maurétanie (25 avant J.-C. – 40 aprés J.-C.) // BAC. Fasc. B. N. s. Vol. 20–21. 1984–1985. Afrique du Nord. P. 53–61.

18. Faur J.-C. Caligula et la Maurétanie: la fin de Ptolémée // Klio. Bd. 55. 1973. P. 249–271.

19. Fishwick D. The annexation of Mauretania // Historia. Bd. 20. 1971. P. 467–487.

20. Fishwick D., Shaw B. D. Ptolemy of Mauretania and the conspiracy of Gaetulicus // Historia. Bd. 25. 1976. P. 491–494.

21. Gillman F. M. Herodias: At Home in That Fox's Den. Collegeville: Liturgical Press, 2003.

22. Gruen E. S. Rome and the Seleucids in the Aftermath of Pydna // Chiron. Bd. 6. 1976. P. 73–95.

23. Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1979.

24. Hoehner H. W. Herod Antipas. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

25. Huzar E. G. Mark Antony: Marriages vs. Careers // CJ. Vol. 81. 1985. P. 97–111.

26. Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006.

27. Kokkinos N. The Herodian Dinasty: Origins, Role in Society and Eclipse. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998.

28. Krieger K.-S. Geschichtsshreibung als Apologetik bei Flavius Josephus // TANZ. Bd. 9. Tübingen; Basel: Francke Verlag, 1994.

29. Lintott A. Imperium Romanum: Politics and Administration. London; New York: Routledge, 1993.

30. Millar F. Rome, the Greek World, and the East / Ed. by H.M. Cotton, G.M. Rogers. Vol. 2. Government, Society, and Culture in the Roman Empire. London: University of North Carolina Press, 2004.

31. Nawotka K. The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. T. 48. 1989. P. 326–338.

32. Roller D. W. The World of Juba II and Kleopatra Selene. Royal Scholarship on Rome's African Frontier. New York; London: Routledge, 2003.

33. Roller D. W. Scholarly Kings: The Writings of Juba II of Mauretania, Archelaos of Kappadokia, Herod the Great, and the Emperor Claudius. Chicago: Ares Publishers, 2004.

34. Roller D. W. Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era. New York: Oxford University Press, 2018.

35. Romer F. E. A Case of Client-Kingship // AJPh. Vol. 106. 1985. P. 75–100.

36. Rosillo-López C. Greek Self-Presentation to the Roman Republican Power // Ruling the Greek World. Approaches to the Roman Empire in the East / Potsdamer Altertums wissenschaftliche Beiträge. Bd. 52 / Ed. by J.M. Cortés Copete, E. Muñiz Grijalro, F. Lozano Gómez. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 13–25.

37. Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East 168 BC to AD 1. London: Duckworth, 1984.

38. Shillam M. W. Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings. PhD thesis. University of New England, 2016.

39. Sullivan R. D. The Dynasty of Emesa // ANRW. II. 8. Berlin; New York, 1977. P. 198–219.

40. Sullivan R. D. Thrace in the Eastern Dynastic Network // ANRW. II. 7. 1. Berlin; New York, 1979. P. 186–211.

41. Sullivan R. D. The Dynasty of Cappadocia // ANRW. II. 7. 2. Berlin; New York, 1980. P. 1125–1168.

42. Wardle D. Suetonius' Life of Caligula: A Commentary / Collection Latomus. Vol. 225. Bruxelles: Latomus, 1994.

Информация об авторе

Никишин Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; cicero74@mail.ru

Information about the author

Vladimir O. Nikishin, Ph.D. in History, Senior Tutor of the Department of Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russia; cicero74@mail.ru

УДК 94(37)

Один год императора Траяна

В. Н. Парфенов

Аннотация. В статье анализируются причины, которые побудили императора Траяна после принятия им власти находиться в течение почти двух лет в северных провинциях Римской империи. Главное внимание уделено инспекции императором в 98–99 гг. римских войск, находившихся в дунайских провинциях, и цели проводившихся там военно-технических мероприятий. Доказывается, что решение о войне против Дакийского царства было принято Траяном уже в первые месяцы его принципата; основным доводом в пользу этого мнения служит боспорская надпись (*КБН*. 43). Указано на важную роль Боспорского царства при подготовке этой войны и в римской внешней политике того времени. Критически рассмотрены приводимые в римской пропаганде причины войны против даков. Автор полагает, что реальные причины относились скорее к области внутренней, чем внешней политики.

Ключевые слова: Траян, Децебал, Дакия, Боспорское царство, Дакийская война.

One year of the Emperor Trajan

Victor N. Parfyonov

Abstract. The article analyzes the reasons that prompted Emperor Trajan to stay in the northern provinces of the Roman Empire for almost two years after he assumed power. The main attention is paid to the inspection by the emperor in 98–99 AD of the Roman troops stationed in the Danube provinces, and the purpose of the military-technical measures carried out there. It is proved that the decision to wage war against the Dacian kingdom was made by Trajan already in the first months of his principate; the main argument in favor of this opinion is the Bosporan inscription (*CIRB*. 43). It is pointed out the important role of the Bosporan Kingdom in the preparation of this war and in the Roman foreign policy of that time. The reasons given in the Roman propaganda for the war against the Dacians are critically examined. The author believes that the real reasons related more to the field of domestic than foreign policy.

Keywords: Trajan, Decebalus, Dacia, Bosporan Kingdom, war, Dacian war.

Начало правления «наилучшего принцепса» Траяна выглядело нестандартно. Вместо того, чтобы поспешить из римской Германии,

© Парфенов В. Н., 2022

где он тогда находился, в Рим для утверждения своего положения, новый император оставался на северных рубежах Римской державы, сначала в германских, затем в дунайских провинциях, без малого два года, с конца зимы 98 (*dies imperii* – 28 января) по осень 99 г. Ближайшим по времени прецедентом было разве что поведение Веспасиана, победителя в гражданской войне 68–69 гг., который продолжал оставаться в восточных провинциях и после занятия столицы его войсками[1]. Естественно, и население столицы, и современные исследователи не могли не задаваться вопросом, в чем причина таких действий и чем занимался Траян столь продолжительное время?

Можно согласиться с тем, что в течение этих двух лет Траян «подготовил боеспособную армию для решения будущих задач» [Hanslik 1965: 1045]. На Германию эти «будущие задачи» не распространялись, там сохранялась прежняя ситуация, обеспеченная надежной оборонительной системой, созданной еще Домицианом [Парфенов 2010: 242–246]. Вероятно, Траяном она была усовершенствована; во всяком случае, он провел на Рейне бóльшую часть 98 г. явно не только «с целью переговоров для обеспечения состояния мира с правобережными германцами», как полагал Г. Хальфман [Halfmann 1986: 185].

В отношении германских провинций ситуация более или менее ясна: Траян не вынашивал экспансионистских замыслов в отношении свободной Германии, ограничившись тем, что было сделано при Домициане. Новому императору предстояло решить в Рейнском регионе две задачи: обеспечить надежную защиту этого сектора границы и завоевать непререкаемый авторитет среди солдат и офицеров расквартированных в обеих Германиях войск. Г. Зелентаг подчеркивает, что новый император, который, по мнению автора, уже тогда замыслил войну против даков, должен был прежде всего избежать опасности войны на два фронта: «Для этой цели было прежде всего необходимо оборонительное и инфраструктурное обустройство германской границы» [Seelentag 2004: 48; vgl. 131].

---

[1] «Столь же мудро, как и Веспасиан, который ожидал в провинциях, когда нормализуется положение в Риме, поступил и Траян, который не мог с уверенностью знать, понравится ли в Риме, что императором стал первый неиталик» [Hanslik 1965: 1046].

Бóльшая часть 98 г. ушла на решение этих проблем, после чего император отправился в придунайские провинции и находился там около года. Официальной целью было инспектирование расположенных там военных гарнизонов[2]. М. А. Шпайдель подчеркивает, что «новый император предпринял свою инспекционную поездку к войскам с однозначным и заранее обдуманным намерением» [Speidel 2009a: 140]. Вопрос заключается в том, каким же было это намерение.

По мнению Андраша Мочи, Траян из Германии отправился в Рим, по пути совершив посещение дунайских провинций – с целью подготовки к войне с даками [Mócsy 1962: 552 f.]. Если согласиться с ним, то нельзя не заметить, что «крюк» получился изрядный, вдобавок задержался Траян на Дунае надолго, примерно с осени 98 по осень 99 гг. [Ritterling 1924: 1280; Halfmann 1986: 184; Kienast 2004: 122; Venning 2011: 503]. Отсюда следует, что появление в Риме явно не было тогда его первоочередной задачей. Поэтому интересно попытаться выяснить, чем же он занимался на Дунае в течение этого года и почему это было для него важнее скорейшего прибытия в столицу, которого там с нетерпением ждали (Martial. X.6–7).

Здесь следует учесть, что за полвека между падением Нерона и воцарением Адриана бассейн Дуная стал центром приложения римских военных и политических усилий; его столь выдающееся значение сохранялось почти три века [Wilkes 2005: 138]. Неудивительно поэтому, что новый император счел необходимым для себя лично ознакомиться с положением на месте, особенно если учесть, что в дунайских провинциях со времен Домициана была сконцентрировала самая крупная в Империи войсковая группировка, а обстановка на границе оставалась достаточно сложной. Предполагается, что Траян со своим штабом передвигался по рокадной дороге в тылу Дунайского лимеса, инспектируя военные лагеря. К этому периоду

---

[2] Надпись *CIL* VI, 1548 = *ILS* I, 1019, датируемая временем после 102 г., посвящена персонажу, имя которого не сохранилось и который в 98 г. сопровождал Траяна, будучи *comes imp. Caesaris Nervae Traiani … dum exercitus suos circumit*. Инспектирование, надо полагать, распространялось как на германские, так и на дунайские провинции [ср.: Ritterling 1924: 1280; Hanslik 1965: 1045; Venning 2011: 503]. Очевидно, он принадлежал к высшему командному составу армии, к тем военным специалистам (*viri militares*), что участвовали в войнах Домициана и теперь сопровождали Траяна [Ritterling 1924, 1280; Syme 1958: 18].

Г. Хальфман относит слова Плиния Младшего в «Панегирике» о восстановлении Траяном дисциплины в армии: "… disciplinam castrorum lapsam, exstinctam refovisti" (Plin. Min. *Paneg*. 18.1) [Halfmann 1986: 185].

По этому поводу Дж. Беннет полагает, что «моральный дух Дунайской армии был, несомненно, довольно низким» из-за военных неудач времен Домициана [Bennett 2005: 52]. Однако нельзя забывать, что эти неудачи были при Домициане же компенсированы победой римских войск в генеральном сражении при Тапах [Парфенов 2005: 49]. Сам же Беннет указывает, что Дион Хрисостом, в это время возвращавшийся из ссылки и посетивший один из римских лагерей в Мёзии, рисует совсем другую картину[3] [Bennett 2005: 53]. Удовлетворительно объяснить столь очевидное противоречие можно, если предположить, что ссыльный философ посетил легионную базу уже после визита на нее Траяна, в результате которого войска стали буквально рваться в бой.

Здесь надо учесть, что, во-первых, армия была потрясена не столь уж давним (96 г.) убийством Домициана, который пользовался в военной среде популярностью и уважением (Suet. *Dom*. 23). Во-вторых, Плиний явно преувеличивает упадок дисциплины в лагерях, прозрачно намекая на виновность в этом Домициана[4]. Если такое явление и имело место, то виновен в нем был отнюдь не Домициан, оно должно относиться к эфемерному принципату Нервы,

---

[3] «Люди они рослые и горячие, словно скакуны перед канатом, которые от нетерпения в раже и пыле роют копытом землю. Там, хочешь не хочешь, повсюду видишь то мечи, то панцири, то копья и всё кругом заполнено пиками, оружием, людьми в доспехах. И вот я очутился один среди этих полчищ..., желая сам увидеть воинов – одних, спорящих за власть и могущество, и других, сражающихся за сво-боду и отечество» (ἐπιθυμῶν ἰδεῖν ἄνδρας ἀγονιζομένους ὑπὲρ ἀρχῆς καὶ δυνάμεως, τοὺς δὲ ὑπὲρ ἐλευθερίας τε καὶ πατρίδος) (Dio Chrys. *Or*. XII.19–20. Перев. Н. Брагинской, М. Грабарь-Пассек). Нетрудно заметить, что эти слова проникнуты предчувствием близкой войны, а под «другими» оратор, очевидно, подразумевает даков.

[4] «Как прекрасно, что дисциплину в лагерях, пошатнувшуюся и почти совсем упавшую, ты снова восстановил, преодолев пороки предшествующего поколения: лень, упрямство и нежелание повиноваться» (Plin. *Paneg*. 18.1. Перев. В. С. Соколова).

получившего власть из рук убийц Домициана[5], на что как гвардия, так и полевые войска не могли не отреагировать негативно.

Во всяком случае, на Дунае, как и на Рейне, император должен был проявить максимум такта. Для этого ему необходимо было провести среди солдат и офицеров придунайских провинций достаточно продолжительное время, чтобы не обидеть своим пренебрежением ни один крупный гарнизон. Видимо, в первую очередь этим и объясняется его годичное пребывание в Паннонии и обеих Мёзиях – примерно столько же времени, сколько он провел в двух германских провинциях, уделив, таким образом, равное внимание обеим войсковым группировкам, Рейнской и Дунайской.

Поведение Траяна в армейской среде описывает Плиний Младший: участие императора в военных упражнениях вместе с рядовыми солдатами, демонстрация заботы о них, подбадривание уставших и больных, и так далее, вплоть до ежевечернего обхода солдатских палаток перед сном, так что сам император ложился спать последним (Plin. *Paneg*. 13.1–3). К этому присоединялось уважительное отношение к подчиненным ему командирам, так что в результате солдаты и офицеры смотрели на императора и как на верховного военачальника, стремясь заслужить его одобрение, и как на боевого товарища (Plin. *Paneg*. 19.1–3). Это, несомненно, относится к войскам как на Рейне, так и на Дунае.

Налаживанием взаимоотношений с армией в течение примерно годичного пребывания императора на Дунае дело, естественно, не ограничивалось. Как указывает Г. Хальфман, «эпиграфические свидетельства позволяют заключить о подготовительных логистических и стратегических мероприятиях для Дакийской войны…». [Halfmann 1986: 185]. К их числу относилось сооружение новых легионных лагерей и крепостей, строительство военной дороги через скалы и канала в обход порогов на Дунае – то и другое в районе Же-

[5] «Кстати, страх мятежа, вероятно, вызвал денежную эмиссию Нервы CONCORDIA EXERCITVVM» [Bennett 2005: 52]. Монета этого типа (золотые и серебряные денарии) чеканилась от начала и до конца принципата Нервы [Mattingly, Sydenham 1926: 223–225, nrs. 2–3, 14–15, 26–27]. Кстати, «*stipendia* выплачивались в основном в денариях, как показывают археологические находки и документальные данные» [Speidel 2009b: 350, n. 4]. Следовательно, основной объем монет этого типа был рассчитан именно на армию.

лезных Ворот [Ritterling 1924: 1280; Hanslik 1965: 1047 ff.; Halfmann 1986: 185; Wilkes 2005: 156 f.]. Кроме того, возможно, уже тогда были сформированы два новых легиона, названных в честь Траяна, II *Traiana* и XXX *Ulpia*; таким образом, общее количество легионов Империи достигло 30 [Ritterling 1924: 1280 f.][6].

Наряду с этим, Траян развил интенсивную дипломатическую деятельность, стремясь изолировать Децебала от его потенциальных союзников, варварских племен Подунавья; она сопровождалась демонстрацией римской военной мощи, которая заставила варваров устрашиться и отказаться от своих замыслов (Plin. *Paneg*. 12; 16.2; 56.4–8; 59.3). В то же время, пока Траян находился на Дунае, римско-дакийский союз формально продолжал сохраняться, а выплата дакам субсидий, скорее всего, продолжалась [Парфенов 2006: 225, прим. 40; Venning 2011: 503].

Говоря словами Р. Ханслика, «Траян явно очень серьезно воспринял дакийскую опасность… Остается лишь вопрос, когда именно он начал действовать против даков» [Hanslik 1965: 1048]. Спектр мнений по этому поводу не особенно широк. Большинство исследователей полагает, что начало военных приготовлений Траяна относится к 98 г. Стоящее особняком и заслуживающее внимания мнение М. А. Шпайделя заключается в следующем.

Исследователь указывает, что источники не содержат информации о том, что причиной инспекции Траяном римских рубежей на Рейне и Дунае изначально могла стать подготовка Дакийской войны. С его точки зрения, новый император, продолжая политику своих предшественников, включавшую в себя отказ от военной экспансии в Европе, был заинтересован прежде всего в повышении боеспособности гарнизонов пограничных провинций и выстраивании системы обеспечения безопасности как на Рейне, так и на Дунае.

По словам Шпайделя, «нельзя с уверенностью утверждать, что Траян с самого начала планировал наступательную войну для окончательного решения дакийской проблемы и что этой войной он хотел смыть мнимый позор заключенного Домицианом в 89 г.

---

[6] По мнению некоторых исследователей, эти два легиона были созданы после 102 г. [Wheeler 2011: 213, n. 166 (литература вопроса)]. Но в данном случае принципиального значения эта разница в хронологии не имеет.

мира. … Только враждебно относившаяся к Домициану традиция описывала после его смерти этот мир как позорный и, с помощью всевозможных выдумок (Lügen) и слухов, обозначала его как унизительное поражение».

Информация о том, что Траян распорядился о строительстве путей сообщения и военных лагерей, может трактоваться не только как подготовка к наступательной войне, но и как нацеленные исключительно на оборону границы мероприятия. Отсюда следует, что «из этого нельзя с надежностью вывести заключения о принятом еще в 99 г. решения о наступательной войне против Дакийского царства. … Самые ранние, действительно внятные сведения о решении Траяна прибегнуть к войне указывают только на 100 г.» [Speidel 2009a: 141 f.].

Чтобы внести ясность в этот вопрос, придется обратить внимание не только на Дакию и прилегавшие к ней римские провинции, но и на Боспор Киммерийский. Дело в том, что Боспорское царство, самое крупное и наиболее сильное в военном отношении государство Северного Причерноморья, северо-восточный форпост античного мира, приобрело для Рима особое значение как раз в то время, когда центр тяжести его военных усилий переместился с Рейна на Дунай. Сохранившиеся свидетельства о римской заинтересованности в поддержке Боспором его военных и дипломатических усилий немногочисленны, но они есть.

Во-первых, это нумизматические данные: с 377 г. боспорской эры (81/82 г. н. э.), то есть со времени принятия власти Домицианом, изменяется тип статеров, боспорской золотой монеты: портрет римского императора, уже без упоминания его титулов, перемещается на реверс, а лицевую сторону занимают портрет и титулатура боспорского царя.

В этом ни в коем случае не следует усматривать осознанное оскорбление последним своего сюзерена: данное новшество в монетном деле, сохранившееся до окончания боспорской монетной чеканки в IV в., несомненно, было, санкционировано Римом и представляло собой своего рода вознаграждение за оказанные правителем Боспора услуги. Вероятно, с этого же времени Боспорское царство начинает получать римские денежные субсидии, целевым назначением шедшие на усиление его военного потенциала [Парфенов 2007: 166 слл.].

Еще более выразительно второе свидетельство: найденный в 1987 г. в Керчи уцелевший фрагмент (примерно треть первоначального текста) большой надгробной надписи в честь крупного боспорского военного и государственного деятеля, хилиарха, имя которого, к сожалению, не сохранилось [Виноградов, Шестаков 2005: 42–44]. Содержание надписи подробно проанализировано С. Ю. Сапрыкиным, отнесшим ее ко времени Савромата I (93/94–123/24 гг.), воспитателем которого был чествуемый в надписи военачальник [Сапрыкин 2005: 45–81].

Эта датировка, однако, была подвергнута сомнению и предложена другая – время Савромата II (173/74–210/11 гг.) [Bowersock, Jones 2006: 117–128; Heinen 2006: 48 f.], у нее нашлись сторонники и в нашей стране [Горончаровский 2010, 291]. В свою очередь, С. Ю. Сапрыкин и автор этих строк выдвинули новые аргументы в пользу того, что указанный в надписи «тогдашний император» (Καῖσαρ ὁ τότε) может быть только Домицианом (81–96 гг.), имя которого в силу постановления сената о *damnatio memoriae* было запрещено упоминать в официальных документах [Сапрыкин, Парфенов 2012: 163–182].

В данном случае важен зафиксированный в энкомии из Пантикапея факт, что чествуемый военачальник одержал победу над кочевниками-аланами, которая настолько заинтересовала императора, что он письмом (δι᾽ ἐπιστολῆς) вызвал хилиарха в свою походную ставку для подробного доклада, одобрил его действия и наградил боспорского вельможу [Виноградов, Шестаков 2005: 43, стк. 8–11; Сапрыкин 2005: 46]. Это событие мы предложили датировать 92 г., когда Домициан вел войну на Дунае против сарматов-язигов и находился в Паннонии [Сапрыкин 2005: 56 сл.; Парфенов 2007: 179 сл.; Сапрыкин, Парфенов 2012: 180].

Прошло шесть лет после этой аудиенции боспорского хилиарха у римского императора, когда в Пантикапее произошло еще одно событие, зафиксированное во внешне ничем не примечательной, но, как будет показано ниже, исключительно важной для анализируемой проблемы боспорской надписи (*КБН*. 43). В переводе А. И. Доватура и Д. П. Каллистова она выглядит так: «Тиберия Юлия Савромата (*его статую*), сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, Марк Ульпий Прим (*поставил*) своего благодетеля в 394 году».

Издатели надписи датировали ее 97 г. н. э., не учтя того обстоятельства, что начало года по боспорскому календарю относится

к октябрю, а не к январю, как в юлианском. 394 г. боспорской эры соответствует периоду от начала октября 97-го по конец сентября 98 г., когда Траян еще находился в германских провинциях. Датировку возможно сузить, с учетом того, что самостоятельное правление Траяна началось 28 января 98 г. Следовательно, статуя Савромата была заказана и поставлена благодарным ему (очевидно, щедро одаренным) римлянином в период между концом января и концом сентября 98 г.

Дедикант надписи Марк Ульпий Прим, как автору этих строк уже приходилось аргументировать [Парфенов 2009b: 350–354], не может быть ни боспорским военачальником, ни отставным римским военным моряком или ауксилиарием, Представляется, что единственно возможный вариант – принять, что он был особо доверенным лицом нового императора, вольноотпущенником Траяна (или его отца)[7], прибывшим на Боспор с секретной дипломатической миссией, скорее всего, на римском военном корабле в весенне-летнюю навигацию 98 года.

Суть его миссии (успешно выполненной, судя по сооружению в знак благодарности и по его заказу статуи боспорского царя Савромата I): привлечение Боспорского царства и других римских сателлитов в Северном Причерноморье к подготовке войны против Децебала. В таком случае путешествие Прима должно было включать в себя посещение не только Пантикапея, но и Ольвии с Херсонесом, и сообщение от имени Траяна о даровании римского гражданства избранным представителям правящей верхушки этих государств, чем и может объясняться появление там Ульпиев, засвидетельствованное эпиграфически [Парфенов 2008: 212 слл.; 2009a: 216 слл.; 2009b: 349–354].

Таким образом, мнение о том, что Траян уже в первые месяцы своего самостоятельного правления занялся подготовкой, в том числе дипломатической, войны против Дакийского царства Децебала, имеет документальное, точно датированное подтверждение.

В заключение имеет смысл остановиться на причинах, которые побудили императора принять именно такое решение. Кассий Дион (LXVIII.6.1) выделяет их три: недовольство Траяна размером субси-

[7] О важной роли императорских вольноотпущенников при Траяне см.: Plin. *Paneg*. 88.2–3.

дии, которая ежегодно выплачивалась дакам, их усилением в военном отношении и соответствующим ростом надменности в отношении Рима (… τοῖς τε χρήμασιν ἃ κατ᾽ ἔτος ἐλάμβανεν βαρυνόμενος, τάς τε δυνάμεις αὐτῶν αὐξανομένας καὶ τὰ φρονήματα ὁρῶν).

Здесь нельзя не согласиться с оговоркой Р. Ханслика: "Allerdings ist dies die offizielle römische Version" [Hanslik 1965: 1048], так что эта версия совсем не обязательно соответствовала реальному положению дел. Если попытаться эти причины проанализировать, то получается следующая картина.

Субсидии, которые выплачивались варварам в обмен на спокойствие римских рубежей, были стандартной римской практикой. Г. Зелентаг обращает внимание на сообщение Тацита о финансовой и изредка военной помощи Рима германским племенам маркоманнов и квадов (Tac. *Germ*. 42), подчеркивая, что, с точки зрения римского историка, выплата субсидий варварам в обмен на их определенные обязательства вполне целесообразна [Seelentag 2004: 152]. Еще Э. Т. Салмон, со ссылкой на ту же информацию Тацита, отметил, что задолго до Домициана Рим платил германским племенам, выполнявшим задачу обороны римской границы в Дунайском регионе. Когда придунайские германцы заняли в 89 г. враждебную позицию, Домициан возложил их задачу и плату за нее на даков, что было вполне логично и целесообразно – подобным же образом сам Траян позднее использовал роксоланов (*SHA*. *Hadr*. 6.8). Тем не менее, римская пропаганда декларировала необходимость войны, чтобы избавиться от выплаты «позорной» дани ("shameful" tribute) [Salmon 1936: 85].

М. А. Шпайдель предполагает, что побудить Траяна принять окончательное решение о войне уже во время инспекционной поездки на Дунай могло поведение дакийского царя как раз в то время, когда новый император пересматривал договоры Рима со своими соседями по северной границе (Plin. *Paneg*. 12.1 f.; Tac. *Germ*. 42). «В этом случае напрашивается предположение, что Децебал тогда отказался позволить изменить условия договора 89 г. к своей невыгоде и тем самым вызвал гнев Траяна» [Speidel 2009a: 141]. Если, конечно, это имело место, то к объективным основаниям войны мог присоединиться не столь уж редкий в истории субъективный, личностный момент.

Второй причиной стал угрожающий, с точки зрения Траяна и его штаба, рост военного потенциала Дакийского царства, во главе которого

стоял столь талантливый военачальник, как Децебал, которому Кассий Дион дает самую лестную характеристику[8]. Но эту проблему можно было решить, не прибегая к войне, к примеру, отозвав из Дакийского царства римских военных и гражданских специалистов, в свое время предоставленных Децебалу Домицианом (Cass. Dio LXVII.7.3–4), и позаботиться о дестабилизации там обстановки.

Действительно, если в качестве одной из целей Первой Дакийской войны 101–102 гг. «предположительно планировалось и устранение Децебала и его окружения, а также воцарение нового, дружественного по отношению к Риму царя, как обычно делалось при такого рода делах» [Speidel 2009a: 143], то дворцовый переворот, надо полагать, можно было организовать и без войны. Во всяком случае, богатый опыт такого рода у Рима имелся. Поэтому остается удивляться, что в современной историографии тезис о военной угрозе Риму со стороны Дакии как основной причине войны остается достаточно популярным [Daikoviciu 1977: 916; Bennett 2005: 53].

Третья причина, возрастание «гордыни» (τὰ φρονήματα) даков по отношению к своему патрону, то есть Римской державе, выглядит не очень удачным порождением римской военной пропаганды – всё это, по ироническому замечанию Э. Т. Салмона, похоже на известную всем историю волка, который обвинял ягненка в том, что тот мутит их общую питьевую воду [Salmon 1936: 85].

Британский исследователь резюмирует: совершали ли даки какие-либо приготовления к агрессии, неизвестно. Зато ясно, что Траян их совершал. «Таким образом, очевидно, что Траян совершал агрессивные приготовления и, когда военные действия начались, то римляне напали на Дакию, а не даки атаковали римскую территорию. Можно выразить обоснованный скептицизм по поводу официальных причин Первой войны Траяна». Похоже, автор прав в том, что реальные причины этой войны были скорее внутреннего порядка, чем внешнего.

---

[8] «Знаток военного дела, искусный и в самом ведении войны, который безошибочно определял подходящий момент для нападения и знал, когда нужно отступать, виртуозно использовавший засады, знавший толк и в регулярном сражении, он прекрасно умел пользоваться плодами побед и извлекать уроки из поражений. … Он надолго стал для римлян достойным противником» (Cass. Dio LXVII.6.1).

По его мнению, новый император был крайне неравнодушен к военной славе, что могла доставить успешная Дакийская кампания, особенно по сравнению с усилиями Домициана на Дунае, которые, несомненно, были представлены как провальные, повлекшие за собой потерю римского престижа. Кроме того, есть основания утверждать, что годы после смерти Домициана были сложными для носителей пурпура, так что «успешная военная кампания, несомненно, придавала популярности не слишком уверенно чувствовавшему себя режиму» [Salmon 1936: 86 f.].

В новейшей отечественной историографии причины войны рассматривал И. О. Князький. Подчеркивая ее безусловно агрессивный характер со стороны Рима, он признает действенность приведенных Кассием Дионом (LXVIII.6.1) оснований, добавляя к этому экономические выгоды от будущей колонизации Дакии и разработки ее природных богатств [Князький 2016: 53, 63]. Наиболее интересный тезис есть смысл процитировать: «Покорение Дакии – снятие очевидной угрозы с Дунайских рубежей Империи, создание мощной опоры Римской власти на землях к северу от Дуная, укрепление безопасности Мёзии и Паннонии» [Князький 2016: 63].

Это положение представляется достаточно спорным. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу [см.: Парфенов 2006: 226 сл., прим. 44–45], могу повторить только уже высказанное довольно давно свое мнение: созданная Траяном в результате Второй Дакийской войны задунайская провинция Дакия создавала Риму крупные стратегические проблемы. Будучи уже в мирное время с трех сторон окруженной варварскими племенами, она «фактически оказалась в положении постоянно осаждаемой превосходящими силами противника крепости, гарнизон которой рано или поздно должен был либо уйти, либо капитулировать» [Парфенов 2006: 227].

Если сравнить «большую стратегию» Домициана и Траяна, то можно согласиться с тем, что в отношении внешней политики они резко отличались друг от друга. Домициан учился на поражениях, применяя после них для решения той же проблемы новые приемы и методы, и, в конечном счете, добивался своего, Траян же в таких случаях переключался на более легкую цель. Поэтому, как не очень дипломатично, но по сути верно выразился Дж. Грейнджер, «по уровню стратегического мышления он был нулем по сравнению с Домицианом» [Grainger 2003, 117].

В данном случае это означает, что Домициан, когда Рим впервые со времен Августа столкнулся с тяжелейшим внешнеполитическим кризисом на северных рубежах Империи, успешно решал эту проблему. Как уже приходилось отмечать [Парфенов 2021: 332–336], последний Флавий в течение своего правления добивался и во многом успел добиться спокойствия римских границ по Рейну и Дунаю, организуя предполье в виде клиентских царств и племенных союзов, изолируя потенциального противника дипломатическим путем и лишь в крайнем случае прибегая к оружию. Органичной частью этой системы, согласно условиям мирного договора 89 г., должна была стать Дакия во главе с Децебалом, «другом и союзником римского народа».

Гибель Домициана поставила его внешнеполитическую концепцию под вопрос, хотя к ней пришлось вернуться и ею руководствоваться уже Адриану. В лице же Траяна к власти пришла та группировка римской военной знати, которая мыслила уже устаревшими категориями, что подразумевало решение возникавших внешнеполитических проблем в первую очередь силовым путем. Эффективность этого образа мыслей должна была продемонстрировать «маленькая победоносная война» против чрезмерно, по мнению императора и его советников, усилившегося римского клиента, то есть Децебала – для острастки всем остальным соседям Римской державы и ради роста популярности Траяна в римском обществе.

Список литературы

1. Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.

2. Горончаровский В. А. К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. Вып. 9. С. 289–298.

3. Князький И. О. Император Траян. СПб.: Алетейя, 2016.

4. Парфенов В. Н. Дакийская война Домициана: победа или поражение Рима? // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Сер. История. Право. Международные отношения, вып. 1/2. С. 46–55.

5. Парфенов В. Н. Домициан и Децебал: нереализованный вариант развития римско-дакийских отношений // АМА. 2006. Вып. 12. С. 215–227.

6. Парфенов В. Н. Флавии и Боспор. К вопросу о римском «либерализме» // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Вып. 9–10. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 166–181.

7. Парфенов В. Н. Ульпии на Боспоре: кто есть кто? // Боспорские чтения. Вып. IX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Militaria* / под ред. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2008. С. 211–214.

8. Парфенов В. Н. 2009: Боспорская хронология: несколько замечаний // Боспорские исследования. Вып. XXI. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 2009. С. 212–225. (Парфенов 2009a)

9. Парфенов В. Н. Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // АМА. Саратов, 2009. Вып. 13. С. 349–354. (Парфенов 2009b)

10. Парфенов В. Н. Рим и Германия при Домициане. Проблемы и поиск их решения // Восток, Европа, Америка в древности. Сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 238–247.

11. Парфенов В. Н. Гобустанская надпись и восточная политика Флавиев // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / под ред. А. В. Махлаюка, И. Е. Сурикова. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 282–344.

12. Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.

13. Сапрыкин С. Ю., Парфенов В. Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // ВДИ. 2012. № 2. С. 163–182.

14. Bennett J. Trajan optimus princeps. A Life and Times. London; New York: Routledge, 2005.

15. Bowersock G.W., Jones C. P. A New Inscription from Panticapaeum // ZPE. 2006. Bd. 156. S. 117–128

16. Daikoviciu C. Dakien und Rom in der Prinzipatszeit // ANRW. 1977. Tl. 2. Bd. 6. S. 889–918.

17. Grainger J. D. Nerva and the Roman Succession Crisis of AD 96–99. London; New York: Routledge, 2003.

18. Halfmann H. Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1986.

19. Hanslik R. M. Ulpius Traianus. Römischer Kaiser 98–117 // RE. 1965. Spplbd. 10. Sp. 1035–1102.

20. Heinen H. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeeraum als Forschungsaufgabe. Meinz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.

21. Kienast D. Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. 3. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.

22. Mattingly H., Sydenham E.A. The Roman Imperial Coins. Vol. II. Verpasian to Hadrian. London: Spink & Son, 1926.

23. Mócsy A. Pannonia // RE. 1962. Spplbd. 9. Sp. 516–776.
24. Ritterling E. 1924: Legio (Traian) // RE. 1924. Hbd. 23. Sp. 1280–1287.
25. Salmon E. T. Trajan's Conquest of Dacia // TAPA. 1936. Vol. 67. P. 83–105.
26. Seelentag G. Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004.
27. Speidel M. A. Traian: Bellicosissimus Princeps // M. A. Speidel. Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. S. 121–165. (Speidel 2009a)
28. Speidel M. A. Roman Army Pay Scales // M. A. Speidel. Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. S. 349–380. (Speidel 2009b)
29. Syme R. Tacitus. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1958.
30. Venning T. A Chronology of the Roman Empire. London; New York: Continuum, 2011.
31. Wheeler E. L. Rome's Dacian Wars: Domitian, Trajan, and Strategy on the Danube, Part II // JMH. 2011. Vol. 75. P. 191–219.
32. Wilkes J. J. The Roman Danube: An Archaeological Survey // JRS. 2005. Vol. 95. P. 124–225.

Информация об авторе

Парфенов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Церковной истории, Саратовская православная духовная семинария, Саратов, Россия; vparfenov@list.ru

Information about the author

Victor N. Parfyonov, doctor of historical sciences, professor of the Department of Church History, Saratov Orthodox Theological Seminary, Saratov, Russia; vparfenov@list.ru

УДК 94(37).07

Gute Kaiser, schlechte Kaiser
Zum historischen Gedächtnis des römischen Prinzipats*

Michael Sommer

Zusammenfassung. Wie wurde man ein guter Kaiser? Und welche Verbrechen musste man begehen, um als schlechter Kaiser in die Geschichte einzugehen. Der Fall scheint klar: Die römische Historiographie kennt einen klar umrissenen Kanon von Verfehlungen, den sie regelmäßig Tyrannen vorhält. Darüber, wer ein Tyrann war und wer ein guter Kaiser, herrschten kaum je Zweifel. Genau hier beginnen die Probleme: Der Aufsatz geht von der Hypothese aus, dass nicht das realhistorische Handeln eines Kaisers darüber entschied, ob er als guter oder schlechter Herrscher in die Geschichtsbücher einging, sondern die politische Konstellation nach seinem Ableben, genauer: die Frage, ob es ihm gelang, sein Haus zu bestellen und dafür zu sorgen, den Prinzipat geordnet in die Hände eines Nachfolgers zu übergeben. Gelang ihm das nicht, so war es um seine Chancen, ein positives Echo in der Geschichtsschreibung zu finden, denkbar schlecht bestellt.

Schlüsselwörter: Römische Kaiserzeit, Kaiser, historisches Gedächtnis, Konsekration, Gedächtnissanktionen, römische Historiographie.

Bad emperors, good emperors.
On historical memory in the Roman principate

Michael Sommer

Abstract. How did one become a good emperor? And what crimes did one have to commit to go down in history as a bad emperor? The case seems straightforward: Roman historiography knows a clearly defined canon of misdemeanours that it regularly holds up to tyrants. There was hardly ever any doubt about who was a tyrant and who was a good emperor. This is precisely where the problems begin. The paper departs from the hypothesis that it was not the real actions of an emperor that decided whether he went down in the history books as a good or bad ruler, but the political setup after his demise, more precisely: the question of whether he succeeded in ordering his house and ensuring that the principate was handed over

* Ich widme diesen Beitrag in Dankbarkeit Vera Dement'eva, die bei meinen Besuchen in Jaroslawl stets eine großartige Gastgeberin war. Die Zusammenarbeit hat in der Zwischenzeit zahlreiche Früchte getragen. Zu großem Dank bin ich auch Tassilo Schmitt und Roman Frolov verpflichtet.

© Sommer M., 2022

to a successor in an orderly manner. If he did not succeed, his chances of finding a positive feedback in the history books were rather poor.

Keywords: Roman imperial period, emperors, historical memory, consecration, memory sanctions, Roman historiography.

Плохие императоры, хорошие императоры. Об исторической памяти в римском принципате

М. Зоммер

Аннотация. Как стать хорошим императором? Какие преступления надо было совершить, чтобы войти в историю как плохой император? Ответ на эти вопросы может показаться очевидным: римской историографии известен устоявшийся канон проступков, в совершении которых она регулярно обвиняет тиранов. Вряд ли когда-либо возникали сомнения в том, кто тиран, а кто хороший император. Но именно здесь начинаются затруднения. Автор статьи исходит из гипотезы о том, что не реальные действия императора определяли, войдет ли он в учебники истории как хороший или плохой правитель, а политическая ситуация после его кончины. А именно: оценку обуславливало то, удалось ли императору обеспечить передачу принципата преемнику в упорядоченном режиме. Если ему это не удавалось, его шансы удостоится положительной характеристики в историографии были довольно малы.

Ключевые слова: Римская империя, императоры, историческая память, обожествление, проклятие памяти, римская историография.

I

An einem heißen Julitag kam im Jahr 138 n. Chr. der römische Senat zusammen. In der Kurie, wo man sich seit Augustus das Diskutieren gründlich abgewöhnt hatte, ging es diesmal hoch her. Einziger Tagesordnungspunkt war die Frage, wie mit einem toten Kaiser umzugehen war. Hadrian, der die Geschicke des Imperiums seit 117 gelenkt hatte, war seit wenigen Tagen tot. In den 21 Jahren seiner Herrschaft hatte er mehrfach hart durchgegriffen. Der ersten Säuberungswelle kurz nach Herrschaftsantritt waren die Senatoren Avidius Nigrinus, Aulus Cornelius Palma Frontonianus, Lucius Publilius Celsus und Lusius Quietus zum Opfer gefallen, die unter Trajan zum engsten militärischen Führungskreis gehört hatten[1].

[1] Cass. Dio 69.1.5f. Anders und vermutlich apologetisch die Darstellung in *Hist. Aug. Hadr.* 7, wo von einem Attentat die Rede ist, das die Männer um Trajan gegen Hadrian planten.

Mit rechtsstaatlichen Verfahren hielt sich der neue Machthaber auf dem Palatin gar nicht erst auf. Nigrinus und die anderen Männer wurden in einer Nacht-und-Nebel-Aktion durch den Prätorianerpräfekten Attianus liquidiert. Die Botschaft, die Hadrian so an ihre Kollegen im Senat aussandte, war unmissverständlich: Ihre Loyalität habe fortan einzig und allein ihm zu gelten, die Ära Trajan war Geschichte. Das Verhältnis zwischen Hadrian und den Senatoren war fortan mit einer nicht zu tilgenden Hypothek belastet.

Ein zweites Mal bewies Hadrian, das er willens und in der Lage war, hart durchzugreifen, wenn es die Situation erforderte, als er bereits schwer erkrankt und im Begriff war, eine Nachfolgeregelung zu finden. Weil sie sich bei diesen Plänen übergangen fühlten, versuchten offenbar zwei nahe Verwandte Hadrians, sich des kaiserlichen Purpurs mit Gewalt zu bemächtigen, indem sie den designierten Nachfolger, Lucius Aelius Caesar, ermordeten. Die beiden, Hadrians Schwager Lucius Iulius Ursus Servianus und dessen Enkel Gnaeus Pedanius Fuscus Salinator, wurden 136 n. Chr. vor Gericht gestellt und zum Tode verurteilt[2].

Zwischen diesen beiden Episoden hatte sich Hadrian dem römischen Volk wie seinen senatorischen Standesgenossen als jovialer, nahbarer Herrscher ohne Allüren präsentiert. Er hatte sich mit ungeheurer Energie in die Verwaltung des Imperiums gestützt, hatte dessen Provinzen in zwei ausgedehnten Reisen buchstäblich erfahren, dort, wo es ihm ratsam erschien, Korrekturen an der offensiven Politik seines Vorgängers vorgenommen und vor allem in die Sicherheit von Roms schier endlosen Außengrenzen investiert. Der Fernhandel, auch mit entlegenen Weltgegenden Afro-Eurasiens, erlebte unter diesem Kaiser – abzulesen etwa an den Karawaneninschriften aus dem syrischen Palmyra – einen enormen Aufschwung, die fruchtbare Symbiose zwischen griechischer Kultur und römischer Zivilisation vielleicht ihren einsamen Zenit. Hadrians Prinzipat trug deutlich humanitäre, von philosophischen Lehren beeinflusste Züge, die selbst das Los der Sklaven erleichterten, deren Herren die Gesetzgebung erstmals Schranken setzte. Heute gilt deshalb die Zeit der Adoptivkaiser und besonders Hadrians Herrschaft als goldenes Zeitalter des römischen Imperiums, den Angelsachsen der Erbauer des Hadrianswalls als einer der „five good emperors“.

[2] Cass. Dio 69.2.5f.; 17.1f.; Petr. Patr. *Exc. Vat.* 113; *Hist. Aug. Hadr.* 15.8; 23.2 und 8; 25.8.; *Epit. de Caes.* 14.9. Vgl. Groag 1918.

Die Senatoren, die sich nach Hadrians Tod in der Kurie versammelten, hatten einen anderen Kaiser in Erinnerung. Für etliche von ihnen war er ein blutiger Tyrann, der nicht davor zurückschreckte, Senatoren ohne ordentliches Verfahren einen Kopf kürzer zu machen, wenn sie seiner Allmacht im Wege standen. Alle Leutseligkeit konnte nicht vergessen machen, was er den vier Männern aus Trajans Kamarilla angetan hatte, und auch Ursus Servianus und Fuscus Salinator waren Senatoren gewesen.

Deshalb beschreibt die Historia Augusta eine tumultuarische Sitzung, an deren Ende der Nachfolger, Antoninus, mit Rücktritt drohen musste, um die für ihn alternativlose Vergottung Hadrians durchzusetzen. So, urteilt die Historia Augusta, habe er sich den Beinamen „Pius" verdient (*Hist. Aug. Hadr*. 27.2–4; *Antonin. Pius* 2.5). Antoninus' Prinzipat wäre von Beginn an mit einer untragbaren Hypothek belastet gewesen, hätten die Senatoren anders entschieden. Sie hätten dann beschlossen, Hadrians Statuen zu stürzen, seinen Namen aus Inschriften auszumeißeln und seine Gesetze zu annullieren. Der Mann, aufgrund dessen Willen Antoninus jetzt Kaiser war, wäre dann gewissermaßen aus der Geschichte hinausgecancelt worden. Sein Entschluss, Antoninus zum Nachfolger zu machen, wäre unter die vom Senat aufgehobenen Maßnahmen gefallen. Gedächtnissanktionen, wie die Senatoren sie nach der Hadrian- und Antoninus-Vita der Historia Augusta tatsächlich in Erwägung zogen, wären für den neuen Herrscher auf dem Palatin nicht nur inakzeptabel gewesen: Sie hätten das Ende seines Prinzipats bedeutet[3].

Allerdings sind Zweifel an der Darstellung der Historia Augusta angebracht[4]. Ohnehin gehört die spätantike Sammlung von Kaiserbiographien ja nicht unbedingt zum Zuverlässigsten, was wir an Überlieferung über die römische Kaiserzeit besitzen. Dass die Senatoren 138 n. Chr. noch über so viel Freiheit verfügten, einen Antrag des Princeps kontrovers zu diskutieren und gegebenenfalls abzulehnen, erscheint doch eher zweifelhaft. Präzedenzfälle für eine solche Autonomie des Gremiums

[3] Für die nach dem Tod eines Kaisers verhängten Gedächtnissanktionen wird meist der Begriff *damnatio memoriae* verwendet, der sich aber nicht auf eine antike Begrifflichkeit stützen kann und deshalb pseudohistorisch ist. Zum Problem des intentionalen Vergessens Flower 2006, Gotter 2015, Krüpe 2011, Verner 2004, Vittinghoff 1936.

[4] Contra Michels 2018: 45–54, der die Episode im Kern für historisch hält, aber ebenfalls die Alternativlosigkeit der Vergöttlichung Hadrians für Antoninus Pius betont.

finden sich seit Tiberius keine. Der oder die Verfasser der Historia Augusta könnten bestrebt gewesen sein, den Herrscherwechsel von Hadrian zu Antoninus gebührend zu dramatisieren. Auch verlangte der Beiname des neuen Herrschers nach einer Erklärung: Welcher Akt könnte der *pietas*, die einem Kaiser frommte, besser Ausdruck geben als die Sorge dafür, dass der Vorgänger unter die Staatsgötter aufgenommen wurde?

II

Dieser Aufsatz geht erstens der Frage nach, welche Kriterien darüber entschieden, ob ein verstorbener Kaiser konsekriert oder ob gegen ihn Gedächtnissanktionen verhängt wurden. Selbst wenn die Senatsdebatte nach Hadrians Hinscheiden eine Fiktion der Historia Augusta ist, stand nach jedem Tod eines Herrschers diese Frage zur Entscheidung an. Die zweite Frage, die hier gestellt werden soll, richtet sich auf die Wirkungsmacht der Entscheidung: Wie nachhaltig prägte der im Moment der Nachfolge gefasste Senatsbeschluss das Bild des Kaisers in der römischen Historiographie – und damit, über die Antike hinaus, in der Geschichte? Im Raum steht damit, drittens, die Frage nach geschichtspolitischen Prismen, die das Bild römischer Kaiser – so die Arbeitshypothese – bereits in der Antike so weit brachen, dass es der heutigen Geschichtswissenschaft unmöglich ist, sich einen Weg zu den historischen Persönlichkeiten dieser Herrscher zu bahnen[5].

Für die folgende Betrachtung gilt die Aufmerksamkeit den 27 Machthabern, die – unter Einschluss Caesars, aber unter Ausschluss von Herrschern, die in Rom keine Anerkennung fanden[6] – von 49 v. Chr. bis 235 n. Chr. die römische Welt beherrschten. Die Konsekration Caesars durch die Triumvirn Ende 43 v. Chr. bildete den Präzedenzfall, nach dem bis 235 n. Chr. insgesamt 17 Herrscher vergöttlicht wurden. Im selben Zeitraum wurden seit Caligula gegen 13 Augusti Gedächtnissanktionen verhängt. Die Summe von 29 Herrschern ergibt sich dadurch, dass die ursprünglich gegen Commodus, Pertinax, Caracalla und Severus

[5] Zum Begriff der „Geschichtspolitik“ allgemein Assmann 2006, Wolfrum 1995, Wolfrum 1999. Als Definition Wolfrum 1995: 26: Geschichtspolitik ist demnach „Auseinandersetzung mit der und um die Vergangenheit als politisches Ereignis“. Zur Geschichtspolitik in der römischen Kaiserzeit Sommer 2021.

[6] Darunter auch Clodius Albinus und Pescennius Niger.

Alexander verfügten Gedächtnissanktionen später aufgehoben wurden und diese Kaiser durch ihre Nachnachfolger konsekriert wurden. Weder konsekriert noch das Opfer von Gedächtnissanktionen wurde unter allen 27 Kaisern allein Tiberius:[7]

Konsekration	weder noch	Gedächtnissanktionen
Caesar Augustus Claudius Nero Vespasian Titus Nerva Trajan Hadrian Antoninus Pius Lucius Verus Mark Aurel Commodus Pertinax Septimius Severus Caracalla Severus Alexander	Tiberius	Caligula Nero Galba Otho Vitellius Domitian Commodus Didius Iulianus Geta Macrinus Elagabal Severus Alexander

In vier besonders interessanten Fällen war der Status verblichener Kaiser Veränderungen unterworfen: Bei Nero wurden Gedächtnissanktionen unter Galba verhängt. Sie wurden unter Otho zurückgenommen und der tote Kaiser wahrscheinlich unter Vitellius konsekriert. Unter Vespasian wurde Nero aus der Liste der vergöttlichten Kaiser gestrichen und es wurden abermals Gedächtnissanktionen gegen ihn verhängt. Das Gedächtnis an seinen Nachfolger Galba wurde unter Otho getilgt, aber unter Vespasian auf Antrag von dessen Sohn Domitian restituiert, vermutlich ohne dass Galba deshalb unter die Götter erhoben worden wäre[8]. Commodus wurde

[7] Weil sich hier der Senat der von Caligula gewollten Apotheose verweigerte. Anders als später Antoninus Pius konnte Caligula, weil die Dichotomie zwischen Vergöttlichung und Gedächtnissanktionen noch nicht fest etabliert war, auf die Konsekration verzichten (Cass. Dio 59.3.7f.; Suet. *Tib*. 75.3; Ios. *Ant. Iud*. 18.236). Vgl. Winterling 2003, 54.

[8] Tac. *Hist*. 4.40.1. Vgl. Zimmermann 1995.

unter Pertinax zunächst aus dem öffentlichen Gedächtnis getilgt (Cass. Dio 74.2; *Hist. Aug. Commod*. 17), unter Septimius Severus wurde seine *memoria* nicht nur restituiert, sondern der Sohn Mark Aurels wurde auch konsekriert (*AE* 1951, 75). Unter Macrinus wurde die Vergöttlichung möglicherweise für kurze Zeit rückgängig gemacht, es wurden anscheinend abermals Gedächtnissanktionen verhängt[9]. Zunächst ebenfalls aus der Geschichte verbannt wurde nach der Usurpation des Maximinus Thrax die Erinnerung an Severus Alexander. Später, vermutlich nach Maximinus' Ende, wurde Severus Alexander unter die Götter aufgenommen, sein Porträt schmückt eine der Restitutionsmünzen des Kaisers Decius aus dem Jahr 250 n. Chr.[10]

Einige wenige Kaiser, und auch sie verdienen einen genaueren Blick, wurden nicht durch ihre unmittelbaren Nachfolger, sondern gewissermaßen erst mit Verspätung unter die Götter aufgenommen: Pertinax wurde durch die Prätorianer gestürzt und durch Didius Iulianus ersetzt. Folglich nahm die Konsekration erst dessen Nachfolger Septimius Severus vor (*Hist. Aug. Pertinax* 14f.). Und Caracalla, der 217 n. Chr. durch ein Attentat ums Leben kam, in das sein Nachfolger Macrinus verstrickt war, wurde erst mit einiger Verzögerung unter die Götter erhoben, vermutlich, nachdem mit Elagabal das severische Kaiserhaus an die Macht zurückgekehrt war[11].

III

Die insgesamt sechs „unregelmäßigen" Fälle der Kaiser, deren Status sich zum Teil sogar mehrfach änderte oder erst nach einer längeren Frist entschied, halten die Lösung des ersten eingangs aufgeworfenen Problems bereit. Nero wurde durch Galba getilgt und durch Otho rehabilitiert, weil Galba wie Otho das Ziel verfolgten, sich von ihrem jeweiligen Vorgänger abzugrenzen. Galba war als Nutznießer der Usurpation des Vindex in Gallien in den Purpur gelangt, Otho hatte sich, enttäuscht, weil er von diesem bei der Nachfolge übergangen worden war, direkt gegen Galba

[9] Kienast 1996: 148 (ohne Angabe von Quellen).

[10] *Hist. Aug. Severus* 63.3; *RIC* 4.3, 132, No. 97.

[11] Cass. Dio 79.17. Dagegen *Hist. Aug. Carac*. 11.5: *a Macrino, qui eum occiderat, timore militum et maxime praetorianorum inter deos relatus est.* Unentschieden Kienast 1996, 163.

gewandt. Die Notwendigkeit der Abgrenzung erklärt auch die durch Otho gegen Galba verhängten Gedächtnissanktionen und deren Aufhebung nicht durch Vitellius, der sich ursprünglich ebenfalls gegen Galba erhoben hatte, sondern durch Vespasian, der mit seiner Usurpation Otho wie Vitellius überwand.

Das komplexe Usurpationsgeschehen der Jahre 68 und 69 n. Chr. teilt die darin verstrickten Kaiser förmlich in zwei Lager: Nero, Otho und Vitellius auf der einen sowie Galba und Vespasian auf der anderen Seite. Otho und Vitellius stellten sich, in der Sache konsequent, als gegen Galba antretende Usurpatoren in die Kontinuität von Neros Prinzipat. Galba seinerseits verkaufte seine Herrschaft als Neuanfang, mit dem er das goldene Zeitalter unter dem Begründer der julisch-claudischen Dynastie, unter Augustus, wiederaufleben ließ. Für Vespasian war es deshalb nur konsequent, die Kontinuität zu Galba und damit die Wiederherstellung eines rechtmäßigen, durch Otho und Vitellius unterbrochenen Zustands durch die Flavier zu betonen.

Analog knüpfte Septimius Severus zunächst bei Pertinax an, indem er seinen Vorvorgänger konsekrierte und Didius Iulianus, gegen den er sich erhoben hatte, mit Gedächtnissanktionen belegte. Severus befand sich freilich selbst in einer schwierigen Situation. Er musste sich nicht nur gegen Didius Iulianus durchsetzen, was ihm nicht schwerfiel, sondern auch gegen zwei Mitusurpatoren: Pescennius Niger, der den Osten beherrschte, und Clodius Albinus, der seine Basis in Britannien hatte. Deshalb war ein geschichtspolitisches Konstrukt, das den Kurzzeitkaiser Pertinax zum Ankerpunkt erhob, nur bedingt tragfähig. Als belastbarere Alternative erschien es, die eigene Herrschaft direkt in die Kontinuität zu den Antoninen zu stellen, zumal Commodus sich im Heer ungebrochener Popularität erfreute. Nach seinem Sieg im Bürgerkrieg rehabilitierte Severus daher Commodus und erhob ihn unter die Götter. Mehr noch: Er fingierte eine Adoption durch Mark Aurel und nannte sich folglich: *divi Marci filius, divi Commodi frater*[12]. An dem Widerspruch, dass jetzt Commodus und sein direkter, durch die Ermordung des letzten Antoninen in den Purpur gelangter Nachfolger Pertinax in trauter Zweisamkeit im Götterhimmel weilten, störte sich offenbar niemand. Severus jedenfalls konnte gut damit leben, dass sich das geschichtspolitische Paradoxon

[12] *CIL* VI, 1030. Siehe auch Cass. Dio 76.7.4; *Hist. Aug. Severus* 10.6; 11.4.

nicht auflösen ließ, solange er durch die Rehabilitierung des Commodus die Soldaten auf seine Seite zog.

Auch die verspätete Konsekration des Pertinax und Caracallas und die lange nach seinem Tod erfolgte Vergöttlichung des Severus Alexander beziehen aus den politischen Konstellationen nach dem Hinscheiden dieser Kaiser ihren Sinn. Pertinax und Carcalla waren zunächst unerledigte Fälle, weil sich die Nachfolger nicht zu Gedächtnissanktionen durchringen wollten oder konnten, sie aber auch nicht konsekrierten. Durch die nachgeholte Vergöttlichung bei gleichzeitiger Verdammung der Nachfolger wurde sozusagen die historische Ordnung wiederhergestellt: Die Usurpatoren wurden aus der Geschichte ausgeklammert, während man an ihre jetzt als rechtmäßig angesehene Vorgängern anknüpfen konnte. Ein ähnliches Schicksal erwartete Severus Alexander, der allerdings von seinem Nachfolger Maximinus Thrax mit Gedächtnissanktionen belegt worden war und daher rehabilitiert werden musste.

Verglichen mit diesen sechs Sonderfällen mit teils mehrfachen Statusveränderungen waren die übrigen 21 Causae dahingeschiedener Imperatoren eindeutig. Die Entscheidungen sind alle unschwer zu begründen. Während die vergöttlichten Kaiser Augustus, Claudius, Vespasian, Titus, Nerva, Trajan, Hadrian, Antoninus Pius, Mark Aurel, Lucius Verus und Septimius Severus alle entweder die vollständige Kontrolle darüber hatten, wer ihnen nachfolgte, oder doch (Titus) von ihrem Bruder bzw. (Lucius Verus) Mitherrscher überlebt wurden, war die Lage nach Caligulas, Othos, Vitellius‘, Domitians und Getas Ableben eine völlig andere: Sie waren entweder die letzten ihrer Dynastie (Domitian), waren nicht in der Lage, eine Dynastie zu gründen (Otho, Vitellius) oder starben von Mörderhand (Caligula), ohne einen Nachfolger benennen zu können. Geta wurde von seinem Bruder Caracalla überlebt, der zugleich sein Mörder war.

Einen Spezialfall stellt allein Caesar dar, mit dem das Präzedens für alle späteren Konsekrationen römischer Herrscher geschaffen wurde. Für den Sieger von Thapsus und Munda wurden bereits zu Lebzeiten göttliche Ehren beschlossen. Sie gelangten aber, mit Tempel und Priesterschaft, erst Ende 43 v. Chr., nach Abschluss des Triumvirats zwischen dem jungen Caesar, Antonius und Lepidus, zur Ausführung. Treibende Kraft hinter der Implementierung des Staatskults war der junge Caesar, zugleich der Hauptnutznießer dieser Regelung, die ihn zum *Divi filius* werden ließ.

Göttliche Ehren für einen lebenden Menschen waren kein grundsätzliches Novum, als sie für den Diktator Caesar beschlossen wurden. Göttlichkeit war im antiken Polytheismus eine relative, keine absolute Qualität. Sie markierte die Disparität eines eklatanten Ranggefälles: zwischen Sterblichen und Unsterblichen, zwischen Sklaven und Herren, zwischen Beherrschten und Herrschern[13].

IV

Dass sich nach dem Tod bedeutender Männer die Alternative zwischen *memoria* und *oblivio* stellte, ist allerdings eine Disposition, die historisch weit hinter Caesar zurückreicht. Aus den Prestigeinszenierungen der großen Geschlechter der Republik in den Schreinen, in denen man die *imagines maiorum* augstellte, und vor allem im Ritual der *pompa funebris* wurden Vorfahren, deren Karrieren unter dem familiären Erwartungshorizont geblieben waren, systematisch aus der Familienhistorie herausgecancelt. Wer etwa in einer Familie, die lauter Prätoren, Konsuln und Zensoren hervorgebracht hatte, nur bis zur Quästur gelangt war, hatte keine Chance, dass seine *imago* im Leichenzug eines erfolgreichen Nachfahren mitmarschierte[14].

Der dichotomische Umgang mit *memoria* und *oblivio* in der Republik setzte sich in der Kaiserzeit fort und führte Regie bei der Entscheidung, die der Senat über dem erkaltenden Leichnam eines toten Kaisers zu treffen hatte. Wie in der Republik hatte die einmal getroffene Entscheidung weitreichende Folgen für das kollektive Erinnern. Analog zur Senatsentscheidung über Konsekration oder Verdammung eines toten Kaisers kannte die römische Geschichtsschreibung „gute“ und „schlechte“ Kaiser. „Schlechte“ Kaiser waren durch ein streng kodifiziertes Ensemble an Stereotypen markiert, die sogenannte Tyrannentopik, die ihnen sexuell deviantes Verhalten, Maßlosigkeit, Genuss- und Verschwendungssucht, Gier, Geiz und weitere negative Eigenschaften unterstellte. „Gute“ Kaiser waren in allem das Gegenteil: Vor allem hielten sie sich an die einmal durch Augustus etablierten Spielregeln des Prinzipats und erwiesen den

[13] So überzeugend Gradel 2002: 1–26. Zu Caesar ebd., 54–72.

[14] Vgl. Beck 2005, Flaig 2003: 49–68, Flower 1996, Walter 2004: 84–130. Zur Dichotomie zwischen *oblivio* und *memoria* in der Erinnerungskultur der Republik Flower 2006: 55–60.

Senatoren den ihnen gebührenden Respekt als Standesgenossen des Kaisers. Setzt man die Bewertung der Kaiser durch die Historiographie zu den Senatsurteilen in Beziehung, dann ergibt sich folgendes Bild:

Bewertung durch die Historiographie	Gedächtnissanktionen	Gedächtnissanktionen, später revidiert	weder Konsekration noch Gedächtnissanktionen	Konsekration
„gute“ Kaiser		Severus Alexander		Caesar Augustus Vespasian Titus Nerva Trajan Hadrian Antoninus Pius Mark Aurel Pertinax
ambivalente Bewertung	Geta	Galba	Tiberius	Claudius Lucius Verus Septimius Severus
„schlechte“ Kaiser	Caligula Nero Otho Vitellius Domitian Didius Iulianus Macrinus Elagabal	Commodus		Caracalla

Der Befund lässt an Eindeutigkeit nichts zu wünschen übrig: Nur insgesamt sechs Kaiser erhalten durch die kaiserzeitliche Historiographie eine zwiespältige Bewertung: Tiberius, weil die Bewertungen unterschiedlicher Historiographen markant voneinander abweichen, Lucius Verus und Geta, weil sie weitgehend unbeschriebene Blätter sind. In zwei Fällen – Tiberius und Galba – korrespondiert das durchwachsene Echo in der Geschichtsschreibung mit einer im Ergebnis neutralen Bewertung durch den Senat, bei Galba aber erst, nachdem

Gedächtnissanktionen unter Vespasian aufgehoben worden waren. Die Fälle Claudius und Septimius Severus schließlich sind komplizierter gelagert: Die Beurteilung des Severus ist bei dem Zeitgenossen Cassius Dio deutlich düsterer eingefärbt als die der übrigen Chronisten. Etwas weiter auszuholen ist bei Claudius: Sein Bild färbte sich vermutlich unter Nero bereits dunkler ein und erhielt das Timbre der Lächerlichkeit. Abzulesen ist das an der „Apocolocyntosis" des Seneca, der eine Szene konstruiert, die der eingangs geschilderter Debatte über die Apotheose Hadrians auf frappierende Weise ähnelt. In der Satire ist es nicht der irdische Senat, sondern ein dem Senat nachempfundener Götterrat, der über den Status des Claudius zu befinden hat – und ihn schließlich nicht in den eigenen Kreis aufnimmt, sondern in die Unterwelt verstößt. Acta est fabula: Seneca schildert natürlich keine reale Begebenheit, aber die Satire dürfte ein Spiegel der Ridikülisierung sein, die Claudius nach seiner Vergöttlichung widerfuhr[15]. Commodus half langfristig auch seine Rehabilitation durch den Senat nichts: Er blieb für die öffentliche Meinung Roms ein „schlechter" Kaiser. Dasselbe gilt für Caracalla und seine nachgeholte Konsekration vermutlich unter Elagabal.

Ansonsten herrscht große Klarheit. Von den neun Kaisern, die durch den Senat verdammt wurden, galten den römischen Geschichtsschreibern acht einhellig als „schlechte" Herrscher. Und von den 14 in letzter Konsequenz unter die Götter erhobenen Machthabern fanden elf ein überwältigend positives Echo in der Historiographie. Kein einziger der dauerhaft mit Gedächtnissanktionen belegten Principes schaffte es am Ende in die Riege der „guten" Kaiser. Und nur zwei „schlechte" Kaiser waren nach ihrem Ableben, und auch nur unter besonderen Umständen und sozusagen unter Hängen und Würgen, konsekriert worden. Damit ergibt sich ein eindeutiger Befund auch für den Zusammenhang zwischen dem politischen Schicksal von Kaisern und ihrem Nachleben in der veröffentlichten Meinung des Imperiums. Wer seine Herrschaft unter geordneten Verhältnissen an seinen Nachfolger weitergeben konnte, hatte eine signifikant bessere Chance, als „guter" Kaiser in die Geschichte einzugehen als Kaiser, die durch Usurpation oder Attentat zu Fall kamen:

[15] Sen. apocol. 5–11. Vgl. Holzberg 2016, Paschalis 2009.

Bewertung durch die Historiographie	geordnete Herrschaftsübergabe	Sturz durch Usurpation	Sturz durch Attentat
„gute“ Kaiser	Augustus Vespasian Titus Nerva Trajan Hadrian Antoninus Pius	Severus Alexander	Caesar Pertinax
ambivalente Bewertung	Tiberius Claudius Lucius Verus Septimius Severus	Galba	Geta
„schlechte“ Kaiser		Nero Otho Vitellius Didius Iulianus Macrinus	Caligula Domitian Commodus Caracalla Elagabal

V

Die Bewertung durch die römische Historiographie zeitigte Folgen weit über den Tag, ja, über die Antike hinaus. Würde man die Öffentlichkeit heute über das Image einzelner römischer Kaiser befragen, würden noch immer klare Mehrheiten die bekannteren unter den Principes ohne zu zögern in die von Tacitus, Sueton, Cassius Dio, Herodian und der Historia Augusta vorbereiteten Schubladen stecken: Kaum jemand würde behaupten, dass Nero oder Caligula „gute“ und Augustus und Mark Aurel „schlechte“ Kaiser waren. Das Urteil der kaiserzeitlichen Historiographie wird im Wesentlichen von der modernen Geschichtskultur reproduziert: Nero ist im Roman „Quo Vadis“ des polnischen Nobelpreisträgers Henryk Sienkiewicz ebenso ein ausgemachter Schuft wie Commodus in dem Hollywood-Reißer „Gladiator“. Das Urteil der französischen Schriftstellerin Marguerite Yourcenar über Hadrian fällt in ihrem Roman „Mémoires d’Hadrien“ fast einhellig positiv aus. Ein gewisses Maß an Distanz gegenüber den antiken Vorlagen zeigen der Roman „I, Claudius“ des Briten Robert Graves und der von dem Amerikaner John Williams verfasste Briefroman „Augustus“. Für den späteren

Friedensnobelpreisträger Ludwig Quidde eignete sich Caligula vortrefflich als Gegenstand seiner „Studie über römischen Caesarenwahnsinn“ aus dem Jahr 1894. Das Büchlein zielte nicht auf Caligula, sondern auf den deutschen Kaiser Wilhelm II., aber es übernimmt in toto die vermutlich denunziatorischen Urteile der römischen Geschichtsschreiber[16]. Relativ neu sind Versuche der Forschung, die einschlägigen Quellen gegen den Strich zu lesen und so zu neuen Bewertungen zu gelangen, etwa im Fall Caligulas, den eine jüngere Studie als rational und planhaft handelnden Monarchen zeichnet [Winterling 2003].

Trotzdem ist der Befund bemerkenswert, dass die Urteile der antiken Autoren über Jahrtausende Bestand hatten, und das der Tatsache zum Trotz, dass der Erfolg eines Herrschers bei dem Versuch, sein Haus zu bestellen, das Hauptkriterium für seine Bewertung durch die Nachwelt war. So dreht sich eine implizite Prämisse der antiken Autoren geradezu um: Nicht, ob ein Kaiser „gut“ oder „schlecht“ war, entschied darüber, ob es ihm vergönnt war, den Prinzipat geordnet in jüngere Hände zu übergeben, sondern umgekehrt: Der Modus der Nachfolge war ausschlaggebend dafür, welchen Platz ein Kaiser in den Geschichtsbüchern einnahm. Endete die Herrschaft eines Kaisers gewaltsam, dann konnten ihn nur außergewöhnliche Umstände – wie die Machtkonstellation nach Caesars Ermordung oder die spätere Diskreditierung des für ihren Tod verantwortlichen Nachfolgers (wie bei Pertinax und Severus Alexander) vor der ewigen Verdammnis retten. Für eine differenzierende Bewertung ließ das dichotomische Schema des historischen Gedächtnisses, wenn überhaupt, dann höchst selten Raum. Die geschichtspolitische Überwucherung der Erinnerung, wie sie sich hier abzeichnet, lässt ahnen, vor welchen Problemen wir stehen, wollen wir zu den historischen Gestalten der römischen Principes vordringen. Wer Nero oder Trajan wirklich war, werden wir nie wissen.

Literatur

1. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: C.H. Beck, 2006.

2. Beck H. Züge in die Ewigkeit. Prozessionen durch das republikanische Rom // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. Bd. 8. 2005. S. 73–104.

3. Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.

[16] Quidde 1894. Vgl. Holl – Fesser – Kloft 2001, Kloft 2020.

4. Flower H. I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford: Clarendon Press, 1996.

5. Flower H. I. The Art of Forgetting: Disgrace and Oblivion in Roman Political Culture. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 2006.

6. Gotter U. Penelope's Web, or: How to become a bad Emperor post mortem // Antimonarchic Discourse in Antiquity / Ed by H. Börm. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 215–233.

7. Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion. Oxford: Oxford University Press, 2002.

8. Groag E. Iulius 538 // RE. 1918. Bd. 10.1. Hbd. 19. Sp. 882–891.

9. Holl K., Fesser G., Kloft H. Caligula – Wilhelm II. und der Caesarenwahnsinn. Antikenrezeption und wilhelminische Politik am Beispiel des "Caligula" von Ludwig Quidde. Bremen: Temmen, 2001.

10. Holzberg N. Racheakt und ‚negativer Fürstenspiegel' oder literarische Maskerade? Neuansatz zu einer Interpretation der Apocolocyntosis // Gymnasium. Vol. 123. Issue 4. 2016. S. 321–339.

11. Kienast D. Römische Kaisertabelle Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996.

12. Kloft H. Caligula, Ludwig Quidde und der Cäsarenwahn // Genie und Wahnsinn. Konzepte psychischer „Normalität" und „Abnormalität" im Altertum / B. Effe, R. F. Glei (Hrsg.). Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2020. S. 179–204.

13. Krüpe F. Die Damnatio memoriae. Über die Vernichtung von Erinnerung. Eine Fallstudie zu Publius Septimius Geta (189–211 n. Chr.). Gutenberg: Computus, 2011.

14. Michels C. Antoninus Pius und die Rollenbilder des rö.mischen Princeps. Herrscherliches Handeln und seine Repräsentation in der Hohen Kaiserzeit (KLIO, Beihefte, NF., Bd. 30). Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018.

15. Paschalis M. The Afterlife of Emperor Claudius in Seneca's Apocolocyntosis // Numen. Vol. 56. № 2/3. 2009. P. 198–216.

16. Quidde L. Caligula. Eine Studie über römischen Cäsarenwahnsinn. Leipzig: W. Friedrich, 1894.

17. Sommer M. „In mortuum eum a multis multa sunt dicta". Geschichtsschreibung und Geschichtspolitik in der römischen Kaiserzeit // Die Hohenzollerndebatte. Beiträge zu einem geschichtspolitischen Streit / F.-L. Kroll, C. Hillgruber, M. Wolffsohn (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 2021. S. 369–391.

18. Verner E. Mutilation and transformation. Damnatio Memoriae and Roman imperial portraiture. Leiden: Brill, 2004.

19. Vittinghoff F. Der Staatsfeind in der römischen Kaiserzeit. Untersuchungen zur "damnatio memoriae". Berlin: Junker & Dünnhaupt, 1936.

20. Walter U. "Memoria" und "res publica". Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt am Main: Verlag Antike, 2004.

21. Winterling A. Caligula. Eine Biographie. München: C.H. Beck, 2003.

22. Wolfrum E. Nationalstaat und Nationalfeiertag. Gedächtnis und Geschichtspolitik in Deutschland (und Österreich) 1871–1990 // Historicum. Zeitschrift für Geschichte. Frühling 1995. S. 26–29.

23. Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.

24. Zimmermann M. Die "restitutio honorum" Galbas // Historia. Bd. 44. H. 1. 1995. S. 56–82.

Informationen über den Autor

Michael Sommer, Prof. Dr., Professor für Alte Geschichte an der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, Oldenburg, Deutschland; michael.sommer@uni-oldenburg.de

Information about the author

Michael Sommer, Prof. Dr., Professor of Ancient History at the Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany; michael.sommer@uni-oldenburg.de

Информация об авторе

Михаэль Зоммер, профессор, доктор, профессор древней истории в университете г. Ольденбурга им. Карла Осецкого, Ольденбург, Германия; michael.sommer@uni-oldenburg.de

УДК 94(929)

О новых биографиях римских императоров*

А. В. Махлаюк

Аннотация. В статье рассматриваются биографии трех римских императоров – Траяна, Адриана и Августа, недавно опубликованные И. О. Князьким, автором нескольких биографических трудов о правителях Рима. Критический анализ этих трудов приводит к выводу, что по ряду параметров их нельзя признать достаточно удачным опытом, который каким бы то ни было образом вписывался в русло «новой биографической истории». Книги о Траяне и Адриане, разумеется, заполняют пробел в русскоязычной литературе, но в силу конспективности изложения, ограниченности привлеченных источников и новейшей исследовательской литературы не раскрывают в должной мере ни личности этих выдающихся правителей, ни своеобразия их исторической эпохи. Монография об Августе по тем же причинам и в силу имплицитной авторской установки фактически остается преимущественно рассказом об индивидуальной жизни и событиях, но не о том времени, которое стало эпохой, получившей имя героя книги.

Ключевые слова: историческая биография, современная историография, Римская империя, императоры, Траян, Адриан, Август.

On new biographies of Roman emperors

Aleksandr V. Makhlaiuk

Absrtact. The article deals with the biographies of three Roman emperors – Trajan, Hadrian and Augustus, recently published by Igor O. Knyaz'ky, the author of several biographical works about the rulers of Rome. A critical analysis of these works leads to the conclusion that, for a number of parameters, they can not be recognized as a sufficiently successful attempt, which fits by any means into the mainstream of the "new biographical history". Books about Trajan and Hadrian, of course, fill a gap in Russian-language literature, but due to the conciseness of the narrative, the limited sources involved and the incomplete newest research literature, they do not adequately reveal either the personality of these outstanding rulers or the specifics of their historical time. The monograph about Augustus, for the same reasons and due to the implicit author's attitude, actually remains mainly

* Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

© Махлаюк А. В., 2022

a narration of individual life and events, but not about the time that became the epoch which received the name of the hero of the book.

Keywords: historical biography, modern historiography, Roman Empire, emperors, Trajan, Hadrian, August.

По словам Ж. Ле Гоффа, «историческая биография – один из самых сложных жанров исторической науки» [Ле Гофф 2001: 16]. Признанный мэтр исторической науки и автор труда, ставшего эталоном «новой биографической истории»[1], имел в виду биографическое исследование нового типа, предполагающее обращения к ключевым проблемам современного исторического познания, таким как нахождение оптимального сочетания конкретного и глобального, микро- и макроуровня, индивидуального/частного и общественного, индивидуализирующей (антропоцентрической) и генерализирующей ориентаций в историописании. Соответствующий круг методологических вопросов с неослабевающей интенсивностью обсуждается в историографии на протяжении нескольких десятилетий, и предлагаемые ответы – в том числе в виде солидных трудов, реализующих действительно новаторские подходы – дают основания говорить не просто о возрождении историко-биографического жанра и различных вариантах персональной истории, но о «биографическом повороте», о действительно «новой биографической истории»[2]. Основная новация, отличающая это научное направление от привычной «жизни замечательных людей», по мнению Л. П. Репиной, «состоит в том, что в нем личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, "следы" их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким образом используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» [Репина 2010: 56].

[1] Это его труд о короле Людовике IX Святом.

[2] Круг соответствующей литературы к настоящему времени труднообозрим. Ограничимся поэтому указанием только на некоторые (преимущественно русскоязычные) работы: Леви 1996; Репина 1999; 2001; 2010; Ревель 2002; История через личность 2005; Голубович 2007; Историческая биография 2011; Biographie schreiben 2003.

В свете этих дебатов следует констатировать, что историческая биография – с ее всё более четко очерчиваемым подразделением на политическую, интеллектуальную, экзистенциальную, контекстуальную, социокультурную и т. д. – видится в настоящее время как самостоятельное, весьма значимое, востребованное исследовательское направление, которое действительно далеко ушло от конвенциональных жанровых схем и стилистических установок традиционного жизнеописания, преследующего общепросветительские, назидательные или развлекательные цели. Соответствующие методологические поиски и их реализация в конкретных исследованиях задают определенную планку для историко-биографических работ в целом, выдвигая новые критерии их оценки.

Значит ли это, что историко-биографические сочинения в их традиционной форме, не претендующей на особые исследовательские задачи, но остающиеся, по сути, рассказом об индивидуальной жизни по определенным литературным правилам, себя изжили, что такой биографический нарратив есть не более чем «биографическая иллюзия»[3], преодолеть которую как раз и призвана «новая биографическая история»?

Чтобы высказаться по этим вопросам, стоит обратиться к римской императорской биографистике, которая, собственно говоря, никогда не выходила из моды и занимает заметное место в общем потоке специальных и научно-популярных работ по истории Рима. И для этого есть резонные основания.

Вполне очевидно, что политическая история Римской империи как монархического по своей сути государства неизбежно фокусируется вокруг тех людей, которые занимали императорский престол и, даже не будучи «выдающимися личностями» (в традиционном смысле), но обладая огромной властью, оказывались «людьми первого плана», так как имели реальную возможность определять государственную политику и влиять на жизнь миллионов своих подданных. Какими бы ни были объективные ограничения всевластия императоров (будь то недостаточность финансовых и прочих ресурсов, скорость циркуляции

[3] «Биографическая иллюзия» – название известного эссе крупнейшего французского социолога Пьера Бурдье, которое стало одним из отправных пунктов в современной критике историко-биографических исследований. См.: Бурдье 2002 (в оригинале эта работа была опубликована в 1986 г.: Bourdieu 1986).

и полнота доступной информации, сравнительно примитивный управленческий аппарат, прочно укоренившиеся общественные традиции, необходимость считаться с интересами элит и армии, и т. д.), сама система Принципата была устроена так, что в конечном счете именно от личностных качеств правителя в значительной степени зависели и общий стиль властвования, и конкретные политические решения и действия, определявшие ход событий и процессов. Не удивительно поэтому, что и в восприятии современников, и в саморепрезентации императоров, и в античных исторических нарративах императорские доблести или пороки, свершения или злодеяния, а нередко и подробности частной жизни имели первостепенную значимость. Соответственно, уже в Античности становятся востребованными и получают развитие императорские жизнеописания как особый историографический жанр[4], а в других жанрах историописания, освещающих эпоху Империи, существенно повышаются роль и удельный вес биографического элемента, как, например, в труде Кассия Диона[5].

Особый интерес и повышенное внимание и историков, и читающей публики к персональным историям римских властителей, равно как и рассмотрение истории Римской империи через призму отдельных правлений, были унаследованы и современной историографией и сохраняются в настоящее время, способствуя интенсивному «производству» как исследований, нацеленных на приращение исторического знания через разностороннюю историческую контекстуализацию и детальную реконструкцию индивидуальных жизненных траекторий императоров (и императриц[6]), так и работ, которые, следуя конъюнктуре и соблазнам книгоиздательского рынка, ориентируются на широкую аудиторию с ее неослабевающей увлеченностью героями и антигероями прошлого. В лучших своих проявлениях субжанры академически-науч-

---

[4] Об истории и рецепции античного биографического жанра в целом см.: The Oxford Handbook 2020; специально об императорском времени: Portraits: Biographical Representation 1997.

[5] О биографическом элементе в «императорских» книгах «Римской истории» Диона см.: Pelling 1997.

[6] Им тоже посвящено в последнее время немало добротных исследований. Из работ недавнего времени см., например: Barrett 2002; Levick 2007; Kunst 2008; Magnani 2008; Priwitzer 2008; Dennison 2010; Levick 2014; Braccesi 2015; Corey Brennan 2018.

ной и популярной биографии иногда смыкаются, получая благосклонный прием как среди специалистов, так и среди менее искушенных читателей. И это неудивительно, поскольку историческая биография относится к тому синтетическому жанру, «в котором задачи и приемы художественной литературы применяются к историческому исследованию» [Леви 1996: 192]. При этом в римской императорской биографистике – если говорить о работах серьезного научного уровня – осознается и теми или иными путями решается ключевая проблема соотношения между собственно биографией и структурной историей [Zwischen Strukturgeschichte und Biographie 2011].

Не обойдены римские властители и в литературе, доступной русскоязычным читателям. К настоящему времени только в известной биографической серии «Жизнь замечательных людей» представлены девять императоров от Августа до Константина Великого и Юлиана Отступника[7], и, помимо этого, издано немало императорских биографий как сугубо популярного, так и исследовательского характера, написанных отечественными авторами или переведенных на русский язык трудов зарубежных историков[8]. Примечательно, что все эти работы выходят с начала 1990-х гг.; во времена СССР на русском языке не было издано ни одной биографической книги о римских императорах: их истории явно не вписывались в русло советской науки о древности[9], как, впрочем, и сама политическая история императорского Рима,

---

[7] См.: Власов 2001; Мешен 2001; Неродо 2003; Фонтен 2005; Князький 2007 (и 2019a); Князький 2009 (и 2019b); Князький 2018 (и 2012); Князький 2020; Ренуччи 2017.

[8] В их числе научно-популярные биографии основателя Принципата [Шифман 1990 и 2020; Бейкер 2003; Холланд 2010], Гая Калигулы [Нони 1998], Нерона [Дуров 1994; Грант 2002], Тиберия [Бейкер 2004], а также книга М. Гранта об императорах первых двух династий [Грант 1998]. В числе исследовательских работ можно назвать добротные переводные книги: Голдсуорти 2018, Сизек 1998, Уильямс 2014. Исследованию личности Октавиана Августа и созданной им системы посвящены известные монографии В. Н. Парфенова [Парфенов 2001] и Я. Ю. Межерицкого [Межерицкий 2016]. О втором, безусловно, наиболее фундаментальном в отечественной науке, исследовании см. нашу рецензию: [Махлаюк 2017a].

[9] Единственным исключением можно признать книгу Е. В. Федоровой «Императорский Рима в лицах» [Федорова 1979], которая впоследствии неоднократно переиздавалась, но это по преимуществу подборка отрывков из основных нарративных источников о римских императорах.

занимавшая более чем скромное место в отечественном антиковедении. Так или иначе, до сих пор императорская биографистика на русском языке, несмотря на заметное оживление издательской активности в данном направлении, изобилует многочисленными пробелами[10], да и выбираемые для перевода иностранные сочинения не всегда относятся к наиболее интересным и авторитетным трудам.

Среди российских авторов наиболее заметный вклад в биографическую историю римских правителей на протяжении вот уже многих лет вносит профессор Игорь Олегович Князький. Хотя его первоначальная научная специализация далека от римской античности (предметом его кандидатской и докторской диссертаций была этническая история Днестровско-Карпатских земель в Средние века), его перу принадлежат жизнеописания семи императоров – от Августа, которому посвящена только что вышедшая в свет книга [Князький 2022], и до Диоклетиана, ставшего первым героем автора [Князький 1999 и 2010]. К биографиям трех «дурных» принцепсов (Тиберия, Калигулы и Нерона) он недавно добавил книги о двух «добрых» императорах – Траяне и Адриане [Князький 2016 и 2020], что само по себе весьма отрадный факт, поскольку это первые книги на русском языке об этих действительно выдающихся правителях, чьи образы воплощают два нерасторжимых аспекта римской «имперскости»: исконную милитаристскую устремленность к завоеваниям и возвеличиванию воинских доблестей, с одной стороны, и призвание к цивилизаторской миссии, обустройству имперского пространства на основе греко-римского культурного синтеза – с другой. В данном обзоре хотелось бы остановиться на этих двух биографиях вместе с книгой об Августе, которая, судя по ее названию («Император Август и его время»), объему (более 600 страниц) и обозначенному жанру (монография), претендует на то, чтобы расширить рамки сугубо биографического труда. При этом, надо сказать, все названные работы в общем-то написаны в одном ключе, отмечены узнаваемым авторским стилем, имеют общие достоинства и недостатки. Поэтому по некоторым параметрам эти труды можно рассмотреть обобщенно.

[10] В частности, совершенно не представлены императоры династий Флавиев и Северов. О римских императрицах имеются только, так сказать, «коллективные портреты» [Кравчук 2010; Фрейзенбрук 2016].

Сразу следует отметить, что все названные работы[11] написаны отнюдь не в сухом академическом стиле и относятся к научно-популярному роду биографий, предназначенных в первую очередь для широкой читательской аудитории. Впрочем, научный аппарат, включающий библиографию (хотя и очень выборочную и далеко не актуальную, о чем мы скажем ниже), ссылки на источники и исследовательскую литературу, имеется. Однако каких-либо специальных исследовательских задач И. О. Князький не ставит (в том числе и в книге об Августе, в которой, как и в других, нет введения с анализом предшествующей историографии, формулировкой проблем и подходов). Вместе с тем, автору нельзя отказать в известном литературном таланте, позволяющем создать достаточно увлекательное повествование, сочетающее рассказы о событиях и деяниях (особенно яркие и насыщенные там, где позволяют развернуться имеющиеся нарративные источники) с живыми характеристиками жизненного пути и индивидуальных черт главных героев и отдельных персонажей, с которыми их сводила судьба. Соответствующий тон изложения задается и образными названиями глав. Так, книга о Траяне включает такие главы, как «Юные годы в воинском стане», «Под “орлами” Флавиев», «Безупречный путь к трону», «“Человек меча” “человеку тоги”», «По завету Цезаря, по пути Александра». В биография его преемника есть главы «Шаги карьеры: всё выше и выше», «Симфония сената и престола», «Пешком по Империи», «Закат в Тибуре». В книге об Августе, включающей восемь глав, таких названий меньше («Нежданная тетрархия. Вызов “сицилийского владыки”», «Император “золотого века”»). Для оживления повествования пользуется автор и таким приемом, как рассуждения от лица исторического персонажа (ср. прежде всего изложение мыслей Цицерона в книге об Августе [Князький 2022: 103–104]).

Нередко И. О. Князький предоставляет слово античным писателям, приводя более или менее обширные цитаты из их сочинений (хотя иногда и злоупотребляет этим приемом[12]). Разумеется, и в данном

[11] Далее, ради удобства мы будем именовать их соответственно «Траян», «Адриан» и «Август».

[12] Так, в «Траяне» (с. 11) объяснение причин Иудейского восстания 66–74 гг. н. э. дается одной цитатой из Иосифа Флавия, причем в устаревшем

отношении, и в целом с фактографической точки зрения наибольший простор дают личность и деятельность основателя принципата, фигура которого освещена в источниках (в том числе личного происхождения) с такими подробностями, как ни у кого из римских властителей. Всё это, несомненно, важно для решения популяризаторских задач.

Но достаточно ли этого для действительно добротного историко-биографического труда, соответствующего современным представлениям о данном жанре, который в целом далеко ушел от знаменитого плутарховского постулата: «мы пишем не историю, а жизнеописания» (Plut. *Alex*. 1)? Как представляется, такой труд должен, во-первых, не просто очертить тот исторический фон, на котором разворачивалась жизнь и деятельность героя, но как можно глубже уловить и полнее показать взаимосвязь общественно-политических и культурных процессов с индивидуальной жизненной траекторией, переплетение в ней личностно-неповторимого и социально-типичного. Во-вторых, хорошая научно-популярная работа по истории (не только биография) непременно должна отражать текущий уровень науки с точки зрения, как минимум, наиболее важных разрабатываемых тем, идей и оценок, а также учитывать, по возможности, всю совокупность имеющихся на данный момент источников, не ограничиваясь только переложением и комбинированием сведений из основных нарративных трудов. Важен также отбор библиографии, которая должна, с одной стороны, отражать основные достижения и тенденции современной историографии, а с другой – ориентировать желающего углубиться в тему любознательного читателя в наиболее доступной – и по характеру, и по языку – литературе.

С точки зрения этих критериев рассматриваемые книги И. О. Князького уязвимы для критики. Обрисовка исторического фона в целом

переводе Я. Л. Чертка (*B. Iud*. Praef. 2, а не I.2, как в примеч. 26 на с. 136). Большой цитатой из «Панегирика Траяну» Плиния характеризуется служба будущего императора в качестве военного трибуна (с. 23–24). Почти на целую страницу цитируется «Эвбейская речь» Диона Хрисостома в «Адриане» (с. 220). В «Августе» (с. 152–153) полностью приводятся речь Гортензии из «Гражданских войн» Аппиана и обширная глава о строительных проектах принцепса из Светония (с. 520–521). Столь же пространные цитаты приводятся иногда и из работ современных ученых, как, например, немецкого археолога Р. Кекуле об архитектурном облике Афин при Адриане (с. 223–224).

не выходит за рамки общеизвестного, а местами сводится к довольно-таки банальными пояснениям, подчас нарочито затянутым и, на наш взгляд, не всегда уместным, уводящим в сторону от основной линии повествования. Так, на страницах биографии Адриана читатель найдет очерк о римской системе образования (с. 9–13), подробное разъяснение истории плебейского трибуната и претуры (с. 61–64, 69–70)[13], рассказ о римском завоевании Британии от походов Цезаря до восстания Боудикки (с. 143–149), пространный экскурс в греческую мифологию в связи с рассказом о посвящении Адриана в Элевсинские мистерии (с. 172–185) и обширное отступление, предваряющее рассказ об Иудейском восстании 133–135 гг. и посвященное истории взаимоотношений иудаизма и античной цивилизации со времени Александра Великого (с. 228–235).

Иногда же несоразмерно большое внимание уделяется событиям, не имеющим непосредственного отношения к основной линии повествования и главному герою. Например, в «Августе» более чем на восьми страницах рассказывается о заговоре Катилины (с. 14–22), немногим меньше посвящено Галльским войнам Цезаря (с. 33–38). Не удерживается автор от искушения в подробностях остановиться на отношениях Антония и Клеопатры, на перипетиях парфянской кампании триумвира. Тем не менее, стоит отметить живое, дельное повествование о Перузинской войне и противоборстве триумвиров с Секстом Помпеем.

С другой стороны, в некоторых случаях, прежде всего там, где источники скудны, изложение носит конспективный характер, как, скажем, на заключительных трех страницах «Траяна» (с. 133–135), на которых автору удается рассказать и об иудейском восстании в Киренаике, Египте и на Кипре, и о смерти императора, и о приходе к власти Адриана, а также подвести итоги правления «Лучшего принцепса», процитировав при этом оценку «золотого века» Империи, данную Эдуардом Гиббоном, и сонет Романа Славацкого. Такая конспективность присутствует и в «Адриане». В частности, такому важному творению

[13] При этом должность претора, полученную Адрианом после второй Дакийской войны, почему-то называется «новым воинским назначением», чем претура в эпоху Империи никоим образом не была, и сам автор ниже отмечает, что пребывание на этой должности «позволило Адриану глубоко вникнуть в суть римской судебной власти».

Адриана, как Панэллении, уделяется, по сути дела, всего лишь один абзац (с. 166–167). О правовых и законотворческих новациях в правление этого императора говорится более чем бегло: если созданию постоянного эдикта Сальвием Юлианом внимание еще уделено[14], то о других юридических решениях почти ничего не сказано (за исключением законов о заброшенных землях в императорских владениях)[15]. Более того, столь важные для понимания эпохи Адриана феномены, как Греческое возрождение и Вторая софистика, не упоминаются вовсе.

И если в книгах о Траяне и Адриане это еще можно объяснить ограниченным объемом, то при чтении работы об Августе создается впечатление, что, несмотря на вынесение в ее заглавие «его время», это последнее осталось далеко на втором плане, тогда как на переднем – история в основном событийная. Показательно в этом плане, что две трети «Августа» (пять глав из восьми, более 360 страниц) занимает рассказ о пути наследника Цезаря к власти и только треть объема (185 страниц) посвящена деятельности и политике первого принцепса после обретения единоличной власти. В большинстве же биографий Августа соотношение как раз обратное, что вполне закономерно, если принять во внимание масштабы и значимость его преобразований, да и простую хронологию: из прожитых 76 лет Август 44 года находился на вершине власти. В своем описании правления Августа автор останавливается на его реформах и законотворчестве, специфике выстроенной системы власти, включая провинциальное управлением (глава VI «На вершине власти. Обустройство Империи»), на войнах и внешнеполитических мероприятиях (глава VII «Империя расширяет пределы») и культуре Августова века (глава VIII «Император “золотого века”»). При этом заключительная глава – самая короткая: около 35 страниц, тогда как некоторые другие занимают и по 100 страниц с лишком. При такой бросающейся в глаза диспропорции время Августа как ярчайшая культурно-историческая эпоха освещено явно недостаточно, в виде беглого очерка об архитектуре, искусстве и литературе, не выходящего в общем-то за пределы хрестоматийных сведений. Многие

[14] Этот эдикт почему-то именуется «эдиктом о преторской юрисдикции» (с. 211).

[15] Об этой стороне деятельности Адриана см. старую, но вполне основательную работу: Дыдынский 1896.

важные темы, активно изучаемые в новейшей литературе, оказываются вовсе не затронутыми, например, политика памяти[16]. Однако и в более подробных разделах о политических структурах и процессах раннего принципата целый ряд значимых сюжетов обойден стороной, в частности, зарождение такого института, как императорский двор[17], династическая политика Августа[18], отношение элит к его реформам и антимонархическая оппозиция его режиму[19], принцепс как военный лидер[20].

Что касается использования источников, то здесь нельзя не отметить такую общую для всех трех книг черту, как очень скудное обращение к эпиграфическим, нумизматическим и папирологическим свидетельствам. При этом там, где автор на них ссылается или цитирует, они приводятся, что называется, «из вторых рук». Например, в «Траяне» (с. 90) известная надпись Тиберия Клавдия Максима, отличившегося при захвате Децебала, упоминается со ссылкой на книгу С. Дандо-Коллинза «Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи» (М., 2013)[21]; протоколы коллегии Арвальских братьев цитируются по книге Ю. К. Колосовской (с. 64). В «Адриане» (с. 88) упомянута знаменитая надпись центуриона XII Молниеносного легиона Л. Юлия Максима, найденная неподалеку от Баку, с ссылкой на «Латинскую эпиграфику» Е. В. Федоровой. При этом утверждается, что в правление Домициана части этого легиона достигли берегов Каспийского моря, в честь чего и «была оставлена эпиграфическая надпись» (sic!). Такое утверждение вряд ли правомерно, если учесть всю сложность интерпретации этого свидетельства и возможных обстоятельств появления римского

---

[16] См.: Махлаюк 2017b; Galinsky 2016. Для понимания культуры эпохи Августа принципиально важны исследования П. Цанкера [Zanker 1989] и К. Галински [Galinsky 1996], перу которого принадлежат также содержательные работы биографического жанра [Galinsky 2012 и 2013]. Все они остались вне поля зрения И. О. Князького.

[17] См.: Winterling 1999; Sumi 2011.

[18] См.: Hurlet 1997; Knopf 2012.

[19] См.: Rizza 2012; Hurlet 2012 и 2014.

[20] См.: Havener 2016; Powell 2018.

[21] При этом в списке литературы приведена статья М. П. Спейделя [Speidel 1970] с публикацией этой надписи, точнее, ее переиздание в 1 томе избранных работ указанного специалиста, но вместо 1984 года издания называется 1964.

центуриона на территории современного Азербайджана (см. [Смышляев 2018]). Кёльнский папирус с речью Августа в честь Агриппы приводится по переводной работе К. Криста [Князький 2022, 535]. Важная для характеристики времени Второго триумвирата надпись, известная как *Laudatio Turiae* – «Похвала Турии» (*CIL* VI, 1527 = *CIL* VI, 31670 = *CIL* VI, 37053 = *ILS* 8393), автором не использована, хотя давно существует ее перевод на русский язык [Похвала Турии 1970] (см. о ней отличную работу [Osgood 2014]). Число подобных примеров легко умножить. Но, так или иначе, ни в одной из трех книг в списке источников не указано ни одного издания надписей (кроме «Латинских надписей» Е. В. Федоровой); никак не использована и полезная подборка надписей М. Смолвуд, относящихся к правлению Нервы, Траяна и Адриана [Smallwood 1966].

И. О. Князький, действительно, опирается главным образом на нарративные источники, но и они задействованы не в полной мере, в том числе и те, которые переведены на русский язык. Для характеристики личности Августа, безусловно, полезны были бы краткие сведения из сочинения Валерия Максима [Валерий Максим 2020] и в особенности подборка анекдотов и другие свидетельства о первом принцепсе в «Сатурналиях» Макробия [Макробий 2013]. Ряд любопытных эпизодов, связанных с Адрианом, засвидетельствован в «Жизнях софистов» Флавия Филострата [Филострат 2017], каковое сочинение никак нельзя игнорировать для воссоздания культурной атмосферы Второй софистики, расцвет которой как раз и начался в правление императора-эллинофила. То же можно сказать и об «Аттических ночах» Авла Геллия. Несколько ссылок на него есть в примечаниях[22], но имеющийся русский перевод в списке отсутствует, как и издания Плиния Младшего, «Тактики» и «Диспозиции против аланов» Арриана. Как бы отрывочны ни были упоминания Августа, Траяна и Адриана в «Дигестах» Юстиниана, их тоже нельзя не привлечь в рассказе об их деятельности. Разумеется, в случае с Августом без обращения к его собственным речам, правовым решениям и литературным опытам (пусть даже большинство из них дошли до нас только в разрозненных фрагментах) обойтись невозможно, и сравнительно недавние

[22] В примеч. 601 в качестве переводчика «Аттических ночей» указан почему-то М. Л. Гаспаров [Князький 2020: 285].

издания этих фрагментов непременно следовало бы использовать [Augustus: Schriften 2008; Cesare Augusto 2013]. Заметим также, что, ссылаясь на императорские биографии из “Scriptores historiae Augustae”, И. О. Князький указывает авторов отдельных жизнеописаний (Элия Спартиана, Лампридия, Флавия Вописка), нигде не оговаривая, что все они, как давно признано, фигуры вымышленные. Автор, надо сказать, чересчур доверчиво относится к данному источнику и подчас делает на основе его свидетельств необоснованные выводы, например, заявляя на основании того, что Адриан в Каппадокии «взял рабов, которые могли быть полезны для войска» (*SHA. Hadr*. 13.7): «здесь мы видим в очередной раз пример начавшейся варваризации римской армии» [Князький 2020: 224]. Но процитированный пассаж вовсе не показывает, что эти рабы были зачислены на военную службу.

Библиографическое оснащение рассматриваемых книг, мягко говоря, оставляет желать лучшего с точки зрения как выбора многих используемых (и рекомендуемых, как в «Траяне» и «Августе») работ, так и отсутствия целого ряда основополагающих и новейших исследований, что явно делает библиографию out of date и невольно вводит читателей в заблуждение относительно современного состояния науки. Это относится и к общим, и к биографическим трудам. Конечно, к работам научно-популярным в этом плане не применимы те же требования, что к диссертациям или сугубо исследовательским трудам. Тем не менее, некоторые лакуны бросаются глаза, особенно в книге об Августе. Здесь мимо внимания И. О. Князького прошли не только биографии создателя принципата, написанные известными специалистами[23], и значимые труды по интерпретации созданной им системы власти и культурно-историческим процессам его эпохи[24], но также вполне доступные работы общего плана, могущие

[23] Например: Bleicken 1998 и 2015; Cosme 2005; Dahlheim 2010; Yavetz 2010; Richardson 2012; Galinsky 2012 и 2013; Pani 2013; Hoff von den, Stroh, Zimmermann 2014; Pabst 2014; Hurlet 2015.

[24] Если ограничиться только публикациями последних 15–20 лет, то можно указать: Le Principat d’Auguste 2009; Clark 2010; Des réformes augustéennes 2012; Entre mots et marbre 2016; Studi su Augusto 2016; The Alternative Augustan Age 2019. Для понимания восприятия Августа в последующих поколениях и эпохах важна недавняя публикация материалов специально конференции: Afterlives of Augustus 2018.

служить введением в проблематику[25], в том числе на русском языке [Кембриджская история древнего мира 2018]. Все эти работы, думается, могли бы помочь в выборе действительно актуальных и дискуссионных аспектов в освещении эпохи и личности ее главного творца.

То же самое можно сказать и о биографиях Траяна и Адриана, в которых остались не использованными многие интересные и основательные труды, посвященные ряду ключевых моментов их правления: отношению с греческим миром и интеллектуалами [Adriano e la Grecia 2014; Fein 1994], строительной политике [Knell 2010], городами Империи [Boatwright 2000; Carandini, Papi 2019], идеологии и репрезентации императорской власти [Seelentag 2004; Galimberti 2007; Hadrian 2013], иудейским восстаниям против Рима [Horbury 2014; Mor 2016]. В последние два десятилетия появилось немало содержательных коллективных трудов, посвященных этим императорам [Trajano emperador 2000; Adriano emperador 2009], и их новых биографий [Opper 2008; Roman 2008; Turcan 2008; Strobel 2010; Everitt 2010; Morwood 2013]. Справедливости ради отметим, что в «Траяне» использован целый ряд работ румынских историков, которые чаще всего не упоминаются в западных исследованиях.

Надо сказать, что библиографический аппарат всех трех работ, но в особенности «Августа», как в сносках, так и в списках источников и литературы, к сожалению, отличается поразительной (и для солидных издательств недопустимой!) небрежностью оформления, бесчисленными опечатками и ошибками на уровне слабой студенческой работы. Укажем только отдельные примеры. В библиографическом списке античные авторы приводятся в алфавитном порядке, но одни по основному имени, а другие почему-то по личному имени (Гай Светоний Транквилл[26], Гай Юлий Цезарь, Луций Анней Сенека, Луций Анней Флор, Марк Туллий Цицерон, Секст Юлий Фронтин, Тит Ливий). Более того, такая же участь уготована и современным авторам (А. И. Немировский, Ангелос Ханиотис[27], Герман Хафнер,

[25] Это, в частности: Cambridge Companion 2005; Augustus: His Contributions 2009.

[26] В «Августе» (с. 608–609) он попал и в источники, и в исследования, как и Лукреций (с. 612).

[27] Этот исследователь в примечаниях дважды поименован «Ангела Ханиотис» [Князький 2022: 579, примеч. 814, 816].

Джорж Бейкер, Карл Крист и т. д.), которые таким же образом указаны и в примечаниях. Еще досаднее ошибки в авторских именах и названиях работ. Так, Erich Birley оказывается A. R. Birley [Князький 2020: 293], вместо Bowersock написано Bowerso**o**k [Князький 2022: 590, 613], вместо Temporini – T**i**mporini, Дандо-Коллинз становится просто Коллинзом [Князький 2020: 271, 272, 280 и др.], а Ян Ле Боэк – Боэк Ян ле [Князький 2020: 286, 292], Braund – Bra**n**nd, при этом в названии его статьи имя Pharasmanes написано как Pharasmane**c** [Князький 2020: 286, 290, примеч. 812]. В названии энциклопедии Пауля–Виссова вместо Altertumswissenschaft написано Altertums – Wissenschaft [Князький 2016: 143, 157]. Немецкий историк Карл Крист оказывается то Крисом [Князький 2016: 344, примеч. 319], то Криспом [Князький 2022: 602, 603]. Глава Э. Грюена "Augustus and the Making of Principate" из «Кембриджского компаньона к эпохе Августа» [Cambridge Companion 2005] в примечании 1183 и в списке литературы описана как отдельная монография с несуразным названием "Augustus and the Making of the Age of Augustus" и с 2007 годом издания вместо 2005 [Князький 2022: 590, 613]. В названии моей работы «Полисно-республиканские структуры» заменено на «Политико-республиканские» [Князький 2022: 587, 610].

Опечатки – и в именах собственных, и в латинских цитатах – особенно многочисленны в «Августе», на страницах которого читатель встретит и Лу**к**креция (два раза на с. 9), и concordia ordin**e**m (с. 103), и Этруррию (с. 260), и imperium mai**o**s (с. 420, 421), и aer**r**arium (с. 458), и Вифаник вместо Вифиник (с. 149). Немало такого рода погрешностей и в «Адриане», где даже в названии главы 1 вместо schola пишется shola[28], а комиции превращаются в ком**м**иции (с. 211). Иногда подобные описки бывают забавны, как в ссылке на Плутарха, где в названии жизнеописания вместо Антония указан Антиной [Князький 2022: 568].

Допускаются автором и отдельные фактические ошибки и неточности. Так, в «Августе» гельветы названы германским племенем, а не кельтским (с. 34). Октавиан не просто произвел пирата Менодора, перешедшего на его сторону от Секста Помпея, «из либертинов в сво-

[28] Другие примеры: super le**c**es (с. 27), transve**s**tio equitum (с. 29), tribun**e** celerum (с. 129), orbis terrar**i**um (с. 236).

бодного человека... в римского гражданина», но причислил его к всадническому сословию (Cass. Dio XLVIII.45.7). На с. 352 утверждается, что в 36 г. до н. э. Октавиан, получивший трибунскую неприкосновенность и распространивший ее на свою сестру и Ливию, даровал последней «право распоряжаться финансами». Здесь дается ссылка на книгу В. Эка (Eck W. The Age of Augustus. 2nd ed. Oxford, 2007. P. 31), но там ни о чем подобном не говорится, а сам И. О. Князький не разъясняет, что именно он имеет в виду под этим правом. Явной ошибкой является его фраза, относящаяся к Августу: «Саму власть по завещанию он передать сумеет...» (с. 422). Властные полномочия принцепса были, как известно, связаны в первую очередь с проконсульским империем и трибунской властью, которые по наследству не могли быть переданы в принципе. Аналогичным образом сан верховного понтифика и членство в других жреческих коллегиях не делали власть императоров «всеобъемлющей, поскольку укрепляли ее сакрализацию» (с. 461). На с. 350 автор пишет об Октавиане: «воссев, он произнес большую речь». Очень сомнительно, чтобы речи в римском сенате произносились сидя.

Ошибочно утверждение, что Гальба был усыновлен Ливией [Князький 2016: 19]. Вряд ли такой вывод можно сделать из беглого замечания Плутарха о том, что будущий император был в какой-то родственной связи с женой Августа (Plut. *Galb*. 3; у автора эта ссылка отсутствует). Предводитель восстания батавов Гай Юлий Цивилис неточно назван Юлием Клавдием Цивилисом [Князький 2016: 27], т.е. имеет два родовых имени. На с. 30 странно звучит выражение «со времени победного завоевания Иудейской войны» (вероятно, имеется в виду завершение войны). Печально знаменитый senatus consultum Silanianum 10 г. н. э. (а не до н. э., как у автора) о казни в случае убийства хозяина всех рабов, находившихся в это время в доме, назван указом Августа [Князький 2016: 57]. Непонятно, на чем основано утверждение, что Адриан «получил первый военный опыт, проходя службу в местной милиции Италики – городском ополчении» [Князький 2020: 19]. Сведений о существовании такого ополчения нет; можно только предполагать, что на родине будущего император, как и в других городах западной части Империи, существовала collegium iuvenum, объединявшая отпрысков городской знати и предназначенная, помимо прочего, и для начальной военной

подготовки юношей. В «Адриане» (с. 68) сообщается, что Траян «соорудил гигантский амфитеатр, который можно было заполнить водой, чтобы устраивать морские сражения...» Но о таком сооружении ничего неизвестно, и сам И. О. Князький в книге о Траяне о нем не упоминает. Вряд ли правомерно на основе беглого упоминания Аврелием Виктором созданных Адрианом на военный манер корпораций ремесленников (*Epit. de Caes*. 14.5) делать вывод о том, что он «впервые в истории создал в городах Империи профессиональные корпорации» [Князький 2020: 136]. Коллегии ремесленников существовали в Риме со времен царей. Применительно ко времени Адриана не корректно называть Эборак (совр. Йорк) столицей римской Британии [Князький 2020: 152]: он стал центром провинции Britannia Secunda только в III в. н. э. И. О. Князький опрометчиво приписывает Адриану авторство выражения «Вечный город» [Князький 2020: 157], которое восходит еще к элегиям Тибулла (II.5.23). Трудно согласиться с автором, когда он называет Тацита, Светония и Плиния Младшего «величайшими мыслителями Римской империи» [Князький 2020: 191]. Если Тацита еще можно так характеризовать, то зачислять в этот разряд двух его современников – явное преувеличение.

Перечень подобного рода огрехов можно было бы продолжить, но ограничимся сказанным и подчеркнем, что хотя они и не являются критическими, тем не менее свидетельствуют о недостаточной тщательности в работе над текстом.

О наличии собственно исследовательской составляющей и попытках предложить какие-то собственные идеи и критические суждения можно говорить только применительно к книге об Августе. Так, интересны некоторые характеристики личности императора, в частности, подчеркивается его замечательная последовательность в борьбе за мщение убийцам Цезаря и за посмертное торжество его дела и отсутствие тщеславия, ибо действовал он для воплощения в жизнь задуманных планов ради блага римского народа и всей Римской державы [Князький 2022: 124, 553]. Представляет интерес критический разбор оценок в источниках действий и мотивов Октавиана в Перузинской войне (с. 201–205). И. О. Князький решительно выступает за монархическую сущность созданной Августом системы власти, подчеркивая, что его первейшая задача заключалась в превращении унаследованных республиканских институтов «в инструменты недекларируемого монар-

хического правления» (с. 391), в действующие органы монократической власти (с. 554). Выводы в целом верные, но не оригинальные.

Подводя же общий итог, следует сказать, что рассмотренные три императорских биографии по ряду параметров нельзя признать достаточно удачным опытом, который каким бы то ни было образом вписывался в русло «новой биографической истории». Книги о Траяне и Адриане, разумеется, заполняют пробел в русскоязычной литературе, но в силу конспективности изложения, ограниченности привлеченных источников и новейшей исследовательской литературы не раскрывают в должной мере ни личности этих выдающихся правителей, ни своеобразия их исторической эпохи. Монография об Августе по тем же причинам и в силу имплицитной авторской установки фактически остается преимущественно рассказом об индивидуальной жизни и событиях, но не о том времени, которое стало эпохой, получившей имя героя книги. Оценивая эту работу, трудно выделить какие-либо ее достоинства в сравнении с теми трудами, которые уже имеются на русском языке.

Список литературы

1. Бейкер Дж. П. Август. Первый император Рима / пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

2. Бейкер Дж. П. Тиберий. Преемник Августа / пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

3. Бурдье П. Биографическая иллюзия / пер. Е. Ю. Мещеркиной // Интер. 2002. № 1. С. 75–81.

4. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с лат., коммент., вступ. ст. и прил. А. М. Сморчкова. М.: РГГУ, 2020.

5. Власов С. М. Константин Великий. М.: Молодая гвардия, 2001.

6. Голдсуорти А. Октавиан Август. Революционер, ставший императором / пер. с англ. А. В. Короленкова. М.: Издательство АСТ, 2018.

7. Голубович И. В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). Одесса: СПД Фридман, 2007.

8. Грант М. Двенадцать цезарей / пер. с англ. Д. Мишина. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998.

9. Грант М. Нерон. Владыка земного ада / пер. с англ. О. Д. Сидоровой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.

10. Дуров В. С. Нерон, или Актер на троне. СПб.: Алетейя, 1994.

11. Дыдынский Ф. М. Император Адриан: Историко-юридическое исследование. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1896.

12. Историческая биография: Современные подходы и методы исследования : сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Ю. В. Дунаева. М., 2011.

13. История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2005.

14. Кембриджская история древнего мира. Т. X. Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э.: в 2 полутомах / Под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотга; перев. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М.: Ладомир, 2018.

15. Князький И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

16. Князький И. О. Нерон. М.: Молодая гвардия, 2007.

17. Князький И.О. Калигула. М.: Молодая гвардия, 2009.

18. Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб.: Алетейя, 2010.

19. Князький И. О. Тиберий. Третий Цезарь, второй Август. СПб.: Алетейя, 2012.

20. Князький И. О. Император Траян. СПб.: Алетейя, 2016.

21. Князький И. О. Тиберий. М.: Молодая гвардия, 2018.

22. Князький И. О. Нерон. М.: Молодая гвардия, 2019. (Князький 2019a)

23. Князький И. О. Калигула. М.: Молодая гвардия, 2019. (Князький 2019b)

24. Князький И. О. Адриан. М.: Молодая гвардия, 2020.

25. Князький И. О. Император Август и его время. СПб.: Алетейя, 2022.

26. Кравчук А. Галерея римских императриц / пер. с польск. Е. В. Смирновой. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

27. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / пер. с фр. В. И. Матузовой; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Ладомир, 2001.

28. Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 191–207.

29. Макробий Феодосий. Сатурналии / пер. с лат. и древнегреч. В. Т. Звиревича; общ. ред., составление, вступит. статья М. С. Петровой; примечания и указатели М. С. Петровой, В. Т. Звиревича; приложения М. С. Петровой. М.: Кругъ, 2013.

30. Махлаюк А. В. Реставрация как революция (Я. Ю. Межерицкий. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016) // ВДИ. 2017. Т. 77. № 2. С. 450–458. (Махлаюк 2017a)

31. Махлаюк А. В. «Что скажет о нас история?..» О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа // Исторический вестник.

2017. Т. 19 (Рим: dominatio civilis / под общей ред. А. Л. Смышляева). С. 170–225. (Махлаюк 2017b)

32. Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

33. Мешен Ж. Император Юлиан, или Опаленная мечта / пер. с фр. Э. М. Драйтовой; предисл. М. В. Бибикова; науч. ред. Э. Г. Юнца. М.: Молодая гвардия, 2001.

34. Неродо Ж.-П. Август / пер. с фр. Е. В. Головиной; предисл. Т. А. Бобровниковой. М.: Молодая гвардия, 2003.

35. Нони Д. Калигула / пер. с фр. А. Иванова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

36. Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб.: Алетейя, 2001 (переиздано в 2017 г.).

37. Похвала Турии / пер. и комм. В. О. Горенштейна // ВДИ. 1970. № 4. С. 217–223.

38. Ревель Ж. Биография как историографическая проблема / пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002.

39. Репина Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С. 76–100.

40. Репина Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. М.: ИВИ РАН, УРСС, 2001. С. 5–12.

41. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 55–74.

42. Ренуччи П. Клавдий: Нежданный император / пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 2017.

43. Сизек Э. Нерон / пер. с фр. Э.В. Шафировой. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

44. Смышляев А. Л. Латинская надпись из Азербайджана: проблемы и история интерпретации // ВДИ. 2018. № 3(78). С. 581–610.

45. Уильямс С. Диоклетиан. Реставратор Римской империи / пер. с англ. И. И. Хазановой. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014.

46. Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М.: Изд-во МГУ, 1979.

47. Флавий Филострат. Жизни софистов / под общим руководством Е. Г. Рабинович. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

48. Фонтен Ф. Марк Аврелий / пер. с фр. Н. Н. Зубкова. М.: Молодая гвардия, 2005.

49. Фрейзенбрук А. Первые леди Рима / пер. с англ. Н. Я. Тартаковской. М.: АСТ, 2016.

50. Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы / пер. с англ. Е. Корягина. М.: АСТ; Астрель, 2010.

51. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990.

52. Шифман И. Ш. Цезарь Август. М.: Ломоносовъ, 2020.

53. Adriano e la Grecia: Villa Adriana tra classicità ed ellenismo: la mostra / A cura di E. Calandra, B. Adembri. Milano: Electa, 2014.

54. Adriano emperador de Roma / A cura di J. González Fernández e P. Pavòn Torrejòn. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2009.

55. Afterlives of Augustus, AD 14–2014 / Ed. by P. J. Goodman. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

56. The Alternative Augustan Age / Ed. K. Morrell, J. Osgood, K. Welch. Oxford: Oxford University Press, 2019.

57. Augustus: His Contributions to the Development of the Roman State in the Early Imperial Period / Ed. J. C. Edmondson. Edinburgh, 2009.

58. Augustus: Schriften, Reden und Aussprüche / Hrsg., übers. u. komm. von K. Bringmann und D. Wiegandt. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2008.

59. Barrett A. Livia, First Lady of Imperial Rome. New Haven; London: Yale University Press, 2002.

60. Biographie schreiben / Hg. H. E. Bödeker. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003.

61. Bleicken J. Augustus: Eine Biographie. Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998.

62. Bleicken J. Augustus: The Biography / Trans. A. Bell. London: Allen Lane, 2015.

63. Boatwright M. T. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000.

64. Bourdieu P. L'illusion de la biographique // Actes de la recherches en sciences sociales. 1986. Vol. 62/63. P. 69–72.

65. Braccesi L. Agrippina, la sposa di un mito. Roma; Bari: Laterza, 2015.

66. The Cambridge Companion to the Age of Augustus / Ed. K. Galinsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

67. Carandini A., Papi E. Adriano. Roma e Atene. Milano: UTET, 2019.

68. Cesare Augusto Imperatore. Gli atti compiuti e i frammenti delle operes / A cura di L. De Basi e A. M. Ferrero. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 2013.

69. Clark M. D. H. Augustus, First Roman Emperor. Power, Propaganda and the Politics of Survival. Exeter: University of Exeter Press, 2010.

70. Corey Brennan T. Sabina Augusta: An Imperial Journey. Oxford: Oxford University Press, 2018.

71. Cosme P. Auguste. Paris: Perrin, 2005.

72. Dahlheim W. Augustus. Aufrührer, Herrscher, Heiland. Eine Biographie. München: Beck, 2010.

73. Dennison M. Livia. Empress of Rome: A Biography. New York: St. Martin's Press, 2010.

74. Entre mots et marbre. Les metamorphoses d'Auguste / Éd. S. Luciani, P. Zuntow. Bordeaux: Ausonius, 2016.

75. Everitt A. Hadrian and the Triumph of Rome. New York: Random House Publishing Group, 2010.

76. Fein S. Die Beziehungen der Kaiser Trajan und Hadrian zu den litterati. Stuttgart: Teubner, 1994.

77. Galimberti A. Adriano e l'ideologia del principato. Roma: "L'Erma" di Bretschnejder, 2007.

78. Galinsky K. Augustan Culture. An interpretive introduction. Princeton: Princeton University Press, 1996.

79. Galinsky K. Augustus. Introduction to the Life of an Emperor. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

80. Galinsky K. Augustus. Sein Leben als Kaiser. Darmstadt: von Zabern, 2013.

81. Galinsky K. Memory and forgetting in the age of Augustus. The 2014 Todd Memorial Lecture. Sydney: University of Sydney, 2016.

82. Hadrian: Art, Politics and Economy / Ed. T. Opper. London: The British Museum Press, 2013.

83. Havener W. Imperator Augustus: Die diskursive Konstituierung der militärischen persona des ersten römischen princeps. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016.

84. Hoff von den R., Stroh W., Zimmermann M. Divus Augustus. Der erste römische Kaiser und seine Welt. München: Beck, 2014.

85. Horbury W. Jewish war under Trajan and Hadrian. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

86. Hurlet F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. De la légalité républicaine à la légitimité dynastique. Rome: École Française de Rome, 1997.

87. Hurlet F. Représentations et conscience de la réforme au sein de l'aristocratie augustéenne // Des réformes augustéennes: Actes du colloque organisé par l'ÉFR à Rome les 28 et 29 septembre 2009 / Éd. Y. Rivière. Rome: Collection de l'École Française de Rome, 2012. P. 11–35.

88. Hurlet F. L'aristocratie romaine face à la nouvelle Res publica d'Auguste (29–19 av. J.-C.): entre réactions et négociations // Lo spazio del non-allineamento a Roma fra Tarda Repubblica e Primo Principato / Éd. R. Cristofoli, A. Galimberti, F. Rohr Vio. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2014. P. 117–142.

89. Hurlet F. Auguste: Les ambiguités du pouvoir. Paris: Armand Colin, 2015.

90. Knell H. Kaiser Trajan als Bauherr. Macht und Herrschaftsarchitektur. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2010.

91. Knopf F. Die Ehepolitik des Augustus (Octavian): Eine Untersuchung zu den Eheschließungen innerhalb der “domus Augusta”. Marburg: Tectum Wissenschaftsverlag, 2012.

92. Kunst C. Livia: Macht und Intrigen am Hof des Augustus. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2008.

93. Levick B. M. Julia Domna. Syrian Empress. London; New York: Routledge, 2007.

94. Levick B. M. Faustina I and II: Imperial Women of the Golden Age. Oxford: Oxford University Press, 2014.

95. Magnani A. Giulia Domna: Imperatrice filosofa. Milano: Jaca Book, 2008.

96. Mor M. The Second Jewish Revolt. The Bar Kokhba War, 132–136 CE. Leiden; Boston: Brill, 2016.

97. Morwood J. Hadrian. London; New York: Bloomsbury Publishing, 2013.

98. Opper T. Hadrian: Empire and Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2008.

99. Osgood J. Turia: A Roman Woman’s Civil War. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014.

100. The Oxford Handbook of Ancient Biography / Ed. K. de Temmerman. Oxford: Oxford University Press, 2020.

101. Pabst A. Kaiser Augustus. Stuttgart: Philipp Reclam, 2014.

102. Pani M. Augusto e il principato. Bologna: Il Mulino, 2013.

103. Pelling C. B. R. Biographical History? Cassius Dio on the Early Principate // Portraits: Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire / Ed. M. J. Edwards, S. Swain. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 117–144.

104. Portraits: Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire / Ed. M. J. Edwards, S. Swain. Oxford: Oxford University Press, 1997.

105. Le Principat d’Auguste. Réalités et représentations du pouvoir. Autour de la Res publica restituta / Éd. F. Hurlet, B. Mineo. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009.

106. Powell L. Augustus at War: The Struggle for the Pax Augusta. Barnsley: Pen & Sword Books, 2018.

107. Priwitzer S. Faustina minor – Ehefrau eines Idealkaisers und Mutter eines Tyrannen. Quellenkritische Untersuchungen zum dynastischen Potential, zur Darstellung und zu Handlungsspielräumen von Kaiserfrauen im Prinzipat. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2008.

108. Des réformes augustéennes / Éd. Y. Rivière. Rome: École française de Rome, 2012.

109. Richardson J. S. Augustan Rome 44 BC to AD 14: the Restoration of the Republic and the Establishment of the Empire. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

110. Rizza G. Opposizione e dissenso nell'età augustea. Pisa: Edizioni ETS, 2012.

111. Roman Y. Hadrien: l'empereur virtuose. Paris: Payot &Rivages, 2008.

112. Seelentag G. Taten und Tugenden Traians: Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004.

113. Smallwood E. M. Documents illustrating the Principates of Nerva, Trajan, and Hadrian. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

114. Speidel M. The Captor of Decebalus: a New Inscription from Philippi // JRS. 1970. Vol. 60. P. 142–153.

115. Strobel K. Kaiser Traian. Eine Epoche der Weltgeschichte. Regensburg: Friedrich Pustet, 2010.

116. Studi su Augusto in occasione del XX centenario della morte / A cura di G. Negri, A. Valvo. Torino: G. Giappichelli editore, 2016.

117. Sumi G. Ceremony and the Emergence of Court Society in the Augustan Principate // AJPh. 2011. Vol. 132. No. 1. P. 81–102.

118. Trajano emperador de Roma / Ed. J. Gonzalez. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2000.

119. Turcan R. Hadrien: souverain de la romanité. Dijon: Éd. Faton, 2008.

120. Winterling A. Aula Caesaris. Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr.–192 n. Chr.). München: R. Oldenburg, 1999.

121. Yavetz Z. Kaiser Augustus. Eine Biographie. Reinbek: Rowohlt, 2010.

122. Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989.

123. Zwischen Strukturgeschichte und Biographie: Probleme und Perspektiven einer neuen Romischen Kaisergeschichte 31 v. Chr. – 192 n. Chr. / Hrsg. A. Winterling. München: Oldenbourg Verlag, 2011.

Информация об авторе

Махлаюк Александр Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия; makhl@imomi.unn.ru

Information about the author

Alexander V. Makhlaiuk – Dr. Sci. (History), Professor, Chair of the Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation; makhl@imomi.unn.ru

УДК 94(37).07

Проблема безопасности в императорском Риме: взгляд Ч. Риччи

Е. С. Данилов

Аннотация. В данном очерке представлен критический обзор монографии итальянской исследовательницы Чечилии Риччи «Безопасность в римское время: Рим, Италия и императоры». Выделяется отношение ученой к securitas как органичной части политического дискурса первых веков нашей эры. Подчеркивается значение «плана безопасности» Октавиана Августа в теоретических построениях антиковеда. Обращается внимание на стремление автора свести проблему безопасности к решению вопросов военной сферы.

Ключевые слова: Римская империя, Италия, принципат, безопасность, Ч. Риччи.

Security in Imperial Rome according to C. Ricci

Evgeniy S. Danilov

Abstract. The essay contains a critical review of *Security in Roman Times: Rome, Italy and the Emperors*, a book by the Italian scholar Cecilia Ricci. The reviewer notes that C. Ricci regards *securitas* as an integral part of the political discourse of first centuries AD, emphasizes that her theoretical constructs are largely based on Octavian's 'security plan', and pays attention to the author's inclination to restrict the problem of security to military issues.

Keywords: Roman Empire, Italy, principate, safety, C. Ricci.

Среди морально-нравственных категорий римских граждан было немало таких, которые находили выражение в практической жизни цивитас, затрагивая религию, политическую деятельность, военную сферу, социально-экономические отношения. В мировой историографии к этическим идеалам квиритов прослеживается пристальное внимание антиковедов. Из исследований последних лет можно назвать работы К. Балмаседа о virtus, Д. Миано о fortuna, Дж. Вальдитара и др. об auctoritas, коллективные монографии о fides, libertas, spes [Balmaceda 2017, Miano 2018; Kazantzidis, Spatharas 2018; Augoustakis, Buckley, Stocks 2019; Balmaceda 2020; David, Hurlet 2020; Valditara 2021]. К данной

© Данилов Е. С., 2022

череде изданий относится также книга Чечилии Риччи «Безопасность в римское время: Рим, Италия и императоры» [Ricci 2018].

Ч. Риччи является профессором Университета Молизе (г. Кампобассо, Италия). Её основные научные интересы (вооруженные силы Рима в первые два века Империи, отношения между военными и гражданскими лицами, погребальные обряды, эпиграфические источники) нашли отражение в рассматриваемом труде и позднейших публикациях [Ricci 2019, 2020].

Концепт «безопасность» стал предметом исследования исторической науки гораздо раньше появления теоретических выкладок Люсьена Февра и антропологического поворота 1960-х годов[1]. «Безопасность» как абстрактная идея, философская категория и политическое понятие возникает в антиковедческих штудиях ещё в первой половине прошлого столетия. Если же брать во внимание не только ментальный, но и утилитарный аспект, то нижняя хронологическая рамка захватит конец XIX века[2]. В последние десятилетия эта историографическая традиция крепнет, растет число приверженцев security studies [Данилов 2020; Ковалев 2021].

В преамбуле (p. VIII–XII) к своей монографии Ч. Риччи отмечает, что после гражданских войн I в. до н. э. начался новый этап истории Римского государства, когда принцепсы взяли на себя роль гарантов мира и безопасности. По мнению автора, императоры реализовывали в этом направлении некий план, который с течением времени корректировался и охватывал всю Италию в период от Юлиев-Клавдиев до Северов включительно. Своё намерение Ч. Риччи определяет следующим образом: отвлечься от абстрактных предположений об идее общественного порядка, свойственного римлянам, и рассмотреть её в русле тех насущных потребностей, которые стояли перед populus Romanus и его лидерами. Она задаётся вопросом: что Октавиан Август делал для обеспечения своей безопасности и защищенности сограждан? Цель автора заключалась

[1] Проблема обеспечения безопасности поднималась Л. Февром в контексте размышлений о материальной жизни людей Средневековья [Февр 1991: 105–106, 196, 218, 299–300].

[2] Сама Ч. Риччи считает одним из своих предшественников Отто Хиршфельда, выпустившего в 1891 г. статью под названием «Полиция безопасности Римской империи» [Hirschfeld 1891; Ricci 2018: 3].

в том, чтобы проследить эволюцию дискурса безопасности в имперский период, начиная со слов, которые его выражали, протагонистов, которые его продвигали, и мест, где он был реализован.

Книга делится на 4 части и 10 глав. Она содержит 12 чёрно-белых иллюстраций, заключение, библиографический список (p. 259–291) и глоссарий (p. 292–300).

Часть I. От общественного порядка к безопасности

Глава 1. Исследования вооруженных сил и общественного порядка в Риме и Италии от Республики к принципату: точки зрения (p. 3–22)

В данной главе автор комментирует исследования по римской истории, в которых разбирается вопрос соблюдения общественного порядка в Вечном городе. Читателям представляется обзор различных военных подразделений и военизированных формирований, действующих в столице империи от Августа до Константина Великого. Последовательно характеризуются труды историков, сделавших вклад в рассмотрение проблемы предотвращения и подавления беспорядков в римском обществе. Особенно выделяются работы следующих учёных: Э.У. Линтотт, В. Ниппель, М. Дюрри, А. Пассерини, П.К.Б. Рейнольдс, Р. Саблайролс, Э. Эколс, Х. Фрейс, Х. Беллен, М. Спейдель, А.В. Буш. Автор стремится фиксировать то, в каком контексте перечисленные и другие коллеги употребляют выражения «общественный порядок», «полицейский аппарат», «частная безопасность». С точки зрения Ч. Риччи, ни одна из работ, описанных в обзоре, не представляет полной картины того, как обеспечивалась безопасность императора и cives Romani в общественных местах Города.

Глава 2. Между Pax, Disciplina и Securitas: смещение фокуса (p. 23–30)

Термин disciplina Ч. Риччи использует с подачи Хелен Менар, которая считает, что он наиболее близок к понятию «порядок» и означает социальное поведение тех, кто осознает важность принятых в обществе норм и правил. Седрик Брелаз выявил общие коннотации между disciplina publica и pax. Переход к принципату обычно видится фазой, когда общественный порядок в Риме больше

не возлагался исключительно на действие законов и активность магистратов. Ч. Риччи пытается понять, насколько стремление принцепсов к власти способствовало созданию «гарнизонов Рима». Целью императоров было обеспечение безопасности своей персоны и защита жителей Рима. Securitas Augusti et populi Romani стала внутренней предпосылкой для Pax Romana.

Глава 3. Безопасность Рима и безопасность императора: медленное развитие дискурса и его превращение в коммуникативный инструмент (p. 31–69)

Размышления ученых Новейшего времени (от Л. М. Хартманна до Дж. Т. Гамильтона) о древней концепции безопасности основаны на широком комплексе источников. Историки выделили два существенных значения securitas: «отсутствие забот» и, как производное, «защита личности». Первое значение этого слова является самым древним, и его корни можно проследить до эпикурейской концепции ἀταραξία, что частично соответствует стоическому ἀπάθεια. Ч. Риччи не соглашается с мыслью Фридриха Арендса о том, что дискурс секуритас переоценен исследователями, которые стали жертвами ретроспекции соображений, возникших в эпоху Томаса Гоббса. Автор настаивает на том, что securitas – это центральная политическая проблема Римской империи. Секуритас изначально определялась как условие, относящееся к частной сфере, имеющее философское наполнение. Его значение затем изменилось и секуритас стала рассматриваться как фундаментальный атрибут человека в общественной сфере. Безопасность больше не являлась только отсутствием проблем и негативных событий, но была залогом политической стабильности и социального мира с принцепсом в качестве гаранта. Политическое значение секуритас также имело место, когда сенаторское сословие считало, что его безопасности и сохранению его прерогатив угрожает поведение императора.

Ч. Риччи обращается к трудам Цицерона и Лукреция, чтобы проиллюстрировать как секуритас постепенно выходит из частной сферы. Securitas как психологическое состояние обеспечивает способность справляться с волнениями и заботами, характерными для активной политической жизни. Она является желанным активом для гражданина и государственного деятеля. Как показывает автор,

Цицерон и эпикурейцы помогли обеспечить философскую и идеологическую поддержку пригодности, необходимости и абсолютной легитимности режима Августа, а также его действиям по восстановлению общественного порядка. В период от Лукреция до Овидия литература с непрерывностью выражает стремление к миру и личной безопасности, связывая securitas, tutela и salus. Меры, принятые Октавианом и его сподвижниками создали связь между этими ключевыми понятиями и принцепсом, который гарантировал их возвращение. В конечном счёте, секуритас также означала делегирование целого ряда прав и свобод: это была цена, которую необходимо было заплатить за безопасность.

Securitas стала одним из стержней философской системы Сенеки. Она, по мнению стоика, основывается на взаимном доверии между людьми и подкрепляется милосердием цезаря. Власть правителя смягчается его уважением к правам и свободам народа, являющимся реальной основой для всеобщей безопасности[3]. Ко времени Нерона отношение между securitas Augusti и securitas publica определялось поведением принцепса. Секуритас начинает часто появляться на монетной чеканке, становясь лексемой политической коммуникации. При последнем из Юлиев-Клавдиев она выступает как качество императора, обеспечивающее безопасность и в то же время как божественная добродетель, защищающая принцепса. При Гальбе Секуритас сигнализирует о прекращении тирании Нерона. Секуритас идентифицируется с той манерой управления, которая благоприятно оценивается правящим классом Рима. Отныне хороший принцепс гарантирует уважение к ius, сенату, собственности и безопасности римских граждан. Протагонисты менялись (Отон, Вителлий, Веспасиан), но коммуникативная система оставалась той же: модное слово лишь обогатилось новыми монетными легендами. В неспокойный период 68–69 гг. две обожествленные персонификации, Секуритас и Тутела, разделяли значительную роль в политическом общении. Они получили своё собственное олицетворение и приобрели пропагандистское пространство.

[3] Дополнительно по представлениям Сенеки Младшего о безопасности см.: Перси 2012: 178–181, Hasic 2015–2016.

Важным условием безопасности являлась политическая и экономическая стабильность, а также непрерывность управления: Гальба усыновил Пизона после смерти Нерона, Нерва принял Траяна после убийства Домициана. Начиная с Траяна интересующее нас слово активно используется в различных контекстах и грамматических формах. При поздних Антонинах securitas постепенно теряет свою коммуникативную значимость, но в самом конце II в. становится лозунгом новой династии, ищущей пути легитимации обретенной власти. В пропаганде Северов securitas увязывается с императорской indulgentia. Ещё раньше, фигурируя в эпиграфических надписях, она вплетается в погребальные формулы. При Августе, как пишет Ч. Риччи, безопасность была целью многогранного и конкретного плана действий. При Северах лозунг Securitas Saeculi лишь замаскировал нарушение баланса в отношениях между императором, сенатом и народом.

Часть II. Рождение диспозитива

Вторая часть книги хронологически имеет ту же отправную точку, что и предыдущая – эпоха гражданских войн на закате Республики. В самом заголовке «The birth of a dispositive» чувствуется влияние терминологии Мишеля Фуко. В его философии диспозитив – это гетерогенная совокупность дискурсов, институций, регламентирующих решений, законов, административных мер, а также научных, философских и моральных сентенций. Её важнейшей, стратегической, функцией и в то же время сутью является формирование ответа на некоторую неотложность, актуальные вызовы времени[4].

[4] Понятие «диспозитив» наиболее обстоятельно рассмотрено М. Фуко на материале истории сексуальности. Из этой же темы выросли выражения «диспозитив власти», «диспозитив подчинения» и «политический диспозитив» [Фуко 1996: 148, 174, 185, 205, 257, 258, 268, 367–369, 373]. Безопасность же связана с системой правовой законности, дисциплинарной техникой, наблюдением за индивидами, механизмами социального контроля и власти [Фуко 2011: 20–26, 98]. М. Фуко обычно представлял ту или иную проблему на исторических примерах, начиная с эпохи Средневековья. Безусловно, для него характерны и обращения к опыту античных культур, но это не касается проблемы безопасности. Тем не менее, можно спрогнозировать, что словосочетание «диспозитив безопасно-

Введение: уголовное законодательство Августа и военные реформы (p. 73–88)

Идея res publica, продвигаемая Октавианом, носила старое название, но была обновленной по содержанию. Как известно, секрет успеха Августа заключался в сложном сочетании традиций и инноваций, формального уважения к республиканским органам власти и авторитаризма. Существенным для его пропаганды была передача сообщения о социальном умиротворении. Как можно было успокоить жителей Италии, травмированных отсутствием безопасности? Какой дискурс должен был быть принят, чтобы обеспечить необходимое спокойствие? Ч. Риччи сосредотачивается на различных законодательных инициативах принцепса: lex de maiestate, lex de collegiis, lex de annona. По ее мысли, меры против нарушения maiestas populi Romani et principis являлись основополагающим элементом политики Августа в области безопасности. Этот базис стал обрастать надстройкой после усиления дисциплины в армии, появления вигилов, создания военного эрария, разграничения функций городских и преторианских когорт, а также активизации борьбы с разбойниками, незаконными коллегиями и новыми религиозными веяниями.

Глава 4. Безопасность принцепса в Риме: военный эскорт и телохранители (p. 89–104)

Между республиканскими телохранителями и преторианской гвардией Октавиана существовала значительная разница. Преемственность заключалась в необходимости защиты личности Августа как магистрата с империем; разрыв состоял, прежде всего, в образе власти, которую представлял Август и его семья. Ч. Риччи кратко останавливается на полномочиях преторианцев, speculatores и corporis custodes. Они должны были защищать резиденцию принцепса, предотвращать беспорядки, поддерживать спокойствие в местах скопления народа, если там присутствовал император. Охрана сопровождала принцепса на театры военных действий, участвовала в арестах представителей сенаторской элиты и могла быть задействована при чрезвычайных ситуациях,

---

сти» будет чаще появляться в исследованиях, затрагивающих классическую древность. Примеры этого процесса уже существуют [Folkers 2020: 16].

например, пожарах. Иногда представителей указанных служб можно было видеть в роли палачей и шпионов.

Глава 5. Безопасность городской территории и её жителей: гражданский, полувоенный и военный персонал (p. 105–118)

В этом разделе внимание уделено взаимодополняемости сил, патрулирующих улицы и ключевые районы Рима. В ходе административной реорганизации Город был разделен на 14 регионов и 265 кварталов. Это делалось для обеспечения безопасности и налаживания повседневной жизни. Под выражением securitas populi Romani автор подразумевает безопасность в общественных местах для жителей города. Повествование ведётся о vicomagistri и vicominstri. Наиболее интересен Ч. Риччи вопрос о взаимодействии, которое имело место между викомагистрами, вигилами и городскими когортами. Рассматриваются противопожарная деятельность и ночное дежурство.

Часть III. Тестирование диспозитива

В указанной части Ч. Риччи попыталась пролить свет на то, что было сохранено и изменено в «плане Августа» его преемниками. Диспозитив подразумевает некий порядок, налаженный механизм, определенное устройство. Конечной целью диспозитивного режима является обеспечение коллективной безопасности.

Введение: безопасность принцепса и городских пространств в Риме от Тиберия до Северов (p. 121–139)

Автор представляет основные направления политики императоров в отношении городских войск и плана обеспечения безопасности Рима. Чтобы реконструировать эволюцию дискурса о безопасности, установить преемственность и разрывы, Ч. Риччи использует определенные «индикаторы»: удаление нежелательных лиц из столицы; создание stationes внутри померия и на подступах к нему; строительство казарм для размещения преторианцев, спекуляторов и солдат городских когорт; изменения в командной иерархии вигилов; рост влияния praefectus Urbi и praefectus vigilum. Создание equites singulares Augusti было последним элементом организационной схемы securitas principis и произошло через несколько десятилетий после отмены corporis custodes. Новые конные солдаты, набранные в основном

в германских, дунайских и балканских провинциях, были сформированы после фазы, при которой функции телохранителей, скорее всего, выполняли гражданские лица. Numerus equitum singularium, по-видимому, является продуктом изменившихся исторических условий и потребности императоров в создании войск разностороннего профиля. Члены династии Северов замкнули круг реформ: обновление преторианской гвардии, размещение II Парфянского легиона в Альбануме.

Глава 6. Топография безопасности и опасных мест: с эпизодом (p. 141–164)

Далее Ч. Риччи делает акцент на пространстве. Её занимают места встреч, где образуются толпы, а безопасность граждан и правителей находится под угрозой (амфитеатр, театр, терма, форум, цирк); контрольно-пропускные пункты, где пересекаются люди и возникают связанные с этим риски; административные здания (курия) и резиденции императоров. Развивается также вопрос, уже хорошо рассмотренный в историографии, о расположении городских казарм и штаб-квартир префектов.

Среди прочего, автор подчеркивает, что во II в. произошли некоторые изменения в отрядах, находящихся при императоре: служба преторианцев, охраняющих дворец по периметру, не претерпела каких-либо значительных трансформаций; во внутренних покоях – corporis custodes и speculatores были заменены на equites singulares.

Что касается вынесенного в название главы «эпизода», то он связан с беспорядками, произошедшей при Коммоде в 190 г. Тогда произошло народное волнение из-за нехватки продовольствия и падение префекта претория Клеандра (Herodian. I. 12. 5 – 13. 6, Dio Cass. LXXIII. 13. 3-6). Ч. Риччи обращает внимание на столкновение между преторианскими всадниками и городскими пешими воинами. Milites urbani поддержали недовольное население. За их действиями, как думает автор, стояли сенаторы, оппозиционные Клеандру. Она отмечает, что в положении milites во второй половине II в. произошли существенные изменения. Городские когорты приняли участие в Маркоманнских войнах и обзавелись собственным лагерем на Via Lata, недалеко от Forum Siarium. Т.е. они перестали дислоцироваться в Castra praetoria и делить казармы с преторианцами, что делает яснее отношения между двумя воинскими частями.

Глава 7. Городские солдаты и город (p. 165–186)

Этот раздел посвящен истории cohortes urbanae в первые два века нашей эры. Он дает представление об изменениях в политике императоров в отношении Города и его жителей. В этой главе автор продолжает усилия по интеграции различных источников о механизмах контроля, чтобы реконструировать как обстоятельства, в которых вооруженные силы использовались, так и стратегии предотвращения беспорядков, принятые властями.

Автор оценивает и комментирует новые свидетельства эпиграфических источников, дополняя изыскания своих предшественников, в первую очередь, Гельмута Фрейса. Она останавливается на положении городских когорт, их точной дислокации, военной роли. Ч. Риччи пытается объяснить строительство новых бараков для milites urbani при поздних Антонинах. По ее мнению, на это решение повлияли различные факторы: более значительная роль преторианцев в кампаниях провинциальных властей с сопутствующим увеличением численности войск; конфликты между префектами; потребности в охране правопорядка. Порой автор делает малообоснованные, но интересные предположения. Так, оценивая инцидент 238 г. с беспорядками в столице, борьбой преторианцев с народом (Herodian. VII. 12. 1–2), она пишет, что «жители Италии», призванные противостоять солдатам и поддержать население Рима, могли быть городским когортами.

Отдельно повествуется о когортах Лугдуна и Карфагена, объясняются причины размещения там воинских контингентов, реконструируется хронология гарнизонов. Завершает главу каталог инскрипций, опубликованных после 1967 г., даты выхода книги Г. Фрейса. Эпиграфические документы сгруппированы в пять разделов в зависимости от их происхождения (Рим – 29 памятников, регионы Италии – 26, Лугдун – 2, Карфаген и африканские провинции – 11; другие источники происхождения – 7). В конце каждого раздела указываются новые исследования текстов.

Часть IV. Полиция и безопасность в имперской Италии

Введение: безопасность в Италии и роль центрального правительства между Августом и Северами (p. 189–200)

Пространственные рамки «плана безопасности» до сих пор исключали Италию, потому что обычно она находилась вне поля

действия военных и военизированных сил Рима. Однако в городах и на полуостровных территориях в имперскую эпоху было немало обстоятельств, требовавших привлечения преторианской гвардии и других солдат. Некоторые из них были развернуты в портовых городах, где проблемы с безопасностью возникали чаще; или в других местах, когда социальное недовольство проявлялось в угрожающих формах. Все обстоятельства, которые обрисованы в этой части, относятся к эпохе от Тиберия до Филиппа Араба и, хотя их число ограничено, они дают представление о том, как сенат и императоры реагировали на случаи беспорядков в Италии.

В крупных портах Италии, на альпийских и апеннинских перевалах, на важных дорожных развязках располагались военные базы. Некоторые stationes состояли из фрументариев. Известно о нескольких контрольно-пропускных пунктах, особенно в центральной Италии: в Остии, Путеолах и вдоль дороги, которая соединяла Город с этими двумя важными портами. Автор считает, что необходимо понять, из кого именно набирались стационарии и какие обязанности на них возлагались. Она поднимает тему разбойничества (Селур, Булла Феликс, Тит Куртизий), чтобы показать общую проблему для разных регионов Италии и Сицилии[5]. Пересказав несколько эпизодов беспорядков, Ч. Риччи заключает, что на Аппеннинском полуострове местные власти держали под контролем большинство проявлений социального возмущения, по крайней мере до середины III в. В случае возникновения крупного мятежа, римский сенат или сам принцепс могли принять решение об отправке солдат. В этих случаях, вероятно, не существовало особого протокола для развёртывания сил безопасности. Тот алгоритм действий, который принимался, был импровизированным решением, разработанным по необходимости.

[5] В этом отношении весьма показательно исследование румынских эпиграфисток Рады Варга и Аннамарии-Изабеллы Пазсин, которые изучили несколько десятков надгробных памятников из европейских провинций Империи, принадлежавших людям, погибшим в ходе разбойных нападений [Varga, Pázsint 2018–2019].

Глава 8. Praesidia Urbis et Italiae: Грумент и его территория – тематическое исследование (p. 201–207)

Цель этой главы состоит в том, чтобы представить и обсудить конкретную ситуацию, связанную с необходимостью контролировать и обеспечивать важный узел дорог – Грумент и его территорию, – который соединял центр с югом, а Тирренское взморье – с Ионическим и Адриатическими побережьями. В этой области определенно существовали обширные земельные владения, часть из которых принадлежала могущественному роду Бруттиев. По-видимому, в результате брака Бруттии Криспины и Коммода, некоторая земельная собственность стала числиться среди императорских поместий. Еще М. И. Ростовцев обратил внимание на наличие сальтуариев (агрифилаков, ореофилаков), назначаемых отдельными лицами и муниципиями, отвечающих за безопасность в больших поместьях. Их обязанности, однако, не распространялись на имперское имущество, которое охранялось представителями армейских кругов. Надписи, найденные в Грументе и его окрестностях, упоминают солдат, бенефициариев и эвокатов. Их присутствие предполагает, что обязанности воинов не ограничивались патрулированием, но также включали проверку дорог и предотвращение бандитизма.

Глава 9. Praetoria и преторианцы: путешествия императора и безопасность (Latium Vetus) (p. 208–229)

Императоры часто уезжали из Рима, чтобы принять участие в военных кампаниях или посетить провинции. Их поездки по самой Италии, к сожалению, не привлекали должного внимания ученых. Между тем, они должны были быть тщательно спланированы в соответствии с четким ритуалом, который учитывал различные потребности, встречи и события. Присутствие солдат само по себе было осязаемым признаком императорской власти, и нельзя совсем исключить, что, когда император уезжал, возле тех вилл, которые часто посещал и любил принцепс, оставался военный гарнизон. В литературных источниках отсутствуют сведения о подготовке к императорским путешествиям, особенно если речь шла о поездках в пределах полуострова. У нас есть информация только тогда, когда происходили непредвиденные события или когда хотелось подчеркнуть исключение из обычной процедуры. Ч. Риччи пере-

числяет некоторые из самых известных и посещаемых резиденций, а затем сосредотачивается на местах, где по надписям прослеживается присутствие солдат. Интересно, что служба наблюдения за императорскими виллами выполнялась представителями разных корпусов, среди которых, появляются даже classiarii. Глава завершается очередным каталогом надписей, включающем 55 инскрипций, отсортированных по месту происхождения (Альбан, Альзий, Ланувий, Лорий, Пренесте, Тибур, Центумцелла).

Глава 10. Императоры в пути: безопасность в кампанских городах и в Albanum Domitiani (I век н. э.) (p. 230–244)

Чтобы найти доказательства присутствия в том или ином месте охраны принцепса, Ч. Риччи объединяет разные достоверные сведения: свидетельства письменных источников, археологические находки, эпитафии и посвятительные надписи солдат. Между тем, она справедливо отмечает, что изолированная эпитафия, особенно если императорский визит был спорадическим, сама по себе не является достаточным аргументом в пользу длительного пребывания воина в определенном месте. Автор прослеживает наличие соответствующих находок в Помпеях и Путеолах, но констатирует почти полное отсутствие солдатских эпитафий на Капри. Возможно, в некоторых случаях, за безопасность императора отвечали рабы и вольноотпущенники. Для итальянской исследовательницы очевидно присутствие вооруженных сил, занятых защитой Домициана, в усадьбе Альбан. В большом криптопортике, который граничил с главной террасой комплекса и представлял собой своего рода вестибюль дворца, согласно реконструкции, размещалась охрана.

Эпилог: Securitati Caesaris totiusque Urbis (p. 245–258)

Ч. Риччи делится глубоким убеждением, что работа Августа над «планом безопасности» была следствием сознательного проекта, не изолированного от остальных мер, которые проводил принцепс, например, в сфере дорожного строительства. Закон – это первый инструмент, который император использовал в своей политике безопасности. Гарантия безопасности Августа была скорректирована и обогащена за счет точного определения категорий возможных посягательств на «конституционный порядок». В то же время

безопасность личности не являлась обязанностью государства, она становилась ею только тогда, когда угроза частному лицу нарушала коллективный покой граждан[6]. План Августа был осуществлен в течение нескольких десятилетий и без серьезных изменений сохранялся два столетия. Условиями, позволившими народу и сенату принять этот план, были постепенность процесса и то, что Ч. Риччи названо «интегрированной системой», в которой военные и военизированные силы, чиновники и их подчиненные призваны были действовать совместно, вносить свой вклад в соответствии с навыками и способностями. В хронологической неопределенности, в которой в основном находятся инициативы принцепса, 6 г. н. э. приобретает ключевое значение: Август организовал когорты вигилов, учредил специальную военную казну. Создание aerarium militare поставило точку в одной из основных причин отсутствия безопасности в недавнем прошлом: претензии ветеранов на premia militiae.

«План безопасности», реализуемый императорской властью, начиная с Октавиана Августа, прошёл долгий путь развития. Он включал вербовку и организацию военных и полувоенных формирований, которые должны были дополнять друг друга. Однако внутренняя организация, повседневная жизнь преторианцев, frumentarii, milites urbani, speculatores, vigiles, и других служб, не стала целью исследования Ч. Риччи. Автор также решила не углубляться в события I в. до н. э., когда, по её собственному утверждению, из философских и политических дебатов начали выкристаллизовываться слова securus и securitas. Тема безопасности особенно

[6] Оценка эффективности частной охраны, как показано в некоторых современных диссертациях, должна учитывать ряд особенностей, характерных для римского мышления и образа жизни: относительное, хотя и спорное, отсутствие каких-либо институционализированных полицейских сил, в их современном понимании; особое восприятие «приватного» в обществе, настроенном на самопрезентацию; страх перед сверхъестественным вмешательством в повседневную жизнь и надежда на магическую защиту. Частные лица и домовладельцы, столкнувшись с реальной угрозой, прибегали к различным защитным и оборонительным мерам, подсказанным юридическими процедурами, практической изобретательностью, политической обстановкой, религиозной уверенностью и социальной солидарностью [Conzémius 2013; Proffitt 2018].

ярко развивалась в те периоды, когда возрастала неуверенность в будущем, опасения и страхи: во время гражданских смут и смены династий. Эти временные промежутки не были Ч. Риччи подробно рассмотрены. В рамках представленного исследования было бы небесполезно осветить, как именно республиканские магистраты освобождались от своих обязанностей и передавали инструменты безопасности в руки других должностных лиц. На вершине административной пирамиды, возведенной автором, находятся префекты, кураторы и викомагистры, но отсутствуют консулы, преторы и эдилы. Кроме того, нуждается в раскрытии связь между долго действующим «планом безопасности» и экономической жизнью Рима.

Бенджамин Келли обратил внимание на большое количество грамматических и стилистических ошибок в английском тексте книги, которая, видимо, изначально была написана на итальянском языке. Канадский специалист также недоумевает по поводу содержательного перекоса в пользу военной сферы: уголовному праву и закону о коллегиях уделено всего четыре страницы. Дополнительно стоило расширить рассмотрение идеологического контекста попыток обеспечить безопасность в Риме [Kelly 2018]. Как пишет Грегори Голден, первые две части рассматриваемого исследования носят скорее описательный, чем новаторский характер. Все главы последней части были опубликованы ранее и слабо связаны с предыдущим изложением. Я солидарен с американским коллегой, что солдатам имперского флота, дислоцированным в Мизене и Равенне, следовало бы посвятить отдельный раздел, учитывая их важную роль в общей политике безопасности Августа, которую декларирует автор [Golden 2018]. По мнению Армина Эйха, книге не хватает чётких формулировок и обстоятельной аргументации [Eich 2019]. Сандра Бингхэм положительно оценила вклад Ч. Риччи в обновление данных о городских когортах, но указала, что автор замалчивает проблемы, связанные с созданием фрументариев и временем увеличения числа преторианцев. Тезис о соперничестве между гвардией и подчиненными praefectus urbi кажется ей надуманным. Некоторые доказательства, приведенные в монографии, относятся ко временам Антонинов и Северов, но применяются к более ранним периодам, т. е. имеют место анахронизмы [Bingham 2020].

В целом же, Ч. Риччи представила интересный взгляд на тему безопасности в античную эпоху, дающий пищу для размышлений. Данный труд может послужить прекрасным заделом для углубления нашего представления об эволюции дискурса безопасности не только в Италии, но и на всей территории Римской империи в III–V веках.

Список литературы

1. Данилов Е. С. Проблема securitas publica в зарубежной историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 70. 2020. С. 366–375.

2. Ковалев А. А. История безопасности как новая область западной исторической науки // Genesis: исторические исследования. 2021. № 12. С. 225–241.

3. Перси У. От Сенеки до pubblica sicurezza: эволюция понятия «безопасность» в итальянской культуре // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. С. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 177–188.

4. Февр Л. Бои за историю / пер. с франц. А. А. Бобовича и др. М.: Наука, 1991.

5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. С. В. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

6. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с франц. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011.

7. Fides in Flavian Literature / Ed. A. Augoustakis, E. Buckley, C. Stocks. Toronto: University of Toronto Press, 2019.

8. Balmaceda C. Virtus Romana. Politics and Morality in the Roman Historians. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017.

9. Libertas and Res Publica in the Roman Republic. Ideas of Freedom and Roman Politics / Ed. C. Balmaceda. Leiden, Boston: Brill, 2020.

10. Bingham S. Ricc C. Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors. London and New York: Routledge, 2018 // The Classical Review. Vol. 70. Issue 1. 2020. P. 190–191.

11. Conzémius M. Private Security in Ancient Rome. Pétange: Lycée Technique Mathias-Adam, 2013.

12. L'auctoritas à Rome. Une notion constitutive de la culture politique. Actes du colloque de Nanterre (10–12 septembre 2018). (Scripta Antiqua 136) / Ed. J.-M. David, F. Hurlet. Bordeaux: Ausonius, 2020.

13. Eich A. Rezension von: Cecilia Ricci. Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors, London / New York: Routledge 2018 // Sehepunkte. 19 (2019). № 7/8. URL: http://www.sehepunkte.de/2019/07/31820.html (accessed 15.07.2019).

14. Folkers A. Eine Genealogie sorgender Sicherheit: Sorgeregime von der Antike bis zum Anthropozän // BEHEMOTH. A Journal on Civilisation. Vol. 13. Issue № 2. 2020. P. 16–39.

15. Golden G. K. Review: Cecilia Ricci, Security in Roman Times: Rome, Italy and the Emperors. London; New York: Routledge, 2018. xiv, 300 // Bryn Mawr Classical Review. URL: https://bmcr.brynmawr.edu/2018/2018.10.21 (accessed 09.02.2022).

16. Hasic A. La securitas chez Sénèque: nuances lexicales et innovations conceptuelles // Vita Latina. № 191–192. 2015. P. 79–95.

17. Hasic A. La tensione tra interiore ed esteriore. Studio attorno all'idea di securitas in Seneca. Ph.D. thesis. Padua: Università degli Studi di Padova, 2016.

18. Hirschfeld O. Die Sicherheitspolizei im römischen Kaiserreich // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XXXIX. 1891. S. 845–877.

19. Hope in Ancient Literature, History, and Art / Ed. G. Kazantzidis, D. Spatharas. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018.

20. Kelly B. Security in Roman Times: Rome, Italy and the Emperors. By Cecilia Ricci. London and New York: Routledge. 2018. Pp. xiv, 300 // Phoenix. Vol. 72. №. 1–2. 2018. P. 183–185.

21. Miano D. Fortuna. Deity and Concept in Archaic and Republican Italy. Oxford, New York: Oxford University Press, 2018.

22. Proffitt B. Securitas et Claves Gabiorum: A Social and Proprietary Analysis of the Imperial Roman Keys Excavated at Gabii. Lubbock: Texas Tech University, 2018.

23. Ricci C. Security in Roman Times: Rome, Italy and the Emperors. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2018.

24. Ricci C. L'empereur voyage. La sécurité dans le cités de Campanie et du Latium d'Auguste à Domitien // Le gouvernement en déplacement. Pouvoir et mobilité de l'Antiquité à nos jours / éd. avec S. Destephen, J. Barbier, F. Chausson. Rennes: PUR, 2019. P. 87–106.

25. Ricci C. Peace, Security, Deterrence. Rome // A Cultural History of Peace in Antiquity (500 BCE - 800 CE) / Ed. Sh. Ager. London: Bloomsbury Academic, 2020. P. 133–142.

26. Valditara G. «Auctoritas» fra autorevolezza e autocrazia. Torino: Giappichelli, 2021.

27. Varga R., Pázsint A.-I. The reflection of personal and collective tragedies in ancient sources. 1. Personal tragedies in Roman epigraphy // Journal of Ancient History and Archaeology. № 5.4. 2018. P. 22–31.

28. Varga R., Pázsint A.-I. The reflection of personal and collective tragedies in ancient sources. 2. Collective tragedies in Roman epigraphy // Journal of Ancient History and Archaeology. № 6.3. 2019. P. 49–58.

Информация об авторе

Данилов Евгений Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия; explorator@list.ru

Information about the author

Evgeniy S. Danilov, Ph.D. in History, associate professor of the Department of World History, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; explorator@list.ru

УДК 94(37).08

Гай Анний Ануллин – префект Рима на фоне кризиса

И. А. Миролюбов

Аннотация. В статье рассматривается карьера Гая Анния Ануллина – представителя римской аристократии, жившего в эпоху императоров Диоклетиана и Константина, консула 295 г. Наибольший интерес вызывает его двукратное пребывание в должности префекта Рима. В этом статусе он застал провозглашение Константина Великого, Максенция (события 306 г.), а также падение Максенция и вступление Константина Великого в Рим (событие 312 г.). Карьера Ануллина позволяет увидеть, что смена императоров не приводила к радикальным преобразованиям в кадровой сфере, а политическая элита умела находить с новыми императорами общий язык.

Ключевые слова: Гай Анний Ануллин, Диоклетиан, Константин Великий, Максенций, Поздняя Римская империя, префект Рима, консул, римские магистратуры.

C. Annius Anullinus – Praefectus Urbi against the Background of the Crisis

Ivan A. Mirolyubov

Abstract. The article examines the career of G. Annius Anullinus, cos. 295, a representative of the Late Roman aristocracy, who lived in the epoch of the emperors Diocletian and Constantine. Of greatest interest is his two-time tenure as Praefectus Urbi. In this status, he found the proclamation of Constantine the Great, Maxentius (the events of 306), as well as the fall of Maxentius and the entry of Constantine the Great into Rome (the event of 312). Anullinus career allows us to see that the change of emperors did not lead to radical transformations in the personnel sphere, and the political elite was able to find a common language with the new emperors.

Keywords: C. Annius Anullinus, Diocletian, Constantine the Great, Maxentius, Later Roman Empire, Praefectus Urbi, consul, Roman magistrates.

Рубеж III–IV вв. в римской истории – период одновременного существования нескольких политических центров, обусловленных большим количеством императоров [Barnes 1982: 3–9; Kienast 2004: 264–265]. В этой связи интересно обратить внимание на то, как импе-

© Миролюбов И. А., 2022

раторская чехарда отражалась на карьере представителей политической элиты. К числу ярких персоналий эпохи относится сенатор Гай Анний Ануллин, консул 295 г.

Несколько слов о его происхождении. Ануллины встречаются в фастах на рубеже II/III вв.: это Публий Корнелий Ануллин, консул 199 г., и соименный ему сын, консул 216 г. Впрочем, родство Гая Анния Ануллина с консулами времен Северов сомнительно по причине разницы в фамилиях. Консул 295 г. считается потомком члена коллегии Арвальских братьев, африканца Гая Анния Ануллина Гемина Перценниана [Potter 2010: 30]. К числу его предков можно отнести также «сенатора Ануллина», которого традиция считает патроном императора Диоклетиана [Jones, Martindale, Morris 1971: 78]. Отсутствие предков-консулов вряд ли позволяет согласиться с Д. Поттером, который считает консула 295 г. «ведущей фигурой римской аристократии» [Potter 2004: 346][1]. Впрочем, высокий статус Ануллина бесспорен: о ней говорит его выдающаяся карьера [Jones, Martindale, Morris 1971: 79]. После консулата в 295 г. он занимал должность проконсула провинции Африка[2], а затем дважды – с 19 марта 306 г. по 27 августа 307 г. и с 27 октября по 29 ноября 312 г. – он был префектом Рима. Две префектуры Ануллина[3], пожалуй, особенно примечательны: в статусе руководителя города Рима он застал приход к власти Максенция (28 октября 306 г.) и вступление в Рим Константина (29 октября 312 г.). На этих моментах мы и сосредоточимся.

---

[1] Характерно, что в консульском тандеме 295 г. Ануллин занимает вторую позицию [Bagnal, Cameron, Schwartz, Worp 1987: 124–125], тогда как первым консулом является Нуммий Туск, чьи предки также были консулами [Jones, Martindale, Morris 1971: 926– 927]

[2] В этом статусе он запомнился проведением в жизнь политики гонений на христиан: [Jones, Martindale, Morris 1971: 79; Lancel 1999: 1013–1022; Harries 2012: 91].

[3] О. Зеек полагал, что префект Рима в 306–307 гг. и 312 г. – это не один и тот же человек [Seeck 1894: 2651]. Этой точки зрения придерживается Т. Д. Барнс [Barnes 1982: 116–117]. Однако в большинстве работ исследователей преобладает точка зрения тождества двух префектов [Chastagnol 1962: 45–47; Jones, Martindale, Morris 1971. P. 79; Potter 2004: 388; Divjak, Wischmeyer 2014: 455–457]. Этого мнения придерживаемся и мы: предполагать двух Анниев Ануллинов в рамках одной эпохи затруднительно.

Ануллин вступил в должность городского префекта 19 марта 306 г. На тот момент власть принадлежала второй тетрархиальной коллегии в составе августов Констанция Хлора (старший август) и Галерия, а также цезарей Флавия Севера и Максимина Дазы. 25 июля 306 г. Констанций скончался в Эбораке, и его войска провозгласили императором его сына Константина. После некоторой заминки был сформирован третий состав коллегии: августы Галерий (старший август) и Флавий Север, а также цезари Максимин Даза и Константин. Ануллин, по всей видимости, быстро отозвался на нововведения: в Риме была установлена статуя Константина (Zos. *Hist. Nov*. II.9.2). Современник событий, Лактанций, отмечает, что император Галерий имел в планах обложение Рима налогами. Прибытие в город императорских чиновников вкупе со стремлением императора распустить преторианские части вызвало возмущение (*De mort. pers*. 26.2–3). Ситуацией решил воспользоваться Максенций. Будучи сыном Максимиана Геркулия, соправителя Диоклетиана, он оказался в стороне от императорской коллегии и испытывал зависть к Константину (Zos. *Hist. Nov*. II.9.2). В результате, найдя опору в преторианских частях и городском населении, он был провозглашен императором 28 октября 306 г. Зосим отмечает, что переворот начался с убийства «Абеллия, занимавшего место городского префекта» (*Hist. Nov*. II.9.3). Должность этого Абеллия, известного только из сочинения Зосима, обычно трактуют как «vicarius praefecturae urbis» [Jones, Martindale, Morris 1971: 1; Potter 2004: 346]. Она появилась в период территориально-административных реформ императора Диоклетиана; ее функциональное назначение в первое время своего существования затуманено исследовательскими дискуссиями и не совсем ясно[4]. О. Зеек рассматривал викария городского префек-

[4] Исследователи предлагают некоторую эволюцию должности: vicarius praefecturae urbis, появившийся при Диоклетиане как заместитель префекта города, при Константине был заменен на vicarius urbis Romae (vicarius in urbe), который был представителем префекта претория Италии в Риме и, кроме того, руководителем диоцеза Italia Suburbicaria (центральная и южная Италия, кроме города Рима с его окрестностями, а также острова): [Berger 1991: 764; Machado 2018: 1559]. Специальная работа, посвященная должности, сосредоточена на более позднем периоде ее существования [Sinnigen 1959: 97–112]. Абеллий в ней, впрочем, не упоминается.

та как дублирующего его функции чиновника, являющегося императорским назначенцем [Seeck 1897: 79]. Эту идею развивает Д. Поттер, который считает, что Абеллий был ставленником Флавия Севера, стремившегося контролировать ситуацию в городе [Potter 2004: 346–347]. П. Порена предполагает, что Абеллий замещал Ануллина, так как тот мог быть с визитом при дворе Флавия Севера, относительно недавно ставшего западным августом [Porena 2003: 248–250]. Это объяснение представляется резонным. Переворот, таким образом, мог застать Ануллина в дороге. Зосим, описывая развитие ситуации, отмечает, что против Максенция были посланы войска, однако он подкупил воинов и «даже привлек на свою сторону префекта претория Ануллина» (*Hist. Nov.* II.10.1). По мнению комментаторов текста Зосима, он путает должности и в действительности его «префект претория Ануллин» тождественен префекту города Ануллину[5] [Paschoud 2000: 208–209; Ridley 1982: 151; Conca 2007: 184]. Не согласен с этой точкой зрения Т. Д. Барнс, который допускает существование у Флавия Севера префекта претория Ануллина, современника и тезки префекта города и консула 295 г. [Barnes 1982: 117]. На наш взгляд, существование соименных префектов – города и претория – представляется сомнительным[6]. Если отбросить название должности у Зосима, то выходит, что некий Ануллин был привлечен Максенцием вместе с войсками Флавия Севера, что согласуется с предложенной выше трактовкой событий. Ситуация выглядит так: переворот в Риме случился в отсутствие городского префекта и, стало быть, возвращался в город вместе с корпусом Севера, направленным на подавление мятежа, однако в итоге вместе с войском принял сторону узурпатора и сохранил свой статус городского префекта.

---

[5] П. Порена, впрочем, отмечает, что ошибка эта уникальна у Зосима [Porena 2003: 250]. Ф. Пашу, впрочем, резонно предвосхищает такое замечание указанием на то, что рассказ Зосима вообще очень сбивчив [Paschoud 2000: 208].

[6] О. Зеек считал Ануллина-префекта претория родственником Ануллина-префекта города [Seeck 1897: 79]; А. Шастаньоль, развивая мысль Зеека, допускает возможность, что речь идет о двух братьях, однако оговаривается, что все эти построения возможны, если только не допустить ошибку Зосима [Chastagnol 1962: 46–47]. Отметим также, что переход префекта претория на сторону Максенция должен был бы найти отображение в его карьерном пути. Т. Д. Барнс считает, что он мог быть городским префектом в 312 г. [Barnes 1982: 117], однако это допущение представляется подгонкой данных под заданную схему.

Вне зависимости от трактовки сообщения Зосима сохранение Ануллина в статусе префекта Рима позволяет говорить о том, что он отказался от поддержки императоров-тетрархов и перешел на сторону Максенция, взявшего под контроль Италию. А. Шастаньоль по этому поводу замечает, что Ануллин менял императоров «без зазрения совести» [Chastagnol 1962: 47]. Отметим, впрочем, что «Мученичество святых Фирма и Рустика» (*Acta Mart*., p. 638 Ruinart 1859) называет некоего Ануллина (Anolinus) «consiliarius» императора Максимиана Геркулия, отца Максенция, применительно к 290-м гг. С большой долей вероятности можно предположить, что это интересующий нас сенатор. После провозглашения Максенция Максимиан Геркулий поддержал его, так что действия Ануллина до некоторой степени можно рассматривать как приверженность императору, в ближайшее окружение которого он входил.

Ануллин пребывал в должности префекта Рима до 27 августа 307 г.; его деятельность в этом время нам неизвестна. Растущее напряжение между Максимианом и Максенцием привело к тому, что первый вынужден покинуть сферу влияния сына и отправиться к Константину, за которого он посватал свою дочь Фаусту. Прекращение полномочий Аннулина можно было бы приписать конфликту императоров, однако дальнейшая его карьера показывает, что в этом столкновении он предпочел остаться с Максенцием[7]. Более того, есть основания предполагать, что Ануллин активно поддерживал императора. Временем Максенция, как кажется, датируется один эпиграфический памятник (*CIL* VI, 37118 = *AE* 1907, 208 = *AE* 1908, 77 = *AE* 1914, 25), где упоминается имя Ануллина: это перечень сенаторов, сделавших взносы в размере 400 000 нуммов на неизвестный проект [Barnes 1981: 38]. Традиция отмечает, что Максенций в рамках ужесточения внутриполитического курса практиковал поборы с сенаторов (Aur. Vict. *De caes.* 24.40). Вполне возможно, что надпись указывает сенаторов, финансово поддерживавших одну из строительных инициатив императора, которыми вообще отмечено правление Максенция (Aur. Vict. *De caes*. 40.26).

[7] Очень верно замечание Т. Моммзена о том, что после ссоры с сыном Максимиан Геркулий оказался в совершенно непонятном статусе [Моммзен 2002: 488]. Таким образом, вряд ли мы могли бы ожидать его поддержку со стороны опытного сановника.

Ужесточение режима Максенция привело к недовольству в сфере его контроля и позволило Константину выдвинуть лозунг о необходимости освобождения Рима. В 310 г. Максимиан Геркулий погиб в результате выступления против Константина. Максенций использовал эту ситуацию для открытого разрыва и войны: панегирист Назарий отмечает, что в Риме были сброшены и испорчены статуи Константина (*Pan. Lat*. 10.12.2) – вероятно, те самые, которые были установлены в период префектуры Ануллина[8]. Одновременно с этим примечательно, что консулами 311 г. Максенций утверждает сенаторов Гая Цейония Руфия Волузиана, действующего префекта Рима [Chastagnol 1962: 52–58], и Арадия Руфина [Bagnal, Cameron, Schwartz, Worp 1987: 156–157]. Здесь резонно увидеть попытку Максенция, до того предпочитавшего самому занимать должность консула, заручиться поддержкой столичной аристократии [Bagnal, Cameron, Schwartz, Worp 1987: 156]. В 312 г., когда начинается активная фаза боевых действий, Максенций объявляет себя консулом без коллеги [Bagnal, Cameron, Schwartz, Worp 1987: 158], а Арадий Руфин получает должность префекта города [Chastagnol 1962: 58].

Генеральное сражение состоялось близ Рима, у Мульвиева моста, 28 октября 312 г. В этот день исполнялось шесть лет пребывания Максенция у власти. Ситуация внутри города перед этой датой отличалась напряженностью. Лактанций отмечает массовые беспорядки («fit in urbe seditio»), а также тот факт, что во время зрелищ, приуроченных к празднованию даты обретения Максенцием императорского титула, публика скандировала лозунги в честь Константина (*De mort. pers*. 44.7). В ситуации беспорядков внутри города император проводит внезапную кадровую замену: 27 октября, накануне генерального сражения, префектом Рима назначается Ануллин. Причина этого назначения остается неясной. Д. Поттер высказывает остроумную догадку, что на второе назначение Ануллина, уже испытанного в 306 г., повлияла суеверная натура Максенция [Potter 2010: 29–30]. Впрочем, причина назначения могла крыться и в беспорядках, подавить которые Арадию Руфину оказалось, по какой-то причине, не под силу. Стоит

[8] И. Ю. Шабага [Шабага 2016: 565] соотносит эти данные с сообщением Зосима об установке статуи Константина в Риме и, вслед за Никсоном и Роджерс [Nixon, Rodgers 1994: 356], отмечает уникальность этого сообщения.

отметить, что именно префект города имел попечение о «спокойствии граждан» и о порядке во время зрелищ (*Dig.* I.12.1.8). Можно также предполагать, что Ануллин входил в число «некоторых сенаторов», с которыми Максенций читал Сивиллины книги и обсуждал возможность собственного участия в сражении (Lact. *De mort. pers*. 44.8).

Сражение Максенцием было проиграно, сам он погиб. Известие об этом сразу же достигло Рима, однако в городе, находившимся под контролем Ануллина, оно было воспринято с недоверием (*Pan. Lat*. 9.17.34; Zos. *Hist. Nov*. II.17.1). Вскоре в Рим была доставлена голова Максенция (*Pan. Lat*. 9.18.3; 10.31.4; *Origo Const. imp*. 4.12; Zos. *Hist. Nov*. II.17.1), которая убедила власти и население в победе Константина. Вступление в город состоялось на следующий день, 29 октября. Лактанций (*De mort. pers*. 44.10–11) и панегиристы (*Pan. Lat*. 9.19; 10.32 sqq.) описывают торжественную процессию, а также встречу Константина сенаторами и населением в идиллическом тоне, однако Зосим указывает, что император наказал «немногих» из числа приближенных Максенция (*Hist. Nov*. II.17.2). Ануллин был не в их числе, коль скоро его пребывание в статусе префекта Рима продолжалось до 29 ноября, после чего он был заменен своим предшественником на этом посту, Арадием Руфином [Chastagnol 1962: 58 sqq.; Barnes 1982: 115–116]. Активность Ануллина при Константине источниками не освещается. Аврелий Виктор отмечает, что все постройки Максенция сенаторы «посвятили заслугам Флавия [Константина]», а в людных местах ему были возведены статуи, «большинство из которых были золотыми и серебряными» (*De caes*. 40.26). Возможно, что в этих мероприятиях, касавшихся внешнего облика города, принимал участие и Ануллин. Однако особого внимания заслуживает одно мероприятие, с Римом никак не связанное, а именно – отправка головы Максенция в Африку для «успокоения» этой провинции (*Pan. Lat*. 10.32.6). Примечательно, что в 313 г. проконсулом Африки был Ануллин, которого составители *PLRE* [Jones, Martindale, Morris 1971: 78–79] полагают возможным считать сыном Ануллина – консула 295 г. и дважды префекта Рима[9]. Панегирист Назарий отмечает, что

[9] А. Шастаньоль полагает, что этот проконсул был либо сыном, либо племянником консула 295 г. и дважды префекта Рима [Chastagnol 1960: 400–401]; Т. Д. Барнс полагает, что его проконсульство началось еще в 312 г. [Barnes 1982: 117].

Константин провел в Риме два месяца (*Pan. Lat*. 10.33.6; т. е. ноябрь и декабрь) и помещает рассказ об отправке головы Максенция в Африку до этого хронологического указания. Отсюда следует, что голова Максенция была направлена в Африку в период пребывания императора в Риме, т. е. это было его решение. Назарий обращает внимание также и на то, что, несмотря на успешность экспедиции, отправка кораблей «не была своевременна» (*Pan. Lat*. 10.33.6), что указывает на завершения сезона навигации, который продолжался обычно до 11 ноября (Veget. *Epit. rei milit*. IV.39). Таким образом, экспедиция в Африку, задача которой была в убеждении властей и элит провинции в падении Максенция, а также в необходимости перейти под власть Константина, отправилась около этой даты. Возможно, что руководителем экспедиции был новоназначенный проконсул, который в 313 г. будет состоять с императором Константином в переписке по вопросам религиозной жизни во вверенной ему провинции (материалы переписки: apud Euseb. *Hist. Ecc*. X.5.15–20; 7.1–2).

Аврелий Виктор, выходец из Римской Африки и знаток ее жизни[10], отмечает, что после установления власти Константина здесь происходят важные события: отстраивается пострадавшая в ходе гражданских войн Цирта, переименованная теперь в Константину, а также учреждается «должность жреца культа рода Флавиев» (*De caes*. 40.28). Эти нововведения вполне могут быть синхронизированы с проконсульством Ануллина, предполагаемого сына консула 295 г. Любопытные данные о кадровых решениях проконсула может дать надпись, найденная в Тугге (совр. Дугга, Тунис) [Grimal 1983: 152–153] уже в XXI в. Некий Гай Анний Цейоний Ануллин (Anullinas – sic!) в статусе «легата» воздвигает здесь статую в честь Константина. В тексте надписи он называет императора «победителем тиранической клики» (*AE* 2003, 2014). Сама формулировка созвучна событиям 312 г., что может указывать на 313 г. как время создания статуи и надписи. Должность (полная формулировка не сохранилась: «легат…») не позволяет идентифицировать его с проконсулом 313 г. Исследователи надписи предполагают, что он мог быть его младшим

[10] Он очень уважает Септимия Севера, так как тот – его земляк (*De caes*. 20.5–7), а также заостряет внимание на разорении Африки в правление Максенция, когда здесь вспыхнуло восстание Домиция Александра (*De caes*. 40.18).

родственником [Khanoussi, Mastino 2003: 412–436; Tantillo 2021: 30]. Это, соответственно, предполагает его родство с консулом 295 г. и двукратным префектом Рима. Сама фиксация его личности позволяет говорить, что фамилия Ануллинов прочно сохраняла свое высокое положение, а его набор имен указывает на факт родства с другой влиятельной семьей – Цейониев. Таким образом, семейство, равно как и его глава – консул 295 г., благополучно преодолели эпоху кризиса и вступили в «век Константина Великого».

Список литературы

1. Моммзен Т. История римских императоров. СПб.: Ювента, 2002.
2. Шабага И. Ю. Латинские панегирики. М.: Университет Д. Пожарского, 2016.
3. Bagnall R. S., Cameron A., Schwartz S. R., Worp K. A. Consuls of the later Roman Empire. Atlanta: Scholars Press, 1987.
4. Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Cambridge–London: Harvard University Press, 1981.
5. Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge–London: Harvard University Press, 1982.
6. Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1991.
7. Chastagnol A. La Préfecture Urbaine à Rome sous le Bas-Empire. Paris: Presses Universitaires de France, 1960.
8. Chastagnol A. Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1962.
9. Zosimo. Storio Nuova / Conca F. (ed.). Milano: BUR – Classici Greci e Latini, 2007.
10. Divjak J., Wischmeyer W. Das Kalenderhandbuch von 354 – Der Chronograph des Filocalus. Bd. 2. Wien: Verlag Holzhausen, 2014.
11. Grimal P. Roman Cities / translated and edited by G.M. Woloch. Madison: University of Wisconsin Press, 1983.
12. Harries J. Imperial Rome AD 284 to 363: The New Empire. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.
13. Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. PLRE. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
14. Khanoussi M., Mastino A. Il culto imperiale a Thibaris ed a Thugga tra Diocleziano e Costantino // Serta antiqua et medievalia VI. Usi e abusi epigrafici. Atti del Colloquio Internazionale di Epigrafia Latina (Genova 20–22 settembre 2001) / M. Gariella, A. Bertinelli, A. Donati (eds.). Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 2003. P. 412–436.

15. Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.

16. Lancel S. Le proconsul Anullinus et la grande persécution en Afrique en 303-304 ap. J.-C.: nouveaux documents // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 143e année. № 3. 1999. P. 1013–1022.

17. Machado C. Vicarius Urbis Romae // The Oxford Dictionary of Late Antiquity / Ed. by O. Nicholson. Vol. I. New York: Oxford University Press, 2018. P. 1559.

18. Nixon C. E. V., Rodgers B. S. In Praise of Later Roman Emperors. Panegyrici Latini. Berkley–Los Angeles–Oxford: University of California Press, 1994.

19. Zosime. Histoire Nouvelle. T. I / F. Paschoud (ed.). Paris: Les Belles Lettres, 2000.

20. Porena P. Le origini della prefettura del pretorio tardoantica. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2003.

21. Potter D. S. The Roman Empire at Bay AD 180–395. London–New York: Routledge, 2004.

22. Potter D. S. The Unity of the Roman Empire // From the Tetrarchs to the Theodosians: Later Roman History and Culture, 284–450 CE / S. McGill, C. Sogno, E. Watts (eds.). New York: Cambridge University Press, 2010. P. 13–32.

23. Zosimus. The New History / R. T. Ridley (ed.). Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1982.

24. Seeck O. Anullinus (7) // RE. 1894. Bd. I/2. Sp. 2651.

25. Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I. Band. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1897.

26. Sinnigen W. G. The Vicarius Urbis Romae and the Urban Prefecture // Historia. 1959 Bd. 8, H. 1. P. 97–112.

27. Tantillo I. Emperors and Tyrants in the Fourth Century. Outlining a New Portrait of the Ruler and of His Role through Images and Words // Emperors and Emperorship in Late Antiquity: Images and Narratives / A. J. Quiroga Puertas, M. P. García Ruiz (eds.). Leiden–Boston: Brill, 2021. P. 15–52.

Информация об авторе

Миролюбов Иван Андреевич – кандидат исторических наук, сотрудник отдела экскурсий Московского государственного объединенного музея-заповедника, Москва, Россия; peter-herzog@yandex.ru.

Information about the author

Ivan A. Mirolyubov, PhD (Cand. of Sci.) in History, Tour Department Fellow, Moscow State Integrated Museum-Reserve, Moscow, Russia; peter-herzog@yandex.ru.

УДК 930:7+94(37)+ 94(430).015

Наука и сенсация: феномен Капитолийской волчицы

А. М. Сморчков

В память о неутомимых прогулках
по Риму с Верой Викторовной

Аннотация. В статье рассмотрена дискуссия о времени создания знаменитой статуи Капитолийской волчицы (Lupa Capitolina), инициированная книгой А. М. Каррубы (Carruba A. M. La Lupa Capitolina: un bronzo medieval. Roma: De Luca editori d'arte, 2006). Отдельное внимание уделено отражению научных споров в СМИ. Дискуссия оказалась весьма интересной с точки зрения методики научного исследования, ибо здесь сошлись в одной точке приемы и методы трех научных областей (искусствоведение, история, естественные науки). Особую роль в создании сенсации сыграли, разумеется, результаты естественнонаучных анализов. Отмечено, что при всей кажущейся точности научных методов естественных наук нет единства мнений по поводу их результатов, что не позволяет говорить о неопровержимых доказательствах средневековой датировки Волчицы. Более того, эти данные указывают на XI–XII вв., что опровергает выводы самой А. М. Каррубы, которая отнесла создание статуи к более ранней, каролингской, эпохе (VIII–IX вв.).

Ключевые слова: Капитолийская Волчица, А. М. Карруба, античная или средневековая датировка, дискуссия, СМИ.

Science and Sensation: The Lupa Capitolina Phenomenon

Andrei M. Smorchkov

Abstract. The article is devoted to the discussion about the time of creation of the famous statue of the Capitoline She-wolf (*Lupa Capitolina*), initiated by the book Carruba A. M. La Lupa Capitolina: un bronzo medieval. Roma: De Luca editori d'arte, 2006. Special attention is paid to the reflection of scientific disputes in the mass media. The discussion turned out to be very interesting from the point of view of the methodology of scientific research, because here the techniques and methods of three scientific fields (art history, history, natural sciences) converged at one point. Of course, the results of natural-science analyzes played a special role in creating the sensation. It is noted that for all the apparent accuracy of the scientific methods of natural sciences, there is no unanimity of opinion about their results, which does not allow us to speak about irrefutable evidence

© Сморчков А. М., 2022

of the medieval dating of the She-Wolf. Moreover, these data point to the XI–XII centuries, which refute the conclusions of A. M. Carruba herself, who attributed the creation of the statue to an earlier, Carolingian epoch (VIII–IX centuries).

Keywords: Capitoline She-Wolf, A. M. Carruba, ancient or medieval dating, discussion, mass media.

Фотографируя уважаемую Веру Викторовну в начале 2009 г. у знаменитой статуи Волчицы[1] во дворце Консерваторов Капитолийских музеев, я и не знал, какие страсти в то время разворачивались вокруг датировки этого произведения. А ведь именно тогда возникла оживленная дискуссия, вышедшая за рамки научного обсуждения и обретшая – несколько неожиданно – довольно заметное общественное звучание, причиной которого, по всей видимости, послужило то обстоятельство, что Волчица стала своеобразным символом Рима, причем не только античного. В нашей науке, посвященной изучению давно ушедшей цивилизации, такое случается не часто, а это уже побуждает внимательнее посмотреть на споры вокруг Волчицы, тем более интересные, независимо от самого объекта, что здесь сошлись представители разных научных областей – искусствоведения, истории и естествознания – со своими методами и особенностями анализа.

Начиная с И. И. Винкельмана, который счел эту статую этрусской работой царского периода [Winckelmann 1764: 294; Винкельман 2000: 212], ее относили к концу VI – началу V в. до н. э., что стало общим местом в работах по истории искусства [Вощинина 1969: 292–293; Ривкин 1972: 229–230; Колпинский, Британова 1982: 39; Лосева, Сидорова 1988: 228–229; Соколов 1990: 188–189]. Предполагали даже более точную дату 480–470 гг. до н. э. [La Rocca 2000: 9; Parisi Presicci 2000: 75, 82[2]] и авторство мастера Вульки из Вей, который создал квадригу для украшения храма Капитолийской триады [Колпинский, Британова 1982: 39–40 (это мнение отвергается); Лосева, Сидорова 1988: 228–229; Соколов 1990: 188; Parisi Presicci 2000: 75, 83]. Впрочем, в античных источниках такие сведения отсутствуют. Близнецы, как известно, относятся к концу XV в., работа,

[1] Статуя 75 см высотой и 114 см длиной; весом 150 кг; толщина бронзы в среднем 4–5 мм, но доходит и до 15 мм [Sanniballe 2010: 43].

[2] Эту гипотезу высказал Fr. Matz в 1951 г. (ссылку на его работу см. [Parisi Presicci 2000: 88]).

видимо, Антонио Поллайоло – удивительно, но полной уверенности и здесь нет (различные версии см. [Canu 2005: 137]).

За пределами Античности впервые некая Волчица упоминается в хронике монаха Бенедикта из монастыря св. Андрея на горе Соракте[3] (конец X в.) в рассказе о событиях 827–829 гг. для топографической привязки, что несомненно свидетельствует об известности этого объекта. А именно, он повествует о судьях в Латеранском дворце «a locus ubi dicitur a Lupa, quod est mater Romanorum», т. е. «в месте, которое называется "у Волчицы", что есть мать римлян»[4]. Имеется описание некоей статуи волчицы в портике перед «зимним дворцом» Папы, относящееся к концу XII в.[5], правда, с необычной деталью: как утверждает автор, условно именуемый Магистр Григорий, некогда (но не в его время) из каждого сосца бронзовой волчицы истекала вода для омовения рук. Впрочем, это сочинение английского паломника изобилует фантастическими домыслами, что не исключено и в данном случае. И позже статуя находилась на башне у папского Латеранского дворца, где вершился суд и казни: на рисунке 1438 г. изображены различные наказания и легко узнаваемый облик известной Волчицы (изображение см., например [Carcopino 1925: 10. Pl. II; Dulière 1979: 23–24, fig. 16; Parisi Presicci 2000: 99]). В 1471 г. как дар папы Сикста IV римскому народу статуя была перенесена ко дворцу Консерваторов, где сначала стояла в портике, а где-то между 1536 и 1544 гг. была поставлена в «Зале волчицы», с 1586 – на пьедестале [Carcopino 1925: 6–8; Dulière 1979: 26–27; Parisi Presicci 2000: 104–105; Canu 2005: 136].

В 1997–2000 гг. статуя Волчицы подверглась масштабной реставрации, по итогам которой со 2 июня по 15 октября 2000 г. состоялась выставка в Капитолийском музее. Во время реставрации

---

[3] Любопытно отметить, что на горе Соракте в античные времена существовал волчий культ, который осуществляло жреческое сообщество hirpi (сабинское «волки») Sorani: Serv. *Ad Aen*. XI.785.

[4] Benedicti Sancti Andreae monachi Chronicon. 24 // MGH. P. 712. Ср. приложение к Хронике (приписываемое издателем Бенедикту, что оспорено): …in iudiciali loco ad Lateranis ubi quidam locus dicitur ad Lupam, quae mater vocabatur Romanorum… (*De imperatoria potestate in urbe Roma libellus*. 3 // ibid. P. 720–721).

[5] Narratio Magistri Gregorii de Mirabilibus Urbis Romae. 32–33. Перевод см. [Воссозданный Рим 2020: 65–66].

были осуществлены многочисленные анализы: эндоскопическое исследование; минералогическое изучение земли, использованной во время литья статуи (в процессе реставрации из статуи было извлечено около двух килограммов такой земли); датирование этих обожженных остатков земли с помощью термолюминесцентного анализа; датирование той же земли посредством радиоуглеродного анализа; анализы содержавшихся там же растительных остатков; изучение отпечатков пальцев на комках этой земли (помощь оказало полицейское управление Рима); радиографические (рентгеновские) исследования; определение состава сплава с помощью спектроскопии через флуоресценцию X; изучение структуры и анализ сплава металла; анализ изотопов свинца (в сплаве); анализ органических и неорганических компонентов патины; изучение толщины металла посредством ультразвука; изучение поверхности посредством индукционного тока; кроме того, петроглифический анализ мрамора постамента и изучение следов рабочих инструментов на постаменте, а для фиксации совершаемых действий – фотограмметрия, фотографирование и видеосъемка[6]. Принимали участие итальянские, немецкие, британские, шведские ученые и лаборатории, а также итальянские литейщик и специалист по волкам для консультаций.

В данном каталоге, весьма основательном, похожем скорее на научную монографию, его автор – куратор выставки и руководитель реставрационных работ К. Паризи Пресиччи – не высказывает сомнений в происхождении данной статуи, которую датирует между 490 и 470 гг. до н. э. [Parisi Presicci 2000: 20, 82–83]. Что касается тех результатов термолюминисцентного анализа земли, использованной при отливке, которые указывали на среднюю дату 1515 г. н. э. (плюс-минус 50 лет), то автор каталога объясняет их поздними включениями во время переноса статуи на Капитолий [Parisi Presicci 2000: 82].

Однако сомнения в истинности античной датировки статуи высказывались еще в XIX в.[7], но тогда голос скептиков был едва различим. В конце XX в. средневековую датировку поддержали итальян-

---

[6] Перечислено по благодарностям из каталога выставки [Parisi Presicci 2000: 4–5].

[7] Уже Т. Моммзен отвергал мнение о средневековом происхождении Волчицы [Mommsen 1879: 14, Anm. 31].

ские исследователи Эдильберто Формильи и Адриано Ла Реджина. Но подлинной сенсацией стал выход в 2006 г. книги Анны Марии Каррубы, искусствоведа, осуществлявшей вышеупомянутую реставрацию статуи Волчицы [Carruba 2006][8]. Автор отнесла статую к рубежу VIII/IX вв. н. э., т. е. связала ее изготовление с каролингским возрождением [Carruba 2006: 32–34, 36–43]. При этом немногим ранее (в 2001 г.) в коллективной статье, в которой А. М. Карруба выступила соавтором, посвященной как раз реставрации Волчицы и анализу ее бронзы, античное происхождение статуи принимается как само собой разумеющееся [Ammannati et al. 2001: 43–50]. Также и в небольшой заметке о реставрационных работах, написанной для каталога выставки, она не поднимает вопрос о датировке [Carruba 2000: 89–91]. Впрочем, заметка была посвящена техническим работам с коррозией металла.

Вызвавшая сенсацию книга небольшая (78 страниц), собственно, даже не книга, а большая статья – если отнять каталог бронзовых изделий и иллюстрации, останется около 30 страниц чистого текста. Работа производит несколько странное впечатление. А. М. Карруба не ставит главной целью своей книги доказательство средневекового происхождения статуи Волчицы, хотя именно этот тезис вызвал наибольший резонанс. Для нее это уже аксиома, поэтому, видимо, она дает лишь краткий обзор (менее страницы) предшествующих работ, начиная с XIX в., в которых в той или иной степени признавалась средневековая датировка [Carruba 2006: 34]. Удивительно, но ею вообще не упомянуты работы А. Ла Реджины (и других современных исследователей с подобными взглядами), хотя тот написал предисловие к книге, где высказал полную поддержку автору. Тем не менее изложение А. М. Каррубы так или иначе «вертится» вокруг Волчицы, а потому она постоянно возвращается к вопросу о датировке и попутно приводит доказательства в пользу Средневековья. Главная цель книги не ясна, автор переходит от вопроса к вопросу, не всегда связывая их с Волчицей. Например, довольно подробно она излагает традицию о возникновении и первых этапах бронзолитейного производства в Греции, но как тему самодостаточную, хотя ожидался бы анализ возможного влияния на этрусское искусство. Также ожидался бы и рассказ о ходе реставрации, о проведенных за три года работах,

[8] Книга была переиздана в 2008 г.

все же А. М. Карруба была главным реставратором, но об этом она почти ничего не говорит.

Как бы то ни было, главный посыл книги стал достоянием СМИ, которые, само собой, раздули чисто научный вопрос до сенсации. Почему именно работа А. М. Каррубы породила сенсацию, то ответ, видимо, заключается в том, что она три года реставрировала статую. К тому же для людей посторонних книга заметнее статей в научных журналах. Но главное – она ссылается на результаты естественнонаучных анализов, проведенных, как отмечалось выше, в ходе реставрации. Причем ссылается без подробного изложения этих результатов и их изучения, что опять же послужило сенсационности, ибо оставляло за ними эффект некоей таинственной объективности. Насколько она сама компетентна в этих методах, из книги трудно понять, поскольку ее собственное изложение и аргументация почти полностью относятся к сфере искусствоведения с необходимым дополнением в виде знания техники бронзолитейного производства.

Итак, как это свойственно для «архаического» мышления, вполне представленного и сегодня, долгая работа предшественников и современных сторонников Каррубы в журналистском (т. е., можно сказать, массовом) представлении свелась к одному лицу и его «гениальному» прозрению. По справедливому замечанию Джованни Колонны (сторонника античной датировки) отнесение Волчицы к каролингской эпохе подано не как гипотеза, открытая для обсуждения, а как «открытие» [Colonna 2010: 73]. Впрочем, это естественно для газетной шумихи и тех, кто решил в ней поучаствовать.

Причем отреагировавшие на дискуссию итальянские газеты (La Reppublica, Il Messaggero, Corriere della Sera) – не желтая пресса, а серьезные газеты с самыми большими тиражами. Весьма заметную публикационную активность в СМИ, прежде всего, в газете «La Republica», проявил проф. А. Ла Реджина, сторонник средневековой датировки. В том же 2006 г. 17 ноября вышла его статья «Roma, l'inganno della Lupa, è "nata" nel Medioevo» («Рим, обман Волчицы: она "родилась" в Средние века») [La Regina 2006]. В ней он излагает тезисы А. М. Каррубы и совсем не по-научному утверждает, что «неоспоримыми аргументами» (con argomenti inoppugnabili) доказано не-античное происхождение Волчицы.

Другая его статья «La lupa del Campidoglio è medievale: la prova è nel test al carbonio» («Капитолийская волчица является средневековой: доказательство в анализе на углерод»), посвященная результатам анализов в университете Саленто, была опубликована в той же газете 9 июля 2008 г., причем до научной публикации результатов [La Regina 2008]. А. Ла Реджина поведал почти детективную историю, как целый год эти результаты скрывались от общественности мэрией Рима. Прозвучали и упреки в адрес консервативного научного сообщества Италии. Как достоинство отмечу краткий очерк историографии, что нетипично для газетной статьи. Статья в «La Reppublica» привлекла внимание корреспондента газеты «The Guardian». В итоге на следующий день (10 июля 2008 г.) история перекочевала на страницы этого издания, опять же являющегося газетой респектабельной, влиятельной и, как утверждает Википедия, самой читаемой из серьезных газет в Великобритании. В статье, скорее даже краткой заметке, под названием «Radio-carbon tests reveal true age of Rome's she-wolf – and she's a relative youngster» («Радиоуглеродные тесты открывают истинный возраст римской волчицы – и она относительно моложе») бегло дана история Волчицы от Цицерона через Винкельмана до Каррубы [Hooper 2008].

Отмечу еще одну статью А. Ла Реджины в «La Reppublica» 29 июня 2012 г. под по-журналистски залихватским названием «Capitolina ma medievale tutta la verità sulla Lupa» («Капитолина, но средневековая: вся правда (sic! – *А. С.*) о Волчице») [La Regina 2012]. С восторгом отозвавшись о результатах анализов в университете Саленто, он не преминул покритиковать коллег и заметил, что выводы А. М. Каррубы в книге 2006 г. «были упорно проигнорированы и отвергнуты руководством Капитолийских музеев и в академических кругах Италии историками искусства древнего мира и средневековья», что явно не соответствует действительности (о чем ниже). Кроме того, в статье он заочно подискутировал с некоторыми коллегами.

Упомяну также краткую журналистскую заметку в «Corriere della Sera» в том же 2012 г. от 22 июня: «Dall'Etruria al Medioevo: con il radiocarbonio la Lupa capitolina è più giovane di 17 secoli» («Из Этрурии в Средние века: ввиду радиоуглеродного анализа Капитолийская волчица моложе на 17 веков») [Corriere della Sera 2012]. Здесь очень кратко изложены слова Умберто Брокколи, главы управления культурного наследия Рима.

Всё это попало в блогосферу, которая падка на «дутые» сенсации, в том числе русскоязычную, и тут понеслось: «Великий Рим не столь уж и велик!». И хотя встречается вполне адекватное, пусть и не без ошибок и неточностей, изложение истории легендарной статуи и дискуссии вокруг нее, прежде всего, идей А. М. Каррубы как главного источника сенсации, тем не менее всем им свойственна гипертрофированная самоуверенность в сочетании с отрывочностью сведений и с непониманием сути исторического познания как такового. Ограничусь парой показательных примеров[9]: «В этой статье я хотел обратить внимание наивного человечества на яркий факт всеобщей слепоты толпы, столь свойственной людям. Многие столетия западные ученые и общественные деятели рассказывают нам о великом Риме в Италии, об его исторических и культурных ценностях. Одним из главных доказательств (sic! – *А. С.*) древности Рима является скульптура волчицы, вскормившей своим молоком легендарных основателей Рима – младенцев Ромула и Рема». Или: «А вы в курсе что Рим в Италии фальшивый город с вымышленной историей? Нет? Сейчас мы вам это докажем…». Показательны и комментарии к подобным публикациям, ярко демонстрирующие, что опровержение всего и вся остается по-прежнему востребованным. Объясняется это, несомненно, тем, что при априорном скепсисе можно легко ощутить себя знатоком даже при поверхностных знаниях. При этом, как полагается для «сенсационного» мышления, контраргументы игнорируются полностью, заменяясь стандартной фразой о неубедительности оппонентов в целом.

Естественно, не обошлось без сторонников т.н. новой хронологии А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского. В их фильме «Символы древнего Рима» есть фрагмент, посвященный Капитолийской волчице. Обстоятельства дискуссии изложены, как положено, достаточно верно для придания правдоподобия итоговому выводу. Но также традиционно прозрение приписано одному человеку – А. М. Каррубе. Историки, мол, встретили ее открытие скептически, поскольку она реставратор, а не археолог (т. е. не аргументы спорные, а «мундир» не тот. – *А. С.*). Но тут ей на помощь приходит профессиональный

[9] Ссылки приводить не буду, дабы не рекламировать псевдо-знание. Впрочем, найти их несложно.

археолог Адриано Ла Реджина, и сомнений больше нет и быть не может. Как обычно, в стиле этой секты изложение сопровождается «скептической ухмылкой» всезнающего гуру перед лицом невежд: «некий мастер Антонио дель Палайоло», «волчицу упоминают якобы античные авторы Цицерон, Плиний, Тит Ливий»; характерные выражения «искусствоведы (какие? – *А. С.*) утверждают», «историки (кто? – *А. С.*) говорят»; «историки утверждают, что в древнем Риме существовал свод документов, в котором описывали реставрацию всех памятников и вообще любые наблюдения за их состоянием. Упоминание волчицы в этом своде появляется только в X веке»[10]. И как итог: «Так что если историки перестанут упорствовать в своих заблуждениях и непредвзято изучат древние памятники, то наконец-то сами убедятся, что статуя Капитолийской волчицы была сделана не ранее XIV века».

Но нет худа без добра. Вынесенный на публику вопрос всколыхнул и научную среду. 28 февраля 2008 г. состоялось совещание департамента истории, археологии и антропологии древности университета «Сапиенца», на котором присутствовало более 300 человек. Как отметила Джильда Бартолони, такого собрания ученых давно не видели [Bartoloni 2010: 7]. Были приглашены выступить с докладами 19 человек (историки, искусствоведы, геологи, химики и реставраторы), 13 докладов опубликовали в сборнике под редакцией Дж. Бартолони [Lupa capitolina 2010]. В нем, помимо вводной статьи Дж. Бартолони, имеются два раздела – «С точки зрения науки: радиометрические и технические анализы» (пять статей) и «С точки зрения историка: иконография и стиль» (семь статей). 11 участников (в том числе известный археолог Андреа Карандини) против 6 высказались в пользу древности статуи. Отчет о заседании, довольно эмоциональный и живой, был дан в газете «Il Messaggero» 5 марта 2008 г. под названием «A questo punto, la Lupa Capitolina è solo un mistero» («На данный момент Капитолийская волчица – это просто тайна») [Isman 2008]. Дискуссия, как обычно, не дала однозначного результата, и каждая сторона осталась при своем мнении.

---

[10] Видимо, эти домыслы (насчет свода документов и т. д.) навеяны Книгой пап (Liber Pontificalis), упомянутой у А. М. Каррубы, где в биографиях пап тщательно перечислены их дарения. Кстати, Волчица там вообще не упоминается.

Особую роль в создании сенсации сыграли, разумеется, результаты естественнонаучных анализов, ибо такого рода методики для многих гуманитариев имеют оттенок некоего священнодействия. Вкратце коснусь этих аргументов, само собой, с точки зрения общей логики, а не по сути, ибо также отношусь к этому гуманитарному большинству. В частности, в личных беседах со специалистами с физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и из Института археологии РАН были получены взаимоисключающие ответы на вопрос о возможности и надежности датировки бронзовых изделий. Само собой, я не в состоянии оценить их ответы, но важно отметить, что, как положено в науке, нет единства мнений и в этой области, а кажущаяся однозначность данных является следствием дилетантского восприятия, естественного для представителей иных областей познания.

По поводу специалистов, осуществлявших анализы, можно сделать любопытное наблюдение, взяв в качестве примера статью, написанную группой итальянских ученых «Импульсная инфракрасная термография, примененная для количественной характеристики структуры и литейных дефектов Капитолийской волчицы» [Mercuri et al. 2017a; Mercuri et al. 2017b: 199–207]. Как видно из названия, они пишут о своем методе (импульсная инфракрасная термография) и его применении. Соответственно, их волнуют только проблемы металлургической технологии (характеристика структуры и литейных дефектов Капитолийской волчицы), вопрос же о датировке они даже не ставят и ни единым словом не упоминают, хотя работа А. М. Каррубы в библиографии имеется. Показательно, что в другой статье того же научного коллектива без всяких оговорок приведены вместе результаты исследования Волчицы и двух других бронзовых статуй, чье античное происхождение бесспорно (Кулачный боец и т. н. Диадох, обе статуи из Национального римского музея) [Orazi et al. 2018]. И такое невнимание к волнующей нас проблеме вполне объяснимо – у каждого исследования свои задачи.

Все же при всей кажущейся точности научных методов ученых-естественников и среди них нет единства мнений, что не позволяет говорить о «неопровержимых доказательствах». В частности, Маурицио Саннибале в статье из упомянутого сборника под редакцией Дж. Бартолони утверждает, что радиокарбонный анализ дает

420–560 гг. или 645–690 гг., а термолюминесцентный – IX–XV вв. [Sanniballe 2010: 60]. При этом сам он предположил оригинальную датировку концом IV в. до н. э. [Sanniballe 2010: 55].

Весьма логичной и, соответственно, убедительной мне показалась статья Клаудио Джардино, который сразу оговорил, что не будет касаться исторических и искусствоведческих аспектов, а ограничится чисто технологическими вопросами. Тщательно рассмотрев аргументы сторонников средневековой датировки, связанные с технологией производства, он не видит оснований для отказа от античной. Техника изготовления Волчицы, по его мнению, соответствует знаниям и способностям умелого литейщика в классическую эпоху. Ни литейная техника, ни размеры изделия, ни внутренний металлический каркас, ни состав сплава не являются характеристиками, лишенными соответствия в скульптуре этрусской и греко-римской. Состав изотопов указывает на меднорудные месторождения Калабона (Сардиния), несомненно использовавшиеся в Античности, но не установлена их разработка в Средние века [Giardino 2010: 34 (заключительные выводы)]. А сравнение состава бронзовых сплавов свидетельствует, что по количеству олова (9,2 %) и свинца (5 %) бронза Волчицы не отличается от этрусских бронз, но отличается от позднейших [Giardino 2010: 29]. Таким образом получается хотя относительная, а не абсолютная, но все же античная датировка.

Что касается литейной земли – одного из важнейших объектов анализа, то и сторонник средневековой датировки Марко Мартини вынужден был признать, что литейная земля все же не является керамикой, а отсюда возникают проблемы. Неизвестно, добавляет автор, и в каком окружении находилось Волчица в прошлом, что также влияет на датировку [Martini 2010: 39].

Я ограничился лишь несколькими примерами расхождений в оценке результатов естественнонаучных анализов, не имея компетенции в полной мере оценить основательность аргументации сторон. Тем не менее, как можно заметить, поиск истины и здесь не менее противоречив, чем в гуманитарной области.

Конечно, рассмотренный сборник получился в целом консервативно настроенным в отношении датировки Волчицы. Своеобразным ответом послужил выход в 2011 г. книги из трех работ (одновременно на немецком и английском языках), написанных сторонниками

средневековой датировки [Radnoti-Alföldi, Formigli, Fried 2011]. Статья Э. Формильи основана на предыдущей публикации в сборнике под редакцией Дж. Бартолони [Formigli 2010: 15–24], а в статьях нумизмата М. Радноти-Альфельди и историка Й. Фрида были предложены довольно спекулятивные гипотезы относительно судьбы статуи. Книга получила провокационно громкое название «Римская Волчица. Древний памятник падает со своего пьедестала», хотя имелась в виду (в статье М. Радноти-Альфельди) статуя волчицы, перевезенная в Константинополь и переплавленная крестоносцами в 1204 г. В рецензии на это издание прозвучали, на мой взгляд, весьма здравые слова, призывающие к осторожности в использовании естественнонаучных данных: «Как часто бывает с подобными техническими исследованиями, многие результаты были двусмысленными, аномальными или несовместимыми» [Kinney 2013: 1063][11].

Важнейшим аргументом сторонников средневековой датировки является термолюминесцентный и радиоуглеродный анализы земли, оставшейся внутри волчицы после отливки. Напротив, химический анализ металла свидетельствует скорее в пользу античной датировки. Но что показательно: когда А. М. Карруба писала свою книгу, естественнонаучные анализы давали весьма широкий возможный интервал, а именно между VII и XVI в. н. э. [Carruba 2006: 31–32]. Такая широкая датировка совершенно неприемлема с точки зрения историка и искусствоведа, ибо вмещает в себя совершенно разные эпохи с разными эстетическими воззрениями и технологическими возможностями, разными стилями и направлениями художественного творчества. Позднее, в 2007–2008 гг., были проведены упомянутые в начале статьи радиоуглеродные тесты в Центре датировки и диагностики при Университете Саленто (близ г. Бриндизи), причем сделанные 28 раз[12]. Их результаты были опубликованы в 2012 г. Пожалуй, это самый серьезный и самый популярный аргумент среди сторонников средневековой датировки. Как утверждается, результаты показали с точностью 95,4 %, что скульптура была создана в XI–XII вв. н. э. и даже точнее – между 1021 и 1153 гг. [Calcagnile et al. 2019: 209–212].

---

[11] “As so often with such technical investigations, many of the results were ambiguous, anomalous, or incompatible”.

[12] Цифру приводит А. Ла Реджина [La Regina 2012].

Но указанные результаты опровергают выводы самой А. М. Каррубы, чего, похоже, в пылу дискуссии ее ярые сторонники не замечают. А именно, как отмечалось выше, она отнесла создание Волчицы к рубежу VIII/IX вв., т. е. к каролингскому периоду, исходя в основном из искусствоведческих и исторических соображений. Таким образом, собственный анализ и выводы А. М. Каррубы могут рассматриваться лишь как гипотеза, причем гипотеза, не объясняющая и не подтверждающая результаты естественно-научных исследований. Проблема противоречия между гуманитарными и естественными науками остается, а реальную сенсацию должна была бы сотворить не книга А. М. Каррубы, но исследования университета Саленто, соответственно, именно их следует сделать объектом пристальной проверки.

С точки зрения исторической науки решение вопроса о времени создания статуи Капитолийской волчицы имеет весьма малое значение (или даже вообще никакого), ибо датировка данной конкретной статуи не меняет факта самого наличия статуи (статуй) волчицы в древнем Риме и никак не сказывается на решении вопроса о значении волка (волчицы) в культе и народных верованиях. Для искусствоведов изменение датировки означает всего лишь перемещение объекта исследования от одной группы исследователей к другой с некоторыми изменениями в выводах, но вряд ли принципиального характера. Для естественников, само собой, здесь вообще нет проблемы, ибо их интересует лишь бронзовое изделие как таковое, т. е. структура металла и техника литья.

Но, как уже отмечалось, дискуссия вокруг Волчицы весьма интересна в плане методики научного исследования, ибо здесь сошлись в одной точке приемы и методы трех научных областей – искусствоведения, истории и естественных наук. Наибольший материал для анализа имеется у историков искусства, причем речь идет не только о бронзовых статуях, в том числе фрагментированных, но и о каменной скульптуре, рельефах, мозаиках с изображением волка/волчицы и им подобных зверей. Особо отмечу такого рода искусствоведческий анализ, который в упомянутом сборнике представили Дж. Колонна и Э. Ла Рокка в основательных статьях, по объему равных тексту монографии А. М. Каррубы [Colonna 2010: 73–110; La Rocca 2010: 117–150]. Проведенное ими исследование все же свидетельствует в пользу античного происхождения статуи. Как

мне кажется, такой взгляд среди искусствоведов заметно преобладает (при всей понятной невозможности решать научные проблемы голосованием). Для согласования противоречивых данных как вариант была предложена гипотеза о средневековой копии античной статуи [La Rocca 2010: 146 (правда, называя это предложение граничащим с абсурдом); Mura Sommella 2010: 172; Parisi Presicci 2010: 183, n. 14].

Материал у историков гораздо ограниченнее, но, возможно, именно исторический анализ может сыграть роль арбитра в споре. Ведь если изменить дату изготовления статуи, то ее надо вписать в исторический и культурный контекст. Другими словами, необходимо задаться вопросом: что побудило на рубеже XI/XII создать недешевую статую такого рода, причем этот акт совершенно не отразился в источниках? Если для античной версии причины появления Волчицы вполне можно предположить, учитывая, в том числе, позднейшую популярность данного сюжета в римском искусстве, то для средневековой дело обстоит гораздо сложнее. А. М. Карруба попыталась ответить на этот вопрос, но, поскольку она ошибочно связала изготовление статуи с каролингским возрождением, ее объяснение теряет смысл.

Похоже, что дискуссия вокруг Волчицы на время взяла тайм-аут в ожидании новых аргументов. К осторожности в оценке данных естественных наук призывает и схожая история Пренестинской фибулы (VII в. до н. э.). Уже само появление ее в 1887 г. как якобы найденной при раскопках в Палестрине в 1871 г. было весьма подозрительно и наводило на мысль о подделке. Микроструктурный анализ, проведенный геологом Г. Девото в конце 70-х гг. XX в., не выявил в материале фибулы тех элементов, которые должны быть, если бы фибула долго пролежала в земле. Но окончательно признать ее подделкой мешала надпись, фальсифицировать которую мог только гениальный филолог, предвосхитивший более поздние открытия (краткое, но емкое изложение см. [Цымбурский 2003: 122–128]). Как вариант, была выдвинута версия о подделке реальной фибулы. Именно вокруг надписи в силу значимости этого обстоятельства шли наиболее оживленные дискуссии, даже оттеснив данные естественнонаучных исследований. Но и они не стоят на месте, и в 2011 г. сканирование с помощью электронного микроскопа и физико-химический анализ вроде бы подтвердили аутентичность Пренестинской фибулы и даже выявили следы древнего ремонта, что вернуло дис-

куссию к начальному пункту (краткое объявление [Maras 2012]; подробное изложение [Ferro, Formigli 2015: 43–72; Franchi de Bellis 2015: 103–112]). Даже не имея компетенции оценить убедительность этих новых исследований, все же нельзя не заметить, что и в естественнонаучных сферах развитие науки идет по спирали, возвращаясь к, казалось бы, уже окончательно отвергнутым гипотезам, а трактовка имеющихся данных допускает разные варианты. Потому и в случае с Волчицей не следует спешить с выводами и уж во всяком случае с громогласными заявлениями, к которым явно тяготеют сторонники средневековой датировки.

Возвращаясь к компетенции историка-античника, подчеркну, что нашей задачей является, в первую очередь, попытаться определить, чем могло быть вызвано создание статуи Волчицы, в каком социальном, религиозном и даже политическом контексте она могла появиться. Понятно, что тем самым не решается проблема аутентичности данной статуи, но это первый и необходимый шаг при рассмотрении проблемы. И начать следует с вопроса, какую роль (или какое значение) могла иметь статуя волчицы в религиозном отношении. Соответственно, необходимо выяснить, имелся ли в Риме в принципе культ волка/волчицы, или здесь действовали иные факторы. Вопрос не так прост, как кажется, свидетельством чему являются противоположные ответы в историографии. Начав с этого, предполагаю в дальнейших работах рассмотреть и другие взаимосвязанные проблемы.

Список литературы

1. Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000.

2. Воссозданный Рим / пер., комм, вступительная статья и подбор илл. И. В. Кувшинской. М.: Издательство Францисканцев, 2020.

3. Вощинина А. И. Античное искусство. Исторический очерк. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1962.

4. Колпинский Ю. Д., Британова Н. Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М.: Искусство, 1982.

5. Лосева Н. М., Сидорова Н. А. Искусство Этрурии и Древней Италии. Очерки. М.: Искусство, 1988.

6. Ривкин Б. И. Античное искусство. М.: Искусство, 1972.

7. Соколов Г. И. Искусство этрусков. М.: Искусство, 1990.

8. Цымбурский В. Л. Дело о Пренестинской фибуле: к оценке аргументов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб.: Наука, 2003. С. 122–128.

9. Ammannati A., Martellucci E., Parisi Presicce C., Carruba A. M. Il restauro della "Lupa Capitolina": analisi dell bronzo e delle patine di corrosione tramite microscopio ottico et elettronico a scansione // La metallurgia italiana. Vol. 93. 2001. № 1. P. 43–50.

10. Bartoloni G. La Lupa Capitolina. Nuove prospettive di studio // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 7–11.

11. Calcagnile L., D'Elia M., Maruccio L., Braione E. Solving an historical puzzle: Radiocarbon dating the Capitoline she wolf // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms. Vol. 455. 2019. P. 209–212.

12. Canu N. Le valenze del lupo nel mondo romano. Periodo arcaico ed età repubblicana. Diss. Universita' Degli Studi Di Sassari. Sassari, 2005.

13. Carcopino J. La Louve du Capitole. Paris: Les Belles Lettres, 1925.

14. Carruba A. M. Intervento di restauro // Parisi Presicci C. La Lupa Capitolina. Roma, 2000. P. 89–91.

15. Carruba A. M. La Lupa Capitolina: un bronzo medieval. Roma: De Luca editori d'arte, 2006.

16. Colonna G. Un monumento romano dell'inizio della Repubblica // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 73–110.

17. Dall'Etruria al Medioevo: con il radiocarbonio la Lupa capitolina è più giovane di 17 secoli // Corriere della Sera. 22 giugno 2012. URL: https://roma.corriere.it/roma/notizie/cronaca/12_giugno_22/lupa-capitolina-diventata-medievale-201720831962.shtml (accessed 14.05.2022).

18. Dulière C. Lupa Romana. Recherches d' iconographie et essai d'interprétation. Bruxelles-Rome, 1979.

19. Ferro D., Formigli E. Risultati delle recenti indagini archeometriche sulla Fibula di *Manios* // Bullettino di Paletnologia Italiana. Vol. 99. 2011–2014: La Fibula Prenestina. Roma, 2015. P. 43–72.

20. Formigli E. La storia della tecnologia dei grandi bronzi // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 15–24.

21. Franchi de Bellis A. La *Fibula Praenestina* è autentica: ulteriore conferma da recenti indagini archeometriche // Bullettino di Paletnologia Italiana. Vol. 99. 2011–2014: La Fibula Prenestina. Roma, 2015. P. 103–112.

22. Giardino C. Aspetti archeometallurgici // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 25–36.

23. Hooper J. Radio-carbon tests reveal true age of Rome's she-wolf – and she's a relative youngster // The Guardian. 10 July 2008. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2008/jul/10/art.sciencenews (accessed 14.05.2022).

24. Isman F. A questo punto, la Lupa Capitolina è solo un mistero // Il Messaggero. 5 maggio 2008. URL: http://storiaromana.blogspot.com/2008/05/questo-punto-la-lupa-capitolina-solo-un.html (accessed 14.05.2022).

25. Kinney D. Book Review: The Lupa Romana: An Antique Monument Falls from Her Pedestal // Speculum. Vol. 88. № 4. 2013. P. 1063–1065.

26. La Regina A. Roma, l'inganno della Lupa, è "nata" nel Medioevo // La Reppublica. 17 novembre 2006. URL: https://www.repubblica.it/2006/11/sezioni/spettacoli_e_cultura/lupa-scultura-roma/lupa-scultura-roma/lupa-scultura-roma.html (accessed 14.05.2022).

27. La Regina A. La lupa del Campidoglio è medievale: la prova è nel test al carbonio // La Reppublica. 9 luglio 2008. URL: https://roma.repubblica.it/dettaglio/la-lupa-del-campidoglio-e-medievale-la-prova-e-nel-test-al-carbonio/1485581 (accessed 14.05.2022).

28. La Regina A. Capitolina ma medievale tutta la verità sulla Lupa // La Reppublica. 29 giugno 2012. URL: https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2012/06/29/capitolina-ma-medievale-tutta-la-verita-sulla.html (accessed 14.05.2022).

29. La Rocca E. Una questione di stile // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 117–150.

30. Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010.

31. Maras D. F. Scientists declare the Fibula Prenestina and its inscription to be genuine "beyond any reasonable doubt" // Etruscan News. № 14/2. 2012.

32. Martini M. La datazione della terra di fusione // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 39–41.

33. Mercuri F., Orazi N., Paoloni S., Cicero C., Zammit U. Pulsed infrared thermography applied to quantitative characterization of the structure and the casting faults of the Capitoline She Wolf // Applied Physics A. 2017. Vol. 123. Iss. 5, article id. 327, 8 p.

34. Mercuri F., Orazi N., Zammit U., Giuffredi A., Salerno C.S., Cicero C., Paoloni S. The manufacturing process of the Capitoline She Wolf: a thermographic method for the investigation of repairs and casting faults // Journal of Archaeological Science: Reports. № 14. 2017. P. 199–207.

35. Mommsen T. Die echte und die falsche Acca Larentia // Idem. Roemische Forschungen. Bd II. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1879. S. 1–22.

36. Mura Sommella A. Contributo alla lettura dell'opera // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 151–174.

37. Orazi N., Paoloni S., Zammit U., Cicero C., Ferretti M., Caruso G., Colacicchi Alessandri O., Paris R., Mercuri F. Thermographic Investigation of Bronze Artefacts: Characterization of Structure Elements and Casting Faults in Masterpieces of the Bronze Statuary of Rome // International Journal of Thermophysics. 2018. Vol. 39. Iss. 12, article id. 141, 10 p.

38. Parisi Presicci C. La Lupa Capitolina. Roma, 2000.

39. Parisi Presicci C. Un'opera bronzea di stile severo // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 175–198.

40. Radnoti-Alföldi M., Formigli E., Fried J. Die römische Wölfin. Ein antikes Monument stürzt von seinem Sockel. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011.

41. Sanniballe M. Per un approccio calibrato all'esame tecnologico // Lupa capitolina: nuove prospettive di studio: incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La lupa capitolina: un bronzo medieval / A cura di G. Bartoloni. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2010. P. 43–63.

42. Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. Bd 1. Dresden: Walther, 1764.

Информация об авторе

Сморчков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, РГГУ и ВШЭ, Москва, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, РАНХиГС, Москва, Россия; smorchkovtuber@yandex.ru

Information about the author

Andrei Smorchkov – Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Ancient History, Russian State University for the Humanities and Higher School of Economics; Professor of the Department of World History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; smorchkovtuber@yandex.ru

УДК 930.2+94(37)+94(450).05

Древнейшая история Тосканы в “Historia Pistoriensis” Джанноццо Манетти

Н. В. Бугаева

Аннотация. В статье рассматривается освещение событий из античной истории Тосканы в труде флорентийского гуманиста XV в. Особое внимание уделяется анализу методов работы с разными категориями источников. Манетти выстраивает стройную иерархию: древнеримская традиция, «недавние авторы» и общераспространенные представления, остатки материальной культуры, архивные документы; несколько особняком стоит древнегреческая традиция. Автор статьи показывает, как и почему Манетти нарушает декларируемые постулаты в случае с легендарным основанием Пистои. Выявляются основные аспекты заочного спора о принципах историописания между двумя гуманистами – Джанноццо Манетти и Леонардо Бруни.

Ключевые слова: Манетти, Пистоя, историописание, Возрождение, гуманизм, Тоскана, Этрурия.

The ancient history of Tuscany in Giannozzo Manetti’s “Historia Pistoriensis”

Natalia V. Bugaeva

Absrtact. The article discusses the coverage of events from the ancient history of Tuscany in the work of the Florentine humanist of the 15th century. Particular attention is paid to Manetti’s methods to deal with different categories of sources. Manetti builds an ordered hierarchy: the ancient Roman tradition, “recent authors” and common ideas, remnants of material culture, archival documents; the ancient Greek tradition stands somewhat apart. N.V. Bugaeva demonstrates how and why Manetti violates the declared postulates in the case of the legendary foundation of Pistoia. The main aspects of the absentee dispute about the principles of historical writing between two humanists – Giannozzo Manetti and Leonardo Bruni – are revealed.

Keywords: Manetti, Pistoia, historical writing, Renaissance, humanism, Tuscany, Etruria.

Флорентийский гуманист Джанноццо Манетти (1396–1459) принадлежит к числу наиболее многогранных личностей эпохи Ренес-

© Бугаева Н. В., 2022

санса[1]. Несмотря на устойчивый интерес к его деятельности, еще недавно внимание ученых было сосредоточено преимущественно на знаменитом трактате «О достоинстве и превосходстве человека»[2]. Как констатирует С. У. Балдассарри, «в течение значительной части XX в. другие его (Манетти. – *Н. Б.*) многочисленные труды если не оставались в полном пренебрежении, то, по крайней мере, были отодвинуты на второй план» [Baldassarri 2011: 3][3]. Ситуация, однако, начала меняться: в 2007 г. состоялся международный конгресс, по итогам которого издан сборник, где жизнь и творчество гуманиста получили всестороннее освещение [Dignitas et excellentia 2008].

Особое место среди наследия Манетти занимает “Historia Pistoriensis (История Пистои)” – книга с интересной судьбой, произведение нетипичного для XV в. жанра. Большинство исторических сочинений Ренессанса посвящено независимым политиям; как правило, речь идет о трудах, инициированных «сверху» [Connell 2000: 155; Baldassarri, Connell 2014: 7; cfr.: Baldassarri 2011: 21]. «История Пистои», созданная по своей инициативе флорентийцем, исполняющим официальную должность в подчиненном городе, «отклоняется от нормы» [Connell 2000: 155; Baldassarri, Connell 2014: 7–8; Valeri 2013: 176; Marsh 2019: 59]. Манетти не просто рассказывает об одном из множества зависимых центров, но рисует портрет коммуны, обладающей яркой индивидуальностью. Согласно распространенным взглядам, Пистоя была одним из злейших врагов Флоренции. Истоки противостояния восходят к Римской республике, ведь город основали солдаты Катилины, из-за которого погиб легендарный Флорин, эпоним столицы Ренессанса. Пистоя XV в. – результат печального исторического опыта коллектива, обескровившего себя взаимными распрями и утратившего автономию. Знакомясь с событиями, давая

[1] Существует несколько биографий гуманиста, написанных его младшими современниками: «Жизнеописание Манетти» и «Комментарий к “Жизнеописанию Джанноццо Манетти”» Веспасиано да Бистиччи и «Жизнеописание Джанноццо Манетти, написанное флорентийцем Нальдо Нальди». Два последних произведения частично переведены на русский язык: [Ревякина 2010a; Revyakina 2013]. О Манетти см.: [Ревякина 2008].

[2] На русском языке см.: [Ревякина 2010b].

[3] Ср. характеристику, данную «Истории Пистои» Е. Валери: «сочинение, которым долго пренебрегали, и которое было совершенно забыто» [Valeri 2013: 175].

оценку поступкам общественных деятелей, вдумчивый читатель мог извлечь полезные уроки [Baldassarri, Connell 2014: 8].

Древнейший период существования Пистои только в последнее столетие приоткрывает тайны благодаря усилиям археологов. До того в основе представлений лежала почти исключительно письменная традиция. “Historia Pistoriensis” – первая попытка написать не хронику, но самую настоящую историю [Ibid. 7] – внесла свой вклад в изучение античности на территории северо-западной Тосканы. Поколение пистойских эрудитов XVII–XVIII вв. (Пандольфо Арферуоли, Микеланджело Сальви, Доменико Чини и Джакопо Мария Фиораванти), чьи труды до сих пор представляют научную ценность, читало сочинение Манетти[4]. Через полемику мысли гуманиста продолжали влиять на историописание, а нескончаемая дискуссия об имени города обязательно учитывает предложенную в сер. XV столетия этимологию. Все вышесказанное оправдывает повторное обращение к “Historia Pistoriensis”, попытку рассмотреть ее в том числе с методологического ракурса. Автор на редкость четко сформулировал принципы подхода к источникам, оговорив причины доверия или недоверия к предшественникам [Baldassarri 2011: 22]. Многие выводы оспорены учеными XX в., однако заочная дискуссия двух гуманистов, Джанноццо Манетти и прославленного Леонардо Бруни, играет новыми красками в свете современных источниковедческих концепций.

Перед тем, как приступить к исследованию, необходимо – в случае с «Историей Пистои» это не дежурная фраза – напомнить обстоятельства, сподвигнувшие Манетти взяться за перо. В предисловии автор обещает пистойцам собрать «все, начиная с основания города, достославные деяния ваших предков» (*HP.* Proem.7), «славнейшие деяния ваших предков, древние и недавние, прежде сокрытые мраком неизвестности» (Ibid. 9). Все же, несмотря на наличие явного адресата, “Historia Pistoriensis” создавалась для значительно более широкого читательского круга.

Исследователь творчества Манетти С. У. Балдассарри отмечает, что гуманист работал над тем или иным трактатом при исполнении каждой из должностей во флорентийском контадо. До «Истории Пи-

[4] Подробно об этом см.: [Baldassari 2011: 36–37].

стои», которую Манетти писал, будучи капитаном города, он составил биографии Сократа и Сенеки, неся в Пеше обязанности викария Вальдиньеволе (1440 г.), а в конце 1452 г., находясь в Скарперии как викарий Муджелло, завершил «О достоинстве и превосходстве человека» [Baldassarri, Connell 2014: 6, n. 8]. В предисловии к параллельному жизнеописанию двух философов Манетти выразился открыто: «Если бы за все время пребывания в этой префектуре я ничего не написал и не вверил памяти, то счел бы, что провожу этот полугодичный промежуток времени пустым, позорным, бездеятельным и бесполезным для просвещенных людей (hominibus litteratis) образом»[5]. Прецедент с “Vita Socratis et Senecae” позволяет понять, как гуманист видел свою роль – в неразрывном единстве политической и литературной активности, когда прилагаемые на разной ниве усилия взаимообуславливают успех, стимулируя друг друга [Baldassarri 2011: 5; ср.: Ревякина 2008: 119–120]. Честолюбивый и относительно поздно обратившийся к studia humanitatis[6], автор желал предстать перед современниками и потомками в облике эрудита, направившего силы своего таланта на благо отечества [Baldassarri 2011: 6]. Работу над “Historia Pistoriensis” С. У. Балдассари рассматривает в аналогичном ключе. Исполняя общественные обязанности на севере Тосканы, Манетти хотел приблизиться к таким эталонным личностям, как канцлеры Флорентийской республики К. Салутати и Л. Бруни, выдающиеся общественные деятели и блистательные мастера слова [Ibid. 7].

Манетти вступил в должность капитана 1 октября 1446 г., чтобы, согласно закону, оставаться в ней до 31 марта следующего года [Ibid. 5]. Гуманист уже имел опыт управленческой деятельности в Вальдиньеволе; кроме того за плечами были различные коллегиальные

---

[5] Цит. по: [Ibid. 6].

[6] О сложном пути Манетти к studia humanitatis см.: [Ревякина 2010а: 214–219; Revyakina 2013: 207–211]. С.У. Балдассарри употребляет английский термин “self-fashioning” – настойчивое стремление создать свой позитивный образ [Baldassarri 2011: 6]. Ср. мнение М. Мартелли о стиле Манетти: «Подобным языком говорит человек, который заботится о производимом впечатлении и стремится к блеску славы в глазах сильных мира сего и восхищенных народов» (цит. по: [Ibid. 39]). О прозе Манетти см.: [Martelli 1989; Baldassarri 2002].

магистратуры во Флоренции[7]. Правдоподобна гипотеза, что Манетти начал лелеять мысль об «Истории Пистои» вскоре после прибытия в город. Думать об этом побуждает документ от 25 октября 1446 г., разрешающий новому капитану пользоваться капитулярной библиотекой[8]. Предположительно интерес Манетти вызвали манускрипты, содержащие информацию о локальных событиях, которая отсутствовала в «Новой хронике» Дж. Виллани или «Истории флорентийского народа» Бруни [Ibid. 7]. Поскольку эти рукописи не имеют прямого отношения к нашей теме, подчеркнем лишь краткую дистанцию между приездом гуманиста и полученным разрешением.

Работа над рукописью осложнилась непредвиденными обстоятельствами, о которых читатель узнает из Предисловия (Ibid. 3–10). Это и злополучное посольство пистойцев во Флоренцию, и необходимость срочно отправиться в Рим. По словам Манетти, он писал последнюю третью книгу, когда его включили в состав делегации к новому Папе (Ibid. 9–10)[9]. Вернувшись домой, гуманист обратился к отложенному произведению, завершил его и послал в богатом переплете[10] жителям Пистои (Ibid. 10). Если брать за точку отсчета 25 октября 1446 г., автор трудился над «Историей» 7 месяцев. Этот срок следует уменьшить за счет времени, необходимого для изготовления копии, достойной адресатов[11]; поэтому С. У. Балдассарри датирует готовность манускрипта самое позднее к маю 1447 г. [Ibid. 12]. В действительности же, учитывая исполнение обязанно-

---

[7] “Cursus honorum” гуманиста приведен в.: [Baldassarri 2011: 4; Ricciardelli 2008: 279–280; Zaccaria 2008: 336–344]. Об исполнении обязанностей должностного лица в контадо см.: [Connell 2000].

[8] Документ *ACPT*, A/1, I, c.10r опубликован в: [Connell 2011a: 232]. Согласно ему, собравшийся в пистойском соборе капитул единогласно проголосовал за то, чтобы «нынешний капитан Пистои [*а именно Джанноццо ди Бернардо Манетти*] (примечание и курсив издателя. – *Н. Б.*) взял в пользование … любую, какую захочет, книгу, принадлежащую Капитулу».

[9] Присутствие Манетти было настолько важным, что флорентийцы приняли специальное решение о досрочном отзыве его из Пистои. Впоследствии Манетти стал секретарем Николая V и автором его биографии.

[10] Документ *ASPT*, Provv., 40, cc. 58r-v датирует вручение «Истории Пистои» от имени Манетти 3 июля 1447 г. [Ibid. 236–237].

[11] Из *ASPT*, Provv., 40, cc. 58r-v следует, что манускрипт имел обтянутую шелковой тканью обложку [Ibid.].

стей посла, о пятимесячном сроке можно говорить с существенными ого-ворками. Спешка при работе обусловила (по крайней мере частично) хронологические неточности, синтаксические ошибки и лакуны в тексте [Ibid. 7; cfr.: Marsh 2019: 62].

Неизбежно возникает вопрос о ценности подобного произведения. Размышляя об одном ненаписанном трактате, С. У. Балдассарри предполагает, что «он имел бы в сущности компилятивный характер – как большей частью случается в творчестве Манетти» [Baldassarri 2011: 9; cfr.: 30]. Да и самой "Historia Pistoriensis" издатель отводит скромное место: «из того, что было показано относительно содержания и источников "Истории Пистои", понятно, почему это сочинение Манетти оказывается не особо оригинальным» [Ibid. 31; cfr.: 21–22]. Иначе случиться не могло, ведь гуманист руководствовался принципом компиляции, спеша и располагая ценными трудами предшественников [Ibid. 31–32, 38]. По мнению С. У. Балдассарри, "Historia Pistoriensis" строится на постоянном сопоставлении «Истории флорентийского народа» с «Новой хроникой», а после 1348 г. (смерть Виллани) является переработкой текста Бруни [Ibid. 22][12]. При этом в адрес Манетти звучат еще два упрека: он иронично сравнивается со «слугой двух господ», желающим достойно изобразить свою отчизну и в то же время польстить попавшим под ее гегемонию пистойцам [Ibid. 21, 22; cfr.: 26]. Удовлетворить порою разнонаправленным интересам нелегко, что «было обречено рано или поздно вылиться в противоречивое заключение» [Ibid. 26]. Более серьезно обвинение гуманиста в противоречии самому себе в силу «традиционного энциклопедизма, который ведет к сбору сведений без дальнейшего их отсева путем критического сопоставления» [Ibid.]. Таким образом, согласно С. У. Балдассарри, в лице Манетти перед нами компилятор, лишивший свое творение возможности стать оригинальным.

[12] Далее издатель апеллирует к «тщательному историческому комментарию Уильяма Коннелла» [Baldassarri 2011: 30]. Манетти отнюдь не скрывал свои источники: «Здесь (т. е. до 131 параграфа II книги – *Н. Б.*) … собрано в хронологическом порядке, начиная с основания Пистои, все, сочтенное наиболее достойным и уместным. Отчасти мы воспользовались знаменитыми анналами Виллани, отчасти – неполными и разрозненными пистойскими хрониками, отчасти – исчерпывающей официальной "Историей" нашего Леонардо» (*HP*. II.131). Д. Марш расширяет список за счет Дино Компаньи [Marsh 2019: 60].

В задачу статьи не входит дискуссия с уважаемым итальянским ученым касательно всей «Истории Пистои». Интерес вызывают §§1–74 первой книги, стоящие чуть особняком, и, насколько нам известно, не подвергавшиеся углубленному исследованию, которое могло бы внести коррективы или дополнительно подкрепить эту концепцию. Рассмотрим, как Манетти освещает древнюю историю северо-западной Тосканы, сколь строго придерживается декларируемых принципов работы с источниками, в какой степени подвержен влиянию идеологии. Мы соглашаемся с тезисом, что лучше всего понять методологию автора “Historia Pistoriensis” можно проанализировав его источниковую базу [Ibid. 22]. Последняя обретает крайнюю важность в условиях, когда изучающего и изучаемое разделяет значительный временной интервал, а сведения скудны и(или) противоречивы. Формулируя свой подход, Манетти осознавал остроту проблемы, понимал необходимость обеспечить исторические изыскания надежным фундаментом. Умозаключения гуманиста основаны прежде всего на нарративной традиции, которая, впрочем, видится ему неоднородной.

Суть подхода к источникам изложена в пассаже, где речь идет о реконструкции событий после 62 г. до н. э. (легендарное основание Пистои): «То, что расскажем далее (пусть это произошло ближе к нам по времени и сравнительно недавно, а еще содержится в трудах некоторых достоверных современных (modernis) авторов), все таки, думается, нельзя признать столь же надежным, как сведения о далеком прошлом, почерпнутые у древних писателей, обладающих непререкаемым авторитетом и незапятнанной репутацией. Говоря более ясно и четко, я считаю, что различие между древними и новыми источниками сведений кроется в том, что все первые заслуживают наименования “истинных”, а все вторые – “правдоподобных”[13]. Ведь мы полагаем, что (если оставить в стороне чужеземных греческих историков, ограничиваясь нашими) сообщали истину Кв. Курций, Г. Юстин, Т. Ливий, Саллюстий Крисп, Плиний Секунд, Светоний Транквилл и другие подобные им прославленные древние авторы. Правдоподобным же мы считаем то, что писали о случившемся в глубоком прошлом Данте, Петрарка, Бокаччо, Виллани, Бенвену-

[13] В обоих случаях кавычки поставлены издателем.

то, Бути[14] и некоторые другие недавние авторы» (Ibid. I.35–36). Т. е., согласно Манетти, приводимая древнеримскими писателями информация не нуждается в проверке; она априори точна. Чуть раньше подобная мысль выражена следующим образом: «Мы полагаем, что всему, до сих пор (гибель Катилины в 62 г. до н. э. – *Н. Б.*) написанному, следует верить, считая *настолько достоверным, как если бы мы видели своими глазами* (курсив наш. – *Н. Б.*). Ведь хорошо известно, что есть авторитетные писатели, сообщающие надежную информацию» (Ibid. 34). Автор «Истории Пистои» сформулировал главный постулат: для надежной реконструкции прошлого необходим древнеримский нарратив.

Манетти цитирует латинских писателей в точности или с незначительными модификациями. Наилучший пример – почти дословная передача описания битвы после фразы: «Для несколько более ясной и детальной трактовки этого вопроса, мы озаботились привести слова Саллюстия, в высшей степени знаменитого и заслуживающего доверия писателя» (*HP*. I.52). Не доказано, что текст Sall. *Cat*. 59–60 восходит к свидетельству очевидца; современные ученые скептически относятся к приводимым подробностям [Q. S. 1900: 75; Sumner 1963: 217; Pizza 1985: 25–27; Jori 2016: 126, 128]; Манетти же вопросом первоисточников Саллюстия не задается.

Средневековая традиция представлена в “Historia Pistoriensis” как общепринятое мнение (communis opinio) и в качестве легенд, сохраненных, в частности, Виллани. Будучи ограничены рамками статьи, напомним, что к началу эпохи Ренессанса во Флоренции была развита традиция историописания. Из потенциально доступного Манетти можно назвать, в частности, латинскую «Хронику о происхождении города» (1 пол. XIII в.) и ее итальянский вариант «Фьезоланскую книгу» (кон. XIII – нач. XIV в.), «Книгу о сокровище» Брунетто Латини (60-е гг. XIII в.), «Флорентийскую историю» Рикордано Малиспини и «Флорентийскую хронику» Маркьоне ди Коппо Стефани (2 пол. XIV в.). Кроме того, из уст в уста передавались сказания, являющиеся плодом причудливого симбиоза народной фантазии со сведениями, почерпнутыми из ранних хроник и заимствованными

[14] Подразумеваются комментаторы «Божественной комедии» Бенвенуто да Имола и Франческо да Бути (XIV в.).

у античных авторов. Письменную историческую традицию венчали два выдающихся сочинения XIV – сер. XV в., «Новая хроника» Дж. Виллани и «История флорентийского народа» Л. Бруни. Первый, умерший примерно за 50 лет до рождения автора “Historia Pistoriensis”, продолжал старую коммунальную линию. Обращаясь к римским сюжетам, Виллани черпал информацию у средневековых хронистов и из устных преданий. Л. Бруни, современник и образец для подражания Манетти, воплощал рационалистическое направление исторической мысли. Изменения на политической карте Италии (гегемония Флоренции в Тоскане, экспансия Милана) побудили Бруни выдвинуть свою концепцию славного прошлого; при этом отрицалась достоверность легенд, являвшихся неотъемлемой частью представлений Данте, Виллани и communis opinio. Таким образом проблема приятия или неприятия средневековой традиции вставала и перед предшественниками Манетти. Ему надлежало сделать выбор, к какой точке зрения примкнуть. Показательно, что в *HP*. I.36 он называет правдоподобным то, что Бруни считал недостоверным, говоря о сбивающих с толку «широко распространенных фантастических взглядах (vulgaribus fabulosisque opinionibus)» хронистов (*Hist. Flor. Proem*. 3) и «поэтическом вымысле (poetarum figmentis)» (Ibid. I.17) [Baldassarri, Connell 2014: 10, n. 18; cfr.: Baldassarri 2011: 25; Connell 2012: 353; Fubini 2003: 145]. Уже с первых параграфов «Истории Пистои» ее автор декларирует ценность коммунальной традиции, вступая в заочный спор с канцлером Флорентийской республики [Baldassarri 2011: 23; Connell 2012: 353].[15]

Обращаясь к проблеме основания города, Манетти так выразил свое кредо: «Мы считаем, что следует питать отнюдь не малое, а, напротив, величайшее доверие к глубоко укорененным представлениям, которые восходят к первоначалу и сохраняются долгие годы. Это общераспространенное мнение в одинаковой степени разделяется образованными и необразованными, чужеземца-

[15] Как удачно сформулировал Р. Фубини, восхищение Бруни-писателем не означало, что разделялась его идеология [Fubini 2003: 145]. С. У. Балдассари подчеркивает, что Манетти представлял другое направлении во флорентийской историографии, а именно доверие коммунальной традиции [Baldassarri 2011: 26; cfr.: Connell 2012: 353].

ми, соседями и местными жителями» (*HP*. I.59). Главный аргумент – единодушие самых разных людей. Только истина способна объединить тех, кто отличается друг от друга общественным положением, интересами, складом ума, наконец, отношением к Пистое. Под эту логическую конструкцию подводится опора из классиков; если Аристотелем сказано, что «частая хвала, возносимая почти всеми народами, не может быть совершенно необоснованной», Цицерон утверждал, что «единодушие всех народов следует считать Божьим гласом» (Ibid. 60).

Приведем слова Р. Фубини о методологии автора “Historia Pistoriensis”: «Несмотря на создающееся впечатление, что Джанноццо Манетти особо внимателен к трудам Леонардо Бруни, он явно склонен помещать труд аретинского гуманиста в рамки … традиции, *пытаясь противопоставить свою веру в принятые по всеобщему согласию истины* (курсив наш. – *Н. Б.*) рационалистическим положениям исторической интерпретации»[16]. С Фубини соглашается С. У. Балдассарри, указывающий на четкую грань, «отделяющую историографический метод Манетти от более раннего фундаментального метода “Historiae Florentini populi” Бруни» [Baldassarri 2011: 18; cfr.: 25, 26; Connell 2012: 353; Valeri 2013: 176; Marsh 2019: 62]. Исследователи противопоставляют не столько личности, сколько исповедуемый принцип. Бруни рационален и проверяет легенды на предмет достоверности; Манетти декларирует различие «истинное – правдоподобное», не вдаваясь в проблему первоисточников и не делая логику критерием верификации сведений. В споре между аналитическими конструкциями и общепринятым мнением он занимает сторону последнего[17].

Картина, впрочем, оказывается более сложной, чем борьба прогресса и консерватизма. Речь сейчас не о явной политической ангажированности «Истории флорентийского народа»; мы находимся перед лицом серьезнейшей проблемы. Каковы пределы возможностей логической реконструкции при существенных дефектах источ-

[16] Цит по: [Baldassarri 2011: 18–19].

[17] Ср.: *«Внимательно изучив источники (*курсив наш. – *Н. Б.*), он (Манетти. – *Н. Б.*) пришел к заключению, что communis opinio обладает статусом истины» [Ibid. 25].

никовой базы, при недоучете и(или) незнании важных подробностей, при вольном или невольном навязывании участникам событий несвойственной им системы ценностей и предпочтений? Ведь сведения Бруни и Манетти о древнеримском прошлом Флоренции и Пистои весьма фрагментарны.

Косвенным образом мы затрагиваем вопрос оправданности поиска рационального зерна в широко распространенных верованиях. Больше чем предельный рационализм, симпатию вызывает подход В. Боргини, писавшего: «То, что содержится в наших древнейших книгах, конечно же, нельзя слепо принимать на веру или опрометчиво отвергать, как лживое (хотя одни подробности явно не соответствуют временным реалиям, а другие гораздо больше напоминают сказку, чем описание исторических событий). Что до меня, то я никогда не думал, что следует смеяться надо всем этим, каким бы фантастическим оно ни казалось по мнению многих людей. Прежде всего я имею в виду рассказ о Фьорине и Катилине, о долгой осаде Фьезоле, и о разных зданиях, в чьем строительстве состязались. Может случиться так, что под покровом сказок таится немало истины и достаточно правдоподобного»[18].

Итак, согласно Манетти, в высшей степени надежны римские писатели; правдоподобное содержится в трудах некоторых (но не всех!) «недавних авторов»[19]; какое место занимают в иерархии древние греки? Сообщают они безусловную истину или уравниваются с сочинениями XIV–XV вв.? Фразу «если оставить в стороне чужеземных греческих историков, ограничиваясь нашими» (Ibid. 36) можно трактовать двояко, поэтому рассмотрим, когда Манетти привлекает эллинскую традицию. “Historia Pistoriensis” содержит четыре античных

[18] Цит. по: [Pagni 2010: 121]. Винченцо Боргини жил в XVI в.

[19] Далеко не вся местная традиция признается достоверной. Манетти отказывает в древности Сиене, гордой происхождением от сына Рема [Connell 2011b: 110, n. 59]. «Пустая и вздорная» гипотеза о первом названии Пистои «Железный город» отклоняется со следующей аргументацией: «Хотя мы … тщательно и скрупулезно исследовали все источники, которые могли бы помочь установить происхождение имени, и хотя листали самые разные книги и кодексы, … мы не смогли найти (за исключением нескольких фрагментов и заметок, вышедших из-под пера незаслуживающих доверия авторов) никакого подтверждения этого тезиса» (*HP*. I.45). Препятствием служит отсутствие надежного информатора.

сюжета: деяния этрусков, заговор Катилины, легендарное основание Пистои, мифическое разрушение Флоренции Тотилой. Последний эпизод изложен в соответствии с «Новой хроникой» Виллани (*Cron*. II. 1); основание Пистои – согласно «недавним авторам» и communis opinio (о чем далее). Таким образом остается рассказ о великих предшественниках римлян на Апеннинском полуострове и о событиях 63 г. до н. э. Для заговора констатируем очевидное: Манетти не воспользовался трудами Диона Кассия и Аппиана. Говоря о сер. XV в., надо помнить, что Возрождение лишь приступало к полноценному освоению древнегреческой классики[20]; однако в случае с Катилиной все, по-видимому, было проще. Саллюстий с лихвой снабжал сведениями, достаточными для краткой и поспешно создаваемой «Истории Пистои». Даже если Манетти имел доступ к рукописям Ῥωμαϊκά и Ῥωμαϊκὴ ἱστορία[21], с учетом жанра своего сочинения он мог пренебречь дополнительными источниками.

Обратимся к единственному сюжету, который позволяет понять отношение Манетти к эллинской традиции. Поскольку “Historia Pistoriensis” не переведена на русский язык, кратко изложим взгляд гуманиста на историю этрусков. Из-за спора с братом за Лидийское царство некто Тиррен переселился в Италию; его люди получили имя тирренов; впоследствии одна их часть стала называться этрусками, другая – тусками (*HP*. I.1–3). Манетти с некоторыми коррективами повторяет версию Геродота (Hdt. I. 94), содержащуюся у Дионисия Галикарнасского, Тацита, Плиния и Исидора Севильского (Dion. Hal. *Ant. Rom*. I.27–28; Tac. *Ann*. IV.55; Plin. *HN*. III.50; Isid.

[20] Ее изучение началось в самом конце XIV в.; поколение Бруни было первым, умеющим читать и переводить греческие тексты. Тем не менее до середины XV в. этот язык находился на периферии изучения в школах и университетах, а гуманисты видели в нем главным образом средство улучшения своей латыни [Haan den 2019: 267].

[21] «Римскую историю» Диона Кассия привез в Италию с Востока Джованни Ауриспа (первая треть XV в.). Около 1450 г. Пьетро Кандидо Дечембрио начал переводить Аппиана по инициативе Николая V. Исследователи творчества Манетти весьма сдержаны в своем мнении об использовании им греческих текстов до переезда в Рим (см.: [Ibid. 270–271]). А. ден Хаан разделяет взгляд, что поворотным моментом для автора “Historia Pistoriensis” стало начало 1450-ых [Ibid. 271, 276]. Живя во Флоренции, гуманист собирал греческие рукописи, однако «влияние греческих источников на латинские сочинения Манетти не ясно» [Ibid. 275; cfr.: 278].

Etym. XIV.4.22). Топоним «Этрурия» гуманист возводит к греческим словам “ἑτερούρια”, “αἰθήρ”, “αἴθρη” или к имени царя (*HP*. I.3)[22]. “Ετερούρια”[23] присутствует в «Началах» Исидора (Isid. *Etym*. XIV.4.22); помимо него сопоставляют “Tusci” с “θυσκοόι” Дионисий и Плиний Старший (Dion. Hal. I.30; Plin. *HN*. III.50; Isid. *Etym*. XIV.4. 22; ср.: Flor. I.3.7). Таким образом, отсутствуют доказательства непосредственного знакомства Манетти с текстами греческих авторов. Напомним вывод С. У. Балдассарри и У. Дж. Коннелла, что, начиная с первых предложений “Historia Pistoriensis”, Манетти близко следует за «Историей флорентийского народа» и известным письмом Бруни об основании Мантуи [Baldassarri 2011: 23; Connell 2011b: 100, n. 9][24]. Итальянский ученый отмечает одно, хотя существенное, различие в источниковой базе гуманистов: сочинение Флора, которое позволяет Манетти пользоваться топонимом “Tuscia” с дорогой сердцу этимологией от “tus (фимиам)” [Baldassarri 2011: 23; 23, n. 76][25].

Как бы то ни было, автор “Historia Pistoriensis” подводит следующий итог: «Если кто будет оспаривать (славу этрусков. – *Н. Б.*), указывая, что все это латинские авторы, известно, что ими сообщается точная и достоверная информация; из-за чего *даже в отсутствие чужого постороннего свидетельства* (курсив наш. – *Н. Б.*) никак

---

[22] У. Дж. Коннелл предполагает, что в случае с “αἰθήρ (эфир)” и “αἴθρη (ясное небо)”, Манетти дал собственное объяснение [Connell 2011b: 100, n. 7]. Этимология “Pistoria” от латинского “pistores (мукомолы, пекари)”, вероятно, также принадлежит автору «Истории» [Ibid. 110, n. 61], хотя он сомневается в ее правильности.

[23] “Etruria pars Italiae dicta quod eius fines tendebantur usque ad ripam Tiberis, quasi ἑτερούρια. Nam ἕτερον significat alterum, ὅρος finis vocatur” (Isid. *Etym*. XIV.4.22).

[24] Ср.: «из которой (“Истории флорентийского народа” Бруни. – Н. Б.) Манетти почти дословно переписывает всю, посвященную этрусскому происхождению тосканских городов, часть» [Fubini 2003: 145]. Одна дошедшая копия (Vat. Pal. Lat. 941) содержит на полях начальных параграфов обширные глоссы Джанноццо Манетти и его сына Аньоло [Baldassarri 2011: 23]. С. У. Балдассарри считает весьма вероятным, что эти заметки восходят ко времени работы над «Историей Пистои» [Ibid. 24].

[25] Топоним «Этрурия» вместо средневекового «Тусция» ввел Боккаччо [Schoonhoven 2010: 470]. Об «этрусском мифе» в раннем флорентийском Ренессансе см., в частности: [Ibid.].

нельзя сомневаться в сообщаемом» (*HP*. I.7). В качестве доказательства, что повествование базируется на надежных источниках, Манетти апеллирует к Вергилию, Горацию, Плинию Старшему (Ibid.), а затем пишет: «Кроме того в поддержку *нашего* (курсив наш. – *Н. Б.*) несомненного и достоверного происхождения от лидийцев высказываются некоторые греческие авторы. Дионисий Галикарнасский, усерднейше изучивший события и поведавший эту историю в мельчайших деталях, наглядно показал, почему туски покинули свою родину, Лидию, и какие невзгоды претерпели, добравшись, наконец, до Италии. Думается, что Плутарх, в высшей степени любознательный исследователь древностей и превосходнейший философ, многократно выразил то же самое мнение о происхождении этрусков» (Ibid. 8). Авторитет греков призван на помощь, чтобы объяснить эпизод неаппенинской истории. Дальнейший рассказ (Ibid. 9–11) фактически собран из сведений, заимствованных у латинских писателей (напрямую или через вторые руки). В *HP*. I.36 перечислены почти все римские источники Манетти, за исключением Ливия[26], Флора, Страбона, Клавдия Птолемея и Саллюстия. §§12–23 содержат краткую сводку информации, почерпнутую из “Ab Urbe condita”.

Примечателен характер обращения к греческим писателям, когда Манетти повествует о войнах. Эллинам отдается приоритет перед римлянами: этрусская доблесть стала причиной совершенных «двумя храбрейшими мужами, Горацием Коклесом и Муцием Сцеволой», подвигов, которые, «не будь прославлены древними кодексами, включающими сочинения осведомленнейших греческих и латинских историков, конечно, казались бы сказкой или пустым вздором» (Ibid. 15). Манетти желает подчеркнуть беспристрастность источников. В целом же он считает эллинов важными, но второстепенными свидетелями.

Почему (за исключением единственного сюжета) гуманист не привлекает труды греков? Мы объясняем это как спецификой творчества Манетти до 1453 г.[27], так и наличием развернутого латинского нарратива. Свидетельства ближайших соседей и соучастников истории этрусков предпочтительнее рассказа имеющих косвенное

[26] «Достопамятного автора», одного из мудрейших людей древности (*HP*. I.10).

[27] См. прим. 21.

к ним отношение (тем более, что римляне – это Ливий, Флор, Вергилий, Плиний, чей авторитет незыблем). Имелся еще один «конкурент». У. Дж. Коннелл считает, что гуманист «исключил греческих и каких бы то ни было “неитальянских” авторов, подчеркивая, в частности, … “правдоподобие” современных (moderne) источников на вольгаре» [Connell 2014: 30, n. 48; cfr.: Fubini 2003: 145]. Таким образом в иерархии источников Манетти[28] местная (тосканская) традиция располагается ступенью выше, чем древнегреческая. Причина не только в гениальности Данте и таланте Виллани; корни уходят в доверие коммунальной традиции и широко распространенным верованиям (cfr.: [Baldassari 2011: 25]).

Как поступает гуманист в отсутствие античного нарратива, хорошо показывает обращение к до сих пор дискуссионной проблеме основания города. Несмотря на бурные события I в. до н. э. (Союзническая и гражданские войны), благодаря которым в «языческих анналах и комментариях» упомянуты все (sic!) прочие населенные пункты Тосканы, Пистоя не засвидетельствована письменными источниками (Ibid. 41). Она и Сиена противопоставляются Пизе, Лукке, Ареццо, Фьезоле и т. д. Манетти объясняет, «что эти два (города – *Н. Б.*) мы не встретим в сочинениях древних писателей потому, … что они не были еще основаны; ведь нельзя поверить, что вовсе не упоминались бы в старинных анналах, если уже существовали» (Ibid. 42; ср.: 55). Логика автора “Historia Pistoriensis” небезупречна, и он это понимает. Гуманист признает уязвимое место античной традиции: древний нарратив подобен лучу прожектора, который выхватывает из темноты одни предметы, оставляя во мраке другие. В результате возможны огромные лакуны в знаниях, что и произошло с Пистоей. Как объяснить то, что, хотя она основана в 62 г. до н. э., первые упоминания содержатся у Плиния и Птолемея (Ibid. 56)? Манетти дает следующий ответ: «Говорят, что сначала этот город был так мал и слаб, что лежал в безвестности и, по-видимому, не совершил ничего достойного упоминания» (Ibid. 60). Второй период полного молчания греко-римских авторов снабжен схо-

[28] Ср.: «Манетти сам раскрывает, какими источниками пользуется, трудясь над этим сочинением, и насколько им доверяет, устанавливая … стройную иерархию» [Baldassari 2011a: 22].

жим комментарием: «Испытав по вине Тотилы многочисленные и разнообразные бедствия, Пистоя таилась во мгле на протяжении долгих веков» (Ibid. 69). Современный историк, констатировав данный факт, сделал бы вывод, что необходимо привлечь источники другого рода, в частности, археологические. Манетти решает проблему ценой отказа от собственных постулатов, объявляя полностью достоверными труды выдающихся соотечественников (Ibid. 48). В ситуации, когда «правдоподобное» нельзя проверить, гуманист провозглашает его истинным.

С другой стороны, автор “Historia Pistoriensis” не игнорирует обращение к материальным свидетельствам прошлого. Он пишет: «По нашему мнению, *дополнительно свидетельствуют* (курсив наш – *Н. Б.*) в пользу малой, а не большой древности бросающиеся в глаза многочисленные остатки огромных дворцов и зданий чуть севернее города, у самого подножия гор; они будто расположены в определенном порядке на большом пространстве. Все это, как мы считаем, наилучшим и нагляднейшим образом удостоверяет, что происхождение города относится к не очень давнему времени» (Ibid. 57; ср.: 61). Сложно понять, что именно наблюдал Манетти; расплывчатость формулировки не позволяет судить, каким временем датировал он эти сооружения. Отсутствует уверенность в правильной интерпретации увиденного: за следы загородных резиденций могли быть приняты остатки укреплений. В приведенной фразе важны два аспекта: доводы «археологического» характера подкрепляют *уже обоснованную* гипотезу; во-вторых, Манетти ограничивается беглым и поверхностным взглядом. Замечание *HP*. I.57 мало отличается от сделанного проезжим путешественником. Гуманист не упоминает о случайных находках при проведении земляных работ в центре города или вспашке окрестных полей. Рискнем предположить, что это связано со слабым знакомством с местными преданиями и слухами.

Утраченную свободу Пистои воплощали частично разрушенные знаменитые стены. Автор «Истории» не мог обойти их молчанием; он различает помимо третьих, современных укреплений, «явно выраженные» следы первого и второго пояса (Ibid. 61; ср.: 62). Эти стены трактуются как «бесспорные и очевидные свидетельства первоначальной слабости и незначительности» (Ibid. 61) города. Манетти относит их ко времени незадолго до рождества Христова или

примерно за шесть столетий до Тотилы (Ibid. 62)[29]. Но то, что было сочтено первым кругом, на самом деле укрепления VIII в., когда Пистоей владели лонгобарды [Chiappelli 1930: 180–183; Rauty 2005][30]. Согласно гуманисту, в течение примерно 60 лет у горожан отсутствовала серьезная защита. Вероятно, мы имеем дело с реконструкцией из общих соображений (какое поколение может позволить себе строительство стен), либо автор проводил аналогии с мифическими основаниями городов.

Вернемся к фразе о многочисленных следах огромных зданий и дворцов, позволяющей понять иерархию источников Манетти. Он изучил античную письменную традицию (Ibid. 37–38; 40–43; 52–54; 56); дополнил ее информацией, почерпнутой у «недавних авторов» (Ibid. 44–51; 56)[31]; рассмотрел, как полученные сведения сочетаются с «археологией» (Ibid. 57; ср.: 61). Наконец последний камень в фундамент доказательной базы: «*Дополнительно подтверждая это* (курсив наш – *Н. Б.*), мы с полной ответственностью заявляем, что, прочтя многочисленные старинные документы, где ясно и четко изложены привилегии некоторых пистойских базилик, узнали о датировке этих привилегий более чем 500 годами раньше» (Ibid. 57). У. Дж. Коннелл высказал обоснованную гипотезу, что упоминаемые «хирографы» Манетти читал в капитулярной библиотеке, которой ему разрешили пользоваться [Connell 2014: 114–115, n. 78][32].

Рассмотрим четыре сюжета из древней истории, нашедшие отражение в труде гуманиста. Нас будет интересовать принцип работы с источниками и отчасти обусловивший трактовку событий

---

[29] Вслед за Виллани и предшествующими хронистами Манетти путает Тотилу с «Бичом Божьим» Аттилой (ум. в 455 г.). У. Дж. Коннелл отмечает, однако, что расчеты Манетти (ок. 540 г. для завоевания готами Флоренции) более точны, чем у Виллани [Connell 2011b: 116, n. 82; cfr: 116, n. 81].

[30] Пистойские эрудиты относили сооружение этого второго круга примерно к 1080 [Fioravanti 1758: 159] или к 1085 г. [Arferuoil 1628: 124–125, изл. по: Connell 2011b: 115, n. 80]. Н. Раути видел первое упоминание о нем в документе, датирующемся 1148 г. [Rauty 1988: 107, n. 20].

[31] «Между тем мы листали кодексы и заметки, старые и новые книги латинских и пишущих на вольгаре историков и географов» (Ibid. 56).

[32] Отсчет ведется от 1446–1447 гг. У. Дж. Коннелл подчеркивает, что, действительно, первые сохранившиеся документы датируются 923, 940, 941, 943 и 944 гг. [Connell 2014: 115, n. 78].

идеологический подтекст. Как сказано выше, “Historia Pistoriensis” открывается повествованием об этрусках, заселивших часть полуострова «расположенную между Апеннинской горной цепью, Нижним морем, реками Тибром и Макром» (Ibid. 1–2). Затем, «благодаря исключительной доблести своего тела и духа» (Ibid. 5; ср.: 16), этот народ покорил территории до Сицилийского пролива, дав имя Тирренскому и Адриатическому морям (Ibid. 5). Кроме того, этруски «стяжали бессмертную хвалу и славу на мирном поприще» (Ibid. 17). Подразумеваются многочисленные заимствования римлян у соседей: атрибуты власти, организация зрелищ (Ibid.), алфавит и «этрусская дисциплина» (Ibid. 18). Манетти подводит итог: «Думаю, что по замыслу божественного провидения случилось так, что владыки ойкумены римляне, чуть позже победители всех без исключения народов, заимствовали у этрусков … почетные знаки как военного, так и мирного отличия. Произошло это благодаря исключительным и почти невероятным достоинствам наших людей» (Ibid. 19). Далее гуманист описывает закат этрусков в результате вторжения галлов (Ibid. 20–22) и усиления Рима (Ibid. 22); констатирует попытку вернуть независимость, когда тиррены «на удивление мужественно сражались долгие годы с римским народом, предводительствуемым консулами» (Ibid. 23). Свои слова Манетти подтверждает «свидетельством заслуживающих доверия древних писателей» (Ibid. 6), «замечательным официальным свидетельством разных древних авторов» (Ibid. 9).

“Historia Pistoriensis” крайне благожелательна к древнейшим жителям Тосканы. Автор обещает рассмотреть, «сколь велика и огромна была слава этрусков, как до, так и после подчинения римлянам, тем более, что они отличились на любом похвальном поприще» (Ibid. 11); подчеркивает происхождение «от древнейших и благороднейших лидийских народов» (Ibid. 12; ср.: 2; 8). Манетти гордится этрусской военной мощью, вспоминая о славных победах (Ibid. 14), «наивысших и неисчислимых доблестях» (Ibid. 15; ср.: 12), которые казались бы сказкой, не будь засвидетельствованы античной традицией (Ibid. 15). Согласно гуманисту, тиррены мало чем уступали римлянам[33]. Смена гегемона в Италии выглядит едва ли

[33] Они заставили квиритов отойти за Яникул, несколько раз осаждали Вечный город (Ibid. 13); благодаря этрускам покрылись немеркнущей славой

не роковым стечением обстоятельств. В изображении Манетти этруски – достойный противник; не говорится ни о кознях, ни о вероломстве, ни о варварских чертах их поведения. Этрурия в какой-то степени предРим; она вторая лишь потому, что заранее предопределен победитель, который обрел себя, пройдя через «этрусскую школу» в горниле битв и прилежно заимствуя культурные достижения.

Идеологическая составляющая рассказа очевидна хотя бы из того, что он имеет косвенное отношение к главной теме. Пистоя находится на территории исторической области Тоскана, однако до сих пор ведется дискуссия о роли и статусе северо-западных земель в годы расцвета Этрурии. Манетти считал, что город основали римляне (Ibid. 47; 55). Согласно данным археологии, Пистойские Апеннины являлись контактной зоной, заселенной в основном лигурами, в лучшем случае этрусской периферией. Чем же объясняется длинное торжественное вступление к “Historia Pistoriensis”? У Бруни схожий выбор оправдан тандемом «Фьезоле – Флоренция», прочно закрепившимся в коллективном сознании; сюжет Манетти обеспечивал бóльшую свободу действий. Вспомним, однако, слова о «*нашем* (курсив наш. – *Н. Б.*) бесспорном и несомненном происхождении от лидийцев» (Ibid. 8)[34]. Начиная рассказ со славного общеэтрусского прошлого, гуманист делал Пистою сопричастной великому наследию. В то же время он указал на глубокие корни единства тосканских городов, вольно или невольно возносящих хвалу флорентийской державе, преемнице древней Этрурии.

Следующие важные сюжеты – заговор Катилины и основание Пистои; надеясь специально обратиться к ним в ближайшее время, ограничимся главными наблюдениями. Та часть труда, где повествуется о первых жителях города, является чуть ли не самой интересной и самостоятельной. Действия Луция Сергия после ухода к войску описываются в соответствии с обильно цитируемым текстом Саллюстия (Ibid. 52–54), причем подчеркивается непрере-

---

Гораций Коклес и Муций Сцевола (Ibid. 15). Только для войн с тирренами назначались диктаторы (Ibid. 16) и единственный раз в римской истории были даны заложники (Ibid. 13).

[34] Ср.: *HP*. I.19, где «нашими людьми (nostrorum hominum)» называются римляне.

каемый авторитет историка (Ibid. 37; 40; 52; ср.: 36; 58). “De coniuratione Catilinae” становится ключевым аргументом в дискуссии о происхождении Пистои. Напомним, что Манетти был вынужден согласовывать противоречивые свидетельства. Саллюстий, чья репутация гарантировала достоверность сведений («словно мы видели своими глазами» (Ibid. 34)), упомянул не сам город, а ager Pistoriensis. Латинские писатели молчат до I в. н. э. (Плиний Старший); причем в «Естественной истории» (Plin. *HN*. III.5.52) и у Клавдия Птолемея (Ptol. *Geog*. III. I.43) приводятся списки городов без каких-либо дополнительных подробностей. Communis opinio настаивало на основании Пистои сразу после гибели Катилины, с простонародьем солидаризировались весьма просвещенные люди[35]. Манетти должен был совместить, казалось бы, несовместимое; в какой степени ему это удалось?

Согласно гуманисту, достоверно лишь сообщаемое древними авторами, прочее правдоподобно (т. е. нуждается в проверке (*HP*. I.35–36)). Однако делается оговорка, что исключение составляют Данте и Виллани[36] (Ibid. 48); таким образом Манетти разрушает стройную иерархию источников и противоречит сам себе [Baldassarri 2011: 25]. Почему «уравниваются в правах» античная традиция и великие соотечественники? Гуманист не задается вопросом об их первоисточниках, не намекает на гениальные прозрения. Ход его мыслей мог быть следующим: есть истина – неупоминание Саллюстием, свидетельство Плиния (в чьем лице слились дядя с племянником[37])

---

[35] Манетти ссылается на Данте, Виллани, Петрарку, Боккаччо, а также комментаторов «Божественной комедии» (Ibid. 48). Почти в каждом случае все очень непросто; знаменитое «Ах Пистоя, Пистоя…» допускает разные трактовки; Бенвенуто да Имола считал, что город не мог быть основан последователями Катилины, потому что никто не спасся из битвы [Rambaldi 1833: 590]. Петрарка и Боккаччо никогда не писали о Пистое ничего существенного, однако Манетти упоминает их вместе с Данте, «словно желая любой ценой сохранить триптих флорентийской литературной славы, которому посвятил отдельное биографическое произведение» [Connell 2014: 30, n. 48; cfr.: 33, n. 55; Connell 2011b: 108, n. 56; 111, n. 66]. Еще раз Манетти так поступит в *HP*. I.48.

[36] «Словно наблюдали собственными глазами» (Ibid. 48).

[37] У. Дж. Коннелл указывает, что, датируя жизнь Плиния Старшего правлением Траяна (Ibid. 56), Манетти путает автора «Естественной истории» с Плинием Младшим [Connell 2011b: 114, n. 76].

и Птолемея. С другой стороны, имеется вековое предание, повторенное в «Божественной комедии» и «Новой хронике». Решить дилемму иначе[38] означало бы, что ошибаются Данте с Виллани; заблуждается communis opinio; подвергаются риску сообщения средневековых хронистов. В область потенциально недостоверного перемещаются основание Флоренции и ее разрушение Тотилой. Манетти не хотел (да и не был готов) решать эти проблемы в создаваемом в сжатые сроки компилятивном труде. Приняв объяснение, что ager Pistoriensis может существовать независимо от города, он нашел оптимальное решение, не посягающее ни на чей авторитет.

Касательно легенды о Тотиле мы согласимся с выводами С. У. Балдассарри, подчеркнувшего явное предпочтение Манетти рассказу Виллани. Автор “Historia Pistoriensis” не просто отверг рационалистические построения Бруни, но выказал ему открытое недоверие. В «Истории флорентийского народа» имя Тотилы отсутствует, поскольку древнее сказание сочтено лживым. Однако перу Бруни принадлежало “De bello Italico adversus Gothos”, где приводились достоверные сведения об историческом (а не полумифическом) персонаже и о военных кампаниях VI в. [Ibid. 29]. Проигнорировав этот труд, Манетти все же сохранил баланс: до отрывка из «Новой хроники» (Ibid. 72–74) процитировал сопоставимый по размеру пассаж из «Истории флорентийского народа» (§66–68) [Ibid.; cfr.: 42–45]. С. У. Балдассарри охарактеризовал коллизию как «непременный бином» [Ibid. 29], назвав эпизод с Тотилой прекрасным образцом «компилятивного метода Манетти-историка», одним из многочисленных случаев комбинирования сочинений Бруни и Виллани [Ibid. 30][39].

Подведем итоги исследования. “Historia Pistoriensis” Джанноццо Манетти не содержит какой-либо новой информации о тосканских древностях. И история этрусков, и заговор Катилины, и рассказ о разрушении Флоренции являются переложением античных авторов, а в еще большей степени – Дж. Виллани и Л. Бруни. Интерес вызывают параграфы 1–62 из I книги; это первое, робко при-

[38] Т. е. интерпретировать слова Саллюстия как указание на город с непременным атрибутом ager.

[39] Указывая, что «точный исторический комментарий Уильяма Коннелла» предлагает многочисленные доказательства.

ближающееся к научному, рассмотрение вопроса об основании Пистои и происхождении ее имени. Хотя главная мысль Манетти о том, что до 62 г. до н. э. существовал лишь ager Pistoriensis, подверглась острой критике, плодотворной оказалась гипотеза об этимологии названия от “pistores (мукомолы, пекари)” (к чему, впрочем, гуманист относился скептически). Если раздвинуть рамки локального сюжета, несомненную важность представляет методология работы автора с источниками. Он четко сформулировал свою позицию по проблеме их достоверности, разработал стройную иерархию, которой, однако, не всегда придерживался. Манетти практически не использовал данные археологии, древнегреческая традиция привлекалась в дополнение к латинской. Другой важный аспект рассмотренного сочинения – полемика с рационалистическим подходом Л. Бруни, актуальная в свете современных источниковедческих концепций.

Список литературы

1. Ревякина Н. В. Портрет гуманиста (Джаноццо Манетти) // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2008. Вып. 1. С. 101–120.

2. Ревякина Н. В. Жизнеописание Джаноццо Манетти, написанное флорентийцем Нальдо Нальди. Фрагменты / Вступ. ст., пер. с лат. и комм. Н. В. Ревякиной) // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2010. Вып. 3. С. 210–231. (Ревякина 2010a)

3. Ревякина Н. В. Итальянский гуманист Джаноццо Манетти о назначении человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4(10). С. 5–10. (Ревякина 2010b)

4. Arferuoil P. Historie delle cose più notabili seguite in Toscana, et altri luoghi, et in particolare in Pistoia. T. 1. Pistoia: Archivio Capitolare, 1628 (manoscritto in Archivio Capitolare di Pistoia, ms. PT AC, C.47).

5. Baldassarri S. U. Clichés and Myth-Making in Giannozzo Manetti's Biographies // Italian history and culture. 2002. Vol. 8. P. 15–33.

6. Baldassari S. U. Introduzione // Historia Pistoriensis / A cura di S. U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 3–46.

7. Baldassarri S. U., Connell W. J. Introduzione // Storia di Pistoia / Traduzione di S. U. Baldassarri; commento storico di W. J. Connell. Alessandria: Edizioni dell’Orso, 2014. P. 1–13.

8. Chiappelli A. Della topografia antica di Pistoia (cap. I) // Bullettino Storico Pistoiese. 1930. Vol. 32. P. 174–193.

9. Connell W. J. The humanist citizen as provincial governor // Florentine Tuscany: structures and practices of power / Ed. W. J. Connell, A. Zorzi. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 144–164.

10. Connell W. J. Appendice di documenti // Historia Pistoriensis / A cura di S. U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 231–242. (Connell 2010a)

11. Connell W. J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis / A cura di S. U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 95–227. (Connell 2010b)

12. Connell W. J. Italian Renaissance historical narrative // Oxford History of Historical Writing. Vol. III. / Ed. J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 347–363.

13. Connell W. J. [Commento storico] // Storia di Pistoia / Traduzione di S.U. Baldassarri; commento storico di W. J. Connell. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 15–166.

14. Dignitas et excellentia hominis. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di S. U. Baldassarri. Firenze: Le Lettere, 2008.

15. Fioravanti J. M. Memorie storiche della città di Pistoja. Lucca: Per Filippo Maria Benedini, 1758.

16. Fubini R. Storiografia dell'umanesimo in Italia da Leonardo Bruni ad Annio da Viterbo. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2003.

17. Haan den A. The Greek library of Giannozzo Manetti (1396–1459): his collection and his Greek studies // Renaissance Studies. 2019. Vol. 33. P. 267–280.

18. Jori G. Topografia antica della Montagna di Pistoia // Atti del VII Convegno nazionale di archeologia e storia. La montagna di Pistoia nel contesto appenninico dalla preistoria al Medioevo. Pistoia: IRSA, 2016. P. 106–155.

19. Marsh D. Giannozzo Manetti. The Life of a Florentine Humanist. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2019.

20. Martelli M. Profilo ideologico di Giannozzo Manetti // Studi italiani. 1989. Vol. 1. P. 5–41.

21. Pagni M. La Romana *Florentia* // Atlante archeologico di Firenze. Indagine storico-archeologica dalla preistoria all'alto Medioevo / A cura di M. Pagni. Firenze: Edizioni Polistampa, 2010. P. 115–137.

22. Pizza V. Cenno storico // Pizza V., Lipparini L., Lenzini S. Cutigliano e i suoi dintorni. Pistoia: Tecnostampa pistoiese, 1985. P. 11–70.

23. Q. S. P. Cipriano Silvestri: I Sepolcri della Montagna Pistoiese; Dissertazione storica sul vero luogo dello scontro di Catilina // Bullettino storico Pistoiese. 1900. Vol. 2. P. 75–76.

24. Rambaldi B. Commento Latino sulla Divina comedia di Dante Allighieri. Vol. 1. / Voltato in italiano G. Tamburini. Imola: Tipografia Galeati, 1833.

25. Rauty N. Storia di Pistoia. Dall'alto medioevo all'Età precomunale (406–1105). Vol. 1. Firenze: Casa editrice Felice Le Monnier, 1988.

26. Rauty N. Il regno longobardo a Pistoia. Pistoia: Societa Pistoiese di Storia Patria, 2005. P. 209–214.

27. Revyakina N. V. Vespasiano da Bisticci. Comentario della Vita di Giannozzo Manetti / Introd., transl. and comm. by N.V. Revyakina // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2013. Вып. 5. С. 204–219.

28. Ricciardelli F. Giannozzo Manetti, un intellettuale al potere nell'Italia del Rinascimento // Dignitas et excellentia hominis. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di S. U. Baldassarri. Firenze: Le Lettere, 2008. P. 279–300.

29. Schoonhoven E. A literary invention: the Etruscan myth in early Renaissance Florence // Renaissance Studies. 2010. Vol. 24. P. 459–471.

30. Sumner G.V. The last journey of L. Sergius Catilina // Classical Philology. 1963. Vol. 58. P. 215–219.

31. Valeri E. Historia Pistoriensis by Giannozzo Manetti // Renaissance Quarterly. 2013. Vol. 6. P. 175–176.

32. Zaccaria R. M. Documenti su Giannozzo Manetti // Dignitas et excellentia hominis. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di S.U. Baldassarri. Firenze: Le Lettere, 2008. P. 333–345.

Информация об авторе

Бугаева Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; cethegilla@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Bugaeva, Ph.D. in History, associate professor of the Department of Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; cethegilla@gmail.com

УДК 94(395.5)

Епископ Порфирий (Успенский) и его вклад в изучение античной литературы и истории

О. В. Кармазина

О, сладчайший классицизм!
Без тебя <…> мне было бы скучно или страшно.
Порфирий (Успенский)

Аннотация: Данная статья посвящена вкладу епископа Порфирия (Успенского) в изучение античной литературы и истории. Его жизнь и деятельность подтверждают тот факт, что уже в 20-е гг. XIX в. в России были специалисты с хорошим знанием древних языков. Эти знания и упорный труд помогли епископу во время его путешествий по Европе, Малой Азии и Ближнему Востоку собрать уникальную коллекцию средневековых рукописей с сочинениями античных авторов. Среди них особо можно выделить Ватопедский кодекс с текстом «Географии» Птолемея и картами.

Ключевые слова: Порфирий (Успенский), российская историография, антиковедение.

Bishop Porphyry (Uspensky) and his contribution to the study of ancient literature and history

Olga V. Karmazina

Abstract: This article is devoted to the contribution of bishop Porfiry (Uspensky) to the study of ancient literature and history. His life and work confirm the fact that already in the 20s of the XIX century in Russia there were specialists with a good knowledge of ancient languages. This knowledge and hard work helped the bishop during his travels in Europe, Asia Minor and the Middle East to collect a unique collection of medieval manuscripts with writings of ancient authors. Among them, the Vatopedian Codex with the text of Ptolemy's "Geography".

Keywords: Porfiry (Uspensky), Russian historiography, antiquity.

Далеко не всем, занимающимся изучением античной истории, знакомо имя епископа Порфирия (Успенского). Вряд ли такую ситуацию можно считать справедливой, учитывая то, что

© Кармазина О. В., 2022

благодаря именно этому человеку мы получили возможность ознакомиться с уникальными источниками по истории древних Греции и Рима. Архимандрит Инокентий (Просвирин) дал ему такую характеристику: «русский востоковед, археолог, этнограф, археограф, текстолог, палеограф, византинист, славист, историк, искусствовед, энциклопедист-источниковед, доктор эллинской словесности и богослов» [Инокентий (Просвирин) 1985: 315].

Задача этой статьи – оценить вклад Порфирия (Успенского) в отечественную историографию античности.

Константин Александрович Успенский (Илл. 1) родился в 1804 г. в Костроме в семье причетника, первоначальное образование получил в Костромском училище и Костромской духовной семинарии. Из семинарских своих наставников и учителей он выделял самобытного учителя греческого языка – своего земляка Федора Павловича Москвина [К 200-летию 1975: 76]. По окончании курса семинарии (с 1818 по 1824 г.) Константин Успенский ненадолго поступает преподавателем греческого языка в духовное училище города Макарьева. Жажда знаний и привычка, как писал он сам, «с юных лет к уединенной жизни и к ученым занятиям», побудили Константина Успенского продолжить свое образование в Петербургской духовной академии (1825–1829 гг.), по окончании которой он был пострижен в монашество с именем Порфирий. В одном из своих сочинений Порфирий пишет, что в Петербургской духовной академии у него было прозвище «классик» в противоположность его товарищам-романтикам из-за любви к античной истории и литературе [Порфирий 1877: 312]. В Санкт-Петербургской духовной академии Порфирий продолжил свое знакомство с древними языками, что позволило ему в течение двух лет в этом учебном заведении изучать на латинском языке философию [К 200-летию 1975: 78].

Его преподавательская деятельность в качестве профессора богословия, церковной истории и церковного права началась в Ришельевском лицее в Одессе, затем он был назначен ректором Херсонской духовной семинарии, одновременно исполнял обязанности настоятеля Успенского монастыря в Одессе. В этот период Порфирий изучил итальянский и новогреческий язык, знание которого было столь неоценимо в его последующих путешествиях по Востоку [Порфирий 1877: 17].

В 1840 г. жизнь Порфирия круто изменилась. С этого времени начинаются его удивительные путешествия, благодаря которым он побывал в различных уголках Европы, Малой Азии и Ближнего Востока (Илл. 2). Началось все с того, что наш герой был назначен настоятелем посольской церкви в Вене. За время пребывания там архимандрит овладел немецким языком и организовал научную экспедицию в Далмацию с целью изучению быта и письменности юго-западных славян.

В 1842 г., согласно решению Святейшего синода, «по довольному им знанию греческого языка и по опытности в обращении с заграничными единоверцами нашими», отец Порфирий был отправлен в Иерусалим для ознакомления с жизнью православных христиан в Палестине и Сирии. Здесь нужно отметить, что архимандрит Порфирий был организатором и первым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. Эта миссия помимо научной деятельности (сбор источников и их перевод) занималась следующим: организацией школ для местного населения, изданием книг в собственной типографии, созданием приюта для детей сирот, защитой соотечественников и паломников. В 1845 г. архимандрит Порфирий посетил Синайский монастырь Святой Екатерины.

Из Иерусалима с научными целями он совершил поездку на Афон (1845–1846 гг.), где провел полгода и в итоге посетил 20 монастырей. Там он проделал большую работу по изучению рукописей, хранящихся в архивах, сделал с некоторых из них факсимильные копии. Вот как он пишет о своей работе: «Умалчиваю о тяжких трудах, нередко приводивших меня в истому; не говорю о том, что многие часы ночные и полуночные не спали только мы двое, – я да море Афонское; не упоминаю о чрезвычайной трудности читать ветхие хартии, писанные замысловатыми стенографами и кудрявыми почерками, и читать их или чрез увеличительное стекло, или обращая против солнца те места, где чернила совсем изгладились, и всматриваясь в светящиеся углубления букв, сделанные твердым стилем на пергамине» [Порфирий 1847а: 30]. Как отмечает А. Марченко, «критический метод в исследовании исторических источников был всецело усвоен епископом Порфирием (Успенским)» и добавляет, что наиболее ярко он прослеживается в трудах епископа по истории Афона [Марченко 2010].

В 1850 г. архимандрит Порфирий совершил длительное путешествие в Александрию, Каир, коптские монастыри и затем – снова в монастырь Святой Екатерины [Порфирий 1880: 390].

Шестилетнее пребывание архимандрита Порфирия в Иерусалиме во главе первой Русской духовной миссии оборвала начавшаяся в октябре 1853 г. русско-турецкая война. Через Александрию и Афины он прибыл вместе с отцом Феофаном в Италию. Здесь он путешествует по стране, посещает Венецию, Падую, Милан, Рим, Ливорно, Пизу, Флоренцию и Геную. «В старинных храмах и многочисленных картинных галереях этих городов он внимательно изучает произведения искусства – архитектуру, живопись, скульптуру, обогащая свои знания и совершенствуя художественный вкус. В Риме он имел аудиенцию у папы Пия IX» [К 200-летию 1975: 78].

12 августа 1860 г. отец Порфирий вернулся в Одессу. «Это несколько поспешное возвращение на Родину, тогда как поставленные научные и дипломатические задачи еще не были выполнены в полном объеме, следует объяснить, видимо, желанием устроить надлежащим образом свою уникальную библиотеку рукописей и книг, высланную из Иерусалима в Россию» [К 200-летию 1975: 78].

О своих путешествиях на Восток Порфирий писал: «Я монах; но воспитанием и образованием приготовлен не для пустыни… Жизнь путешественника на Востоке подвергается непрерывным опасностям. Везде беды: беды в реках, беды от разбойников, беды от сродник, беды от язык, беды во градах, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии (*2 Кор*. 11, 27)». При этом он не без юмора замечал (когда лишался своих бумаг): «Не худо было бы внушить всем ворам, чтобы они не похищали у ученых монахов их книг и рукописей, а брали бы одни деньги, кои не так нужны им» [Просвирин 1985: 324].

Порфирий вывез с Ближнего Востока в Россию обширную коллекцию древних книг и рукописей, в том числе так называемое Евангелие Успенского, Порфирианский кодекс, Кодекс 080, а также несколько икон доиконоборческой эпохи из Синайского монастыря Святой Екатерины, которые завещал церковно-археологическому кабинету Киевской духовной академии. «Всего древних рукописей и книг, на греческом, сирийском, арабском, эфиопском, грузинском и др. вост. языках, а равно рукописей церковнославянских им

собрано столько, что, по замечанию специалистов, «целой четверти столетия мало для простого их описания». Порфирий подарил одесскому Обществу истории и древностей 550 греческих, римских, персидских и других монет, в том числе 7 золотых и 109 серебряных, а также разнообразные египетские древности, из которых наиболее примечательными были мумия женщины и большой папирус из фиванских катакомб» [К 200-летию 1975: 78].

Еще при жизни епископа Порфирия знаменитый академик И. И. Срезневский с восторгом выражал свое восхищение научной ценностью собрания этого удивительного труженика: «Я знал, что наш просвещенный, внимательный и заботливый путешественник во время своих многолетних странствий (в 1843–1861 гг.) по землям христианского Востока собрал очень многое; но что собрано им столько, сколько я увидел у него, я не мог предполагать» [Срезневский 1867: 34]. В 1883 г. собрание рукописей Порфирия было приобретено Петербургской Государственной публичной библиотекой.

Увы, после возвращения на родину в столице Порфирия ждали скорби и разочарования. «Бюрократическо-чиновничий Петербург с холодным безразличием отнесся к подвижнику науки. Положение отца Порфирия на первых порах оказалось критическим. Отсутствие необходимого для занятий помещения, острый недостаток средств, так что даже не было денег на покупку сапог, мешали работе» [К 200-летию 1975: 78]. В 1885 г. епископ Порфирий скончался и был погребён в Новоспасском монастыре.

После краткого биографического очерка обратимся к сочинениям Порфирия Успенского. Свои впечатления от путешествий, результаты его изысканий, а также копии древних рукописей были опубликованы нашим автором в его трудах, (всего более сорока сочинений), среди которых: «Первое и второе путешествие в Синайский монастырь» (1845–1850), «Восток христианский» (1859), «История Афона» (1871), «Первое и второе путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году» (1877–1880), а также автобиография «Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского» (1894–1902).

Опубликованные Порфирием сочинения раскрывают нам не только его глубокие знания в области древних языков, классической литературы и античной истории, но также дают нам пред-

ставление о его характере, одной из главных черт которого была любознательность и стремление познавать новое.

Его записки наполнены любовью к классической литературе. «Люблю я классицизм. На Афоне, где на стол подаются только овощи… только и посластишься чтением Омира, Эсхила, Феокрита, Пиндара, Аполлинария» [Порфирий 1877: 108]. «Всех в мире профессоров лучше старинные рукописи. Люблю я их и читаю с отменным удовольствием… Это рудники, из которых добываются золото, серебро и всякие металлы и многие драгоценные камни и жемчужины» [Порфирий 1877: 94]

Успенский хорошо был знаком с античной литературой. Его «Путешествия» пестрят ссылками и цитатами из Скилака, Пиндара, Геродота, Фукидида, Демосфена, Диодора Сицилийского, Варрона, Цицерона, Овидия, Страбона, Плутарха, Павсания, Стефана Византийского, Сервия. В «Первом путешествии в афонские монастыри и скиты» он приводит свои переводы из Феокрита и Вергилия [Порфирий 1877: 16]. Не упускает наш герой возможности блеснуть крылатым латинским выражением. К примеру, одну из глав он заканчивает словами: «Qui potui, feci; faciant meliora potentes» [Порфирий 1880: 270].

В его сочинениях мы встречаем целые очерки о греческой медицине [Порфирий 1877: 128–137], о Диоскурах [Порфирий 1880: 105], об истории полуострова Халкидика, рассуждения по поводу мифа о Деметре и Персефоне [Порфирий 1877: 306–309] и эссе на другие темы с цитатами из древних авторов. «Мифы – загадки, но мудреные! Отгадывайте их, и вы узнаете глубокие истины…» – пишет наш автор [Порфирий 1877: 310].

Мы видим неоднократно попытки Порфирия во время его путешествий локализовать древнегреческие поселения, исходя из этимологии современных названий. «Нынешняя Хуруда есть древняя Пирида, т. к. здесь залежи металлов» [Порфирий 1877: 21].

Каждая найденная нашим героем древнегреческая надпись вызывала у него внимание и желание скопировать ее и перевести. Так он фиксирует надпись на мраморе близ деревни Василико, место Думбес [Порфирий 1877: 11]

+AI..NHP..A.A..OIΔ…NΛ…..EMK….NIC…..KAC…TEN……ΛI….

Приводит он также надпись из древнего Олинфа на стене церкви Св. Георгия 379 г. и дает ее перевод [Порфирий 1877: 38]. Сообщает наш автор и о надписи в месте Вулевтириа на Афоне, в которой сообщается, что «буле и народ города Акроафоса признал Дорофея Мирмикова, Александрийца у себя консулом» [Порфирий 1880: 334].

Наконец, в его сочинениях мы встречаем копию и перевод большой древнегреческой надписи, найденной в Дохиарском монастыре, которая была встроена в «водопойное корыто» (Илл. 3). Порфирий считал, что это надпись македонского царя Кассандра [Порфирий 1880: 71–72] и на основании упоминания Филиппа, Александра и Кассандра датировал ее 306–296 гг. до н. э. «По буквам ее можно приблизительно определять время и других надписей, не имеющих показателя их времени, но начертанных буквами похожими…». Это уже наблюдения, достойные эпиграфиста.

Среди найденных Порфирием во время его путешествий редких фолиантов – средневековые рукописи Еврипида (XV века), Аполлония Родосского “Об аргонавтах” (XV века), Аристотеля “Политика” (XV века), Гесиода “Труды и дни” (XV века), фрагменты из Менандра (IV века) и другие бесценные источники [Бенешенич 1911: 23]. Довелось ему также встретить в афонских библиотеках труды Галена [Порфирий 1877: 137] и рукопись XIII в. с выдержками из Плутарха и Лукиана [Порфирий 1880: 96].

Особо хотелось бы отметить одну из находок Порфирия. В 7 и 8 номерах Журнала Министерства народного просвещения за 1847 г. архимандрит опубликовал “Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской” [Порфирий 1847а]. Среди прочих фолиантов он упоминает найденную им в Ватопедском монастыре рукопись с “Географией” Птолемея, “Периплом” Арриана и 17 главами “Географии” Страбона. “Ни год, ни имя писца в ней не обозначены. Судя по ее почерку, мы относим ее к XIII веку”, – писал Порфирий [Порфирий 1847а: 30]. Ватопедский кодекс Птолемея оказался наиболее древним из всех, известных в первой половине XIX века[1]. Он содержал не только текст, но и 25 карт. Порфирий, как сообщает он сам, снял копии с 8 карт, изображавших Россию, Придунайские области,

[1] Венская рукопись Птолемея была написана в 1454 г.

Афонскую гору, Египет, Скифию и Китай. Вот что отмечает автор: «При первом взгляде на литографированные карты всякий заметит, что градусы на них означены сбивчиво. Как я нашел их в подлиннике, так и снял. Что касается названий мест, то они написаны точь-в-точь с подлинными, но сами буквы – моего почерка, исключая нескольких местоназваний у устья Волги, кои скопированы с подлинника для показания почерка карт. Ватопедские карты весьма любопытны. Без сомнения, они списаны были с других подобных карт в одно время с перепиской всей рукописи. Сличение их с текстом Птоломея удостоверит, согласны ли они с ним, или нет, но во всяком случае они достойны внимания и исследования» [Порфирий 1847b: 20].

В Журнале Министерства народного просвещения были напечатаны две из найденных Порфирием карт: “Карта Приволжских и Придонских областей” и “Карта Балтики, Дона, Черноморья и пр.” (Илл. 4). Таким образом, эти источники впервые были введены в научный оборот и могли быть использованы российскими антиковедами для изучения исторической географии Северного и Северо-Восточного Причерноморья.

Какова же дальнейшая судьба Ватопедского кодекса Птолемея? После публикации в 1847 г. двух карт из этой рукописи прошло двадцать лет, прежде чем полный текст “Географии” Птолемея увидел свет. Опубликовал этот источник П. И. Севастьянов в 1867 г. в Париже. К сожалению, он обнаружил рукопись в меньшем объеме, чем П. Успенский: бесследно исчезли карты трех частей света, Британии и Испании, а также начало “Географии” Страбона [Поленов 1859: 18].

Значение Ватопедского кодекса подчеркнул антиковед Г. С. Дестунис в своем письме к П. И. Севастьянову. По его мнению, Ватопедский текст подтверждает некоторые географические названия, которые считались поздними вставками, например, город Альванополис. “Текст и карты, которые Вы намерены подвергнуть исследованию ученых, представляют особенный интерес и по отношению к филологии. Я говорю о различии в написании названий, указывающем на постепенное изменение в произношении этих названий”, – отмечал Г. С. Дестунис [Дестунис 1859: 8].

Отметим также, что архимандрит Порфирий обнаружил хранившиеся в Ватопедском монастыре юридические акты. “Чем древнее эти акты, тем употребительнее в них слова латинские. По ним

можно судить о влиянии Ромейского законодательства и его форм на законодательство Сербии, Болгарии и, может быть, России", – писал он [Порфирий 1847а: 38]. Как видим, уже в первой половине XIX века Порфирием Успенским был поставлен вопрос о рецепции римского права в славянских государствах.

Таким образом, можно отметить, что сама жизнь и деятельность Порфирия (Успенского) подтверждают тот факт, что уже в 20-е гг. XIX в. в России существовали учебные заведения, в которых на высоком уровне преподавались древние языки, примером тому является Петербургская духовная академия. Обучение в ней позволило Порфирию овладеть древнегреческим и латинским языками настолько, чтобы без посторонней помощи читать и переводить античные тексты, дошедшие до нас в средневековых рукописях. Жажда знаний и упорный труд помогли епископу собрать уникальную коллекцию таких рукописей, среди которых можно выделить особо Ватопедский кодекс, который впервые был введен в научный оборот. Стоит отметить, что в трудах Порфирия (Успенского) он неоднократно выражает критическое отношение к источникам, проявляет интерес к эпиграфическим памятникам, пытается установить их датировку, а также дать свой перевод. Также можно отметить, что уже в первой половине XIX века Порфирием (Успенским) был поставлен вопрос о рецепции римского права в славянских государствах.

«Еще при жизни имя епископа Порфирия было хорошо известно в ученом мире Европы. И если он не достиг большой европейской славы, то это объясняется в первую очередь тем обстоятельством, что многие основные его труды из-за хронического отсутствия денежных средств увидели свет через 20–30 лет после того, как были написаны, когда уже появились в печати аналогичные работы различных европейских авторов» [К 200-летию 1975: 78].

Список литературы

1. Архимандрит Иннокентий (Просвирин). Памяти Епископа Порфирия // Богословские труды. Сб. 26. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1985. С. 315–325.

2. Описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае / Ред. В. Н. Бенешенич. Т. I. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911.

3. Дестунис Г. С. Ватопедский снимок Птолемеевой географии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859.

4. Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906.

5. К 200-летию со дня рождения епископа Порфирия (Успенского) (комментарий в свете веры) // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 5. С. 76–79.

6. Марченко А. Епископ Порфирий (Успенский) – критик афонских преданий // Богослов.ru. Научный богословский портал. URL: https://bogoslov.ru/article/1275901 (дата обращения 02.02.2022).

7. Поленов Д. В. Снимки с икон и других древностей Св. горы Афонской из собрания П. Н. Севастьянова. СПб.: Тип. Королева и Ко., 1859.

8. Порфирий (Успенский). Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской // ЖМНП. 1847. № 7. С. 30–42. (Порфирий 1847a)

9. Порфирий (Успенский). Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской // ЖМНП. 1847. № 8. С. 13–24. (Порфирий 1847b)

10. Порфирий (Успенский). Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. Ч. 1. Киев: Типография В. Л. Фронцкевича, 1877.

11. Порфирий (Успенский). Второе путешествие по святой горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861, и описание скитов афонских. М.: Типо-лит. Ефимова, 1880.

12. Срезневский И. И. Собрания епископа Порфирия // Записки Императорской Академии наук. Т. XII. 1867. С. 29–40.

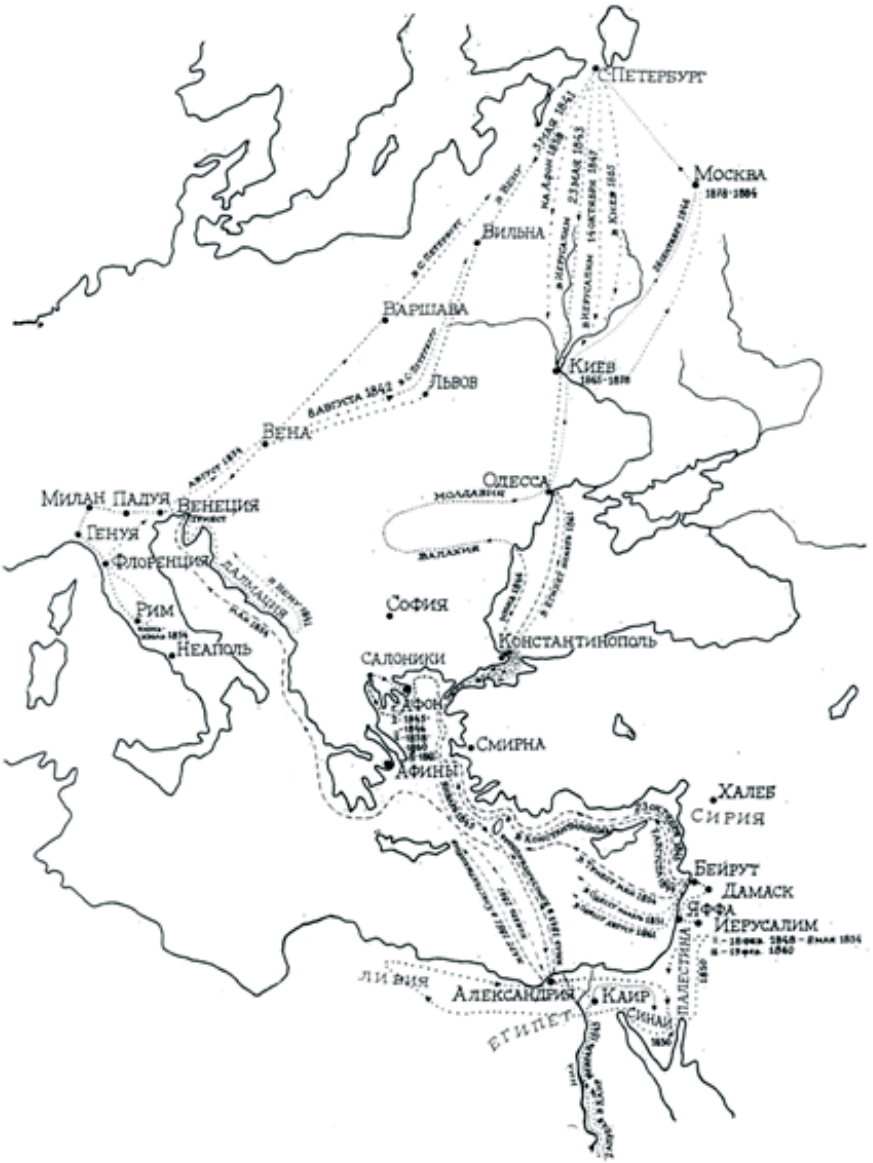
Информация об авторе

Кармазина Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия; olga.karmazina@mail.ru

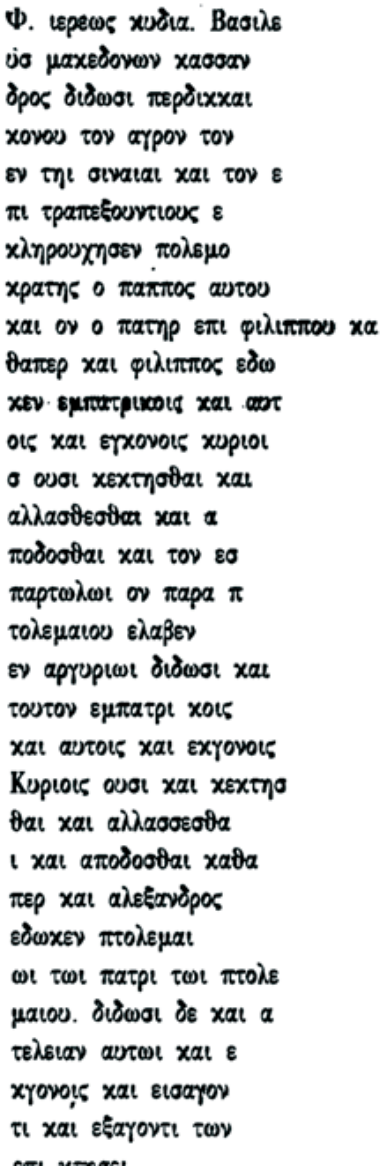
Information about the author

Olga V. Karmazina, Ph.D. in History, associate professor of the Department of Foreign History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; olga.karmazina@mail.ru

Илл. 1. Порфирий, в миру Константин Александрович Успенский (1804–1885). Дмитриевский 1906, 4



Илл. 2. Маршруты путешествий Порфирия.
Архимандрит Инокентий (Просвирин) 1985, 317


Ψ. ιερεως κυδια. Βασιλε
ὐσ μακεδονων κασσαν
δρος διδωσι περδικκαι
κονου τον αγρον τον
εν τηι σιναιαι και τον ε
πι τραπεξουντιους ε
κληρουχησεν πολεμο
κρατης ο παππος αυτου
και ον ο πατηρ επι φιλιππου κα
θαπερ και φιλιππος εδω
κεν εμπατρικοις και αστ
οις και εγκονοις κυριοι
σ ουσι κεκτησθαι και
αλλασθεσθαι και α
ποδοσθαι και τον εσ
παρτωλωι ον παρα π
τολεμαιου ελαβεν
εν αργυριωι διδωσι και
τουτον εμπατρι κοις
και αυτοις και εκγονοις
Κυριοις ουσι και κεκτησ
θαι και αλλασσεσθα
ι και αποδοσθαι καθα
περ και αλεξανδρος
εδωκεν πτολεμαι
ωι τωι πατρι τωι πτολε
μαιου. διδωσι δε και α
τελειαν αυτωι και ε
κγονοις και εισαγον
τι και εξαγοντι των

Илл. 3. Надпись из Дохиарского монастыря. Порфирий 1880, 71.

Илл. 4. Одна из карт Ватопедского кодекса. Порфирий 1847b. Приложение

УДК 94(3)

Исидор Севильский

Этимологии, или Начала

Книга IX. 3-4

Перевод с латинского и вступительная статья А. А. Павлова

Аннотация. Важнейшим энциклопедическим сочинением раннего Средневековья является сочинение Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.) «Этимологии», ставшее фундаментом для ряда последующих энциклопедий. Исидор Севильский опирался на огромный пласт римской грамматической и антикварной традиции, сохранив многие важные ее детали для нас. В настоящем юбилейном сборнике впервые публикуется перевод третьей и четвертой глав книги IX «Этимологий», посвященных терминам, связанным с политической властью и военной службой, а также с различными социальными категориями. Во вводной статье рассматриваются некоторые проблемы общей структуры «Этимологий», структуры девятой книги и ее источников.

Ключевые слова: Исидор Севильский, раннесредневековые энциклопедисты, «Этимологии», римские грамматики и антиквары.

Isidore of Seville

The Etymologies or Origins

Book IX. 3–4

Translation and introduction by Andrey A. Pavlov

Abstract. The major encyclopaedic composition of the early Middle Ages is «Etymologies» of Isidore of Seville (560–636), the base for many of the subsequent medieval encyclopedias. Work had great value for school education of an epoch of the Middle Ages. Isidore of Seville used a significant layer of the Roman grammatic and antiquarian tradition, having kept many its important details for us. In this issue for the first time is published translation of some chapters (3–4) from book IX, devoted to terms of power, military science, private and public persons. In introduction are considered some problems of general structure of "Etymologies", structure of the ninth book and its sources.

Keywords: Isidore of Seville, "Etymologies", Roman grammarians and antiquarians, Middle Ages' encyclopaedic tradition.

© Севильский И., Павлов А. А., 2022

Девятая книга «Этимологий» Исидора Севильского

«Этимологии» Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.) – последний и важнейший из трудов известного испанского епископа[1]. Труд не был, очевидно, завершен автором и был издан уже после смерти Исидора его сподвижником епископом Сарагосы Браулионом. В последние пятьдесят лет «Этимологиям» было посвящено огромное количество исследований, прежде всего испанских и французских филологов и историков, но и сегодня остается немало вопросов по ряду проблем, в том числе касательно общей структуры труда и отдельных его частей, и источников.

Современное оригинальное издание «Этимологий», подготовленное У. М. Линдсеем [Lindsay (ed.) 1911], как и современные переводы его на национальные языки [Barney, Lewis, Beach, Berghof (ed.) 2006; Reta, Casquero (ed.) 2004; etc.], делят текст на 20 книг. Такой точки зрения придерживается большинство современных исследователей [Reydellet 1966: 383–437], хотя имеются и те, которые пытаются доказать первичное деление труда на 15 книг [Büren 2012: 1][2]. Имеется немало сложностей и с разделением материала по книгам и объяснением общей структуры и замысла труда [Elfassi 2020: 245–278].

Не простой для толкования является и девятая книга «Этимологий», к которой мы уже обращались прежде в связи с публикацией переводов ее частей [Павлов 2014: 527–548; Павлов 2021: 77–89]. В связи с завершением в настоящем издании публикации ее перевода, необходимо еще раз вернуться к начатому ранее разговору.

Двадцать книг «Этимологий» обычно делят на две части по 10 книг [Llorca 1986: 331–334; Fontaine 1966: 527–528], для чего имеются определенные основания[3]. Структурно эти части различаются.

---

[1] О жизни Исидора см., например: Павлов 2017: 426–430.

[2] Вероника фон Бюрен полагает, что разделение на 20 книг появилось только в Каролингский период.

[3] Первоначально, очевидно, труд состоял из 10 книг (в современном делении), завершавшихся словарем (10 книга), построенным в алфавитном (не систематическом, в отличие от остальных книг) порядке. Труд писался на протяжении длительного времени 610-х – 630-х гг. Первый его вариант был посвящен королю Сисебуту (612–621). Ряд рукописей содержат деление первой

Согласно Э. Брехо, одному из ранних исследователей труда, первые восемь книг представляют из себя «энциклопедию образования», а книги IX–XX – «энциклопедию всего знания», восходящую в своих традициях к Варрону и Плинию Старшему [Brehaut 1912: 44, 86–87]. Отстаивая свою идею дихотомичности «Этимологий» испанский филолог Кармен Кодонер определяет первую часть как своего рода учебник для клириков, куда вошли книги тривиума, книги о медицине, праве, церкви, а вторую – как собственно энциклопедию, включающую сведения о всем многообразии материального мира [Codoñer 2004: 459]. Более сложную интерпретацию дал Жак Фонтен, выделив четыре блока: книги I–V характеризуют методы и способы познания, VI–VIII посвящены религии, IX–XIV – человеку, живой природе и вселенной, XV–XX – материальному миру. Он отмечает, что книги VI–XX выстроены иерархически нисходящим образом (от книг, имеющих более важное значение, к менее важным) – от мира божественного (VI–VIII) к миру человеческому (IX–XI), далее к животным (XII), неодушевленной природе (XIII–XVII) и, наконец, к искусственно созданным объектам (XVIII–XX) [Fontaine 2000: 176–179].

Девятая книга, наряду с десятой и одиннадцатой, связаны с человеком. Фактически находясь в центре всей композиции, они определяют и место человека в философской концепции Исидора. Если XI книга посвящена материальному (телесному) миру человека [Павлов 2015: 306–311; Павлов 2018: 353–358], и она открывает вторую часть труда, выстроенную аналогичным образом как энциклопедия материального мира, а в книге X рассматривается этимология связанных с человеком терминов, что является фактически центральной темой всего сочинения (как сама книга оказывается срединной в структуре), то книга IX фактически завершает повествование первой части, являясь своего рода ее заключением.

части (10 современных книг) на 3 книги. Именно в таком варианте, очевидно, труд был посвящен Сисебуту в начале 20-х гг., после чего Исидор продолжил работу над сочинением. Однако до его смерти труд так и не был завершен, о чем говорят в тексте многочисленные термины, оставленные без определений. Кроме того, некоторые из рукописей прямо указывают на разделение частей между 10 и 11 книгами [Codoñer 2002: 20–25].

На первый взгляд структура девятой книги может показаться хаотичной. Первые две главы посвящены языкам и народам, являясь своего рода этнографическими, третья и четвертая – политическому и военному устройству государств и категориям гражданства, то есть раскрывают политическую картину мира, наконец, главы V–VII повествуют о семье и браке. Однако в структуре этой нет ничего хаотического и случайного. Человек показан здесь во всей своей полноте биологического, политического и социального бытия, при этом в тесной связи с миром божественным. Как и в других книгах в основе изложения лежит «панграмматический» (используя термин Жака Фонтена) метод. Исидор для написания книги использовал огромное количество источников, однако их использование всегда подчинено стройной концепции и единству содержания, которые видны за кажущимся нагромождением источникового материала.

Автономность книги IX имеет свои проблемы. Ни одна рукопись не дает особого ее названия; в качестве такового фигурирует перечисление всех рассматриваемых в ней предметов. Нет рукописей, которые начинались бы с ее оглавления, включающего семь глав, из которых она состоит. Некоторые из итальянских рукописей присоединяют к ней шесть последних глав книги VIII, в других, хотя книга IX и начинается с главы «О языках народов», однако она нумеруется числом XXVI, что говорит о том, что книга IX входила в общий блок с книгами VII (главы 1–14) и VIII (15–25), а также X (33) [Reydellet 2012: 2].

Общая структура книги следующая:

глава 1 (§§ 1–14) – «О языках народов» (De linguis gentium);

глава 2 (§§ 1–135) – «О поименовании народов» (De gentium vocabulis);

глава 3 (§§ 1–64) – «О словах, относящихся к царской власти и военному делу» (De regnis militiaequae vocabulis);

глава 4 (§§ 1–52) – «О гражданах» (De civibus);

глава 5 (§§ 1–31) – «О категориях и степенях родства» (De adfinitatibus et gradibus);

глава 6 (§§ 1–29) – «Об агнатах и когнатах» (De agnatis et cognatis);

глава 7 (§§ 1–30) – «О брачных союзах» (De coniugiis).

Книга IX – гимн человеку, как промыслу Бога. Она демонстрирует, каким образом он заполнил землю, и чем отличается от мира

животных. При этом человек у него всегда встроен в библейскую картину мира. В основе формирования человечества, заполнившего материки и острова (IX. 2, 2), биологический закон, явленный божественной заповедью: «*Crescite et multiplicamini*» (7, 2). Порождение берет свое начало от брака и семьи (familia), имеющей своими пределами шестую степень родства, тесно символически увязываемую с шестью возрастами человека и шестью фазами человеческой истории (6, 29). Расширяясь (2, 1), семья превращается в народ (gens), который, в то же время, восходит к первопредку. Но человек – это также продукт культуры и образования, что проявляется, прежде всего, в языке (1, 10), с которого и начинает повествование Исидор. Для Исидора важна идея, что именно язык лежит в основе обособления народов (1, 14), которая имеет непосредственную связь с библейской историей о Вавилонской башне и потопе (1, 1). Первоначально язык был единственным (иврит; 1, 1); наряду с ним греческий и латинский являются языками священного писания (1, 3). Все народы, существующие на земле, произошли от трех ветвей потомков Ноя – Иафета (2, 3–9), Хама (2, 10–25) и Сима (2, 26–37). От них произошли первые 73 (72) народа. Со временем первичные наименования народов в значительной мере забылись, вместо них появились иные, основанные на рациональных основаниях (2, 38–115) – от имен царей, от мест проживания, от их обычаев и т.д. (2, 132). Исидор рассматривает картину расселения народов с Востока на Запад, от Индии и Китая до Италии и Испании.

Этническая картина тесно увязывается у него с политической. Все народы имеют свою систему политической организации и власти. Господствующей формой первоначальной власти была царская власть (regnum), чье наименование происходит от «управлять» (regere), тесно связанного с «исправлять» (corrigere), «действовать правильным образом» (recte). Власть царя должна быть справедливой и праведной (3, 4), благочестивой (3, 5), без чего она не имеет права на существование! Царская власть, как и сами царства, преходящи. Наиболее выдающимися были царства ассирийцев и римлян, все остальные – своего рода довески к ним (3, 3). Дальнейшее изложение третьей главы фактически посвящено рассмотрению римских терминов, связанных с властью, лишь иногда Исидор обращается к анализу греческих терминов, таких как басилей (3,

18), тиран (3, 19), монарх (3, 23). Вслед за терминами, связанными с управлением римским государством, Исидор рассматривает термины, характеризующие военную организацию Рима (3, 29–64); подобная тесная связь между первым и вторым была с очевидностью выражена еще у Полибия в его рассмотрении римской конституции в шестой книге «Всеобщей истории». Наконец, политическая и военная организация оказывается неотделимой от социальной структуры и гражданского общества, которые рассматриваются Исидором в четвертой главе. Наконец в главах V–VII Исидор рассматривает категории, связанные с семьей, агнатическим и когнатическим родством, завершая книгу рассмотрением брачных союзов. Таким образом, книга начинается с единства языка и колена Ноя, от которого пошло все последующее человечество, и завершается единством семейной пары и семейного очага.

Что касается источников девятой книги, то первая часть книги опирается, прежде всего, на библейскую традицию и труды отцов церкви (Августина, Иеронима), вторая – на многообразные юридические источники, которые, однако, Исидор никогда не называет. Книга содержит ряд прямых цитат из текстов Священного писания, прежде всего книги Бытия и Евангелий (15), две стихотворные цитаты христианского автора (IV в.) Павлина Ноланского; из римских поэтов чаще всего цитируются Вергилий (15 раз) и Лукан (4), а также Плавт (1) и Лукреций (1). Встречаются единичные ссылки на Ливия (2, 63), Цицерона (4, 33), Саллюстия (3, 22) и некого историка Александра (2, 88). В силу характера труда, как и в других книгах, Исидор использовал грамматические и антикварные сочинения, в частности «О латинском языке» Варрона и «О значении слов» Веррия Флакка, хотя, очевидно, и опосредованно. Хотя из юристов Исидор упоминает только Юлия Павла (V. 14, 1; 24, 30), но текст последних глав девятой книги говорит о знакомстве Исидора с «Институциями» Гая и, очевидно, с Дигестами Юстиниана.

Список литературы

1. Павлов А. А. Исидор Севильский и его «Этимологии» // Antiquitas aeterna. 2014. Вып. 4. С. 527–548.

2. Павлов А. А. Исидор Севильский о возрастах человека // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 53. С. 306–311.

3. Павлов А. А. Исидор Севильские и его «Этимологии» // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III–IX вв. / под ред. М.Р. Ненароковой. М.: Индрик, 2017. С. 426–430.

4. Павлов А. А. «О человеке и частях его» Исидора Севильского: структура и источники // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018. Вып. 62. С. 353–358.

5. Павлов А. А. Исидор Севильский. «Этимологии, или Начала». Книга IX. 1–2 // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. 2(18). С. 77–89.

6. Brehaut E. An Encyclopedist of the Dark Ages. N.Y.: Columbia University, 1912.

7. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX. Vol. 1–2 / Ed. W. M. Lindsay. Oxford: Clarendon Press, 1911

8. The Etymologies of Isidore of Seville / ed by S. A. Barney, W. J. Lewis, J. A. Beach, O. Berghof. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.

9. Büren V. von. Les Etymologies de Paul Diacre? Le manuscript Cava de'Tirreni, 2 (XXIII) et le Liber Glossarum // Italia medioevale e umanistica. 2012. T. 53. P. 1–36.

10. Codoñer C. Introducción al Libro X de las "Etymologiae": su lugar dentro de esta obra, su valor como diccionario. Logroño: Fundación San Millán de la Cogolla, 2002.

11. Codoñer C. Fontaine J. Isidore de Séville. Genèse et originalité de la cultura hispanique au temps des Wisigoths // Gnomon. 2004. 76. P. 456–459.

12. Elfassi J. Isidore of Seville and the «Etymologies» // A Companion to Isidore of Seville / Ed. by A. Fear, J. Wood. Leiden–Boston: Brill, 2020. P. 245–278.

13. Fontaine J. Isidore de Séville et la mutation de l'encyclopédisme antique // Cahiers d'histoire mondiale. 1966. Vol. 9. P. 519–538.

14. Fontaine J. Isidore de Séville. Genèse et originalité de la cultura hispanique au temps des Wisigoths. Turnhout: Brepols, 2000.

15. Llorca J. C. La distribución del material en la segunda mitad de las Etymologías de Isidoro de Sevilla // Antigüedad y Cristianismo. 1986. Vol. 3. P. 331–336.

16. San Isidoro de Sevilla. Etymologías / ed. J. O. Reta, M.-A. M. Casquero. 2ª imp. Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 2004.

17. Reydellet M. La diffusion des *Origines* d'Isidore de Séville au haut Moyen Âge // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École Française de Rome. 1966. T. 78. P. 383–437.

18. Reydellet M. Introduction // Isidore de Séville. Étymologies. Livre IX. P.: Les Belles Lettres, 2012. P. 1–37.

ISIDORUS HISPALENSIS

ETYMOLOGIARUM LIBER IX. 3–4

Глава 3. О словах, относящихся к царской власти и военному делу

(1) *Царство* (regnum) получило свое наименование от [слова] «*цари*» (reges). Действительно, подобно тому как цари названы *reges* от [глагола] «править» (regere), так и *царство* – от слова «цари». (2) Все государства (nationes), каждое в свое время, являли собой царства, таковы царства ассирийцев, мидян, персов, египтян, греков; судьба так устроила череду этих царств во времени, что исчезали они одно за другим. Среди всех земных держав два царства считаются наиболее выдающимися: несколько ранее – ассирийцев, а впоследствии – римлян; они отличаются меж собой как временем существования, так и местоположением. (3) Действительно, подобно тому, как первое возникло раньше, а второе – позже, первое существовало на востоке, а второе – на западе, да и само падение первого совпало с зарождением второго. Прочие царства и цари рассматриваются лишь в качестве довеска к этим двум и их царям.

(4) *Цари* (reges) названы от [глагола] «править» (regere); ведь как *жрецы* зовутся *sacerdotes* от *принесения жертвоприношений* (sacrificare), так и царь (rex) от управления (regere). Не правит (regere), однако, тот, кто не исправляет (corrigere). Слово «царь» (rex), следовательно, проистекает от праведного (recte) поведения царя, а в случае позорного его деяния утрачивает свой смысл. Отсюда у древних была такая поговорка: «*Быть тебе царем, если поступать будешь праведно, если не станешь, то и не быть тебе царем*»[1]. (5) Определяющих добродетелей царских две: справедливость (iustitia) и благочестие (pietas). Больше всего царям воздается за благочестие, ибо справедливость сурова сама по себе.

(6) *Консулы* (consules) названы так от [глагола] «совещаться» (consulere)[2], подобно тому как *цари* – от [глагола] «управлять»

[1] Horat. *Epist.* I. 1, 59–60.

[2] Ср. Varr. *L.L.* V.80; Cic. *Leg.* III.8; Non. Marc. s.v. Consulum. P. 23 M.

(regere), а *законы* (leges) – от «читать» (legere)[3]. Ибо когда римляне не смогли далее выносить царского произвола, учредили они для себя двух консулов с годичной властью[4]. Действительно, надменность царей была не милостью, подобающей советующемуся, а произволом, присущим господину. Следовательно, консулы названы так или от обсуждения дел с гражданами (consulere), или вообще от управления, строящегося на обсуждении дел (consilium). (7) Их, однако, они ежегодно избирали, заменяя с той целью, чтобы человек надменный не оставался долго у власти, а умеренный мог ее быстро достичь. По этой же причине консулов – два, ибо один ведает гражданскими делами, а другой – военными. Консулы находились у власти четыреста шестьдесят семь лет. (8) *Проконсулы* (proconsules) избирались в дополнение к консулам, а названы они были проконсулами оттого, что исполняли обязанности вместо консулов, подобно тому как прокуратор (procurator) – вместо куратора (curator), то есть доверенного лица. (9) *Экс*консулы (exconsules) названы так оттого, что уже оставили консульскую должность (a consulatu exire), либо оттого, что удалились от своих обязанностей по окончании годичного срока.

(10) Римляне учредили для себя должность диктаторов спустя пять лет после свержения царей, когда зять Тарквиния собрал огромное войско против Рима, чтобы отомстить за несправедливость, причиненную тестю[5]. (11) Они пользовались властью в течение пяти лет и обладали большим почетом, чем консулы, чья власть была годичной. А названы они диктаторами (dictatores), как если бы звались первенствующими (principes) и повелителями (praeceptores). По той причине и зовутся они начальниками народа (magistri populi)[6]. Оттуда происходит и слово «эдикты» (edicta). (12) Цезарей титул восходит к Юлию, который, разгоряченный гражданской войной, первым из римлян завладел единоличной властью. Цезарь получил свое имя оттого, что был извлечен из разрезанного (caesus) чрева матери по ее смерти, либо оттого, что родился он с длинными волосами (caesaries)[7]. От него после-

[3] Ср. Varr. *L.L.* VI.66. См. Non. Marc. s.v. Legere. P. 331 M.

[4] Sallust. *Cat.* 6.

[5] Ср. Varr. *L.L.* V.82. Ливий относит создание диктатуры к 501 г. до н. э. (Liv. II.18.5).

[6] Ср. Varr. *L.L.* V.82; VI. 61; Cic. *Leg.* III.9.

[7] Ср. Fest. s.v. Caesar. P. 50 L; Non. Marc. s.v. Caesares. P. 557 M.

дующие императоры стали зваться Цезарями, поскольку также носили длинные волосы. Но тех, кого вынимали из рассеченного чрева, именовали и Цезонами (Caesones), и Цезарями (Caesares)[8]. (13) Юлием же он был назван оттого, что возводил свое происхождение к Юлу, сыну Энея, как то утверждает Вергилий (Aen. 1, 288): «*Iulius, a magno demissum nomen Iulo*» (Юлий – он имя возьмет от великого имени Юла)[9].

(14) У римлян титул император первоначально принадлежал только тем, кто обладал высшими военными полномочиями, следовательно, императоры (imperatores) названы так от командования войском (imperare)[10]. Хотя полководцы долгое время пользовались титутом император, сенат постановил, чтобы он принадлежал только цезарю Августу, и им он отличался от царей прочих народов; но и последующие цезари вплоть до сегодняшнего дня пользовались им. (15) Действительно, является общепринятым, что имя первого царя носят и последующие, так у альбанцев все их цари именовались Сильвиями от имени царя Сильвия; у персов – Аршакидами; у египтян – Птолемеями; у афинян – Кекропидами.

(16) Имя Август (Augustus) у римлян является символом императорской власти, поскольку прежде императоры возвеличили (augere) государство, расширяя его границы. Первоначально сенат даровал это имя цезарю Октавию, чтобы он своим именем и титулом освятил вновь приращенные земли. (17) Тогда-то Октавиан стал именоваться цезарем и императором, либо Августом. Позднее, когда тот наблюдал за играми, а народ предложил ему принять титул господа (dominus), он немедленно жестом руки и неудовольствием, выразившимся на лице, обуздал эту неприкрытую лесть, и, как человек, отверг поименование самое себя господом. Более того, на следующий день он обязал весь народ суровым указом, согласно которому никто, даже его собственные дети, не должны были именовать его господом[11]. Был он сыном Акции, что рождена была сестрою Юлия Цезаря.

(18) Цари у греков именуются *басилеями* (βασιλεῖς) по той причине, что они подобно пьедесталам (bases) поддерживают народ.

---

[8] Ср. Fest. s.v. Caesones. P. 50 L.

[9] Здесь и далее цитаты из «Энеиды» даны в переводе С.А. Ошерова.

[10] Varr. *L.L.* V.87; VI.77.

[11] Ср. Suet. *Aug.* 53.1.

По той же причине и у пьедесталов имеется кайма (corona). Каждый ведь начальник, чем более высокое положение он занимает, тем большим бременем забот обременяется. (19) *Тираны* (tyranni) – по-гречески, по-латыни именуются они царями (reges); ведь древние не делали никакого различия между царем и тираном, как, например (*Virg*. Aen. 7, 266): «*Pars mihi pacis erit dextram tetigisse tyranni*» (Будет пожатие рук залогом мира меж нами).

Отважные цари именовались тиранами, поскольку *tiro* означает «храбрец». О таковых Бог говорит так (Proverb. 8, 15): «*Через меня цари правят, через меня тираны владеют землями*». (20) Лишь позднее вошло в употребление именовать тиранами нечестивых и негодных царей, демонстрирующих своим народам страстное стремление к роскоши и безжалостному произволу.

(21) [Словом] *princeps* определяется и степень достоинства, и временной порядок, как то у Вергилия (Aen. 9, 535): «*Princeps ardentem coniecit lampada Turnus*» (Первым Турн в ту башню метнул пылающий факел), где *princeps* означает «первый» (primus). Слово образовано от глагола «брать» (capere); *princeps* – тот, кто «берет первым» (primus capiat); так же и *municeps* – тот, кто «несет обязанности» (munia capiat)[12].

Вождь назван *dux* оттого, что командует он войском (ductor exercitus). (22) Но не всякий принцепс (princeps) или вождь (dux) может одновременно быть поименован также и царем (rex). Во время войны более применимо слово вождь (dux), а не царь (rex), ведь этот термин указывает на того, кто ведет (ducens) в сражение. Почему и у Вергилия (Aen. 10, 370): «Ducis Evandri» (Эвандра именем громким).

А у Саллюстия (Hist. 4, frg. 7 M.): «*Quo cupidius in ore ducis se quisque bonum*» (С тем большим рвением каждый хотел показать себя на глазах у вождя хорошим и усердным воином)[13]. Не сказал ведь он: «*in ore consulis*» (на глазах у консула).

(23) *Монархи* (monarchae) – те, кто обладает единоличной властью, каковыми были у греков Александр, а у римлян – Юлий [Цезарь]. Отсюда происходит и *монархия* (monarchia), ведь по-гречески μονάς означает «один», а αρχή – «власть». (24) *Тетрархи* (tetrarchae) –

[12] *Dig*. 50.16.18.

[13] Пер. В. С. Соколова.

те, кто обладает четвертой частью царства, ведь τέτταρα означает «четыре»[14]; таким титулом обладал Филипп в Иудее. (25) *Патриции* (patricii) названы так по той причине, что как отцы (patres) заботятся о своих сыновьях, так они заботятся о государстве[15]. (26) *Префекты* (praefecti) названы так оттого, что предводительствуют (praeesse), обладая преторской (praetoria) властью. (27) *Преторы* (praetores) – те же, что и префекты, как бы «находящиеся впереди» (praepositores)[16]. (28) Президами (praesides) же названы те, кто наместнически заботится о безопасности какой-то территории. (29) *Трибуны* (tribuni) названы так оттого, что предоставляют (tribuere) права воинам и плебеям[17]. (30) *Хилиархи* (chiliarchae) – те, кто возглавляют тысячу, мы называем их милленариями (millenarii); слово это греческое[18]. (31) *Центурионы* (centuriones) названы так оттого, что стоят во главе сотни (centum) воинов[19]; также и квинквагенарии (quinquagenarii), ибо находятся во главе пятидесяти (quinquaginta) воинов; аналогично тому и *деканы* (decani) [названы] так оттого, что стоят во главе десятка (decem) воинов.

(32) *Воин* (miles) назван так оттого, что прежде подразделения состояли из *тысячи* (mille) воинов, либо оттого, что отобран из тысячи[20]. Ромул первым набрал воинов из народа и дал им наименование. Либер[21] же первым научил [римлян] военному делу. (33) Воина именуют либо *ординарием* (ordinaries), либо *экстраординарием* (extraordinarius). Ординарий – это тот, кто сражается в общем порядке (ordo), поскольку он не достиг пока какого-либо почетного статуса, ведь он рядовой, то есть простой воин. Экстраординарий же – это тот, кто за свою доблесть имеет статус выше рядового. (34) *Эмеритами* (emeriti) именуются ветераны и освобожденные от военной службы, которые более не участвуют уже в сражениях, поскольку *mereri* означает «находиться на военной службе»; именуются они

---

[14] August. *De civ. Dei.* XVIII.45.3.

[15] Cic. *Leg.* II.6; *pro P. Sext.* 77; *Catil.* III.22.

[16] Ср. Varr. *L.L.* V.80; Non. Marc. s.v. Consulum et praetorum. P. 23 M.

[17] Ср. Varr. *L.L.* V. 81.

[18] Греч. χιλίαρχος.

[19] Varr. *L.L.* V.88.

[20] Ср. Varr. *L.L.* V.89.

[21] Древнеиталийский бог, связанный с плодородием, впоследствии стал отождествляться с греческим Вакхом.

так, разумеется, от жалованья, которое им выплачивается (mereri). Их называют также *ветеранами* (veterani), поскольку они больше не принимают участия в сражениях, напротив, после множества военных походов они получают право жить мирной жизнью. (35) *Всадниками* (equestres) названы воины оттого, что восседают они на лошадях (equus). Всадник сражается в конном строю.

(36) *Тиронами* (tirones) именуют сильных юнцов, которых набирают на службу, поскольку способны они носить оружие. Они оцениваются не только в соответствии с возрастом, пригодным для службы, но и по внешнему виду, и по крепости тела, почему и названы *tirones*; они не являются воинами, пока не принесли присягу. (37) В римской военной практике был обычай браться впервые за оружие в юношеском возрасте, ведь тироны начинали службу в шестнадцать лет, хотя и делали это только под надзором наставников; о них Вергилий пишет (Aen. 7, 162): «*Et primo flore iuventus*» (и юноши в первом расцвете).

(38) Известно, конечно, что рабы никогда не служили в войске, не будучи освобождены из рабства; исключением стала война с Ганнибалом, когда после Каннского сражения римляне находились в столь бедственном положении, что не имелось никакой возможности для освобождения рабов. (39) *Дезертиры* (desertores) названы так оттого, что дезертируя (deserti), оставляют они свои военные обязанности. Их запрещено вербовать в другие военные подразделения, но если они оставили службу лишь на краткий промежуток времени, то будучи высечены, возвращаются они в собственные подразделения. Но и те, кто оставил войско, перебежав к врагу, также именуются дезертирами.

(40) Воины именуются *конскриптами* (conscripti) оттого, что вносятся в списки тем [командиром], который намеревается вести их в поход, подобно тому как *транскриптами* (transcripti) называют тех, кто переходит из одного легиона в другой; называют их так оттого, что имена их переносятся (transcribere) из одного списка в другой. (41) Помощники центуриона названы *obtiones* оттого, что были они выбраны, ведь *optare* означает «выбирать»[22], как в этом стихе Вергилия (Aen. 3, 109): «*Optavitque locum regno*» (Место для царства ища…), то есть «выбрал».

[22] Varr. *L.L.* V.91; Fest. s.v. Optio. P. 201 L.

(42) *Стражи* (excubitores) именуются так оттого, что всегда стоят на страже (excubiae). Они назначаются из числа солдат и стоят на карауле у ворот в качестве царской охраны. *Excubiae* – стража дневная, *vigiliae* – ночная. Оттуда и сами стражники, именуемые вигилами (vigiles). (43) *Велиты* (velites) – род воинов у римлян, они получили свое наименование от глагола *volitare* (носиться с места на место)[23]. Ибо набранные в качестве велитов за свое проворство юноши усаживались со своим вооружением позади всадников, а как только они приближались к врагу, спешивались, и непрерывно беспокоили врага в пешем порядке, в то время как всадники, что доставили их, нападали на врага с другой стороны. Так что некогда слоны Ганнибала, обращенные этими велитами вспять, поскольку их наездники не могли с ними справиться, были умерщвлены вонзаемым им меж ушей острым лезвием.

(44) *Лагерь* (castra) – место, где размещались воины. Назван он *castra*, как если бы говорилось *casta* (воздержный), либо оттого, что там подавлялось сексуальное желание (castrare), ведь женщина никогда не входила в лагерь. (45) *Военная служба* (militia) названа так от воинов (milites); либо от [слова] «много» (multus), как если бы говорилось *multitia*, как бы занятие многих [мужчин]; либо от множества вещей (a mole rerum), как если бы говорили *moletia*. (46) *Легион* (legio) – шесть тысяч вооруженных, назван так от [глагола] «отбирать» (eligere), как бы «отобранные» (lecti), то есть отобранные для ведения войны. В собственном смысле слово используется для указания на фалангу македонян, катерву галлов, и наш легион. (47) Легион включает в себя шестьдесят сотен (centuria), тридцать манипул (manipuli), двенадцать когорт (cohortes), двести турм (turmae).

(48) *Центурия* – войсковое подразделение, состоящее из ста (centum) воинов. По этой причине и те, кто возглавляет центурии, именуются центурионами (centuriones)[24]. (49) *Резервисты* (subcenturiati) же суть те, кто располагается не в первой, но во второй центурии, как бы «стоящие за первой центурией» (sub prima centuria); однако находятся они в готовности и полном внимании во время военных действий,

---

[23] См.: Fest. s.v. Advelitatio. P. 26; Sub vitem hastas iacere. P. 405; Sub vitem proeliari; Velitatio. P. 507; Non. Marc. s.v. Velitatio. P. 3 L; Isid. *Etym.* XVIII. 57.1.

[24] См. выше § 31.

чтобы, если первая центурия потерпит неудачу, те, кого мы назвали как «стоящими за ними», поспособствовали бы первой центурии в ее усилиях. По этой причине резервист (subcenturiatus) находится в засаде, он как бы тот, кто обучен коварной тактике ведения войны. (50) *Манипула* (manipulus) – [отряд из] двухсот воинов. Манипулами прозваны воинские подразделения либо оттого, что первыми (primo manu) ввязывались в сражение, либо оттого, что прежде существовали воинские знаки (в качестве таковых служили изготовленные каждым для себя manipuli, то есть пучки из соломы или какой-либо травы), от этих-то знаков воины и звались манипулярами (manipulares), то есть воинами, принадлежащими одной манипуле[25]. О них Лукан говорит (1, 296): «*Convocat armatos extemplo ad signa maniplos*» (Тотчас к знаменам зовет при оружии воинов Цезарь)[26].

(51) *Турма* (turma) – это тридцать всадников. Действительно, в одной трибе у римлян было триста всадников, ведь каждая центурия предоставляла по одному десятку, которые и составляли в целом турму[27].

(52) *Когорта* (cohors) состоит из пятисот воинов[28]. Есть три вида военной службы: *sacramentum* – служба, имеющая основанием воинскую присягу, *evocatio* – служба по призыву, *conjuratio* – служба, имеющая основанием взаимную клятву участников. (53) *Sacramentum* (воинская присяга) – служба, в случае которой каждый солдат после набора дает клятву в том, что не оставит службу до времени полной выплаты жалованья, то есть до времени ее окончания; эту присягу дают солдаты, которые исполняют службу от и до, ведь она длится двадцать пять лет. (54) *Evocatio* (призыв) – служба по призыву, когда в случае внезапного вооруженного противостояния призываются не только солдаты, но и прочие лица. В этой связи консул имел обыкновение говорить: «Кто хочет, чтобы государство не претерпело вреда, следуй за мной!». (55) *Conjuratio* (клятвенный союз) случается во время мятежа, когда непосредственная для города опасность не позволяет присягнуть каждому в отдельности,

---

[25] Varr. *L. L.* V.88; VI.85.

[26] Пер. Л. Е. Остроумова.

[27] Ср. Fest. s.v. Turma. P. 485 L; Varr. *L.L.* V.91.

[28] Varr. *L.L.* V.88.

а внезапно собравшаяся толпа объединяется в гневном порыве. Именуется она также и *tumultuatio*.

(56) Формы же боевых порядков таковы: войско (exercitus), войсковое подразделение (classis), узел (nodus), клин (cuneus), крылья (alae), фланги (cornua), войсковая колонна (agmen); эти боевые порядки и их наименования происходят от тех задач, с которыми они создаются. (57) Боевой порядок назван *acies* оттого, что закован в латы и щерится остриями (acumen) мечей[29]. (58) *Войско* (exercitus) – масса воинов одного вида; названо оно так от подготовки (exercitatio) к войне[30]. (59) *Клин* (cuneus) – множество солдат, собранных в одном месте. Это схождение в одном месте (coitio in unum) названо *cuneus*, как бы *couneus*, потому как все собираются в одном месте. (60) *Classes* названы войсковые подразделения, которые позднее именовались манипулами. В этой связи Вергилий (Aen. 2, 30) говорит: «*Classibus hic locus, hic acies certare solebant*» (Здесь был вражеский флот, а там два войска сражались).

(61) Однако, позднее так стали именовать флотилию кораблей. *Узел* (nodus) в собственном смысле – сплоченная группа пеших воинов, подобная турме у всадников. Названо же так это подразделение от его спаянности, разрушить которую не представляется возможным. Алы – армейские крылья – состоят, как говорят, из тридцати всадников. (62) Подразделения всадников названы алами по той причине, что подобно крыльям прикрывают они пеших воинов. (63) *Флангами* (cornua) именуют удаленные от центра войсковые порядки, поскольку они неровные (intorta). (64) *Войсковой колонно*й (agmen) именуется войсковое построение, когда войско находится в пути; названа она так от *agere*, то есть от «двигаться». Плавт (Most. 562): «*Quo te agis?»* (Куда ты идешь?).

То есть это войско, находящееся на марше. Ибо *agmen* именуется то, что вытянуто в длину, что обычно и бывает, когда войско проходит через ворота. Использование этого слова в иных смыслах является неточным.

---

[29] Ср. Isid. *Etym.* XVIII.6.2; Fest. s.v. Acies. P. 23 L.

[30] Ср. Fest. s.v. Exercitus. P. 71 L.

Глава 4. О гражданах

(1) О словах, имеющих отношение к власти и военному делу, отчасти сказано, коснемся теперь кратко терминов, относящихся к гражданам. (2) *Граждане* (cives) названы так оттого, что живут они сообща (coire) в одном [государстве], дабы жизнь их была более счастливой и безопасной. (3) *Дом* (domus) – место жительства одной семьи, подобно тому как *город* (urbs) – одного народа, а *мир* (orbis) – место жительства всего человеческого рода. Дом это и род, и семья, и союз мужа и жены. Проистекает он от [этих] двух (duo); это слово греческое[31]. (4) Ибо *семья* (familia) – это дети, порожденные свободными родителями, в соответствии с правом; от слова «бедро» (femur)[32]. *Род* (genus) назван так от *рождения* (gignere) или *порождения* (progenerare), либо от точного указания на конкретных потомков (prognati), подобно тому, как и народы (nationes), которые связаны тесными кровными узами, именуются *gentes*. (5) *Народ* (populus) суть множество людей, связанных общностью права и единодушной сплоченностью[33]. Народ отличается от плебса (plebs) тем, что народ – это все граждане, включая знатную часть общины. *Плебс* же – это простой народ, за исключением знати[34]. (6) Следовательно народ (populus) – это вся гражданская община (civitas); простой же народ (vulgus) – это плебс. Плебс (plebs) назван так от слова «множество» (pluralitas); ведь количество незнатных больше, чем знатных. Народ именуется *σουχναμοις*, то есть *σιτοασις*. По этой причине и назван он *populus*[35]. Ведь по-гречески народ именуется λαός, от слова «камни» (lapides)[36]. *Простонародье* (vulgus) – масса, живущая там и сям, как бы где кто желает (velle).

(7) *Трибами* (tribus) именуются как курии, так и народные собрания; названы они трибами оттого, что первоначально римляне были разделены Ромулом на три части: на сенаторов, воинов и плебеев.

---

[31] Греч. δόμος.

[32] Ср. Fest. s.v. Familia. P. 76 L; Famuli. P. 77 L; Isid. *Etym.* XI.1.106.

[33] Cic. *Rep.* I.25.39; August. *De civ. Dei.* XIX.21.1; 24.

[34] Fest. s.v. Scitum populi. P. 442 L.; Capito. ap Gell. X.20.5; *Dig.* 50.16.238: «Плебс – это все граждане, за исключением сенаторов».

[35] Греческие термины в рукописях сильно искажены.

[36] Ср. греч. λᾶας (камень).

Хотя число триб сегодня значительно возросло, они сохраняют прежнее наименование. (8) Сенат получил свое название (senatus) от возраста сенаторов, поскольку были они стариками (seniores)[37]. Другие полагают, что *сенаторы* названы так от *дозволения* (sinere), ведь они дают разрешение на осуществление чего-либо. (9) *Решение сената* названо сенатусконсультом (senatus consultus) от слов «совещаться» (consulere) и «толковать» (tractare), поскольку принимается оно в том виде, как о том договорено, и не может оно чинить вред. (10) *Сенаторы*, как говорит Саллюстий (Cat. 6), названы отцами (patres) от их заботы, напоминающей таковую отцов, ведь как отцы заботились о своих детях, так и сенаторы – о государстве[38]. (11) Когда Ромул избрал десять курий сенаторов, то он в присутствии народа занес имена их на золотые таблички. По этой причине они и получили наименование *отцов, внесенных в списки* (patres conscripti)[39]. (12) Сенаторов первого ранга именуют светлейшими (illustres), второго – знатнейшими (spectabiles), третьего – славнейшими (clarissimi). Какого-либо четвертого ранга, что ниже этих трех, не существует. Всякий, хотя бы он был сенаторского происхождения, вплоть до установленного законом возраста считался римским всадником, а по его достижении приобретал сенаторское звание.

(13) У древних римлян были *цензоры* (censores). Слово «цензор» указывает на судебную власть носителя должности, ведь *censere* означает «судить». Цензоры являются также судьями в отношении наследственных состояний; названы они так от переписи имущества граждан (a censu aeris)[40]. (14) *Судьи* названы *iudices*, как если бы они вещали право (ius dicentes) народу[41], либо оттого, что принимают они решение в соответствии с правом (iure disceptent), ведь *iure disputare* означает «судить по справедливости в соответствии с правом». Не судья (iudex) тот, кто не следует справедливости (iustitia). (15) *Президы* (praesides) – главы провинций, названы так оттого, что возглавляют (praeesse) [провинцию]. (16) *Преторы* (praetores)

---

[37] Serv. *Ad Aen*. V.758; Fest. s.v. Senatores. P. 454.

[38] Ср. Fest. s.v. Patres. P. 289 L.

[39] Ср. Fest. s.v. Qui patres, qui conscripti. P. 304.

[40] Ср. Fest. s.v. Censores. P. 51 L; Censio. P. 57 L; Varr. *L.L.* V.81.

[41] Varr. *L.L.* VI.61.

есть как бы *наставники* (praeceptores) и *предводители* (principles) государства[42]. Аналогично и *квесторы* (quaestores) есть как бы расследователи (quaesitores)[43]; названы они так оттого, что возглавляют судебное расследование (quaestio), ведь в их руках и возбуждение процесса, и рассмотрение его.

(17) *Proceres* – те, что первенствуют в государстве, как бы *procedes*, поскольку почетом своим возвышаются над всеми. По той причине и главки палиц, которые отличаются от рукояти толщиной, именуются *proceres* оттого, что выдаются (procedere) своим размером. (18) Это слово стало использоваться и в отношении знатных особ, поскольку выделяются они на фоне прочей массы. *Трибуны* (tribuni) названы так оттого, что предоставляют (tribuere) плебсу права, либо защиту. Они были установлены на шестой год после изгнания царей[44]; поскольку плебс угнетался сенатом и консулами, то решил он сам создать для себя трибунов в качестве собственных судей и защитников, чтобы стояли те на страже их свободы, и защищали от несправедливости знати. По этой причине и названы они защитниками (defensores), потому как защищают они вверенный им плебс от высокомерия негодных. Сегодня, напротив, защитников уж нет, а есть лишь некие разорители (eversores).

(19) *Нумерарии* (numerarii) названы так оттого, что вносят государственные средства (nummus) в казну. (20) Функционеры (functi) названы так оттого, что исполняют (fungere) некую обязанность или занимают почетную должность. По этой причине мы называем мертвецов *defuncti,* ибо нет у них боле жизненных обязанностей, поскольку не осуществляют они никакой деятельности. (21) *Муниципалы (*municipes) суть те, кто происходит из одной и той же муниципии (municipium); названы они так от исполнения обязанностей (munia), поскольку на них возлагается несение государственной службы[45]. По этой причине *inmunes* именуются те, кто свободен от несения каких-либо обязанностей. (22) *Муниципалы* (municipales) –

---

[42] Varr. *L.L.* V.80.

[43] Varr. *L.L.* V.81.

[44] Ср. Varr. *L.L.* V.81. Изгнание царей произошло согласно Титу Ливию в 509 г. до н. э., а создание трибуната в 494 г. до н. э. (Liv. II.33.2).

[45] Ср. Fest. s.v. Municeps. P. 117 L; Munus. P. 125 L.

это исконные граждане муниципия, имеющие право занимать в нем какую-либо должность. (23) *Декурионы* (decurioni) названы так оттого, что входят они в состав курии (de ordine curae), ведь они исполняют свою обязанность, будучи членами сената (curia). В этой связи не является декурионом тот, кто не внес необходимую сумму, либо не участвовал в деятельности сената. (24) *Куриалы* (curiales) – те же, что и декурионы[46]. Названы они куриалами оттого, что и несут (procurare) гражданские обязанности, и добиваются их. (25) Принципалы (principales), магистраты и эксдуумвиры составляют сословную группу лиц, исполняющих должностные обязанности куриалов. *Принципалы* названы так оттого, что являются первыми (primi) среди должностных лиц. (26) А *магистраты* (magistrati) оттого, что обладают большей властью (maiores) в сравнении с прочими должностными лицами[47]. Дуумвиры (duumvirales)…

(27) *Табеллион* (tabellio) назван так оттого, что носит он документы (tabella). Его называют также делопроизводителем (exceptor) и государственным писарем (scriba), потому как занимается он только теми бумагами, которые требуют публикации. (28) *Бюргеры* (burgarii) названы так от бургов (burgi) – укрепленных поселений, потому что поселения, устроенные вдоль границы, часто называют в просторечии бургами. От этого слова получило свое наименование и племя бургундов; их некогда римляне, подчинив Германию, разместили в небольших крепостях, так что наименование свое они получили от этих укрепленных мест. (29) *Коллегиаты* (collegiati) именуются так оттого, что из них составляется корпорация (collegio) надзирателей; это те, кто совершил какой-то проступок. Это самый жалкий род людей, ибо зачаты они от неизвестных отцов.

(30) *Частные лица* (privati) суть те, что не занимают никаких государственных должностей[48]. Это слово противоположно тому, которое обозначает должностное лицо (magistratus)[49]; названы они *privati* оттого, что освобождены они от публичных обязанностей.

---

[46] Ср. Fest. s.v. Curiales. P. 43 L; Varr. *L.L.* V.91.

[47] Ср. Varr. *L.L.* V.82; Fest. s.v. Magisterare. P. 113 L.

[48] Fest. Privos privasque. P. 252 L.

[49] Fest. s.v. Magistersre. P. 113 L.

(31) *Наемники* (mercennarii) – те, кто служит за плату[50]. По-гречески их называют также *barones* по той причине, что действуют храбро в сложных обстоятельствах; ведь греческое βαρύς соответствует латинскому *gravis*, то есть «сильный». Противоположным ему по значению является слово *levis*, то есть «слабый». (32) *Публиканами* (publicani) именуются откупщики государственных налогов, то есть *rerum publicarum*, либо те, кто собирает государственные налоги (vectigalia publica)[51], либо те, кто извлекает прибыль от сделок, совершаемых повсюду. По этой причине и названы они так. (33) Вилик (vilicus) в собственном смысле – это управляющий виллой (villa). В связи с чем и назван он виликом от слова «вилла». Иногда, все же, согласно толкованию М. Туллия Цицерона, под виликом понимается не управляющий виллой, а тот, кто заведует всеми делами в доме, то есть управляющий всеми владениями и виллами. (34) Уполномоченные (actores), они же и поверенные (curatores) названы так от глаголов «действовать» (agere) и «печься» (curare). (35) *Прокураторы* (procuratores) – те, кто действуют вместо поверенных (curatores), как бы *propter curatores*, подобно тому как проконсул (proconsul) есть тот, кто исполняет обязанности вместо консула (pro consule).

(36) *Колонисты* (coloni) – пришлые поселенцы, названы так от обработки земли (cultura). Это те, кто приезжает из другого места, а также и те, кто обрабатывает чужую землю, взятую в аренду; они должны заботиться о плодородии почвы и обрабатывать землю под контролем ее владельца, поскольку им земля сдана в аренду. Слово *coloni* используется в четырех значениях, поскольку так именуются либо римляне, либо латины, либо помощники, либо живущие на селе частные лица. (37) *Инквилинами* (inquilini) названы пришлые жители, как бы *incolentes aliena,* ведь не имеют они собственного места жительства, а проживают на чужой земле[52]. (38) Есть различие между инквилином (inquilinus) и иностранцем (advena). Инквилины суть те, кто меняют место жительства, не живут постоянно на одном месте. Иностранцы же хотя и считаются

[50] Ср. Fest. s.v. Mercedituum. P. 111 L.

[51] *Dig*. 50.16.16.

[52] Ср. Fest. s.v. Inquilinus. P. 94 L.

жителями пришлыми, но живут на одном месте постоянно; по той причине и слово *incola*е – жители, то есть те, что уже осели, происходит от глагола «обитать» (incolere). (39) Существительное *indigenae* – коренные жители – образовано от наречия *inde* (оттуда) и причастия *geniti* (рожденные), то есть «рожденные в том месте, где и проживают». (40) Слово же *incola* указывает не на изначально проживавшего в данном месте, а на пришлого жителя.

(41) Иностранцы названы *перегринами* (peregrini) оттого, что родители, от которых они происходят, не известны (parentes ignorari). (42) Те, кто жил в Риме, именовались *urbani*. Те же, кто жил в прочих поселениях, именовались *oppidani*. Это так, поскольку только Рим является городом (urbs), все остальное – укрепленные поселения (oppida). (43) *Famuli* – рабы, рожденные от рабов внутри собственного семейства (familia)[53]. Прочие же рабы названы *servi* по той причине, что хотя по праву войны победители могли убить побежденных, они сохраняли (servare) им жизнь, и те становились рабами; названы они *servi,* разумеется, от глагола «сохранять» (servare). (44) *Служанки* (ancillae) названы так от «поддержки», ведь по-гречески ἀγκών означает «локоть»[54]. По этой причине мы также подлокотник мы называем *ancon*. (45) *Собственность* (mancipium) есть все то, на что может быть наложена рука и что может быть подчинено власти, как например, человек, лошадь, овца. Считается, что эти животные оказываются в собственности тотчас, как только появились на свет. Аналогичным образом в отношении диких животных исходят из того, что они оказываются в собственности тогда, когда пойманы или приручены[55].

(46) *Ингенуями* (ingenui) названы свободные граждане оттого, что они обладают свободой от рождения, а не подобно вольноотпущенникам получили ее посредством отпущения в соответствии с произведенным ритуалом[56]. По той причине греки и называют их εὐγενεῖς, что имеют они хорошее происхождение. (47) Вольноотпущенник назван *libertus*, как если бы говорилось *libera-*

[53] Fest. s.v. Famuli. P. 77 L.

[54] Fest. s.v. Ancillae. P. 18 L.

[55] Gai. II.67.

[56] Gai. I.10–11.

tus (освобожденный), поскольку до того он находился в рабском состоянии. Древние называли сыновей вольноотпущенников либертинами (libertini), как бы те, кто рожден от вольноотпущенника (libertus). Теперь же так именуется тот, кто либо освобожден вольноотпущенником, либо находится в его владении. (48) Освобожденного из-под власти именуют *manumissus*, как если бы говорили *manu emissus* (отпущенный рукой)[57]. Ведь древние всякий раз, когда они освобождали раба из-под власти, водили его по кругу, награждая оплеухами, подтверждая тем самым его свободу. По той причине и названы они «освобожденными» (manumissi), что освобождались рукой (manu mittere). (49) Дедитиции (dediticii) названы были так изначально от слова «капитуляция» (deditio). Слово «капитуляция» используется тогда, когда побежденный или могущий стать таковым противник сдается на милость победителей. Таково было происхождение этого слова. Если когда рабы поднимали оружие и выступили против римского народа, а будучи побежденными, сдавались (se dedisse), то подвергались позорящим их наказаниям. (50) Те из них, кто позже отпускался собственниками на свободу, не достигали статуса римских граждан в силу характера тех наказаний, которые они претерпели публичным образом[58].

(51) Прежде чем Рим был основан, у народа латинов статус латинов получали те рабы, которые приобретали свободу не посредством завещания, а посредством письма. Поскольку их не отпускали по завещанию, они не могли ни получить чего-либо по завещанию, ни устанавливать своих наследников. Позднее становились они римскими гражданами, будучи отпущенными в Риме в соответствии с завещанием в присутствии консула. (52) Они были названы римскими гражданами по той причине, что были освобождены посредством завещания и введены в число римских граждан. Им изначально было дозволено проживать в Риме; прочим вольноотпущенникам было запрещено не только пребывать в самом Риме, но и в пределах семи миль от него.

---

[57] Ср. Fest. s.v. Manu mitti. P. 149 L; August. *De civ. Dei*. XIX.15.

[58] Gai. I.12–15; 25–27.

Информация об авторе

Павлов Андрей Альбертович – к.и.н., доцент, зав. кафедрой истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», aapavlov@rambler.ru

Information about the author

Andrey A. Pavlov – Candidate of history sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia and foreign countries, aapavlov@rambler.ru

Список сокращений

АМА – Античный мир и археология, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского и др. Саратов: Научная книга, 1972–.

ВДИ – Вестник древней истории, Российская академия наук. М.: Наука, 1937–.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. Имп. АН, 1834–1917.

КБН – Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. М., Л.: Наука, 1965.

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного университета, 1994–.

ПЭ – Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–.

СА – Советская археология. М.: Наука, 1957–1992.

AE – L'Année épigraphique / ed. R. Cagnat et al. Paris: Leroux, 1888–.

AJPh – American Journal of Philology. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1880–.

ANRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972–.

BAC – Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques. Paris: Editions du Comité des travaux historiques et scientifiques, 1883–.

CIE – Corpus Inscriptionum Etruscarum / ed. C. Pauli et al. Lipsiae, 1902–.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum / ed. T. Mommsen et al. Berolini: G. Reimer, 1863–.

CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. M.; L.: Scientia, MCMLXV.

CJ – The Classical Journal. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1905–.

CQ – The Classical Quaterly. Cambridge: Cambridge University Press, 1908–.

ET – Etruskische Texte / hrsg. H. Rix. Tübingen: G. Narr, 1991.

FGrH – Die Fragmente der griechischen Historiker. T. I–III / Hrsg. F. Jacoby. Berlin: Weidmann; Leiden: Brill, 1926–1958.

FRH – The Fragments of the Roman Historians. 3 vols. / ed. T. J. Cornell. Oxford: Oxford University Press, 2013.

H – Hexametri incertae sedis // Lucilius. Satires. Texte établi, traduit et annoté par F. Chaprin. Paris: Les Belles Lettres, 1978.

HP – Historia Pistoriensis / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011.

IGBulg – Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Vol. I–V / Ed. G. Mihailov. Serdicae: In aedibus typographicis Academiae Litterarum Bulgaricae, 1956–1997.

IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat. Paris: E. Leroux, 1906–1927.

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae / Ed. H. Dessau. Berolini: Weidmann, 1892–1916.

JMH – Journal of Military History, Society for Military History. Lexington: Virginia Military Institute, 1937–.

JRS – Journal of Roman Studies, Society for the Promotion of Roman Studies. London: Cambridge University Press, 1911–.

MGH – Monumenta Germaniae Historica. T. III. Scriptores. Annales, chronica et historiae aevi Saxonici / Ed. G.H. Pertz. Hannoverae: Bibliopolii Avlici Hahniani, 1839.

OGIS – Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I–II / Ed. W. Dittenberger. Lipsiae: S. Hirzel, 1903–1905.

ORF2 – Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publicae / Coll. E. Malcovatti. Sec. ed. Torino: Paravia, 1955.

PLRE – Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1971–1992.

RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsg.). Stuttgart: Druckenmüller, 1894–1980.

RGDA – Res Gestae Divi Augusti. Hauts faits du divin Auguste / Texte établi et traduit par J. Scheid. Paris: Belles Lettres, 2007.

RIC 4.3 – Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland C.H.V. Roman Imperial Coinage. Vol. 4.3. London: Spink & Son Ltd., 1949.

TANZ – Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter / Hrsg. von K. Berger, M. Klinghardt, G. Röhser, S. Schreiber, M. Vogel. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 1996–.

TAPhA – Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1869–.

TLE – Testimonia Linguae Etruscae / ed. M. Pallottino. Firenze: La Nuova Italia, 1954–1968.

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn: Habelt, 1967–.

Научное издание

ЦАРИ, МАГИСТРАТЫ ИМПЕРАТОРЫ

Сборник статей
по истории государственно-правового устройства
и политической культуры древних обществ,
посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой

Оригинал-макет подготовлен
издательским бюро «Филигрань»

Подписано в печать 05.09.22. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 19,00. Заказ № 22104. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91
pechataet.ru